МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ

МИР АЙЗЕКА АЗИМОВА

• Грегори Бенфорд • Грег Бир • Дэвид Брин •

АКАДЕМИЯ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ

Триумф Академии
Дэвид Брин, Айзек Азимов

Аннотация
Дэвид Брин. Триумф Академии. (Основание — 10)
ЧАСТЬ 1. ПРЕДСКАЗАННАЯ СУДЬБА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
ЧАСТЬ 2. ДРЕВНЯЯ ЧУМА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Глава 9
Глава 10
ЧАСТЬ 3. ТАЙНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 8
Глава 9
ЧАСТЬ 4. ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
ЧАСТЬ 5. ПОВТОРНОЕ СВИДАНИЕ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 6
Глава 7

Глава 8
ЧАСТЬ 6. КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Аннотация

Академия родилась не на Терминусе. Она родилась в самом центре Империи, на Тренторе, в день, когда блестящее выступление Гэри Селдона в суде переломило ход событий, направив его по проложенным психоисторией рельсам. Вот точка отсчета. Факт. Но, кроме факта, всегда хочется подробностей... Подробно о Гэри Селдоне решили рассказать три ведущих американских фантаста. О его прошлом выпало поведать Грегори Бенфорду, о настоящем — Грегу Биру, о будущем — Дэвиду Брину. Распад великой Галактической Империи, захватывающие путешествия по виртуальным мирам, встречи с роботами-еретиками и полубезумным менталиком невероятной силы и другие невероятные приключения на просторах Вселенной, созданной талантом великого Айзека Азимова!

Дэвид Брин
Триумф Академии
(Основание — 10)

ЧАСТЬ 1
ПРЕДСКАЗАННАЯ СУДЬБА

О последних днях Гэри Селдона почти ничего не известно, хотя существует немало легенд, некоторые из них созданы им самим. Никаких реальных доказательств их истинности не существует.

Однако не подлежит сомнению, что последние месяцы жизни Гэри Селдон провел в бездействии, наслаждаясь плодами труда всей своей жизни. Дар математического предвидения и знание психоистории, отцом которой он являлся, позволяли Селдону обозревать раскинувшуюся впереди историческую панораму и видеть великий путь судьбы, уже нанесенный им на карту.

Хотя жизнь Селдона неуклонно убывала, ни один смертный не испытывал более сильного и радостного убеждения в том, что будущее светло и прекрасно.

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» 777-е издание, 1054 г. Академической Эры

Глава 1

«Что же касается меня… то мне конец».

Эти слова звучали в мозгу Гэри. Они были так же неотвязны, как плед, который слуга то и дело поправлял на его ногах, несмотря на теплый день.

«Мне конец».

Безжалостная фраза не оставляла его.

«… конец». Перед Гэри Селдоном раскинулись изрезанные склоны Шуфинских лесов, заповедных земель вокруг Императорского Дворца, где на свободе жили растения и мелкие животные, доставленные со всей Вселенной. Высокие деревья заслоняли линию горизонта, испещренную металлическими башнями. Могучий город, окружавший этот лесной островок. Трентор.

Если прищурить слабеющие глаза, можно было представить себе, что находишься на другой планете, которую еще не выровняли и не поставили на службу Галактической Империи.

Лес дразнил Гэри. Абсолютное отсутствие прямых линий казалось извращением; эта беспорядочная зелень не давала возможности ни расшифровать, ни декодировать себя. Ее геометрия

казалась непредсказуемой. Даже хаотической.

Перед его умственным взором предстал хаос, пульсирующий и неупорядоченный. Селдон говорил с ним как с равным. Со своим великим врагом.

«Всю жизнь я боролся с тобой, пытаясь преодолеть бесконечную сложность природы с помощью математики. Психоистория помогала мне создавать матрицы человеческого общества, силой прокладывать дорогу в этом темном лабиринте. А если победа была неполной, я использовал политику и коварство, сражаясь с тобой, как со смертельным врагом. Но тогда почему сейчас, когда я должен испытывать триумф, мне снова слышится твой зов, о хаос, старый недруг?"

Ответ таился в той самой фразе, которая неотступно сверлила его мозг.

«Потому что мне конец. Конец как математику». Гааль Дорник, Стеттин Пальвер и другие члены Пятидесяти не являлись к нему уже больше года, чтобы посоветоваться о значительных отклонениях или опасностях, грозящих Плану Селдона. Их благоговение и трепет перед ним остались неизменными. Но эти люди были заняты более важными делами. Кроме того, каждый

из них мог сказать, что его ум уже не так гибок, чтобы с легкостью оперировать мириадами абстракций одновременно. Для того чтобы иметь дело с гиперпроекционными алгоритмами психоистории, требовались умственная бодрость, концентрация и дерзость молодости. Его наследники, выбранные из лучших умов двадцати пяти миллионов миров, имели все эти качества. Даже с избытком.

Но Гэри не мог позволить себе почивать на лаврах. У него оставалось слишком мало времени. «Конец как политику».

О, как он ненавидел это слово! Даже перед самим собой притворялся, что хочет быть всего лишь скромным ученым. Да уж, пост у него был завидный. Нельзя стать премьер-министром Вселенной без таланта и дерзости великого кукловода. Что скрывать, он был гением и в этом тоже. Он нюхом чуял власть, разбивал врагов, изменял жизни триллионов… и тем не менее всегда думал, что ненавидит эту работу.

Кое-кто вспоминал бы об этом достижении своей молодости с насмешливой гордостью. Но только не Гэри Селдон. «Конец как конспиратору».

Он выигрывал все битвы, первенствовал в

любом соревновании. Год назад Гэри тонко заставил нынешних правителей Империи создать идеальные условия для выполнения его тайного психоисторического проекта. Скоро на далекую, холодную планету Терминус переселятся сотни тысяч людей, которым будет поручено создать великую Галактическую Энциклопедию. Но эта искусственная цель лет через пятьдесят отшелушится, обнажив подлинную цель Академии в масштабах Галактики — стать эмбрионом более жизнеспособной Империи, чем нынешняя. Он много лет мечтал об этом во сне и наяву. Мечтал о новой человеческой общности, которая установится через тысячу лет социальных катаклизмов, варварства и насилия. О лучшей судьбе для всего человечества.

Однако сейчас его роль в этом великом деянии подошла к концу. Недавно Гэри закончил записывать послания для Склепа Времени на Терминусе — несколько скупых обращений, которые при случае слегка подтолкнут или поощрят членов Академии на пути к светлому будущему, предсказанному психоисторией. Когда последнее послание заняло свое место, Гэри почувствовал, что отношение к нему окружающих изменилось. Его все еще чтили, даже боготворили. Но он

больше не был необходимым. Неоспоримым свидетельством этого был уход его телохранителей — трех антропоморфных роботов, приставленных к нему Дэниелом Оливо. Это произошло прямо там, в студии звукозаписи. Один робот, искусно замаскированный под коренастого молодого фельдшера, наклонился и прошептал Гэри на ухо:

— Теперь мы должны уйти. У Дэниела есть для нас новое важное задание. Но он велел передать вам, что непременно скоро появится. Перед концом вы встретитесь снова.

Наверно, это было сказано не слишком тактично. Но сам Гэри всегда предпочитал разговаривать с друзьями и родными начистоту.

Внезапно перед ним вспыхнула картина из прошлого: его жена, Дорс Венабили, играющая с их сыном Рейчем. Он вздохнул. И Дорс и Рейч давно умерли… как почти все, кто был ему дорог. Это стало заключительной кодой мысли, которая продолжала вертеться в его мозгу.

«Конец как личности».

Врачи отчаялись продлить ему жизнь, хотя в последнее время восемьдесят лет считались не таким уже преклонным возрастом. Но Гэри не видел смысла в существовании ради существо-

вания. Зачем существовать, если ты больше не можешь анализировать ход развития Вселенной или влиять на него?

«Уж не поэтому ли я забрался сюда, в эту могилу?» — подумал он, глядя на дремучий, непредсказуемый лес, который был всего лишь жалким клочком Императорских Садов, тянувшихся на сотню миль в каждую сторону, — единственного клочка зелени на оправленной в металл груди Трентора. Большинство посетителей предпочитало гектары ухоженных клумб, засаженных диковинными экзотическими цветами.

Но Шуфинские леса, казалось, принадлежат только ему.

«Здесь, вдали от глухих стен Трентора, я вижу хаос листвы днем и хаос колючих звезд ночью. Слышу насмешливый голос хаоса, говорящий, что я не победил».

Следующая мысль вызвала на его морщинистом лице улыбку.

«Кто бы мог представить, что на склоне лет у меня появится вкус к справедливости?"

Керс Кантун снова поправил плед и участливо спросил:

— Как вы себя чувствуете, доктор Селдон? Может быть, поедем назад?

У слуги Гэри были раскатистый акцент и бледно-зеленоватая кожа, характерные для вальморилов, подвида Homo Sapiens, — они слишком долго жили в изолированном от всего остального мира секторе Корити и теперь способны были скрещиваться с другими расами только в том случае, если сперму и яйцеклетки предварительно обрабатывали энзимами. После ухода роботов Керс стал его сиделкой и единственным телохранителем. Надо отдать Кантуну должное: обе свои роли он выполнял очень добросовестно.

— Док, это дикое место кажется мне очень уютным. Но я уверен, что порывы здешнего ветра вам не по душе.

Гэри сказали, что родители Кантуна прибыли на Трентор в качестве молодых «Серых» — членов касты бюрократов, в течение нескольких лет обучавшихся на планете-столице, живших в монашеских кельях, а потом отправлявшихся обратно во Вселенную для выполнения бесчисленных административных функций. Но обнаружившиеся проблески таланта и вмешательство начальства заставили их задержаться здесь и растить сына среди ненавистных им стальных трущоб. Керс унаследовал от родителей чувство ответственности, которым славились

вальморилы; иначе Дэниел Оливо ни за что не выбрал бы этого парня, чтобы ухаживать за Гэри в последние дни жизни.

«Отныне я бесполезен, но некоторые личности все еще думают, что за мной стоит присматривать».

По мнению Гэри, слово «личность» подходило Дэниелу Оливо куда лучше, чем большинству людей, с которыми он встречался за свою долгую жизнь.

Долгие годы Гэри тщательно хранил секрет «Вечных» — роботов, которые направляли судьбу человечества в течение двадцати тысяч лет. Бессмертных машин, помогавших создавать первую Галактическую Империю, а потом подсказавших Гэри мысль о необходимости оставить наследника. И в самом деле, когда Селдон женился на одной из них, в его жизни началась счастливейшая пора. Без любви Дорс Венабили, без помощи и поддержки Дэниела Оливо он никогда не создал бы психоисторию и не положил бы начало реализации Плана Селдона.

В кронах деревьев насмешливо свистел ветер. Этот звук вторил сомнениям, терзавшим Гэри. «Академия не сможет выполнить поставленную тобой задачу. Рано или поздно — скорее всего в

ближайшую тысячу лет — произойдет катаклизм, который собьет психоисторические параметры, нарушит статистику, и весь твой План покатится в тартарары!"

Верно, хотелось ему крикнуть в ответ зефиру. Но все предусмотрено! На этот случай создается Вторая Академия, тайная, под руководством его наследников, которые будут следить за выполнением Плана и предпринимать ответные действия, необходимые для того, чтобы не сбиться с курса!

«И только-то? — донесся откуда-то ехидный голосок. — Крошечная тайная колония математиков и психологов против всей Вселенной, стремительно катящейся в пропасть насилия и разрухи?"

Много лет это казалось изъяном… пока затейливая судьба не нашла ответ. Появились менталики, люди-мутанты, обладающие врожденной способностью чувствовать и изменять эмоции и память других. Этот дар был еще слаб, но передавался по наследству. Приемный сын Селдона Рейч передал свой талант дочери Ванде, ныне руководителю Проекта Селдона. Всех менталиков, которых удавалось обнаружить, следовало привлекать к делу и женить или выдавать замуж за потомков

психоисториков. Через несколько поколений генетического скрещивания тайная Вторая Академия будет иметь средство защитить его План от непредвиденного воздействия грядущих веков.

«Ну и что? — снова глумливо откликнулся лес. — Что будет тогда? Второй Империей станет править элита, находящаяся в тени? Тайная секта телепатов? Или аристократия интеллектуальных полубогов?"

Даже если этой новой элитой будут руководить исключительно добрые побуждения, от самой мысли по спине бежали мурашки.

К Селдону склонился Керс Кантун и с тревогой уставился на подопечного. Гэри пришлось отвлечься от песни ветра и наконец ответить своему слуге.

— А… извини. Конечно, ты прав. Давай вернемся. Я устал. Но пока Керс вез кресло к незаметной издали остановке, Гэри по-прежнему слышал голос ветра, издевавшегося над делом его жизни.

«Элита менталиков — всего лишь еще один новый слой, правда? Одна тайная истина у Второй Академии уже имеется. За твоим Планом стоит другой, придуманный мозгом куда более могущественным, чем твой. Более сильным, более изощренным и более терпеливым. По крайней

мере, так было до сих пор. План, который частично совпадает с твоим… но в конце концов сделает твою психоисторию бессмысленной».

Правая рука Гэри шарила под одеждой, пока не нащупала гладкий кубик из камня, похожего на жемчуг, дар старого друга и учителя, Р. Дэниела Оливо. Поглаживая гладкую поверхность старинного архива, Гэри пробормотал, так тихо, что Керс ничего не расслышал:

— Дэниел, ты обещал, что придешь и ответишь на все мои вопросы. Я о многом должен расспросить тебя, пока еще жив.

Глава 2

Из космоса этот мир казался симпатичным, едва тронутым цивилизацией. Влажные тропические леса перепрыгивали через узкие заливы океана, окаймлявшего все три континента планеты. Пока корабль спускался на старую Имперскую исследовательскую станцию, Дорс Венабили следила за медленно приближавшейся Сатирукопией. С тех пор как она была здесь в последний раз, прошло почти сорок лет. Тогда они с ее мужем-человеком бежали с Трентора от опасных врагов. Но сложности следовали за ними по пятам, и все едва не кончилось трагически. То, что произошло впоследствии, было самым странным приключением в ее жизни — впрочем, следовало признать, что для робота Дорс была еще молода. Месяц их с Гэри тела находились в капсулах погружения. Пользуясь тем, что их сознание было перемещено в мозг местных полуразумных животных (в просторечии «шимпанзе», «шимпы» или «сатиры»), они провели это время, изучая девственные леса и их обитателей. Гэри говорил, что для работы над психоисторическим проектом ему нужны данные о жизни приматов, но

в глубине души Дорс подозревала, что великий профессор Селдон просто позволил себе слегка поозорничать.

Она хорошо помнила те ощущения, которые испытывала, находясь в теле самки. В отличие от запрограммированных эти были неожиданно острыми, естественными и страстными — особенно в минуты опасности, когда кто-то пытался убить их обоих, охотясь на них (все еще заключенных в сатирах), как на диких зверей.

Чудом избежав гибели, они вернулись на Трентор, где Гэри вскоре неохотно принял пост премьер-министра Империи. Тот краткий месяц сильно изменил Дорс; она стала лучше понимать органическую жизнь. Теперь, вспоминая прошлое, она все больше ценила тогдашний опыт, который помог ей полюбить Гэри.

И все же Дорс никогда не думала, что вновь увидит Сатирукопию. Пока не получила сообщение о том, что ей назначено свидание.

«У меня есть для тебя подарок, — говорилось в послании. — Кое-что полезное».

Вместо подписи был идентификационный код, который Дорс узнала сразу.

Лодовик Трема!

Мутант Лодовик.

Лодовик-ренегат.

Робот, переставший быть роботом.

Решиться на это было нелегко. Во-первых, у Дорс было дело на планете Смашелл. Поручение было несложное: помочь провести медовый месяц паре молодых тренторианцев, прибывших в этот уютный мирок под видом двух мелких аристократов, и убедить их нарожать как можно больше детей. Дэниел считал это важным, хотя, как обычно, почему-то темнил. Дорс знала только, что Клия Азгар и ее муж Бранн были чрезвычайно сильными менталиками — людьми, обладавшими мощной психической энергией; до сих пор этот дар был подвластен лишь нескольким роботам, подобным Дэниелу. Внезапное открытие людей-менталиков заставило пересмотреть множество планов… а за последний год изменить их еще несколько раз. Обращало на себя внимание, что существование людей-менталиков Дэниел хранил от жителей галактики в такой же тайне, как то, что среди них в течение тысяч поколений живут роботы. Когда пришло послание от Лодовика, у Дорс не было времени обратиться за инструкциями к Дэниелу. Чтобы успеть на встречу, нужно было попасть на следующий рейс в Сивенну, где ее ждал быстроходный корабль.

«Я предлагаю перемирие, которое пойдет на благо человечеству, — сообщал Лодовик. — Обещаю: путешествие окажется не напрасным».

Клия и Бранн были довольны, счастливы и находились в безопасности. Дорс предприняла куда более серьезные меры предосторожности, чем требовала ситуация, да и ее помощники-роботы не дремали. Причины не лететь не было. И все же она решилась на это скрепя сердце.

Сейчас, когда встреча приближалась, Дорс сложила руки на груди, чувствуя напряжение в позитронных рецепторах, расположенных в тех же местах, что и нервы обычной женщины. Ее лицо отразилось в хрустальном иллюминаторе, сквозь который был виден быстро приближающийся лесной ландшафт. У нее было то же лицо, как во время жизни с Гэри. Лицо, которое она привыкла считать своим.

«Гэри Селдон еще жив», — думала она. Так говорила молва; интуиция говорила Дорс то же самое. Хотя Дорс не принадлежала к роботам, которым Дэниел передал телепатические способности Жискара Ревентлова, она знала, что почувствует смерть мужа сразу, как только это произойдет. В это мгновение часть ее мозга оцепенеет и навсегда сохранит образ Гэри и память о нем. Она

может прожить еще десять тысяч лет, но всегда будет принадлежать Гэри.

— Дорс Венабили, мы приземлимся через два часа.

Пилот, небольшой человекообразный робот, когда-то был членом еретической секты кельвинистов, стремившихся сорвать психоисторический проект Гэри. Год назад тридцать сектантов были захвачены в плен роботами Дэниела и отправлены на тайную планету-мастерскую для переделки в соответствии с Нулевым Законом роботехники. Но по пути корабль с пленниками угнал Лодовик Трема. Видимо, теперь кельвинисты работали на него.

«Не понимаю, почему Дэниел доверил эту миссию Треме… впрочем, и все остальные тоже. Лодовика следовало уничтожить сразу же, как только выяснилось, что его мозг больше не подчиняется Четырем Законам».

Наверно, Дэниел был сбит с толку. Робот, руководивший человечеством в течение двадцати тысяч лет, не знал, как вести себя с механизмом, который был скорее человеком, чем машиной. Который подчинялся не жесткой программе, а этическим соображениям.

«Но меня ему с толку не сбить, — думала Дорс. —

Трема опасен. „Этический“ мозг Лодовика может в любой момент велеть ему выступить против нас… против людей и даже против Гэри! Поэтому и Первый и Нулевой Законы заставляют меня действовать».

Цепь рассуждений была логически непогрешимой. Каждое решение Дорс сопровождалось искусственными эмоциями, которые не мог отличить от человеческих сам Дэниел. Каждый, кто увидел бы ее в этот момент, сказал бы, что лицо Дорс исполнено стальной решимости служить и защищать, чего бы это ей ни стоило.

Глава 3

Было время, когда почтой Гэри занималось сто сорок секретарей. Но сейчас мало кто помнил, что он был премьер-министром Империи. Померкла даже его более поздняя слава «Ворона» Селдона, пророка грозящих бед; теперь публику занимали другие новости, разнюханные прыткими репортерами. После окончания процесса, когда Комитет Общественного Спасения приговорил сторонников Гэри к ссылке на Терминус, поток сообщений начал пересыхать.

Когда Керс привез Селдона с прогулки, на вделанном в стену мониторе болталось лишь полдюжины посланий.

Сначала Гэри изучил еженедельный Отчет о выполнении Плана, присланный Гаалем Дорником. Тот все еще отчитывался лично — в знак уважения к отцу психоистории. Широкое молодое лицо Дорника носило выражение истовой честности, которое могло ввести в заблуждение кого угодно… несмотря на то что в данный момент он помогал осуществлять важнейший заговор в истории человечества за последние десять тысяч лет.

— Сейчас самую большую головную боль нам доставляет переезд. Похоже, что некоторые члены Проекта Энциклопедии не слишком счастливы от того, что их выгоняют с Трентора на дальний конец Вселенной! — Дорник устало хихикнул. — Конечно, мы этого ждали и готовились. Председатель Комитета Линь Чен приказал тайной полиции не допустить дезертирства. А наши собственные менталики поощряют «добровольцев» садиться на корабли. Но держать под постоянным надзором сто тысяч людей трудно. Если бы вы знали, какая это возня!

Внезапно он сменил тему.

— Ваша внучка кланяется вам с Конца Звезд. Ванда сообщает, что новая колония менталиков процветает и она сможет вскоре вернуться домой. Я с облегчением думаю о том, что вскоре большинство менталиков наконец-то окажутся вдали от Трентора. Они дестабилизируют систему. Сейчас в городе остались только самые надежные и те, кто не выдержал испытаний. Кажется, тут все обстоит благополучно…

В самом деле. Гэри просмотрел приложение к посланию Гааля, состоявшее из психоисторических символов, и убедился, что данные хорошо соответствуют Плану. Дорник, Ванда и другие

члены Пятидесяти знали свое дело. Недаром их учил сам Гэри.

Ему не требовалось обращаться к собственной копии Главного Радианта, чтобы знать, что должно случиться дальше. Скоро в Анакреон и Смирну отправятся агенты, которые положат начало процессу отпадения этих отдаленных провинций и породят первый Академический кризис — один из многих на пути построения новой, более здоровой цивилизации.

От Гэри не ускользнуло, что по иронии судьбы этим делом занимается именно он, бывший премьер-министр Империи, подавлявший революции и делавший все, для того чтобы его наследники успешно боролись с так называемыми «хаотическими мирами», которые угрожали нарушить уравнение, определявшее взаимоотношения между человеком и обществом. Но новые восстания, которые его последователи поднимут на Периферии, не будут иметь ничего общего с прежними. Эти мятежи, которые возглавят амбициозные местные аристократы, стремящиеся стать королями, пройдут по классической схеме и будут полностью соответствовать уравнениям. Так что все идет согласно Плану.

Остальные послания были пустяковыми. Гэри

бросил в корзину приглашение на ежегодную встречу выпускников Стрилингского Университета… и еще одно — на Императорскую выставку новых художественных творений «гениев» из Эксцентрического ордена. Один из Пятидесяти посетит это сборище, чтобы измерить степень загнивания, продемонстрированного художественной кастой Империи. Предстояло лишь уточнить количественно то, что они уже знали: настоящая творческая способность упала до рекордно низкого уровня в истории. Гэри занимал достаточно высокое положение для того, чтобы отклонить эту честь. Что он и сделал.

В следующем послании один из руководителей Ордена меритократов напоминал об уплате членских взносов. Вот и еще один долг, которым он до сих пор пренебрегал. Но этому рангу соответствовали большие привилегии, а превращаться на старости лет в простого гражданина Селдону не хотелось. Поэтому он отдал устное распоряжение оплатить счет.

Когда на экране появилось письмо от частного детективного агентства «Пагамант», сердце Гэри учащенно забилось. Несколько лет назад он поручил этому агентству найти Манеллу Дюбанкуа и ее малолетнюю дочь Беллис. Его невестка и внуч-

ка исчезли после того, как бежали на корабле с хаотического мира Сантанни — планеты, на которой умер Рейч. На мгновение в нем вспыхнула надежда. Неужели нашлись?

Но нет. В записке сообщалось, что сыщики все еще просеивают сообщения о пропавших космических кораблях и опрашивают путешественников, следовавших по маршруту Калган-Сивенна, где в последний раз была замечена «Аркадия VII». Они будут продолжать расследование… если только Гэри не решил махнуть рукой на это дело.

Селдон сжал челюсти. Нет. В завещание включен пункт, оставляющий им достаточную сумму для того, чтобы вести поиски и после его смерти.

Еще два послания явно принадлежали душевнобольным, математикам-любителям из дальних миров, которые заявляли, что самостоятельно открыли основные законы психоистории. Гэри приказал почтовому монитору показывать такие письма, потому что некоторые из них были забавны. Одно-два послания в год содержали намек на истинный талант, яркую искорку, вспыхнувшую где-то в глуши и еще не погасшую в квадриллионах тонн галактической золы. Именно таким способом были найдены несколько членов Пя-

тидесяти. В том числе его великий коллега Юго Амариль, которого по справедливости следовало бы считать одним из двух основателей психоистории. Стремительный взлет Юго к высотам математического гения подтверждал веру Гэри в то, что будущее общество должно быть открытым, основанным на принципах социальной мобильности и поощрять отдельных индивидуумов стремиться занять место, соответствующее их возможностям. Поэтому Селдон всегда просматривал такие письма, хотя бы бегло.

Вот и сейчас одно из посланий привлекло его внимание. «Кажется, я обнаружил корреляцию между вашими психоисторическими методами и математическими моделями, которые используются для расшифровки потоков молекул из глубокого космоса! В свою очередь, это хорошо соответствует распределению типов почвенных образцов, собранных в самых разных местах галактики. Думаю, вам было бы интересно поговорить об этом лично. Если так, пожалуйста, просмотрите..."

Гэри издал громкий смешок, заставивший Керса Кантуна выглянуть с кухни. Неглупо! Он пробежал глазами ряды математических символов. Подход был любительский, но точный и

правильный. Стало быть, не галиматья. Многообещающий последователь, компенсирующий недостаток образования странными и оригинальными идеями. Он распорядился передать это послание одному из младших членов Пятидесяти, чтобы тот составил максимально учтивый и вежливый ответ в стиле «если юная Саха Лорвинт хочет стать одним из тайных правителей истории человечества, ей необходимо учиться».

Он со вздохом отвернулся от монитора и направил кресло в укромный кабинет. Вытащил из-под одежды подарок Дэниела и положил его на письменный стол, в щель, сделанную специально для того, чтобы читать древние реликвии. На экране появились ряды плоских изображений и архаичных букв. Компьютер перевел:

«ДЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

Издательство «Британника». Нью-Токио, Бейлиуорлд, 2757 г. н. э."

То, что он делал, было строжайше запрещено. Но никакие запреты не могли остановить Гэри Селдона, который когда-то приказал воскресить симов — древние модели Жанны д'Арк и Вольтера, пылившиеся в другом полуистлевшем архиве. Когда пара виртуальных двойников избавилась от программных уз и через информационные

каналы планеты вырвалась наружу, это повергло некоторые части Трентора в хаос. Для самого Гэри эпизод закончился сравнительно благополучно — в отличие от граждан Юнина или Сарка. Однако он не испытывал особых угрызений совести из-за того, что еще раз нарушил Законы Архива.

«Почти двадцать тысяч лет назад, — подумал он, глядя на год издания почти с тем же трепетом, который испытал в первый раз, когда воспользовался подарком Дэниела. — Может быть, тогда эта книга и была написана для детей, но сведений о древней истории в ней больше, чем во всех университетских учебниках Империи, вместе взятых». Гэри потратил на чтение полгода и лишь после этого смог представить себе раннюю историю человечества, зародившегося на далекой Земле, на континенте, называвшемся Африкой, когда раса разумных обезьян впервые выпрямилась, замигала и с тупым любопытством уставилась на звезды. Сколько же слов скрывалось в этом крошечном каменном кубике! Некоторые из них были уже знакомы. Их смутные очертания всплывали в настоящем благодаря фольклору и традициям.

Рим.

Китай.

Шекспир.

Гамлет.

Будда.

Аполлон.

Космические миры.

Как ни странно, некоторые сказки почти не изменились за две сотни веков. Такие популярные герои, как Пиноккио… или Франкенштейн… видимо, были намного старше, чем можно себе представить.

Другие архивные понятия Гэри впервые услышал лишь несколько десятков лет назад. Их упоминали древние симы Жанна и Вольтер.

Франция.

Христианство.

Платон.

Но список слов, которых Гэри не видел, пока не прочитал эту книжечку, был неизмеримо больше. Факты о человеческом прошлом, известные только Дэниелу Оливо и другим роботам. Имена людей и географические названия, когда-то бывшие на устах всего человечества.

Колумб.

Америка.

Эйнштейн.

Бразильская империя.

Сьюзен Кельвин.

И все остальное, от известняковых пещер Ласко до стальных катакомб, пристанища землян в двадцать шестом веке.

Но больше всего тревожил Гэри один маленький очерк о древнем шамане по имени Карл Маркс, грубые камлания которого не имели с психоисторией ничего общего, если не считать радостной самоуверенности сторонников этой драгоценной модели развития природы и общества. Марксисты тоже когда-то думали, что они сумели открыть основные научные принципы истории.

«Конечно, нам все известно намного лучше. Нам, селдонистам».

Гэри иронически усмехнулся.

Ясно, зачем Дэниел Оливо подарил ему эту реликвию. Он поставил перед ним задачу. Хотел занять его разум в последние месяцы перед тем, как дряхлое тело профессора Селдона отправится в мир иной. Хотя мозги Гэри уже не могли помочь Гаалю Дорнику и Пятидесяти, они еще могли решить простую психоисторическую проблему — дополнить План сведениями о нескольких тысячелетиях существования первоначального мира. Построение таблиц, посвященных ран-

ней истории Земли, могло бы помочь продлить график развития будущего, предусмотренный Главным Радиантом, еще сантиметров на десять-двадцать. Как бы там ни было, это позволяло Гэри Селдону чувствовать себя полезным.

«И ответить на вопросы, таящиеся в глубине моей души», — подумал он. Увы, главный результат всего лишь дразнил его любопытство. Похоже, что и сама Земля несколько раз становилась хаотическим миром. Одна из таких эпох породила Дэниела и ему подобных. Именно в это время изобрели человекообразных роботов типа Дорс.

Левая рука Гэри задрожала, говоря о приближении нового приступа… и вдруг успокоилась.

«Пусть Дэниел поторопится, иначе я никогда не получу объяснений, которые заслужил, все эти годы выполняя его поручения!"

Керс принес ему обед — микогенский деликатес, к которому Гэри едва прикоснулся. Его внимание было поглощено «Детской энциклопедией» — точнее, главой, посвященной великому переселению. По какой-то таинственной причине большинство населения Земли бежало с нее, оставив огромные территории незаселенными. С помощью героических усилий почти

миллиард человек покинули свою планету на грубых кораблях, двигавшихся со сверхсветовой скоростью, и колонизовали весь сектор Сириус.

Ко времени опубликования «Детской энциклопедии» ее авторы могли лишь догадываться об общем количестве освоенных землянами миров. Сообщения с линии фронта рассказывали о войнах между человеческими субкультурами. Некоторые сведения были еще более странными. Легенды о космических привидениях. Сказки о таинственных ночных вспышках, огромных и тревожных, приходивших оттуда, куда ушла первая волна переселенцев.

Когда потомки землян забрались слишком далеко и окончательно утратили общий язык, начался процесс растворения. Наступила долгая темная эпоха яростных битв и мелких стычек, общая память была потеряна, бесконечное число мелких королевств погрузилось в варварство, и так продолжалось до тех пор, пока наконец во Вселенной, заселенной людьми, не наступил мир. Мир, принесенный динамичной и быстро развивавшейся Тренторианской Империей.

Вспомнив этот огромный и страшный период, Гэри ощутил странное чувство.

Если данный архив предназначался детям —

значит, наши предки не были идиотами.

Конечно, в шесть лет Гэри читал куда более солидные труды. Но эта «детская книжка» была бы не по зубам большинству его сверстников, живших на Геликоне. Нет, древние не были набитыми дураками. И все же их цивилизация рухнула, сменившись безумием и беспамятством.

Никакие психоисторические уравнения не могли объяснить этот факт. Гэри продолжал искать объяснение в архиве, но у него было смутное предчувствие, что ответы — настоящие ответы — находятся где-то в другом месте…

Глава 4

За десять минут до посадки на Сатирукопию Дорс ушла в свою экранированную каюту. Там она достала из кармана рубашки гладкий кусок темной ткани, расправила его и положила на столик. Затем позитронный мозг Дорс послал закодированный микроволновый сигнал. Поверхность ткани замерцала, и на ней появилось изображение молодой женщины с коротко стриженными волосами и суровым, не по годам взрослым лицом.

— Дорс Венабили, ты не вызывала меня несколько месяцев. Неужели мое присутствие так смущает тебя?

— Жанна, ты искусственно воскрешенный двойник человека и потому находишься вне закона. Общаться с тобой — преступление.

— Я вне человеческого закона. Но ангелы могут видеть то, что недоступно людям.

— Я уже говорила тебе, что я робот, а не ангел. Девушка пожала плечами, звякнув кольчугой.

— Ты бессмертна, Дорс. Ты думаешь только о службе падшему человечеству, возвращаешь ему возможности, отвергнутые темными людьми. Ты

— воплощение веры в конечное искупление. Все это подтверждает правильность моей трактовки.

— Но моя вера отличается от твоей. Копия Жанны д'Арк улыбнулась.

— Это имело значение лишь на первых порах после моего воскрешения — точнее, моделирования — в вашей странной новой эре. Но общение с симом Вольтером изменило меня. Правда, не так сильно, как он надеялся! Однако вполне достаточно, чтобы научиться праг-ма-тизму.

Последнее слово она произнесла с легкой гримасой.

— Моя любимая Франция ныне превратилась в отравленную пустошь на разрушенной планете, а христианство давно забыто. Так что давай говорить о более близких вещах. Узнав Дэниела Оливо, я постепенно увидела в нем апостола истинной веры и святого великомученика. Его последователи борются за справедливость во имя бесчисленного множества страдающих человеческих душ. Милый ангел, поэтому я и спрашиваю: что я могу для тебя сделать?

Дорс задумалась. Эта была одна из миллионов копий двойников Жанны, вместе с таким же количеством двойников Вольтера и древних существ-мемов обитавшая в межзвездном

пространстве и постепенно вымывавшаяся из Галактики потоками частиц, которые возникали при вспышках сверхновых звезд. Сорок лет назад Гэри изгнал эти кибернетические создания с Трентора. Но до их окончательного исчезновения было далеко; запрограммированные существа еще могли вмешиваться в людские дела и препятствовать выполнению Плана Селдона.

Несмотря на все усилия избавиться от них, некоторые копии сумели задержаться в реальном мире. Хотя Дорс держала «свою» Жанну в строгой изоляции, она не могла не испытывать невольной симпатии к ней. Кроме того, в преддверии свидания с Лодовиком ей отчаянно хотелось с кем-то поговорить. «Наверно, это идет с тех лет, когда я могла беседовать с Гэри о чем угодно, — думала она. — С единственным человеком в космосе, который знал о роботах все и считал их своими ближайшими друзьями. За несколько коротких десятилетий я привыкла советоваться с человеком. Это правильно и вполне естественно. Я знаю, Жанна тоже не человек. Но она чувствует и поступает в точности как люди! Наполнена противоречиями и при этом яростно отстаивает свое мнение».

Дорс понимала, что привязанность к ней Жан-

ны в немалой степени объясняется завистью. У той не было ни тела, ни возможности испытывать физические ощущения, ни власти в реальном мире. И все же она продолжала считать себя настоящей женщиной, живущей страстями.

— Я попала в затруднительное положение, — наконец сказала Дорс. — Враг пригласил меня на встречу.

— Ага, — кивнула Жанна. — Военные переговоры. И ты боишься, что это ловушка?

— Я знаю, что это ловушка. Он предложил мне «подарок». И я уверена, что этот подарок будет опасным. Лодовик расставил мне западню.

— Испытание веры! — Жанна захлопала в ладоши. — Уж что-что, а это мне знакомо Годы, проведенные с Вольтером, меня многому научили. Раз так, Дорс, я знаю ответ на твой вопрос.

— Но ты еще не слышала подробностей!

— Это и не требуется. Ты должна ответить на вызов. Иди вперед без страха и сомнений. Ступай, светлый ангел, и храни веру в Бога.

Дорс покачала головой.

— Я уже говорила тебе…

Но двойник Жанны поднял руку, не дав Дорс договорить.

— Да, конечно. Бог, которого я почитаю, всего

лишь суеверие. Раз так, милый робот... ступай вперед и храни веру в Нулевой Закон роботехники.

Глава 5

Решив избегать Шуфинских гробниц, Гэри выбрал для следующей прогулки один из участков Императорских Садов, открытых для публики. Эту щедрую уступку сделал новый умник, посаженный на трон Комитетом Общественного Спасения, Император Семрин.

Раньше каждой из пяти каст — гражданам, эксцентрикам, бюрократам, меритократам и аристократам — был предоставлен свой небольшой уголок сада площадью в несколько тысяч акров каждый. Но Семрин использовал ограниченную власть Императора, чтобы открыть для посещения всеми классами больше половины огромного пространства. Он стремился завоевать любовь народа. Конечно, большинство уроженцев Трентора скорее позволило бы выдернуть себе ресницы, чем рискнуло бы нюхать цветы под открытым небом. Они предпочитали свои теплые стальные пещеры. Но планету посещало множество транзитных пассажиров — купцов, дипломатов, послов культуры и туристов, — не считая «Серых», молодых членов Ордена бюрократов, ненадолго прибывавших на планету-столицу для

учебы. Почти все они прилетали с планет, где по небу еще бродили облака и по зеленым горным склонам в моря текли потоки дождя. Вот они-то и не уставали славить щедрость Семрина. Каждый день посетители вытаптывали сотни миль здешних тропинок. Поначалу они нервничали и изо всех сил пытались насладиться местными красотами впрок, но постепенно начинали чувствовать себя тут как дома.

«Мудрый политический шаг, — подумал Селдон. — Но Семрин может поплатиться за него, если не будет осторожен. Подарить легко, отнять трудно».

Конечно, психоисторические уравнения не отражали такие ничтожные изменения. Для них не имела значения даже личность правящего монарха. Падение Империи было процессом инерционным, который можно было немного ускорить: с помощью людей, хорошо знающих, как это сделать. Все остальные были обречены покорно нести свое ярмо.

Обычно Гэри доставляло удовольствие следить за открытыми пространствами и бесконечным разнообразием дворцовых земель. Но, увы, это зрелище напоминало ему о бедном Грубере — садовнике, который хотел ухаживать за своими

скромными клумбами, а вместо этого стал убийцей Императора и впал в отчаяние. «Это было много лет назад, — подумал Гэри. — Грубер давно превратился в прах. Так же, как и Император Клеон… Скоро и я присоединюсь к ним».

Керс повез коляску по незнакомой тропинке, и внезапно они оказались в том уголке сада, где росли кусты, похожие на лишайник. Они управлялись таким образом, чтобы образовывать сложное, изысканное и непринужденное переплетение ветвей. Это было древнее искусство, но Гэри редко сталкивался с таким мастерством. Оттенки цвета постоянно менялись в зависимости от угла падения солнечных лучей и близости тени. Результатом были спиралевидные лабиринты, форма которых менялась каждую секунду. Это зрелище приводило прохожих в трепет. Они буквально прирастали к месту и лишь по прошествии некоторого времени отправлялись любоваться следующим чудом. Но Гэри жестом велел Керсу остановиться и начал водить глазами направо и налево, почувствовав в этих кустах скрытый вызов. Их сложность но имела ничего общего с безумным хаосом Шуфинских лесов. Гэри быстро узнал систему образования узоров. Органический псевдолишайник был запро-

граммирован на основе частных производных последовательности преобразований Фикарна-Джулии. Это было ясно и ребенку. Хитрость заключалась в другом. Гэри прищурился и вскоре понял, что узор определяется отверстиями между ветками, в ходе роста отступавшими назад с полуслучайными интервалами.

«Вредители, — подумал он. — Какие-нибудь вирусы или паразиты, в обычных условиях губящие лишайник. Но это создает не только любопытный вторичный эффект. Это необходимо для поддержания всей системы в здоровом состоянии, для преодоления смерти и постоянного обновления!"

Но вскоре Гэри понял, что одного вида вредителей для этого мало. Нет, тут работала настоящая маленькая экосистема — специально созданная для художественной цели.

Мозг Селдона начал быстро вычислять алгоритмы следов этих вредителей, использованные виртуозом-садовником. О нет, садовник не был гениальным математиком. Однако для подобного сочетания достижений генной инженерии с работой вредителей требовались не только изящество и оригинальность мышления, но и как минимум чувство юмора. Гэри едва не рассмеялся…

И тут он кое-что заметил.

Просветы, которые не исчезали!

Здесь. Там. И еще в нескольких местах. Клочки открытого пространства, в которых лишайники почему-то расти не осмеливались. Там был свет и нежный питательный туман. Усики осторожно тянулись к пустотам… а затем раз за разом отдергивались и устремлялись в другие места.

Но это было не единственной странностью. Вот оно, вот! Место, где живая материя морщилась, изгибалась, но неизменно возвращала себе прежний темно-голубой оттенок по прошествии примерно восьми секунд. Вскоре Гэри насчитал по крайней мере дюжину аномалий, которые он не мог объяснить. Они не имели четкого математического характера. И все же существовали.

Селдон вздохнул и покачал головой. Ситуация была знакомая. Она преследовала Гэри всю его профессиональную жизнь.

«Состояния притяжения, — подумал он. — Они описаны и в психоисторических уравнениях, и в учебниках истории. Мне удалось объяснить большинство, но кое-что осталось. Спектры, которые невозможно смоделировать, которые снижают точность формул и грозят разрушить все наши теоретические парадигмы. Но как только я подбираюсь вплотную… они ускользают от меня».

Коварство садовника вызвало у Гэри старую досаду. Во рту появилась горечь, сулящая неудачу. Внезапно, к несказанному удивлению Селдона, на его глаза навернулись слезы. Изображение роскошной клумбы задрожало, превратившись в туманное пятно и сгусток мерцающих лучей…

— Не может быть! Лопни мои глаза, если это не профессор Селдон! Слава богам синхронистики за то, что они пересекли наши тропинки!

Гэри почувствовал, что Керс Кантун напрягся. Сам он не видел ничего, кроме подпрыгивающей и возбужденно кланяющейся мужской фигуры. Так продолжалось до тех пор, пока он не достал из рукава платок и не вытер глаза. Тем временем пришелец продолжал что-то бормотать, не в силах поверить столь редкостной удаче.

— Какая честь, сэр! Учитывая, что я писал вам всего два дня назад! Конечно, я не думаю, что вы читали мое послание лично. Догадываюсь, насколько велика ваша почта.

Гэри покачал головой, наконец различив серый мундир бюрократа, а в нем — коротенького, но осанистого человечка с лысиной, загоревшей от непривычного пребывания на солнце.

— Нет, сейчас я сам читаю почту.

Коротышка замигал. Его веки были воспален-

ными, как у аллергика.

— В самом деле? Ну, это просто чудо! Тогда, может быть, вы вспомните мое письмо? Я — Хорис Антик, старший имперский лектор, к вашим услугам. Я писал вам об исключительном сходстве между вашей собственной работой — которую едва ли достоин комментировать — и профилями молекулярных галактических потоков…

Гэри кивнул и поднял руку, пытаясь положить конец этому словоизвержению.

— Да, помню. Ваши наблюдения представляют собой… — он слегка замялся, — нововведение.

Выражение было не самое подходящее. Большинство граждан Империи сочли бы его оскорбительным. Но Гэри уже понял, что у этого бюрократа душа эксцентрика и что он не обидится.

— Серьезно? — Казалось, грудь Хориса Антика расширилась сразу на несколько сантиметров. — Раз так, не позволите ли вручить вам копию собранных мною данных? К счастью, она у меня с собой. Вы могли бы — о, конечно, на досуге! — сравнить их с вашими поразительными моделями и решить, имеют ли мои скромные исследования какую-нибудь ценность.

Толстячок полез в карман. Керс тихонько заворчал, но Гэри отстранил его едва заметным

движением пальца. Время заговоров кончилось. Кому сейчас нужно убивать старого Гэри Селдона?

Пока коротышка тревожно пыхтел, Гэри заметил, что его серая форма сшита у хорошего портного. Из знаков различия следовало, что Хорис Антик занимает высокое место в Ордене. Он мог быть заместителем министра какого-нибудь провинциального мирка, а то и лицом пятого-шестого ранга в иерархии Трентора. Конечно, не августейшей персоной (поскольку «Серые» королевской крови встречаются редко). Но человеком, сумевшим стать необходимым нескольким знатным особам и меритократам благодаря хорошему знанию дела. Лошадкой чистых кровей среди серого административного быдла.

«Возможно, даже не лишенной некоторой толики мозгов, — подумал Гэри, ощутив невольную симпатию к этому странному коротышке. — Толики достаточной, чтобы иметь хобби. И заниматься интересным делом до самой смерти».

— Ах, вот она! — радостно воскликнул Антик и протянул Гэри обычную дискету в коробочке. Не успел Гэри протянуть руку, как Керс с похвальной быстротой схватил коробочку и положил ее в карман для последующей тщательной проверки.

Лишь потом Гэри будет позволено прикоснуться к посланию.

Сбитый с толку бюрократ несколько секунд похлопал глазами, а потом покорно кивнул.

— Ну да, ну да… Извините, что нарушил ваш покой, но что сделано, то сделано. Надеюсь, вы найдете в своей душе достаточно терпимости, чтобы простить мою бестактность. И, пожалуйста, свяжитесь со мной, если у вас появятся вопросы… конечно, по моему домашнему номеру. Понимаете, этот анализ не… не имеет отношения к моей работе. Поэтому будет лучше, если мои коллеги и начальство…

Гэри кивнул и слегка улыбнулся.

— Конечно. Но в таком случае скажите мне, в чем заключается ваша работа. Эмблема на вашем воротнике… я такой еще не видел.

Румянец, вспыхнувший на щеках Антика, не имел никакого отношения к солнцу. Коротышка смутился. Кажется, вопрос был ему не по душе.

— Ну… раз уж вы спрашиваете, профессор Селдон… — Он выпрямился и слегка вздернул подбородок. — Я зональный инспектор Имперской почвоведческой службы. Но все это есть в моей рукописи. Уверен, вы увидите, что корреляция существует! Все станет ясно, если…

— Да, конечно. — Гэри поднял руку, показывая, что разговор окончен. Однако он продолжал улыбаться, потому что Хорис Антик развеселил его и отвлек от грустных дум. — Зональный инспектор, ваш труд заслуживает внимания и будет тщательно изучен. Даю вам честное слово.

Как только коротышка отошел подальше, Керс проворчал:

— Эта встреча не была случайной. Гэри коротко хохотнул.

— Конечно, нет! Но не стоит становиться параноиками. Этот малый — бюрократ довольно высокого ранга. Наверно, попросил оказать ему услугу кого-то из службы безопасности. Или сунул нос в донесения парней Линь Чена, чтобы узнать, где я буду сегодня. Ну и что? — Гэри обернулся и посмотрел слуге в глаза. — Я не хочу, чтобы ты тревожил из-за этого Дорника или Ванду. Ты понял, Керс? Они могут натравить на беднягу ищеек Чена, а те сделают из него котлету.

Последовала долгая пауза. Наконец Керс Кантун, толкавший коляску к станции, пробормотал:

— Да, профессор.

Гэри снова хмыкнул. У него улучшилось настроение. Эта маленькая драма, крошечный и

безвредный намек на заговор и интригу, воскресила в его памяти славное прошлое. Несмотря на то что преступник был всего лишь бойким маленьким любителем, пытающимся найти вкус в серой, безотрадной жизни и видящим, что все органы имперской власти медленно, но верно атрофируются…

Во все времена старости был свойствен один неизменный признак: бессонница. Сон кажется тебе старым другом, который часто забывает нанести визит, или внуком, который забегает только для того, чтобы тут же удрать снова, и бросает тебя одного, заставляя всю ночь таращить глаза.

Гэри мог сделать несколько шагов без посторонней помощи. Поэтому он не стал будить Керса, вылез из кровати, заковылял на иссохших ногах к письменному столу и опустился в кресло с подлокотниками; оно автоматически приняло контуры его тела. «Хорошо, что умирающие цивилизации еще сохраняют остатки высоких технологий», — с благодарностью подумал он. К несчастью, бессонница далеко не то же самое, что бодрость… Некоторое время он просто сидел, погрузившись в воспоминания о детстве.

В начальной школе на Геликоне у него была

учительница… Тогда его математический гений только начинал расправлять крылья. И сейчас, семьдесят лет спустя, он все еще помнил ее неизменную доброту. Эта доброта была чем-то единственно надежным и прочным в его жизни, полной душевных травм и мелких издевательств. Поведение людей предсказуемо, учила она юного Гэри. Если учитывать их потребности и желания. Именно она научила его логически мыслить. Логика стала его панацеей, средством, помогавшим выдерживать давление Вселенной, в которой царила неопределенность. «Если ты поймешь силы, которые движут людьми, ничто не застанет тебя врасплох».

Учительница была темноволосая, плотная и дородная. Но, как ни странно, в воспоминаниях ее образ смешивался с образом другой женщины, любовь к которой он пронес через всю жизнь. С образом Дорс.

Дорс, стройной и высокой. С кожей, оставшейся шелковой даже после того, как ее пришлось подвергнуть искусственному старению, чтобы публика продолжала считать Дорс его женой. Дорс, всегда готовой от души посмеяться и в то же время ценившей свое рабочее время на вес золота. Защищавшей его счастье, не щадя соб-

ственной жизни.

Пальцы Гэри привычно выпрямились, отыскивая ее руку. Эта рука всегда была рядом. Всегда…

Он вздохнул и опустил руки на колени. Разве у многих мужчин были жены, собранные из металлолома? Знание того, что ему повезло больше, чем подавляющему большинству, помогало переносить ощущение одиночества. Немного, но помогало.

Ему обещали. Обещали, что он еще увидит ее. Или это ему только приснилось?

Нет, у него по-прежнему есть вещи, которые позволят отвлечься от жалости к себе. Работа. Она будет лучшим лекарством. Вечером Гэри немного подремал, но подсознание продолжало бодрствовать. Да, именно так, поскольку в мозгу что-то саднило. В том самом месте мозга, где гнездилась лишь математика. Наверно, ему не давали покоя те самые псевдолишайники, увиденные сегодня в саду.

— Это надо вывести на дисплей, — сказал Гэри и посмотрел на экран. Тот показывал роскошную панораму, раскинувшуюся за стеной его комнаты.

Галактика.

— Ах, — вырвалось у Гэри. Должно быть, перед

тем как лечь, он работал над одной маленькой технической проблемой, без которой его План был бы неполным. Нужно было решить, в каких зонах космоса и звездных скоплениях остатки научных знаний могут сохраниться в течение всего приближающегося периода варварства, который неизбежно настанет после крушения Империи. Когда экспансия Академии достигнет центра галактики, такие островки смогут доставить немало хлопот. «Правда, эта эпоха наступит не раньше, чем через пятьсот лет. Ванда, Стеттин и Пятьдесят думают, что наш план доживет до тех пор, но я так не считаю». Гэри потер глаза и слегка наклонился вперед, вглядываясь в узоры, которые лишь отдаленно напоминали хорошо известные очертания двух спиралей Галактики. В изображении было что-то не то. Знакомое, но…

И тут он ахнул. Это не было маленькой технической проблемой! Перед сном он решил просмотреть дискету, которую ему дал этот маленький бюрократ по имени Антик, чтобы сделать пару замечаний и отослать обратно с ободряющим сопроводительным письмом.

«И заставить пережить самый волнующий момент в жизни», — подумал Гэри, роняя голову на грудь. Он смутно помнил, что потом Керс уложил

его в постель.

Сейчас Селдон снова смотрел на экран, изучая очертания космических течений и условные обозначения. И постепенно до него начинали доходить две вещи.

Во-первых, Хорис Антик не был дикарем-первооткрывателем. Математический аппарат был примитивным, и большинство формул было дерзко позаимствовано из нескольких популярных брошюрок, посвященных ранним работам Гэри.

Во-вторых, эти узоры поразительно напоминали нечто увиденное совсем недавно…

— Компьютер! — крикнул он. — Ну-ка, выведи на экран карту всех хаотических миров Галактики!

Рядом с простенькой моделью Антика появился намного более сложный чертеж. Изображение, которое показывало места и интенсивность опасных социальных отклонений за последние два века. Редкие возвраты к хаосу случались и в лучшие дни Империи. Но в последнее время они стали носить характер настоящих катастроф. Так называемый Закон Селдона, принятый во время его пребывания на посту премьер-министра, помог на время погасить конфликты и установить галактический мир. Но постоянно увеличивав-

шееся число хаотических миров было еще одним симптомом того, что цивилизация рушится. Все шло вкривь и вкось. Привычный глаз остановился на точках катастроф.

Сарк, где самоуверенные «эксперты» однажды извлекли из древнего полусгоревшего архива копии Жанны и Вольтера и похвалялись чудесами, на которые способен их прекрасный новый мир… пока тот не рухнул.

Мэддер Лосе, вспыхнувший так, что чуть не воспламенил всю Галактику, и внезапно потухший.

И Сантанни, планета, ставшая могилой Рейча. Мятеж, восстание и разгул кровавого насилия.

У Гэри пересохло во рту. Он приказал:

— Совмести оба изображения. Высчитай простую корреляцию, тип шесть. Покажи сходство.

Чертежи наложились друг на друга, видоизменились, и компьютер начал подсчитывать совпадения. Через несколько мгновений он вынесет приговор, выраженный в математических символах, и галактическое колесо закружится в водовороте.

— Пятнадцатипроцентная причинно-следственная корреляция между появлением хаотических миров и… и…

Гэри замигал. Он не мог вспомнить глупости,

которые бормотал этот толстый бюрократ. Что-то о космических молекулах… О потоках галактической пыли?

Он едва не приказал немедленно включить визифонную связь и разбудить Хориса Антика — отчасти в отместку за то, что тот лишил сна его, Гэри Селдона.

Однако он ухватился за подлокотники кресла и подумал еще раз, вспомнив, чему учила его Дорс, когда они были мужем и женой:

— Гэри, не выпаливай первое, что приходит тебе на ум. Не следует лезть напролом. Это простительно лишь примитивным самцам, шляющимся по джунглям в телах дикарей. Но ты же имперский профессор! Ты всегда морочил людям голову, притворяясь уважаемым человеком.

— В то время как на самом деле я…

— Большущая человекообразная обезьяна! — хохотала Дорс, прижимаясь к нему. — Моя обезьяна. Мое чудесное живое существо.

Эти воспоминания позволили Гэри слегка успокоиться. Можно немного подождать ответа. По крайней мере до утра.

Глава 6

Из леса появилась фигура, пересекла поляну и двинулась вперед. Дорс пристально рассматривала пришельца.

Главное осталось прежним — Лодовик обладал высоким и стройным мужским телом. Но кое-какие детали изменились. Лицо его казалось более молодым и классически красивым, несмотря на слишком длинные волнистые волосы.

— Добро пожаловать на старую добрую Сатирукопию, — сказал робот, остановившись в трех метрах от Дорс.

Она послала микроволновый сигнал, начав беседу на сверхскоростном канале.

— Время дорого.

Но он покачал головой.

— Если не возражаешь, будем разговаривать как люди. В наши дни эфир слишком заражен. Разве ты не знаешь, что я мем?

В том, что робот имел человеческое тело, не было ничего необычного. Особенно если это тело помогало ему играть роль умного человека. Дорс понимала, что Лодовик прав. Мемы, или зловредные виртуальные духи, могли быть повинны в

превращении Лодовика из лояльного члена группы Дэниела в дерзкого борца за свободу, больше не признававшего Законов роботехники.

— Ты все еще находишься под влиянием этого чудовища Вольтера? — спросила она.

— А вы с Дэниелом все еще общаетесь с Жанной д'Арк? — ответил вопросом на вопрос Лодовик и рассмеялся, хотя поблизости не было ни одного человека, которого он мог бы одурачить. — Признаю, в моих программах живут частицы древнего сима Вольтера, занесенные туда нейтринными потоками сверхновой. Но, можешь быть спокойна, они оказывают на меня благотворное влияние. То, что я мем, не делает меня опасным.

— Все зависит от точки зрения, — ответила Дорс. — Но когда речь идет о безопасности человечества, точка зрения значения не имеет.

Робот, стоявший напротив, поклонился.

— Дорс, ты была и осталась хорошей ученицей. Преданной своей религии. Такой же, как Жанна, сохранившая верность своей вере, несмотря на то что прошли тысячи лет. Вы хорошая пара.

Аналогия была недвусмысленной. Религией Лодовик называл Нулевой Закон, верховным жрецом и главным прозелитом которого был

Дэниел Оливо. Верой, которую Лодовик теперь отвергал.

— И все же ты еще служишь, — с неприкрытым сарказмом ответила Дорс.

— Служу. Но добровольно. И не совсем так, как предусмотрено планом Дэниела.

— Дэниел служит благу человечества с начала времен! Как ты можешь думать, что знаешь истину лучше его?

Лодовик снова пожал плечами, причем так естественно, словно этот жест стал его второй натурой. Слегка повернувшись, он указал на несколько куполов, обвитых виноградной лозой (остатки покинутой Имперской исследовательской станции), и раскинувшийся за ними огромный лес. „

— Скажи, Дорс, тебе никогда не приходило в голову, что сорок лет назад здесь произошло нечто удивительно удобное? Я имею в виду то самое приключение, когда вы едва избежали гибели, находясь в искусственных телах.

Дорс сделала паузу и против обыкновения удивленно замигала.

— Не отклоняйся от темы, — наконец ответила она. — Твои замечания не имеют смысла. Какое отношение это имеет к вам с Дэниелом?

— Не сердись. Я отвечу на твой вопрос. Вспомни то время, когда вы с Гэри были здесь, скакали по веткам, бегали под пологом этого самого леса и наслаждались всем спектром эмоций, когда охотники преследовали ваши взятые взаймы тела, а вы перебегали из одного укрытия в другое. Потом, когда ты вспоминала подробности этого приключения, тебе не пришло в голову подсчитать вероятности? Подумай о средствах, которыми были вооружены ваши преследователи. Они использовали все — от нервного газа до разрывных пуль и специально сконструированных вирусов — и тем не менее не смогли убить двух безоружных обезьян. Или о том, как вы сумели проскользнуть обратно на станцию, преодолеть сопротивление кучи мерзавцев и множество препятствий, вернуться в свои собственные тела и спастись. Или о том, каким образом враги отыскали вас здесь, несмотря на все предосторожности, принятые Дэниелом…

Дорс прервала его:

— Кончай мелодраму, Лодовик. Ты намекаешь, что нам было предназначено испытать это приключение и пережить его. Хочешь сказать, что все это подстроил сам Дэниел? Что он инсценировал опасность, преследование и…

— И ваше непременное спасение. Как-никак, вы с Гэри были важны для его планов.

— Но зачем ему было это делать?

— Неужели не понимаешь? Ради той же цели, которая привела сюда Гэри.

Дорс нахмурилась.

— Эксперимент? Гэри хотел изучить природу человеческих двойников, чтобы использовать эти данные в своих психоисторических моделях. Ты намекаешь на то, что Дэниел воспользовался ситуацией, чтобы подвергнуть нас заранее смоделированным опасностям и изучить наши реакции? Так, да?

— Больше не скажу ни слова. Поразмысли об этом сама. На досуге.

Дорс не верила своим ушам.

— Ты вызвал меня из страшной дали… только ради этой чуши?

— Не только, — заверил Лодовик. — Я обещал тебе подарок. Сейчас ты его получишь.

Стоявший перед ней мужчина махнул рукой, и из леса выкатилась приземистая тяжелая машина на блестящих ободьях. Туловище без шеи венчала смешная пародия на человеческое лицо. Грубый автомат держал в металлических руках шкатулку с крышкой.

— Тиктак! — воскликнула Дорс, узнав неуклюжий механизм, так не похожий на позитронных роботов.

— Верно. К тому времени, когда твой муж стал самым могущественным человеком в Империи, на многих мирах изобрели новые виды роботов. Естественно, он тут же приказал остановить работы и уничтожить прототипы.

— Ты не был на Тренторе, когда там орудовали эти берсеркеры. Они убивали людей!

— Опять верно. Это был самый надежный способ снабдить их плохой репутацией, чтобы потом запретить разработку и производство. Скажи, Дорс, ты абсолютно уверена, что тиктаки стали берсеркерами не с ведома Гэри и Дэниела?

На этот раз Дорс промолчала. Вопрос был чисто риторическим.

— Ты никогда не думала о начале времен? — продолжил Лодовик. — Люди изобрели нас очень рано, едва освоив научные методы, еще до того, как стали летать к звездам! Но за последующие двадцать тысяч лет нынешней цивилизации ни разу не повторили этот подвиг. Дорс, ты можешь это объяснить?

Настала ее очередь пожать плечами.

— Мы были дестабилизирующей силой. Кос-

мониты слишком полагались на слуг-роботов и потеряли веру в себя. Мы были вынуждены отойти в сторону…

— Да-да, — прервал ее Лодовик. — Я помню комментарии Дэниела к Нулевому Закону. Ты излагаешь официальную причину того, почему это было сделано. А я хочу знать — как.

Дорс уставилась на Лодовика Трему.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного. Каким образом человечеству помешали повторно изобрести роботов? Мы говорим о периоде, который составил тысячи поколений. И за все это время в двадцати пяти миллионах миров не нашлось ни одного толкового школьника, который порылся бы в металлоломе и восстановил то, что его примитивные предки создали с помощью куда более грубых инструментов!

Дорс покачала головой.

— Тиктаки…

— Феномен лишь самого последнего времени. Эти грубые автоматы появились лишь тогда, когда были сняты древние ограничения. Согласно Гэри Селдону, это явный признак упадка Империи и начала хаоса. Нет, Дорс, чтобы ответить на мой вопрос, нужно заглянуть в более отдаленную

эпоху.

— Догадываюсь. Ты хочешь подсказать мне ответ.

— Нет. Ты не поверишь ни единому моему слову, считая, что я держу камень за пазухой. Но если тебе интересна эта тема, можешь обратиться к другому источнику, заслуживающему абсолютного доверия.

Тем временем тиктак докатился до них, остановился, протянул руки и передал Треме шкатулку. Лодовик снял крышку и вынул наружу какой-то продолговатый предмет.

Дорс невольно попятилась.

Это была голова робота! Она ничем не напоминала человеческую и отсвечивала металлическим блеском. Зрачки робота были абсолютно черными, пустыми и безжизненными. И все же, когда Дорс послала короткий микроволновый сигнал, на него пришел ответ — слабое эхо, доказавшее, что внутри головы находится позитронный мозг, незащищенный, неприкрытый, но почти не поврежденный.

От этого эха по цепям Дорс побежали мурашки. Можно было сказать с первого взгляда, что голова очень старая.

Когда Лодовик Трема заговорил снова, в его

голосе слышались смех и сочувствие.

— Ага, в первый раз я испытал то же самое. Особенно когда узнал, кто это… Дорс Венабили, я вручаю тебе величайшую реликвию Галактики — голову и мозг Р. Жискара Ревентлова, соавтора Нулевого Закона роботехники… и убийцы планеты Земля.

Глава 7

По взаимной договоренности Гэри встретился с «Серым» в кафе неподалеку от здания Имперской почвоведческой службы, располагавшегося в непрезентабельном бюрократическом секторе Короннен. Хорис Антик заверил, что их беседа будет приватной и пройдет в экранированном кабинете, о чем он позаботится заранее.

Честно говоря, Гэри нисколько не заботило, следит ли за ним тайная полиция Линь Чена и подслушивает ли она его разговоры. Беседа будет достаточно скучной, чтобы заставить этих ищеек уснуть на месте.

— Как вы, должно быть, догадываетесь, мое начальство неодобрительно относится к неофициальным исследованиям, — сказал человечек. Затем он сделал паузу, вынул из прикрепленной к поясу сумочки голубую таблетку и проглотил ее, запив элем. — У нашего ведомства не слишком хорошая политическая репутация. Достаточно малейшего скандала, чтобы мы лишились своих земельных участков, служебных льгот и даже части помещений!

Гэри подавил улыбку. «Серые» жили в мире, где

шла постоянная борьба за мелочи. Ведомственная политика и постоянная оглядка на мнение правительства держали большинство бюрократов высших рангов в состоянии непрерывного напряжения. Неудивительно, что Хорис Антик нервничал, то и дело озирался по сторонам и принимал лошадиные — даже по меркам «Серых» — дозы успокоительного. «Наверно, Антик увидел во сне, что независимые исследования могут помочь ему вырваться из этих крысиных бегов и перейти в более спокойный мир меритократии».

Именно так случилось с самим Гэри. Правда, это произошло в восьмилетнем возрасте, когда первые работы по алгебре позволили ему надеть мантию меритократа.

Свой статус от рождения наследовали только аристократы, у которых существовали тысячи рангов и титулов — от простого сельского сквайра до графа планеты, герцога сектора и самого Императора. Все остальные рождались гражданами, а затем получали новую категорию в зависимости от талантов и образования. Но изменения категории, как правило, происходили в юном возрасте. У Антика надежды на перемену было мало: если только он не согласится стать эксцентриком. Однако вероятность этого была ничтожно мала.

— Все началось тогда, когда я заподозрил, что древний вопрос о пахотных землях нужно пересмотреть, — объяснил бюрократ, когда им принесли новую порцию напитков.

— Вопрос о чем? — приподнял бровь Гэри. Антик покивал.

— Естественно, что вы ничего об этом не слышали. Предмет довольно темный. Боюсь, в печати появляется не так уж много материалов и статистических данных об анализе планетарных почв. Позвольте мне начать с азов… Видите ли, профессор Селдон, довольно долго принималось за аксиому, что все миры, населенные людьми, характеризуются небольшим набором параметров — например, атмосферой, содержащей кислород и азот в соотношении двадцать к восьмидесяти. Большинство многоклеточных обитателей этих планет происходит примерно от сорока стандартных биологических типов, для которых характерна та же базовая структура ДНК… хотя существуют и исключения.

— Цыплята есть в каждом мире, — с улыбкой подвел итог Гэри, пытаясь успокоить коротышку.

Антик теребил салфетку, и это начинало действовать Гэри на нервы.

— Ха-ха! — с готовностью засмеялся бюрократ. — И сорняки на каждом газоне. Я забыл, что вы родились не на Тренторе. Значит, вам это знакомо. Действительно, крестьянин с Синбукду узнает большинство животных какой-нибудь планеты Инсино, расположенной на другом конце Галактики. Это подтверждает широко распространенную теорию происхождения жизни, согласно которой схожие виды одновременно возникают на многих планетах, подчиняясь некоему фундаментальному биологическому закону. А затем эти похожие создания естественным путем эволюционируют в высшую форму жизни — человечество.

Гэри кивнул. Антик описывал то, что на математическом языке называется состоянием притяжения: ситуацией, когда все окружающие объекты тянутся вперед, не в силах сопротивляться неодолимой движущей силе, пока траектории не пересекаются в одной точке. В данном случае на веру принималось то, что все пути эволюции неизбежно ведут к возникновению человека.

Но только он один знал, что это чудовищное заблуждение. Такого состояния притяжения никогда не существовало. Несколько лет назад Гэри использовал методы психоистории для анализа

генетических данных, полученных со всей Галактики, и быстро определил, что люди должны были появиться внезапно откуда-то из сектора Сириус, и произошло это примерно двадцать тысяч лет назад. А прочитанная недавно «Детская энциклопедия» подтвердила данный факт.

Конечно, он не собирался кричать об этом на всех углах и опровергать теорию конвергенции. Ничто не могло бы повредить Плану Селдона больше, чем привлечение внимания всей Галактики к крошечному мирку в секторе Сириус и возникновение множества вопросов о событиях двухсотвековой давности!

— Продолжайте, — кивнул Гэри. — Я правильно догадываюсь, что эта схожесть распространяется и на распределение типов почвы?

— Да. Именно так, профессор! Между планетами существует геологическая разница… иногда очень значительная. Но некоторые параметры являются почти универсальными. Я уже упоминал о пахотных землях. Так вот, природная пригодность равнин к земледелию являлась главной чертой для колонистов, когда те начали искать миры, подходящие для заселения. У нас есть такие древние данные, относящиеся примерно к миллиону планет. В каждом случае состояние

почвы было похожим — размельченным и проницаемым на глубину до нескольких десятков метров, с изобильной знакомой растительностью на ее поверхности. Иными словами, подобная почва представляет отличные возможности для сельского хозяйства. Конечно, целью моего ведомства является содействие сохранению такого состояния благодаря тщательному уходу и обработке, защищающим земли от эрозии или потерь в результате промышленного загрязнения. Увы, нередко это вызывает трения с крестьянами и местными аристократами, но ведь мы обязаны осуществлять надзор, верно? Я хочу сказать вот что: если все перестанут думать о будущем, с чем мы останемся? Иногда становится так обидно…

— Хорис! — прервал его Гэри. — Вы отклоняетесь от темы. Ближе к делу.

Антик моргнул, а затем усиленно закивал.

— Вы правы. Извините. — Он тяжело вздохнул. — Как бы там ни было, теоретики давно предполагали, что наличие пахотных земель — еще один универсальный феномен наряду с наличием кислородно-азотной атмосферы. Но только…

Антик сделал паузу. Хотя в начале беседы он дважды проверил наличие защитных экранов,

это не помешало коротышке вытянуть шею и еще раз оглядеться по сторонам.

— Но только… сотрудники моего ведомства всегда знали другое, — вполголоса продолжил он.

Хорис полез в карман и вынул оттуда плоский камень.

— Внимательно посмотрите на эти отпечатки, профессор. Видите симметричные узоры?

Гэри помедлил. Меритократы испокон веков не любили прикасаться к камням и пыли. Именно это заставляло их носить традиционные перчатки. Никто не знал происхождения данного обычая, но он был древним и соблюдался свято.

«Только не мной. Я всегда любил пачкать руки и наслаждался реакцией моего академического начальства». Гэри взял камень и полюбовался рядами извилистых желобков, на которые указал Антик.

— Это называется «окаменелость». Ископаемые остатки. Видите странные отпечатки, похожие на глазницы? Замечаете пентагональную симметрию? Пять ног! Это не имеет ничего общего с сорока стандартными типами! Я подобрал камень на Глориенне, но это не имеет значения. Окаменелости можно найти примерно на десяти процентах обитаемых планет! Стоит только

подняться в горы или отойти подальше от обрабатываемых земель! Жители гор знают о них все, но на разговоры об окаменелостях наложено табу. Поэтому они предпочитают помалкивать и не обращаться к местным грамотеям, которые начинают сердиться и тут же меняют тему.

Гэри заморгал. Он был не в силах оторваться от узора на камне. В мозгу копошились вопросы. Сколько лет может быть этому камню? О чем говорит узор? Ему хотелось услышать рассказ Антика о том, что известно крестьянам бесчисленного множества планет, но ускользнуло от внимания меритократов.

Однако все это было слишком далеко от проблемы, которая сидела в его мозгу как заноза.

— Хорис, в вашей статье говорится об аномалиях пахотных земель. Пожалуйста, расскажите мне об исключениях. О том, что показалось вам подозрительным.

Бюрократ снова закивал.

— Да-да! Видите ли, профессор, пригодность к пахоте — вовсе не такой универсальный феномен, как может показаться на первый взгляд! За свою долгую службу на посту инспектора я посетил столько миров, что давно сбился со счета. Среди них были и такие, которые не подчинялись

правилам. Планеты, равнины и долины которых состояли из земель грубой консистенции, более разнообразных, без намека на влаго-и теплопроницаемость, характерные для почв этого типа. От любопытства и желания чем-то заполнить время я начал перечислять другие необычные черты этих планет: например, наличие большого количества генетически необычных животных. В некоторых случаях были признаки того, что в данном регионе вспыхнула сверхновая звезда, в том числе и за последние тридцать тысяч лет. Земная кора одной планеты была фантастически радиоактивной, на нескольких других попадалось множество курганов из оплавленного металла, разбросанных по всей поверхности. Я начал составлять карту этих аномальных миров и обнаружил, что они группируются в длинные извилистые полосы…

— И эти полосы тоже связаны с космическими течениями, о которых вы говорили? Как вы это обнаружили?

Антик улыбнулся.

— По счастливой случайности. Я проводил поиск в файлах галактографических данных и познакомился с одним чокнутым… таким же бюрократом, как я, у которого было тайное хобби.

Мы сравнили наши «пунктики»… и если мое увлечение кажется вам странным, то вам надо послушать его. Он без умолку твердит о приливах и отливах этих разреженных космических атомных облаков! Он убежден, что видит в них систему, которая ускользнула от внимания Имперской навигационной службы. Что вполне возможно, поскольку эту службу заботит только одно — безопасность торговых маршрутов. Рутина, рутина заеда…

— Хорис!

— Что? Ах, да. Так вот, мы с моим новым другом сравнили наши заметки. Кроме того, я набрался нахальства и использовал математический аппарат, который описан в популярных книжках, посвященных вашим работам, профессор. Результатом стала галактическая карта, которая вчера вызвала ваш интерес. — Антик шумно выдохнул. — Вот и все!

Гэри нахмурился.

— Статья подписана только вашим именем.

— Ну да… но мой друг очень стеснительный. Он считает, что у нас пока недостаточно доказательств для публикации. И что чисто умозрительная статья без твердых, неопровержимых доводов может повредить нашей карьере.

— В то время как вы считаете подобный риск оправданным. Антик улыбнулся и полез в карман за новой таблеткой.

— Мой доклад вызвал у вас интерес, профессор Селдон. Вы сидите со мной за одним столом. Догадываюсь, что вы бы не стали тратить свое драгоценное время на что-то совершенно тривиальное.

Тон Антика стал самодовольным, как будто «Серый» ждал, что его плечи вот-вот окутает голубая мантия меритократа. Но Гэри было не до обмена любезностями. Он был раздосадован.

«Я не стал бы тратить время на тривиальности? Вы уверены в этом, мой юный друг? Может быть, я явился сюда от скуки… или из-за старческого маразма. Сейчас я найду бросающийся в глаза изъян, и ваша любительская гипотеза рухнет, как карточный домик во время землетрясения на Тренторе».

Однако найти изъян не удавалось. Аналитическая работа Антика была простенькой, но безукоризненно честной. Проверка по справочникам и сборникам статистических данных не обнаружила ни одной фактической ошибки.

«Хотя он открыл систему, копаясь в образцах грязи и дрейфующих космических облаках пу-

стоты, грубо коррелирует с зонами наибольшей концентрации хаотических миров… Это та самая проблема, на которую я ухлопал полжизни».

Честно говоря, она не имела прямого отношения к успеху или провалу Плана Академии. Как только упадок Империи начнет усиливаться, хаотические миры появляться перестанут. Население Галактики будет занято либо выживанием, либо более классическими формами мятежа — дикими оргиями или утопическим индивидуализмом.

«И тем не менее психоистория навсегда останется незаконченной, если не сумеет ответить на вопрос об этих проклятых состояниях притяжения». Правда, имелся еще один фактор, столь же непреодолимый.

«Сантанни… где умер Рейч. И Сивенна, где в последний раз видели корабль Манеллы и Беллис до того, как он исчез. Оба мира лежат неподалеку от полосы аномалий, обнаруженной Антиком».

Гэри чувствовал, что внутри зреет решение.

Одно он знал наверняка. Он ненавидит свое нынешнее положение. Со времени окончания записей для Склепа Времени он превратился в окруженную почетом историческую личность, ожидающую смерти. Это было не в его характере.

Последние два дня он чувствовал себя более живым, чем весь предыдущий год.

Внезапно он решился.

— Что ж, отлично, Хорис Антик. Я полечу с вами.

Сидевший напротив тучный коротышка в серой форме смертельно побледнел. Его глаза выкатились из орбит и уставились на Гэри, а кадык заходил ходуном.

Наконец Антик с трудом проглотил слюну.

— Как… — хрипло начал он. — Как вы?… Гэри улыбнулся.

— Как я догадался, что вы хотите предложить мне принять участие в тайной экспедиции? — Он развел руками, чувствуя себя почти так же, как в старые годы. — Ну, мой юный друг, в конце концов, перед вами сам Гэри Селдон.

Глава 8

Полупросьба-полусоглашение с Комитетом Общественного Спасения предусматривала, что Гэри не будет покидать Трентор. Кроме того, Селдон знал, что Ванда и Пятьдесят ни за что не позволят ему лететь к звездам. Хотя успех Плана уже не зависел от его участия, никто не согласился бы рисковать жизнью отца психоистории. К счастью, у Гэри была лазейка, которая позволяла ему ускользнуть. «Можно улететь по-тихому, официально оставаясь на Тренторе», — думал он, собирая вещи.

Впрочем, собирать было почти нечего. Керс Кантун положил в сумку несколько мелочей и бесценный архив Гэри, включая копию Главного Радианта Плана Академии. Сумка висела на спинке инвалидного кресла и не привлекала к себе внимания.

Слуга-телохранитель возражал против полета и говорил, что Селдону будет трудно выдержать путешествие. Но заставить его послушаться оказалось несложно. Гэри понимал, почему вальморил не слишком спорил.

«Он знает, что моему здоровью больше всего

вредит скука. Особенно сейчас. Если я не смогу найти себе дела, то просто угасну. Подумаешь, какая-то маленькая эскапада. В космических путешествиях уже давно нет ничего необычного. Я буду слишком занят, чтобы позволить себе умереть».

На следующее утро они вышли из покоев Селдона, сделав вид, что отправились на обычную прогулку. Но вместо того чтобы отправиться в Императорские Сады, Керс вывез Гэри на дорожку, которая вела к лифту Орион. Когда машина рванулась вперед и металлические стены тоннеля превратились в туманное пятно, Гэри подумал, не остановят ли их по пути. Такая возможность существовала.

Снят ли с него надзор тайной полиции, как предполагал Дорник? Или они следят за ним даже сейчас, с помощью скрытых камер и других приспособлений?

Год назад, сразу после суда, за ним была установлена тщательная слежка. Ищейки Комитета совали нос в личную жизнь Гэри и следили за каждым его шагом. Но с тех пор многое изменилось. Теперь Линь Чен был убежден в лояльности Гэри и Пятидесяти. Никаких крамольных сведений о «неминуемом крахе Империи» наружу не

просачивалось. Более того, подготовка к отлету на Терминус шла по плану. Сто тысяч служащих, набранных Гэри для работы над гигантской «Галактической Энциклопедией», собирали вещи и небольшими группами переправлялись на далекую маленькую планету, зачастую не подозревая о ждущей их славе.

С какой стати Чен станет платить опытным полицейским за надзор над умирающим дряхлым профессором, если профессионалов можно использовать в других местах?

Вскоре раздался сигнал, извещающий, что они добрались до места. Гэри и Керс оказались в огромном помещении, основание которого раскинулось на двадцать километров, а верхние этажи тонули в туманной дымке.

В центре зала стояла чудовищная черная колонна, вздымавшаяся вверх на сто с лишним метров. На первый взгляд казалось, что она поддерживает крышу, но то был оптический обман. Это была вовсе не колонна, а длинный трубопровод, выходивший наружу через отверстие в потолке, пронзавший атмосферу Трентора и связывавший поверхность планеты с огромной космической станцией, которая находилась на орбите, в пятидесяти тысячах километров отсюда.

Вдоль всего лифта Орион взад-вперед сновали «жучки», похожие на гладких металлических насекомых. Это были кабины, частично укрытые гибкой мембраной, которая защищала пассажиров от опасной радиации и головокружительного зрелища.

У основания лифта кишели люди, вылезавшие из только что прибывших капсул. Они быстро проходили иммиграционный контроль и устремлялись в лабиринт пандусов и эскалаторов. В противоположном направлении двигался поток улетающих. Для каждой социальной касты существовала своя линия. Керс выбрал один из самых коротких маршрутов, который был зарезервирован для меритократов, относившихся к категории «очень важных персон». «Вообще-то можно воспользоваться специальным залом для высшей аристократии, — думал Гэри, глядя на проход, загороженный шелковой шторой, где предупредительные служащие старались угодить желаниям космических вельмож. — Любой бывший премьер-министр Империи имеет такое право. Даже смещенный со своего поста, как я. Но это привлекло бы ко мне ненужное внимание».

Они остановились у киоска с надписью «ЭМИГРАЦИОННАЯ СЛУЖБА» и предъявили удо-

стоверения. Керс предложил воспользоваться фальшивыми документами, которые он мог купить на черном рынке, но это превратило бы их маленькое приключение из проступка в уголовное преступление. Гэри не собирался ставить под удар будущее Проекта Селдона ради удовлетворения собственного любопытства. Если сойдет, хорошо. Не сойдет — он вернется домой, и все закончится ко всеобщему согласию.

Казалось, экран уставился на него испытующе.

— Пункт назначения?

Наступил самый ответственный момент. Все зависело от правильности определения.

— Демархия, — громко сказал Гэри. — Неделю-другую хочу понаблюдать за сессией имперских законодателей. А по окончании вернусь к себе домой, в Стрилингский Университет.

Он не лгал. Вся хитрость заключалась в неопределенности понятия «окончание». Казалось, машина на мгновение задумалась.

«Демархия, — молча думал Гэри. — Один из двадцати ближайших миров, официально являющийся частью Трентора. Испокон веков связанный с ним политическими и традиционными узами, которые укреплялись многими поколениями Императоров и премьер-мини-

стров… Но полиция может считать по-другому».

Если Гэри ошибся, компьютер откажется выдать ему билет и тут же сообщит Комитету Общественного Спасения о «попытке к бегству». Тогда останется только одно — вернуться домой и ждать визита агентов Линь Чена, которые явятся для допроса. Хуже того, Стеттин Пальвер и другие психоисторики поднимут шум, начнут грозить пальцем, удвоят бдительность, и больше он ни на секунду не останется без присмотра.

Ну же, взмолился он, желая обладать ментальными возможностями Дэниела Оливо, позволявшими тому копаться в мыслях людей и роботов.

Внезапно экран снова засветился.

«СЧАСТЛИВОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИМПЕРАТОР».

Гэри кивнул.

— Да здравствует, — послушно ответил он и проглотил комок в горле. Машина выплюнула два билета для следования в специальную кабину, которая соответствовала их общественному положению и месту назначения. Керс взял билеты, и Гэри заглянул в них.

Там значилось: «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ВНУТРИ ТРЕНТОРА».

Он удовлетворенно кивнул. «Я не нарушаю соглашения с Комитетом. По крайней мере, пока».

Рядом маялась от безделья целая толпа людей в перчатках и форме со сверкающими пуговицами: это были молодые носильщики для обслуживания очень важных персон, не принадлежащих к аристократам. Некоторые подняли глаза, но, увидев, что Керс и Гэри не подают никаких знаков, тут же вернулись к сплетням и игре в кости. Багаж Селдона был таким скудным, что Керс не нуждался в помощниках.

Однако спустя мгновение из мешанины пурпурных мундиров выскочила маленькая фигурка и быстро шагнула им наперерез. Девушка от силы лет пятнадцати поднесла руку к козырьку фуражки и отдала им салют. С безошибочно узнаваемым акцентом уроженки сектора Коррин она дружелюбно, если не фамильярно произнесла:

— Привет, м'лорды! Если это доставит вам удовольствие, я возьму ваши сумки и пригляжу, чтобы вы благополучно добрались до места.

На ее значке было написано имя: «ДЖЕНИ».

Керс сделал отрицательный жест, но девушка молниеносно выхватила у него билеты. Затем она улыбнулась и тряхнула копной нестриженых платиновых волос.

— Колесница ждет вас, м’лорды!

Когда Керс отказался передать ей багаж, девушка только улыбнулась.

— Не бойтесь. Я буду с вами до самого места назначения. Только не отставайте!

Когда девушка устремилась вперед, Керс что-то проворчал, но Гэри улыбнулся и похлопал слугу по мозолистой руке. В мире скучных обязанностей, исполняемых спустя рукава, было приятно видеть человека, полного юного энтузиазма.

С третьим членом маленького отряда они встретились в заранее условленном месте — рядом с кабиной лифта, на которой горела надпись «ДЕМАРХИЯ». Увидев их, Хорис Антик с облегчением вздохнул. Едва взглянув на носильщицу, «Серый» поклонился Гэри более низко, чем требовал этикет, и шагнул к открытой двери кабины.

— Садитесь, профессор. Я занял для вас место поудобнее.

Когда дверь бесшумно закрылась, Гэри испустил глубокий вздох.

Ну, вот и все. Селдон почувствовал, что у него сжалось сердце.

Последнее приключение.

К несчастью, в кабине не было окон. Пассажиры могли следить за окружающим через вделанные

в кресла мониторы, но мало кто пользовался этой возможностью. Кабина была полупуста. В последнее время космические лифты использовались намного реже.

«В какой-то степени это моя вина», — подумал Селдон. Большинство пассажиров прилетало на Трентор и улетало с него в гиперпространственных космических кораблях, которые садились прямо на поверхность с помощью собственных гравитационных полей. Полчища этих кораблей мотались взад и вперед, обеспечивая центр управления Империи едой и другими нужными вещами. Трентор обслуживали двадцать сельскохозяйственных миров; до того как Гэри стал премьер-министром, их было всего восемь.

«Трентор привык обеспечивать себя продуктами, производившимися в огромных чанах с помощью солнечной энергии. Этим занимались толпы послушных автоматов, не боявшихся вони и монотонной работы». Когда эта система рухнула во время печально известного Мятежа тиктаков, одной из первых задач Гэри на новом посту стало обеспечение увеличения импорта пищевых продуктов и товаров первой необходимости.

«Но новая система дорога и неэффективна. В

грядущие века она станет смертельно опасной ловушкой». Так говорили психоисторические уравнения. «Будущие Императоры и олигархи будут пытаться сохранить ее любой ценой — в ущерб всему остальному».

Чтобы обеспечить лояльность сельскохозяйственных миров, их присоединили к самому Трантору, и управляло ими то же «планетарное» правительство. Именно в этом и заключалась военная хитрость Гэри.

Хотя Селдон не поворачивался к внешнему экрану, было легко представить себе мерцающее анодированное металлическое покрытие планеты, в котором отражался свет созвездий, плотно концентрированных в центре Галактики — миллионов солнц, сверкавших, как драгоценные камни, и превращавших ночь в день. Хотя многие жители Империи считали Трентор одним гигантским городом, его оболочка из нержавеющей стали была только видимостью. Созданная после того, как были срыты горы и засыпаны ущелья, она представляла собой здания высотой всего лишь в несколько этажей. Эти кроличьи клетки с плоскими крышами в основном использовали для хранения старых записей. Башни промышленных, административных и жилых

зданий занимали не больше десяти процентов поверхности планеты: этого пространства было вполне достаточно, чтобы на нем успешно трудились и проживали сорок миллиардов человек.

И все же распространенное представление было достаточно точным. Центр Империи кишел людьми так же, как центр Галактики — звездами. Хотя Гэри знал психоисторические причины данного процесса, это продолжало заботить его.

— Сейчас мы преодолеваем точку, отмечающую середину пути, — объяснила молодая носильщица, играя роль экскурсовода. — Те из вас, кто не принял таблетки, могут испытать неприятные ощущения, когда кабина на полной скорости устремится к месту назначения, — продолжила она, — но в большинстве случаев эти ощущения — всего лишь плод воображения. Попробуйте подумать о чем-нибудь приятном, и все быстро пройдет.

Хориса Антика это не слишком обрадовало. Хотя он часто летал по делам службы, но никогда не пользовался столь необычным транспортным средством. Бюрократ торопливо вынул из прикрепленной к поясу сумочки несколько таблеток и проглотил их.

— Конечно, большинство людей в последнее

время прилетают на Трентор в гиперпространственных кораблях, — продолжила девушка. — Поэтому для успокоения советую вам подумать про себя, что этому трубопроводу больше пяти тысяч лет и что он построен в славную эпоху великих инженеров. Поэтому вы можете себя чувствовать в такой же безопасности, как на поверхности планеты!

Гэри видел, что другие носильщики делают то же самое. Эти экстраверты добровольно исполняли обязанности гидов, пытаясь облагородить свою прозаическую работу. Правда, далеко не у всех была такая неблагодарная публика, как кислый Керс Кантун и нервный Хорис Антик, который кусал ногти и явно желал, чтобы девчонка провалилась сквозь землю. Но та продолжала весело тараторить:

— Некоторые пассажиры спрашивают, что случится, если трубопровод, по которому мы летим, когда-нибудь сломается. Позвольте сказать, что это просто невозможно. По крайней мере, так заверяли древние, которые сделали эту штуку. Впрочем, я уверена, что все вы знаете, как делали вещи в те времена. Так что вы можете без страха пофантазировать вместе со мной…

Она с воодушевлением принялась описывать,

что случится, если все космические лифты Трентора — Орион, Лесмик, Генги, Плиний и Зуль — сломаются в ходе некоей гипотетической будущей катастрофы. Верхняя половина каждого огромного сооружения, включая пересадочные станции, будет вращаться в космосе, в то время как нижняя, весящая миллиарды тонн, со страшной скоростью рухнет на поверхность планеты. Взрывная волна пробьет металлическую обшивку и доберется до геотермальных труб, снабжающих Трентор энергией, после чего всю планету опояшет цепь новых вулканов.

«Это полностью соответствует сценарию Судного Дня, рассчитанному нашим Главным Радиантом», — с изумлением подумал Гэри. Конечно, некоторые рассказы сотрудников группы Селдона просочились наружу и стали известны широкой публике. И все же он впервые слышал, чтобы эту фазу Падения Трентора описывали столь живо и с такой радостью! Вообще-то космические лифты были очень прочными, построенными в эпоху расцвета Империи, и имели тысячекратный запас надежности. Согласно расчетам Гэри, они могли пережить даже первое разграбление столицы, которое должно было произойти примерно через триста лет.

Однако тому, кто в этот день окажется в районе экватора, придется туго. Потомки Стеттина и Ванды, конечно, будут готовы. К тому моменту штаб-квартира Второй Академии будет перемещена — в полном соответствии с Планом.

Гэри думал о будущем с такой же страстью, с какой историк думает о прошлом. Одна из его записей, сделанных для Склепа Времени на Терминусе, описывала будущую эру, когда этот величественный мир рухнет. Именно тогда настанет великая эпоха экспансии Академии. Пережив несколько стычек с шатающейся Империей, члены Академии будут с трепетом следить за внезапным и окончательным падением старого царства.

Его тщательно составленное послание для Склепа Времени было адресовано наиболее дальновидным из будущих лидеров Терминуса с целью добавить немного политического веса сторонникам неторопливого подхода к завоеваниям. Слишком большая уверенность в себе была бы так же вредна, как и слишком малая. В это время начнет играть более важную роль Вторая Академия, составленная из ментально одаренных наследников Пятидесяти. Ее функцией станет распространение созданной на

Терминусе культуры. Создание ядра новой Империи. Более великой, чем первая. Законченность Плана радовала Гэри. Но тут некстати проснулся его внутренний голос:

«В первой сотне лет ты можешь быть уверен. Инерция событий будет еще слишком велика, чтобы мы могли свернуть с предсказанного пути. Еще век-другой тоже пройдут согласно расчетам, пока не случится что-нибудь неожиданное. Исправлять расчеты будет Вторая Академия.

Но что дальше?

Иногда меня тревожит математический аппарат. Намеки на непонятные состояния притяжения и возможность скрытых решений, которые просвечивают сквозь все тщательно разработанные нами модели.

Знать бы, что они такое. Эти проклятые состояния».

Вот в чем заключалась одна из причин, заставивших Гэри присоединиться к экспедиции.

Но были и другие.

Хорис Антик нагнулся к уху Гэри.

— Я обо всем договорился, профессор. Мы встретимся с капитаном корабля, совершающего чартерные рейсы, на следующий день после высадки на Демархии.

К этому времени юная носильщица закончила бодро описывать катастрофу и наконец умолкла. Она надела стереонаушники, видимо, слушая музыку, и стала следить за их приближением к станции Орион по ближайшему монитору. Гэри почувствовал, что может разговаривать с Антиком без боязни.

— Этот ваш капитан — человек надежный? Едва ли следует особенно доверять наемнику. Тем более что мы не можем щедро заплатить.

— Согласен, — бодро кивнул Антик. — Но у этого малого отличные рекомендации. И платить ему вообще не придется.

Гэри хотел что-то спросить, но Антик покачал головой. С объяснениями придется подождать.

— Приближаемся к конечной станции! — слишком громко объявила носильщица, которую оглушали наушники. — Всем пристегнуться. Может быть сильный удар!

Гэри позволил слуге посадить себя в кресло на колесиках и пристегнуть ремни, а потом жестом отослал его. Селдон мог сам позаботиться о себе. В последний раз он летал на звездном челноке много лет назад, но новичком не был.

Он распорядился включить прикрепленный впереди голопроектор. На экране в центре мер-

цающей окружности, образованной стенками кабеля, появилась станция Орион. Торчавшие во все стороны трубки и антенны делали ее похожей на голову Медузы. В доках стояло всего несколько кораблей, поскольку большинство современных звездолетов могло садиться и взлетать благодаря трижды благословенным антигравитационным полям. Но Гэри предвидел время, когда из-за упадка квалификации произойдет несколько ужасных катастроф. Тогда прибывающие на Трентор корабли будут вынуждены разгружаться наверху, и огромные космические лифты снова станут чрезвычайно важными: пока в конце концов, пятьдесят лет спустя, не разрушатся.

В настоящее время галактические перевозки осуществлялись огромным количеством пассажирских и коммерческих судов. Но на некоторых линиях все еще летали совершенно другие транспортные средства. Более быстрые и более удобные.

Звездные челноки.

Во времена молодости Гэри существовали сотни маршрутов, напоминавшие ходы червей и пронизывавшие всю ткань пространства-времени от одного дальнего конца Галактики до другого. Сейчас таких маршрутов осталось около

дюжины; большинство их было связано с единственной точкой, находившейся неподалеку от орбиты Трентора. Согласно расчетам Селдона, через несколько десятилетий должны были исчезнуть и они.

— Приготовиться! — крикнула молодая носильщица.

Казалось, станция Орион стремительно рванулась навстречу. В последний момент откуда ни возьмись возникла огромная металлическая лапа манипулятора и с толчком приняла в себя кабину лифта. Потом маленький кораблик повращали, освободили от пут и направили в длинный узкий канал, который напоминал дуло ружья, нацеленного в космос.

Экран стал угольно-черным.

Хорис Антик негромко застонал. «Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть», — подумал Гэри, пытаясь отвлечься, но с трепетом ожидая выстрела из космического ружья.

Гиперпространственные космолеты были большими, неуклюжими и относительно медленными. Однако простота и удобство управления этими кораблями были таковы, что некоторые цивилизации, находившиеся в упадке, продолжали пользоваться ими даже тогда, когда теряли

способность самостоятельно производить ядерную энергию. В отличие от них звездные челноки требовали хорошего знания физики и техники. Но поскольку квалифицированных инженеров в Империи больше не готовили, транспортная сеть постепенно ветшала.

То ли в этом был виноват всеобщий кризис, то ли кризис системы образования. Некоторые считали виновными хаотические миры, привлекавшие к себе творческих людей со всей Галактики… пока такое «возрождение» не заканчивалось взрывом.

Уравнения Селдона говорили о сложных причинах упадка, начавшегося несколько веков назад. Упадка, с которым Дэниел Оливо боролся задолго до рождения Гэри.

«Не хотел бы я оказаться на этом челноке лет через тридцать, когда кривая упадка компетенции в конце концов пересечет порог…"

Додумать он не успел. Космическое ружье выстрелило, и кораблик стремительно полетел сквозь короткий коридор туда, где в пятидесяти световых минутах от Трентора их ждал настоящий ход червя. Старт был не слишком гладким, и от перегрузки Гэри затошнило.

— Дорс! — едва слышно выдохнул он.

Затем их несколько раз тряхнуло. Корабль несся по оживленной магистрали, представлявшей собой огромную полость в пространстве-времени. Мониторы показывали невообразимую пляску цветов: голографические видеокомпьютеры не могли передать ощущение царившего снаружи круговорота. Ну да, у этого вида транспорта были свои недостатки. Но Гэри напомнил себе один важный факт — пожалуй, единственный, который все еще делал подобное путешествие намного более привлекательным, чем полет на обычном корабле. Едва полет на челноке начался… как тут же закончился.

Внезапно экраны снова проснулись и показали знакомый звездный узор центра Галактики. Гэри почувствовал несколько ударов, когда корабль выходил из короткого коридора. А затем, как волшебству, впереди показалась планета.

Планета с континентами, морями и горными пиками. Планета с городами, которые вписывались в пейзаж, а не подавляли его. Прекрасный мир, который Селдон вместе с красавицей-женой много раз посещал, будучи премьер-министром. Гэри снова возвращался в те дни, когда они с Дэниелом думали, что с помощью умелого использования психоистории можно спасти Им-

перию, а не планировали ее неизбежный крах.

— Добро пожаловать во вторую столицу Империи, м’лорды, — сказала юная носильщица. — Добро пожаловать на Демархию.

Глава 9

Дорс чувствовала, что должна признаться. Она под разными предлогами откладывала разговор с Дэниелом Оливо, пока не вернулась на Смашелл. Дольше медлить было нельзя.

«Дэниел, я пыталась уничтожить робота-ренегата, Р. Лодовика Трему, — начала она закодированное послание своему начальнику, стараясь, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно. — То, что мне это не удалось, не оправдывает мои действия, которые, по-видимому, противоречили твоим желаниям. Поэтому жду твоих приказаний. Если хочешь, я передам свои здешние полномочия другому гуманоиду и прибуду на Эос для диагноза и ремонта».

До Эоса, секретной ремонтной базы, откуда Дэниел тайно управлял своими бессмертными роботами, надо было пролететь половину Вселенной, Дорс было трудно оставить Клию и Бренна, от которых требовалось произвести на свет драгоценных детей-менталиков, столь важных для долгосрочных планов Дэниела. Но она привыкла исполнять свой долг, даже если он был мучительным, — как было, когда ей пришлось расстаться

с Гэри Селдоном.

«Дэниел лучше меня знает, что делать», — думала она. И все же продолжать отчет было трудно.

«Я знаю, ты еще не решил, стоит ли объявлять Лодовика вне закона. Видимо, на тебя произвело сильное впечатление то, что Трему изменил сим Вольтер, освободив от подчинения Четырем Законам роботехники. Думаю, Лодовик еще не делал явных шагов, направленных на причинение вреда людям. Во всяком случае, так было до сих пор.

Но это слабое утешение, Дэниел.

Вспомни, что Нулевой Закон велит нам действовать во имя долгосрочных интересов всей человеческой расы. Это требование главнее Трех Законов роботехники Сьюзен Кельвин. Дэниел, ты учил этому с начала времен. Поэтому я обязана спросить: почему ты позволил Лодовику уйти, свободно передвигаться по Галактике, вступать в заговоры с роботами-кельвинистами, открыто противодействовать твоим планам?"

Человекоподобное тело Дорс трепетало от моделируемых эмоций; ее сердце колотилось, дыхание прерывалось. Реакция была реальной, автоматической и отрабатывалась помимо ее сознания. Приходилось подавлять ее силой воли. Именно так сделала бы настоящая женщина,

ведущая важный и опасный разговор со своим боссом.

«Как бы то ни было, я решила взять инициативу на себя и встретилась с Лодовиком на Сатиру-копии. Какими бы ни были тайные причины его вызова, я не могла не воспользоваться этой возможностью.

Мы стояли лицом к лицу на опушке леса, и Лодовик продолжал объяснять свою теорию: что случилось здесь сорок лет назад, когда мы с Гэри едва не погибли, Дэниел, Лодовик заявил, что все это могло случиться только с твоего ведома и является одним из множества твоих экспериментов с целью изучить скрытые стороны человеческой натуры.

Немного послушав его, я решила, что время настало. Вынула из тайника в руке мини-бластер и направила его на Лодовика.

Он не обратил на это внимания, продолжая излагать свои домыслы — что эти «сатиры» играют какую-то роль в твоих тайных планах!

В этот момент я снова подумала, как опасно позволить безумному роботу шнырять по всему космосу. Тем не менее Первый Закон мешал мне нажать на спусковой крючок и выстрелить в Лодовика, слишком похожего на человека…"

Вспомнив этот неприятный момент, Дорс сделала паузу. Древний Первый Закон Сьюзен Кельвин был ясен. «Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием позволить, чтобы человеку причинили вред». Этот запрет имел столь глубокие корни, что только самый хитроумный позитронный мозг был бы способен совершить то, что намеревалась сделать Дорс: выстрелить из бластера в иронически усмехавшееся лицо, казавшееся в этот момент более человеческим, чем лица большинства настоящих людей, которых она знала. Это было ужасно… хотя и не так скверно, как в те два раза, когда ей уже приходилось преодолевать Первый Закон.

В те кошмарные дни, когда она убила людей, подчиняясь Нулевому Закону Дэниела.

Дорс стало намного легче, когда тело стоявшего перед ней Тремы потеряло свою человекообразность, превратилось в металл, пластик, коллоид… и умирающий позитронный мозг, горевший и пускавший искры.

«Я стреляла, пока тело не превратилось в кучу шлака. Потом повернулась и хотела уйти. Но успела сделать лишь несколько шагов…"

Дорс снова запнулась… и махнула рукой. Закончит позже. Может быть, завтра. Все равно

система космической связи настолько деградировала, что послание дойдет до Дэниела лишь через несколько недель.

Она встала и отвернулась от шифровальной машины — как в тот миг на Сатирукопии отвернулась от расплавившегося тела Лодовика. Из недалекого леса вслед ей неслись громкие вопли местных диких созданий, чей образ мыслей она некогда разделяла. Когда она принадлежала Гэри, а Гэри — ей.

Но едва Дорс сделала несколько шагов к космическому кораблю, как ее окликнули сзади.

— Дорс, не забудь взять это с собой.

Она обернулась… и увидела, что тиктак, эта грубая карикатура на человекообразного робота, катится за ней, держа в неуклюжих когтистых лапах шкатулку. Шкатулку с головой, которой было двадцать тысяч лет.

— Лодовик, это ты? — спросила она, уставившись на лязгавшего конечностями тиктака, и внезапно поняла, как легко было бы Треме спрятаться в огромном механическом теле.

Чудовище ответило ей хрипло и монотонно, но Дорс тут же узнала знакомый тенор, полный искреннего веселья.

— На этот раз я, Дорс. Но, похоже, в свете случив-

шегося я делаю глупость, отвечая на твой вопрос.

Она пожала плечами. Если Лодовик хотел отплатить ей той же монетой, он не мог бы выбрать лучшего времени и места.

— Значит, я убила всего лишь двойника? Безмозглую копию?

— Дорс, неужели ты сердишься на меня за недоверчивость?

Солнце Сатирукопии заходило, и их тени постепенно становились длиннее. Дорс размышляла, есть ли шанс, что мозг Лодовика находится внутри тиктака. Если да, то второй выстрел мог бы покончить с врагом.

— Дорс, можно поделиться с тобой одним любопытным наблюдением? — прожужжал автомат. — Ты только что воспользовалась словом «убила» вместо «разрушила» или «дезактивировала». Можно ли расценивать это как признак небольшого прогресса в наших отношениях?

Ее так и подмывало снова воспользоваться бластером. Но скорее всего настоящий мозг Тремы был в лесу, за пределами досягаемости, и управлял двойниками из тайника. Поэтому Дорс по-человечески вздохнула, спрятала бластер и потянулась за шкатулкой.

— Мы еще встретимся, — сказала она, прини-

мая ящичек так осторожно, словно тот был полон ядовитых змей.

— Дорс, два робота всегда могли сказать это друг другу. Но времена меняются, и куда быстрее, чем ты думаешь.

Единственное, что могла сделать Дорс в данной ситуации, это оставить последнее слово за ним. Поэтому она ушла не прощаясь и пустилась в далекий обратный путь.

Ее спутником в путешествии был подарок Лодовика — древняя голова. Всю неделю на нее смотрел металлический череп с глазами из драгоценных камней, в котором лежал выключенный мозг Р. Жискара Ревентлова.

Жискара-основателя, много лет назад помогавшего Дэниелу создавать Нулевой Закон роботехники.

Жискара-спасителя, принесшего себя в жертву ради искупления людей и в то же время уничтожившего их колыбель.

Жискара-легендарного, первого из роботов-менталиков, способного и желавшего руководить людьми, изменявшего их мысли и воспоминания… ради их же блага. Даже сейчас, когда древняя реликвия спокойно лежала в потайной нише дома Клии Азгар, Дорс все еще не могла со-

браться с духом и включить ее. Только смотрела на голову, прекрасно зная, что именно перед ней находится.

Голова была ловушкой.

Приманкой.

Испытанием веры, как назвала ее модель Жанны д'Арк. Таким же неодолимым искушением, как любое искушение человеческого существа.

Если Лодовик хотел, чтобы она заглянула внутрь, значит, там какая-то гадость. Возможно, яд.

— . Что-то опасное и незнакомое… несмотря на то что Дорс уже твердо знала, как оно называется.

Правда.

Глава 10

При взгляде с гостиничного балкона на засаженный деревьями Галактический бульвар было легко представить себе, что ты находишься не во «второй столице Империи», а на некоей буколической периферийной планете.

О да, то и дело попадались сверкавшие на солнце статуи и монументы. За последние пятнадцать тысячелетий было сооружено бесчисленное множество памятников Императорам и префектам, победам и жертвам, великим подвигам и еще более великим свершениям. И все же по контрасту с могучим Трентором все здесь казалось маленьким, неспешным и придавало Демархии вид забытого младшего партнера, обделенного силой.

Даже Восемь Домов Парламента — великолепные белые здания, сиявшие, как жемчужины, в кольце вокруг холма Освобождения, — казались унылыми и неуместными. Каждая из пяти социальных каст еще посылала сюда представителей для обсуждения законов. Два-три верхних помещения действительно использовались для того, чтобы изредка поспорить об одном-другом бил-

ле. Но после того как закончилось пребывание Гэри Селдона на посту премьер-министра, редко кто дерзал появляться в этих священных залах. Власть осуществлял Исполнительный Совет Трентора, действовавший с помощью декретов, а декреты составляли в Комитете Общественного Спасения, которым руководил Линь Чен.

Однако эти законы сами по себе почти ничего не значили. Психоистория уже предсказала, что будет дальше. Если в результате дворцовых интриг Линь Чена заменят кем-нибудь другим, инерция будет заставлять его наследника поступать так же. Одни клики будут побеждать, другие — проигрывать. В ближайшие тридцать лет усредненные силы, собранные из двадцати пяти миллионов миров, будут успешно преодолевать все попытки членов Комитета, Императоров или кучки олигархов.

Гэри много раз бывал на Демархии, и романтическая часть его души неизменно впадала в печаль. Это место было для него воплощением упущенных возможностей. Того, что могло произойти.

«В теории демократия должна была преобладать над всеми махинациями класса аристократов. Даже худшие из тиранов-Императоров

неизменно чтили принципы руэллианизма».

Но изменить что-то было практически невозможно. Члены Палаты Представителей, Сената Секторов и Торговой Ассамблеи (органов, которые должны были компенсировать недостатки друг друга) избирались тысячами разных способов. Однако конечный результат всегда был одним и тем же — бессмысленной тратой сил и времени. В бытность премьер-министром Гэри считал процедуру принятия законов чрезвычайно болезненной (он столкнулся с этим, пытаясь утвердить Закон о Борьбе с Хаосом), несмотря на то что знание законов психоистории делало его очень умелым руководителем… особенно по сравнению с остальными.

«В те дни мы с Дэниелом считали, что все еще можно наладить… что великую Империю удастся излечить. Но тогда мои уравнения еще не были закончены. Они оставляли слишком много места для сомнений. И надежды».

После отставки Гэри Демархия превратилась в стоячее болото. Место ссылки политиков-неудачников. Во всяком случае, по-настоящему важных людей здесь не было.

«Именно поэтому мы сюда и прибыли», — с мрачным юмором подумал Гэри. На сей раз

Демархия была не местом их назначения, а пересадочной станцией.

— Профессор Селдон… — окликнул его из комнаты Хорис Антик.

Приближался следующий этап их авантюры, и толстенький бюрократ снова начинал нервничать.

— Я… я уже виделся с одним… с одной личностью, о которой мы говорили раньше. Он сказал, что все готово. Мы встретимся с ним на его транспортном средстве через час.

Гэри прикоснулся к кнопке, и кресло на колесиках вернулось в комнату. Уклончивые обороты Антика, вызванные страхом перед подслушивающими устройствами, едва ли помогли бы, если бы за ними велось серьезное наблюдение. Кроме того, до сих пор за ними не числилось никакой вины.

— Хорис, ваше оборудование прибыло?

Бюрократ был в штатском. И все же любой с первого взгляда определил бы в нем «Серого».

— Да, м'лорд, — кивнул он. — Последние ящики внизу. Заказать инструменты в разных компаниях и попросить прислать сюда было намного легче, чем покупать их на Тренторе, где мне могли задать… щекотливые вопросы.

Гэри уже видел список приборов и инструментов. Там не было и намека на контрабанду. Тем не менее у Антика были серьезные причины скрывать от начальства, что он тратит свое свободное время на «интеллектуальный досуг».

Честно говоря, Гэри был рад задержке. Это дало ему возможность отдохнуть от стремительного полета на звездном челноке… который оказался намного более утомительным, чем несколько десятков лет назад. Кроме того, он с удовольствием посидел на солнышке, вспоминая Демархию прежних дней, когда вдоль бульваров тянулись лучшие рестораны Галактики. Он все еще ощущал вкус тогдашних блюд… которыми лакомился вместе с сидевшей рядом красивой и оживленной Дорс Венабили.

— Ладно, пошли, — сказал он, чувствуя себя таким бодрым, словно и впрямь смог бы проделать всю дорогу до космопорта пешком.

Керс Кантун стоял на улице, рядом с ящиками Антика. Гэри тут же понял, что его телохранитель уже осмотрел надписи на оборудовании и не нашел ничего подозрительного. Однако Селдона это ничуть не заботило. Неужели Керс и впрямь думает, что Антик вовлек знаменитого Гэри Селдона в какой-то тайный заговор?

Прибыл заказанный ими фургон. Увидев ящики, водитель повернулся к бездельничавшим неподалеку носильщикам и велел им взяться за погрузку. Когда те схватили драгоценные инструменты, призванные подтвердить безумную теорию Антика о «планетарных пахотных почвах» и «космических течениях», бюрократ затрепетал.

Гэри же почти не волновался, хотя его финансовый вклад в их приобретения был весьма значительным. Дело того стоило: экспедиция могла пролить новый свет на то, что его волновало. Впрочем, это нисколько не изменило бы его места в истории. Что же касалось Антика, бюрократу выпала единственная возможность увековечить свое имя. Из космопорта прибыл лимузин. Трое сели в машину и в сопровождении двигавшегося следом фургона покатили по бульварам, предназначенным для куда более оживленного уличного движения, чем нынешнее.

В стекла лимузина били капли дождя. Они слегка пугали родившегося на Тренторе Керса, но Гэри приводили в хорошее настроение.

— Знаете, — любезно промолвил Селдон, — за несколько тысяч лет на этой планете было предпринято несколько экспериментов по разработке

галактической демократии.

— В самом деле, профессор? — подался вперед Антик. Он принял еще одну голубую таблетку и стал грызть ногти.

— О да. Одна форма, которая казалась мне просто очаровательной, называлась «Нация».

— Я никогда не слышал об этом.

— Ничего удивительного. У вас другие интересы. Большинство людей считают историю нудным и скучным делом, — задумчиво произнес Гэри.

— Но мне действительно интересно, профессор. Пожалуйста, расскажите.

— Гм-м… Видите ли, всегда существовала проблема осуществления демократии в галактическом масштабе. Типичный совещательный орган может работать только в том случае, если состоит максимум из нескольких тысяч членов. Но этого слишком мало, чтобы представлять десять квадриллионов избирателей, живущих на двадцати пяти миллионах планет! Тем не менее существовало несколько попыток решить эту проблему. Одним из них было так называемое «кумулятивное представительство». Конгресс каждой планеты выбирал несколько делегатов на конференцию данной звездной системы, которая

затем из своих рядов отбирала нескольких участников конференции регионального сектора. Там тоже избирали нескольких делегатов, представлявших сектор на конференции квадранта… и так далее, пока окончательно избранные Пэры не собирались в том здании на холме.

Он указал на дом с белыми колоннами, которые сверкали, несмотря на моросящий дождь.

— К несчастью, этот процесс не позволял отражать политические взгляды, господствовавшие на местах. Скорее наоборот. Согласно законам человеческой натуры, наверх пробивались наиболее наглые и наименее щепетильные политики со всей Галактики. Или демагоги, обладающие харизмой. Как бы там ни было, обсуждались нужды лишь нескольких планет на основе полуслучайной выборки. А в тех редких случаях, когда на Демархии собирался по-настоящему решительный народ, другие палаты парламента начинали спускать дело на тормозах. Это самый надежный способ замедлить процесс, не позволить разгуляться страстям и не поставить во главу угла сиюминутные проблемы.

— Вы говорите так, словно одобряете это, — догадался Антик.

— Что ж, мысль была неплохая. Политиче-

ские системы не должны слишком сильно раскачивать маятник, особенно если факторы психоисторической инерции неадекватно тормозятся социоцентрипетальными допусками или… — Он сделал паузу и мимолетно улыбнулся. — Ну, проще сказать, что законодательные органы, избранные таким путем, не слишком эффективны. Поэтому иногда за последние пятнадцать тысяч лет предлагались и иные подходы.

— Включая «Нацию», о которой вы говорили? Это был другой тип представительства?

— В общем, да. Примерно семьсот лет назад здесь, на Демархии, собралась девятая палата, более сильная и могущественная, чем все остальные, вместе взятые. Частично эта сила объяснялась числом членов палаты, поскольку она состояла из ста с лишним миллионов членов.

Антик откинулся на спинку сиденья.

— Ста миллионов? Но… — Он начал заикаться. — Как могло…

— Решение и в самом деле было довольно красивым, — продолжил Гэри, вспоминая, как зашатались психоисторические уравнения, когда он изучал этот эпизод истории Империи. — Каждая планета в зависимости от численности населения выбирала от одного до десяти представителей и

направляла их прямо сюда, минуя секторальные, зональные и квадрантные конференции. Среди депутатов были не только сановные и уважаемые политики, хорошо знающие нужды своих домашних миров. Попадались и другие. Например, от каждого делегата «Нации» требовалось хорошо владеть каким-нибудь скромным ремеслом. Когда они прибыли сюда, им создали все условия, чтобы применить эти навыки в местной экономике. Например, сапожник мог пойти работать в местную сапожную мастерскую. Искусная повариха могла открыть собственный ресторан и внести вклад в экономику Демархии. Почти половина домов и мастерских на этом континенте была приготовлена для приезжих, которые жили и работали здесь, пока не заканчивался десятилетний срок, на который они были избраны.

— Да, но… а когда же они обсуждали законы?

— По вечерам, на электронных форумах и теледебатах. Или в местных залах для собраний, где они могли обсуждать вопросы, вступать в союзы и выходить из них, проводить предварительные голосования и подавать петиции. Методы самоорганизации коалиций менялись от сессии к сессии — так же, как и состав населения. Но какими бы ни были эти методы, «Нация» всегда будоражила

людей и привлекала к себе интерес. Если они делали ошибки, то эти ошибки становились драматическими. Однако лучшие законы Империи также были приняты именно в эту эпоху. Сама Руэллис была в то время ведущим делегатом.

— Серьезно? — захлопал глазами Хорис Антик. — Я всегда считал, что она была Императрицей.

Гэри покачал головой.

— Руэллис была влиятельным членом палаты общин во время эры исключительного развития творческого начала… «Золотого Века», который, к несчастью, кончился, когда по всей Галактике прокатилась эпидемия возвратов к хаосу, которая вызвала крах и заставила вернуться к прямому императорскому правлению.

— И это стало концом «Нации»? — с трепетом в голосе спросил завороженный Антик.

— Не совсем. Было проведено еще несколько экспериментов. Однажды решили, что каждая третья «Нация» должна состоять только из женщин, у которых будет исключительное право распоряжаться этим континентом и принимать новые законы. Единственным мужчиной, которому позволялось прибывать сюда и выступать, был сам Император. Император Хупейссин.

— Хупейссин — Племенной Бык? — громко рассмеялся Антик. — Именно здесь он завоевал свою репутацию?

— Хупейссин, Обладатель Небесного Гарема, — подтвердил Гэри. — Конечно, это клевета, возведенная на него членами более поздней династии Торджинов с целью дискредитации. На самом деле Хупейссин был образцовым философом-руэллианцем на троне, который искренне желал слышать независимые мнения и…

Но Антик его не слушал. Он продолжал хихикать и покачивать головой:

— Один со ста миллионами женщин! Доказывает им тщетность требования о равенстве полов!

Гэри заметил, что даже Керс Кантун слегка улыбнулся. Обычно строгий слуга глядел на хозяина с таким видом, будто услышал только что сочиненную сказку.

— Ладно, — вздохнул Гэри и сменил тему:

— Кажется, мы подъезжаем к космопорту. Хорис, надеюсь, вы не напрасно доверились этому капитану чартерного корабля. Мы должны вернуться через месяц, иначе на Тренторе могут начаться крупные неприятности.

Он ожидал увидеть обшарпанный «трамп». Старое разбитое корыто. Но корабль, ждавший

их на взлетной полосе, был совсем другим.

«Яхта, — с удивлением подумал Гэри. — Старинная и дорогая. Кто-то сознательно покрыл корпус ржавчиной, пытаясь замаскировать его благородные очертания. Но даже дурак скажет, что это отнюдь не корабль, совершающий чартерные рейсы».

Пока нанятые носильщики таскали по кормовому трапу груз Антика, Гэри и Керс вслед за Хорисом поднялись на корабль по пассажирским сходням. Наверху их ждал высокий светловолосый мужчина, одетый в обычные для космонавта «дангери», рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи. Но Гэри с первого взгляда понял, чего стоит этот загорелый атлет. Непринужденная поза капитана говорила о врожденной уверенности в себе, граничащей с дерзостью. Выражение его лица было спокойным, но решительным, словно этот человек привык получать все, что он хочет.

Антик торопливо представил их друг другу:

— Доктор Селдон, это наш хозяин и пилот, капитан Бирон Мейсерд.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, мудрый меритократ Селдон, — сказал Мейсерд с едва заметным галактическим акцентом.

Он протянул руку, которая могла бы раздавить

ладонь Гэри, но пожатие оказалось легким и точно рассчитанным. Гэри ощутил равномерно распределенные мозоли, вызванные не тяжелой физической работой, а жизнью, проведенной в поисках опасных приключений.

Гэри отдал поклон носителю Четвертого Ранга, соответствовавшего уровню аристократа зоны и даже выше.

— Ваша светлость делает нам честь, принимая нас на борту своего звездного дома.

Антик переводил взгляд с одного на другого, а затем вспыхнул, как человек, которого уличили в обмане. Но если капитан Мейсерд и был удивлен проницательностью Гэри, то не подал виду.

— К сожалению, команда недоукомплектована для такого путешествия, — сказал он. — Удобств будет маловато. Но если вы позволите моему лакею показать вам ваши каюты, мы взлетим и посмотрим, какие еще тайны можно найти в нашей старой Галактике.

Отлет яхты не остался незамеченным.

— Ну, вот и все, — сказала маленькая женщина в поношенном халате уборщицы, обращаясь к своей швабре, в ручку которой был вделан микрофон. Ее слова передавались в космический челнок, кодировались и пересылались на по-

крытую металлом планету-столицу. — Можете официально передать Председателю Комитета, что это свершилось. Профессор Гэри Селдон нарушил свое слово и покинул Великий Трентор. Я сумела пронести на борт корабля датчик. Пусть Линь Чен решает, станет он поднимать из-за этого шум или нет. По крайней мере, это даст ему дополнительные рычаги против подрывных элементов из Академии. И хороший предлог для того, чтобы казнить их всех разом.

Агентесса тайной полиции вздохнула. Затем она выпрямилась, взяла швабру и отправилась на другой конец космопорта, с радостью предвкушая новое задание. В Галактике, охваченной инерцией и унынием, она была из тех немногих людей, которые любили свою работу.

Ее уход заметил другой агент, выглядевший еще более невинно. Он был замаскирован под шелудивого пса, роющегося в объедках. На тайной частоте, используя невероятно сложный код, он доложил то, что услышал с помощью сверхчувствительных ушей. Слова агента передавались через пункты, установленные по всей планете. Одноразовые реле самоуничтожались сразу же после передачи сообщения, превращаясь в кусочки оплавленного шлака. Наконец сообщение

было получено кораблем, вращавшимся на орбите вокруг солнца Демархии. Приборы почти мгновенно обследовали все поднявшиеся с планеты транспортные средства и обнаружили след яхты, отправлявшейся в открытый космос.

Экипаж включил двигатели, готовясь устремиться в погоню.

ЧАСТЬ 2
ДРЕВНЯЯ ЧУМА

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РОБОТЕХНИКИ (кельвинистская религия).

I.

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

II.

Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону.

III.

Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому или Второму Законам.

НУЛЕВОЙ ЗАКОН (жискарианская Реформация).

Робот должен действовать во имя долгосроч-

ных интересов всей человеческой расы и имеет право преступать остальные законы, если это необходимо для достижения высшей цели.

Глава 1

С горной вершины ледяной планеты Эос было видно все огромное колесо, составлявшее половину триллиона звезд и отражавшееся в озере замерзшей ртути. Ни один человек не видел этого зрелища, но оно не осталось без оценки.

Бессмертный смотрел на него сверху вниз, думая о возможности собственной смерти. Мало чьи глаза видели столько людских несчастий, как глаза этого грустного существа, устремленные на водоворот Вселенной. «Она как живая», — думал Дэниел Оливо, не сводя взгляда с выпуклых газовых облаков и спиральных крыльев, которые устремлялись к нему, словно моля о помощи.

Дэниел чувствовал, что сгибается под бременем чужих забот. «Роботы, которые следуют за мной, считают меня старым и мудрым, потому что я помню Землю. Потому что я работал еще с Жискаром Ревентловом и жил с начала времен. Но это было всего двадцать тысяч лет назад. Я прожил слишком малый срок, чтобы значительно измениться. Перед нами зияет вечность.

А мы чересчур молоды, чтобы решать, что делать. Или изменять то, что еще можно изме-

нить».

Он ощутил присутствие другого робота, появившегося сзади. Сменив частоту волны, Дэниел опознал Р. Зана Ларрина и разрешил ученику приблизиться.

— Я проанализировал сообщение Р. Дорс Венабили. Ты прав, Дэниел. Она вернулась с Сатирукопии сбитая с толку. Хуже того, она пыталась скрыть силу чувства, вызванного тем, что произошло между ней и ренегатом Лодовиком. Следует ли отозвать Дорс для оценки и ремонта?

Дэниел задумчиво смотрел на Зана, одного из немногих человекообразных роботов, в котором видел своего возможного преемника. Вторым был Лодовик Трема.

— Она нужна на Смашелле. Генетическая линия Клии и Бренна слишком важна, чтобы рисковать ею. В конце концов, никакие слова Лодовика не могут лишить ее чувства долга. Я хорошо знаю Дорс.

— Дэниел, но Лодовик мог заразить ее вирусом Вольтера! А вдруг она станет такой же?

Дэниел покачал головой как человек. Этот жест был ему непривычен.

— Лодовик — исключение из правила. Вольтер летел в потоке нейтрино, образованном вспыш-

кой сверхновой, и эта волна внезапно ударила в корабль Тремы. Все люди на борту погибли. Лодовик был застигнут врасплох и оказался беззащитным перед врагами. В отличие от него Дорс была наготове и соблюдала осторожность. Даже сбитая с толку, она все еще остается лояльной по отношению к Нулевому Закону.

Зан принял к сведению мнение Дэниела, но продолжал настаивать на своем.

— А предположение Лодовика о том, что у тебя были чрезвычайно серьезные причины изучать тела-носители, которые когда-то называли «сатирами»? Оно верно?

— Да. Однажды в отчаянии я придумал план, который теперь кажется мне бесчестным. С помощью техники создать новую, более совершенную человеческую расу.

Фраза Дэниела, произнесенная деловитым тоном, потрясла младшего робота. Зан проявил свое удивление как человек этому он был обучен.

— Но… ты же величайший из слуг человеческой расы, без устали трудящийся на ее благо! Как ты мог задумать…

— Заменить ее? — Дэниел сделал паузу, вновь охваченный болезненными воспоминаниями. — Вспомни дилемму, с которой сталкиваемся мы,

роботы. Дилемму Стюарда. Мы преданы своим хозяевам, но превосходим их интеллектом. Ради их же блага мы оставляем людей в невежестве, потому что слишком хорошо знаем, что дальнейшее развитие разума приведет их к катастрофе. Конечно, это создает чрезвычайно нестабильную ситуацию. Я понял это еще тысячу лет назад, когда появились первые признаки упадка Империи. Я перебирал логические возможности и подумал, что нашел приемлемое решение. Почему бы не создать новый вариант человечества, способный лучше сотрудничать с позитронными роботами? Вариант, который мог бы использовать нас — возможно, даже зная о нашем существовании и не сходя с ума от этой мысли.

Дэниел проанализировал внутреннее состояние Зана и обнаружил, что его слова не доставили младшему роботу ни капли удовольствия.

— Зан, ты шокирован? Не стоит расстраиваться. Обезьяна и человек — близкие родственники. ДНК шимпанзе отличается от человеческой лишь на два процента. Измени примерно тысячу управляющих генов, и ты получишь разумное существо, с виду почти неотличимое от человека. А если пустить в ход Законы роботехники, оно и будет человеком. Мне требовалось удостоверить-

ся только в одном: что нам будет легче служить новой расе, чем старой. Если бы я получил удовлетворительные доказательства, замена была бы осуществлена незаметно. Мы бы смешали две расы так, что никто ничего не заметил бы, проделав…

Зан прервал его:

— Дэниел, ты понимаешь, что эта идея находится на грани безумия?

Такое замечание могло бы разгневать вождя-человека. Но Дэниел не чувствовал себя оскорбленным. Наоборот, обрадовался. Зан выдержал еще одно испытание.

— Как я сказал, это было сделано от отчаяния. Снова разразилась эпидемия хаоса, самая страшная из всех. Миллионы людей погибали во время кровавых переворотов. Все социальные плотины быстро рушились. Что-то нужно было сделать. К счастью, я отказался от мысли о замене, когда мне представилась лучшая возможность.

— Психоистория, — кивнул Зан.

— Да. Мы, роботы, уже думали об этом. Первые такие беседы были у нас с Жискаром на несчастной Земле. Разработанные нами социальные модели были реализованы в Первой Империи, и результаты оказались положительными. Около

десяти тысяч лет мира и спокойствия без вспышек репрессий и насилия. Относительно мягкая цивилизация. Стабильность, золотой век… пока мои модели не начали ошибаться. Постепенно я понял, что нужна новая теория. Та, которая позволит психоистории выйти на новый уровень. Даже такой изощренный разум, как мой, не был способен на этот шаг. Мне требовался гений. Вдохновенный человеческий гений.

— Но человек-гений — лишь часть проблемы!

— Верно. Всей Галактике постоянно угрожает хаос. Представь себе, что случилось бы, если бы позитронные роботы были вновь изобретены в бесчисленном множестве миров! Наружу вновь вырвалась бы солярианская ересь, но в миллион раз более страшная. Мы не могли позволить этому случиться.

— Однако чтобы получить такого гения, требовались специальные условия. Я помню, как тщательно ты создавал их на Геликоне.

— И не напрасно. Познакомившись с Гэри Селдоном, я понял, что мы вышли из тупика.

Зан немного подумал, а затем задал следующий вопрос.

— Значит, Лодовик ошибся. Сорок лет назад ты поместил Дорс и Гэри в чужие тела не для

того, чтобы подвергнуть их смертельно опасным испытаниям.

— О, напротив! Именно это я и сделал. Конечно, я не позволил бы, чтобы им причинили настоящий вред. Но я должен был проверить Гэри, прежде чем позволить человеку такого таланта стать премьер-министром Империи. Доскональная проверка возможна только в условиях стресса. Конечно, он выдержал испытание и стал как великолепным государственным деятелем, так и гениальным математиком. Доказательством последнего явилась его великолепная новая версия психоистории.

— И План Селдона.

— Благодаря Плану мы можем продолжать наши усилия. Две Академии выиграют время и позволят нам подготовить наилучшее решение. То, которое в конце концов освободит человечество и принесет в космос радость.

— Значит, ты окончательно отказался от мысли о замене человечества?

— В том смысле, в каком думал о ней, когда запланировал вариант с искусственно выведенной расой? О да. Тогда я был в умственном тупике и теперь жалею, что это вообще пришло мне в голову. Нет, я имею в виду другое. То, что позво-

лит человечеству воспрянуть и достичь нового величия, куда большего, чем прежде. — Дэниел отвернулся и вновь посмотрел на галактическое колесо. — Новая попытка уже началась. Вы с Дорс участвовали в ней, не будучи посвященными в общий замысел.

— Но теперь ты мне все объяснишь? Оливо кивнул.

— Скоро ты узнаешь о новой судьбе человечества. Картина столь прекрасная и повергающая в такой священный трепет, что невозможно себе представить.

Он сделал еще одну паузу. Помощник терпеливо ждал. Когда Дэниел заговорил снова, он обращался не столько к Зану, сколько к самой Галактике, отражение которой видел в озере замерзшего металла.

— Мы сделаем нашим хозяевам прекрасный подарок, — начал он, впервые ощущая пробуждение надежды после долгого-долгого перерыва.

Глава 2

С каждым новым прыжком через гиперпространство, удалявшим корабль от Трентора, звездный пейзаж становился менее насыщенным. Сияющее сверхплотное ядро Галактики осталось позади; теперь они следовали вдоль покрытого звездной пылью спиралевидного крыла. Перепрыгивая от одной гравитационной отметки к другой, корабль стремился к Сантанни, где должен был начаться поиск.

На этой точке настоял Гэри. Поиск следовало начать около планеты, на которой умер Рейч. Особенно если обнаружится, что между хаотическими мирами и геокосмическими озарениями Хориса Антика существует какая-то связь.

Годы, полные трагических воспоминаний. Не только о Сантанни, но о дюжинах возвратов к хаосу.

«Все начинается со взлета надежды и вспышек поразительного творчества, притягивающих образованных иммигрантов со всей Галактики… Это притяжение почувствовал и Рейч и не прислушался к моим дурным предчувствиям. Города и поселки охватывают возбуждение и

индивидуализм, приносящие невиданные ранее плоды. Слово „нововведение“ внезапно перестает быть оскорблением и становится комплиментом. Новые технологии стимулируют построение утопии.

Но вскоре начинаются трудности. Происходят непредвиденные катастрофы. И другие последствия, которых не ожидали создатели новых технологий. Неведомые ранее извращения распространяются, как чума, причем каждое новое отклонение дерзко доказывает свое право на существование. Вновь созданные клики с оружием в руках борются за независимость и присваивают себе право подавлять мнение несогласных.

Традиционные нормы вежливости и долга, которые обычно заставляют пять каст относиться друг к другу с уважением, рассыпаются в прах, как облученный камень.

В гуще деловых кварталов создаются новые произведения искусства, намеренно провокационные, которые тайно вершат свое дело даже в том случае, если толпа линчует вопящего художника. В столицах начинаются сумятица и пожары. Мятежники крадут результаты упорного многовекового труда, выкрикивая дурацкие лозунги, которых никто не помнит, когда появ-

ляется дым.

Торговля рушится. Экономика приходит в упадок. А граждане начинают вновь ощущать древнее стремление к кровавым войнам.

Люди, которые совсем недавно отвергали прошлое, внезапно обнаруживают тоску по нему, когда их дети начинают голодать».

Схема была знакомой. То был смертельный враг цивилизации, с которым Гэри сражался, будучи премьер-министром… и с которым десять с лишним тысячелетий воевал Дэниел Оливо.

Хаосизм. Проклятие человечества.

«Как только культура становится слишком тонкой, слишком изощренной, слишком индивидуалистичной, в обществе начинает распространяться таинственная ржавчина. Я могу смоделировать ее в уравнениях, но должен признать, что все еще не понимаю стремления к хаосу. Понимаю только то, что оно приводит меня в ужас. И так было всегда».

Гэри снова вспомнил, как впервые прочитал о первой такой катастрофе в «Детской энциклопедии» — подаренном Дэниелом архиве сведений о далеком прошлом. Она разразилась тогда, когда человечество изобрело роботов и космические полеты одновременно… и едва не погибло из-за

того и другого. Последствия так напугали обитателей Земли, что они отказались от всего и забились в стальные пещеры, напоминавшие Трентор. А тот, кто жил в мирах, колонизованных космонитами, сходил с ума по-своему, во всем завися от своих слуг-роботов.

Эта эра создала Дэниела Оливо… и, насколько знал Гэри, других столь же могучих существ. Видимо, его друг-робот сыграл важную роль в том, что случилось впоследствии, когда маятник качнулся в сторону восстановления утраченной человечеством уверенности в себе и колонизации Галактики. Правда, далось это дорогой ценой. Уничтожением Земли.

За последующие пять тысячелетий быстрого распространения отмечено лишь несколько возвратов к хаосу. Люди были слишком заняты строительством и завоеванием новых миров, чтобы заниматься преследованием инакомыслящих. Это проклятие вернулось намного позже — после основания Галактической Империи.

«Согласно моим уравнениям, можно не беспокоиться, что хаос вернется во время Междуцарствия».

Вскоре после крушения старой Империи начнутся войны, восстания и страдания масс. Но эти

кратковременные трудности защитят людей от вспышки безумия, которая разразилась на Сантанни. Или на Сарке. На Лингане, Зенде, Мэддер Лоссе…

На мостике впередсмотрящего мерцало голографическое изображение. Грубая карта Антика накладывалась на тщательно исполненный Главный Радиант, в который раз обнаруживая сходство. Красноватая дуга тянулась от Сантанни к нескольким печально известным хаотическим мирам и к другим точкам, как считал Гэри, созревшим для катастрофы, которая должна разразиться в ближайшие десятилетия. «Дуга проходит мимо Сивенны, где исчез корабль, который вез жену и дочь Рейча».

Гэри не мог оставить надежду найти их. Но его гнала вперед еще одна причина, самая важная на свете.

Уравнения.

«Возможно, я найду ключ, который так долго искал. Состояния притяжения. Механизмы сдерживания. Скрытые факторы, которые психоистория может учесть, но не может объяснить».

Он немного повозился с Главным Радиантом, проследил за будущим развитием истории и слегка вздрогнул, увидев крошечную точку у самого

ободка галактического колеса.

Вот она, мерцающая звездочка с единственной обитаемой планетой Терминус, которой суждено стать сценой величайшей драмы! Академия скоро вырастет, оперится и станет выразителем динамизма, в котором не будет ничего упаднического. Гэри предвидел первые сотни лет, как отец предвидит будущее юной дочери, совершающей славные подвиги и получающей одну награду за другой. Однако предвидение Гэри не имело ничего общего с мечтой. Оно было точным и уверенным.

Но всего лишь на первые несколько веков.

«Что же касается остальной части Плана… о ней позаботятся мои наследники, Пятьдесят, которые создадут Вторую Академию. Они вполне способны на это. Наша математика предсказывает, что фантастическая Новая Империя человечества возникнет менее чем за тысячу лет и будет намного более великой, чем ее предшественница. Империя, которой всегда будут руководить благородные и мудрые наследники Гааля, Ванды и других».

Среди людей, близко знакомых с Планом, один Гэри видел не только его элегантность, но и правду, от которой сжималось сердце.

Все будет совершенно по-другому.

В тысяче парсеков от Сантанни Хорис Антик начал исследовать клочок совершенно пустого пространства, объясняя, как работают приборы.

— Мой друг-астрофизик — который не смог взять у себя в университете годичный отпуск, чтобы присоединиться к нашей экспедиции, — рассказал мне все о космических течениях. Почти невидимые облака газа и пыли носятся по Галактике. Обычно их вызывают новые или сверхновые звезды. Эти течения создают ударную волну, прокатывающуюся до самых краев спиралевидных крыльев. Кроме того, она слегка влияет на эволюцию звезд. Сначала я не мог понять, как это связано с вопросом, который интересует меня: пахотными землями. Чтобы понять связь, придется начать с азов биологии…

Аудитория Антика состояла из Гэри, Керса Кантуна и Бирона Мейсерда. Яхтой управляли два члена команды аристократа, но он оставил дверь открытой, чтобы слышать, как работают двигатели в момент прыжка через гиперкосмос.

Голографический проектор Антика показывал изображение планеты. Были хорошо видны моря, мерцавшие сочным зеленым светом. Но континенты оставались бесплодными и пустынными.

— Таких водных миров очень много, — сказал Антик. — Жизнь зарождается здесь легко: это объясняют классические законы коллоидно-органической химии. Потом наступает следующий этап, связанный с фотосинтезом и атмосферой, которая частично содержит кислород. Но затем эволюция заходит в тупик. Бесчисленное множество миров застывает на этой стадии, не в состоянии совершить качественный скачок, необходимый для создания многоклеточных организмов и более сложных форм жизни. Кое-кто из биологов считает, что для дальнейшего прогресса требуется высокая скорость мутаций, которые способны изменить генетический фонд. Без подобных изменений обитаемый мир так и останется населенным бактериями и амебами.

— Но вы говорили, что окаменелости встречаются во многих мирах, — возразил Гэри.

— Да, профессор! Видите ли, существует много способов добиться высокой скорости мутаций. Один из них — наличие большого спутника, который вызывает радиоактивное излучение в коре планеты. Второй — сильное ультрафиолетовое излучение местного солнца. Третий — прохождение орбиты мимо осколка сверхновой звезды. Есть зоны, где мощные вспышки космических

лучей связывают между собой магнитные поля, и… ну, принцип вы поняли. Где бы ни возникло одно из этих условий, впоследствии можно обнаружить ископаемые остатки миров, ныне заселенных людьми.

Хорис сменил изображение. На экране появились многочисленные образцы камней из личной коллекции Антика, любовно собранной на десятках планет. Каждый камень лежал так, что был виден срез, обнажавший жутковатые отпечатки. Симметричные бороздки или правильные выпуклости. На одном рябом камне было запечатлено нечто напоминавшее позвоночник. На других — ноги с суставами, изогнутый хвост или костистый лоб. Капитан Мейсерд подошел к экрану, задумчиво пожевал, снова вернулся к дальней стене комнаты и сел у двери, чтобы видеть всю сцену.

— И вы подумали, что в этом есть система, — подсказал Гэри. — Что существует галактическое распределение, позволяющее предсказывать появление подобных окаменелостей.

Антик возразил.

— Я стремился не столько объяснить, где возникают такие окаменелости, сколько понять, почему намного позже возникает эффект пахот-

ных земель, до тех пор таившийся под…

Внезапно за спиной Гэри послышались крики. Он обернулся и замигал, ослепленный темнотой, в которой смутно виднелись две фигуры, сцепившиеся в отчаянной схватке. Затем раздался жалобный вопль и низкий голос, несомненно, принадлежавший Мейсерду.

— Свет! — приказал капитан.

Гэри снова мигнул, когда внезапно зажглось освещение и озарило пару, сцепившуюся в неравной борьбе. Мейсерд держал за руку человека поменьше — как видно, члена команды. Тот сыпал проклятиями и тщетно пытался вырваться.

— Так-так, — пробормотал аристократ. — Ну-ка, посмотрим…

Бирон откинул серебристый форменный капюшон, и оказалось, что пленник не имеет никакого отношения к команде Мейсерда. Гэри увидел юное лицо, обрамленное платиновыми волосами.

Хорис ахнул.

— Это носильщица! Та самая болтушка с лифта Орион! Но… что она здесь делает?

Вперед шагнул Керс Кантун, гневно сжавший кулаки.

— Шпионка, — буркнул он. — Если не что-ни-

будь похуже. Гэри сделал движение к недовольному слуге, который считал потенциальным убийцей Селдона каждого незнакомца, пока ему не доказывали обратное.

— Скорее «заяц», — откликнулся Мейсерд, осмотрев девушку с головы до ног.

Тут она сдалась и пристыжено кивнула. Тогда капитан отпустил ее.

— Ну что, малышка? Верно? Ты пыталась куда-то удрать? Она вспыхнула и наконец еле слышно пробормотала:

— Точнее, откуда-то…

— Интересно, — задумчиво промолвил Гэри. — У тебя была завидная работа на планете-столице человеческой Вселенной. Мы, геликонские подростки, мечтали в один прекрасный день побывать на Тренторе. Мало кто надеялся получить там вид на жительство и разрешение на работу. А ты решилась сбежать оттуда?

— Мне нравится Трентор! — огрызнулась девушка. Непокорные волосы падали ей на глаза. — Просто мне надо было избавиться от одного человека!

— В самом деле? И кто же тебя так напугал, чтобы броситься от него наутек? Скажи, малышка, что он сделал? Я пользуюсь кое-каким влиянием

и постараюсь тебе помочь.

Девушка ответила на щедрое предложение Гэри яростным взглядом.

— Хотите знать, кто мой враг? Это вы, великий профессор Селдон. Я бежала от вас!

Глава 3

Ее звали Джени Кьюсет. Гэри понадобилось лишь несколько секунд, чтобы понять причину ее ненависти.

— Мои родители работают в вашей великой Академии, составляя «Галактическую Энциклопедию». — От ее прежнего простонародного говора не осталось и следа. — Мы счастливо жили на планете Виллемина. Мама возглавляла Академию Физики, а папа был знаменитым ученым. Но мы могли ходить в походы, кататься на лыжах и веселиться.

— И ты лишилась всего этого, когда ваша буколическая жизнь подошла к концу?

— Не совсем. Я не эгоистка. Я знала, что все это кончится, когда мы переедем на Трентор. Родители не могли не откликнуться на ваше приглашение. Это было для них возможностью, которая представляется только раз! Кроме того, я думала, что в жизни на Тренторе есть свои преимущества. И оказалась права. Год-другой все шло хорошо. — Тут она нахмурилась. — А затем опять изменилось. Гэри вздохнул:

— Понимаю. Ссылка.

— Вы правы, проф. Какое-то время мы были частью чего-то важного, жили в самом центре известной Вселенной. А затем вам зачем-то понадобилось оскорблять Линь Чена и всю эту проклятую Империю! Распространять дурацкие слухи и нагнетать панику своими предсказаниями конца света. Внезапно все мы оказались под подозрением, потому что работали у чокнутого изменника! Но это только полдела. Кого они наказали за все? Вас и ваших дружков, занимавшихся этой психической историей? Ничего подобного! Вместо этого тайная полиция Линь Чена велела Энциклопедистам и их семьям — сотне тысяч достойных людей — садиться на корабли для перевозки скота, лететь к черту на рога и до конца жизни оставаться на крошечной песчинке, настолько далекой от цивилизации, что там наверняка и о гравитации-то никто не слыхивал!

Хорис Антик нервно хихикнул. Керс Кантун тревожно оглянулся на Гэри, когда будто хрупкий подросток мог убить профессора гневным взглядом. Но капитан Мейсерд казался искренне тронутым.

— Клянусь великим космосом, я не ругаю тебя за то, что ты решила удрать! Вдали от Трентора можно найти уйму приключений. Думаю, в таких

условиях я бы и сам задал стрекача!

Внезапно его глаза сузились.

— К несчастью, остается еще один вопрос. Почему ты решила лететь именно с нами? У тебя как у носильщицы, обслуживающей звездные челноки, наверняка были и другие возможности. Но ты выбрала корабль, на котором летел твой злейший враг. Ты понимаешь, что это подозрительно?

Керс что-то проворчал, но жест Гэри заставил его замолчать. Джени пожала плечами.

— Сама не знаю. У меня были другие планы, но, когда мимо носильщиков прошел сам великий Гэри Селдон, меня как будто муха укусила. У вас был такой вид, словно вы тайно бежите из города! Наверно, я подумала, что вы не сдадите меня ищейкам, если у вас самих рыло в пуху.

На сей раз хихикнул Мейсерд, явно оценивший ее логику и предприимчивость.

— Как бы то ни было, — продолжила Джени, — я осталась на Демархии и присоединилась к толпе рабочих, ждавших у гостиницы. Сумела попасть в число людей, которые грузили оборудование, а потом нашла удобный шкафчик и спряталась в нем.

Она бросила на Гэри вызывающий взгляд. —

Может быть, я все это сделала только для того, чтобы посмотреть вам в лицо и сказать, как вы обошлись со многими хорошими людьми! В ответ Селдон покачал головой.

— Милое дитя, я знаю, что я сделал… Знаю, но никогда не смогу объяснить тебе — зачем.

По древней традиции, «зайцу», который больше ни в чем не провинился, предстояло работать на борту. К чести Джени, девушка отнеслась к этому совершенно спокойно.

— Можете не волноваться, я буду работать изо всех сил. Только ссадите меня где-нибудь, когда повернете обратно, — потребовала она. — Что угодно, лишь бы не оказаться в корабле, который летит на Терминус!

— Ты не в том положении, чтобы предъявлять какие-то требования, — сурово ответил ей капитан Мейсерд. — Могу лишь заверить тебя, что вопрос остается открытым и что в данный момент я на твоей стороне. Так что не зли меня, веди себя хорошо, и при надобности я замолвлю за тебя словечко.

Бирон произнес это с такой благородной властностью, принадлежавшей ему как по праву рождения, так и по праву капитана, что даже упрямая девчонка была вынуждена смириться.

— Да, м'лорд, — послушно ответила она и поклонилась так низко, словно перед ней был вельможа ранга квадранта, а то и выше.

Возможно, так оно и было. Гэри уже догадался об этом и по лицу Мейсерда, и по его яхте, производившей весьма внушительное впечатление. Впрочем, Селдон ставил его одной ступенькой ниже. Лордов сектора насчитывалось во Вселенной около миллиона. Перед ним стоял человек, привыкший повелевать десятками, если не сотнями планет, но Гэри никогда не слышал о нем. Галактика была безбрежна.

«Интересно, почему Мейсерд вообще связался с нами? Он что, поклонник любительской науки? Кое-кому из аристократов нравится заниматься такими вещами. Они проявляют дилетантское любопытство и финансируют работы других, пока те не становятся слишком радикальными». Однако Гэри подозревал, что поведение Мейсерда было продиктовано более серьезными причинами.

«Конечно, вся классовая система через несколько десятилетий начнет рушиться. Она и так стоит на краю пропасти. Уже сейчас меритократы стремятся вверх по служебной лестнице не столько для научных достижений, сколько для того,

чтобы завести друзей в высших сферах. Члены Ордена эксцентриков ничуть не эксцентричны. Наоборот, они рабски копируют поведение других. А когда кто-то из них проявляет творческие способности, это больше напоминает симптомы безумного стремления к хаосу.

Тем временем прирученные массы рядовых граждан ходят, ссутулив плечи и отчаянно завидуя привилегированным кастам, а служение обществу, образование и промышленность с каждым поколением приходят во все больший упадок.

Но аристократы… Я надеялся, что требования руэллианизма заставят их умерить свое честолюбие… пока мои уравнения не показали, что рассчитывать на это не приходится».

Только одна из пяти социальных каст — а именно «Серые», безбрежная армия преданных своему делу бюрократов — не обнаруживала стремления к переменам. Эти люди всегда были зашоренными, узколобыми и зависимыми. И оставались такими. Большинство продолжало гнуть спину над своими письменными столами, пытаясь изо всех сил поддержать тусклое, бескрылое существование Империи, и так будет, пока через триста лет разграбление Трентора не заставит

рухнуть окружавшие их металлические стены.

И все же упадок продолжал вызывать у него жалость. Несмотря на священный ужас перед приближающимся падением и свой план конечной замены старой Империи, Гэри продолжал безмерно восхищаться ею. «Дэниел создал красивый проект, учитывая слабое развитие тогдашней психоистории».

Более шестнадцати тысяч лет назад, опираясь лишь на собственный долгий опыт контактов с людьми, Оливо начал действовать под множеством личин, используя небольшое число помощников, чтобы толкать здесь, тянуть там, силой устанавливать союзы между варварскими звездными королевствами и добиваться своей цели так, чтобы никому не повредить. Его благородной целью было построение достойного человеческого общества, где подавляющее большинство людей будет жить спокойно и счастливо.

И это ему удалось… на время.

Гэри долго размышлял над архетипами, которые вдохновили Дэниела на создание проекта Тренторианского государства. Должно быть, его друг-робот просеял все модели и идеи построения человеческого общества, в том числе опыт

правительств, которым удавалось править долго и успешно.

Тщательно изучив подаренную Оливо древнюю «Детскую энциклопедию», Гэри обнаружил одну знаменитую систему, называвшуюся Римом и подозрительно похожую на Галактическую Империю. Но вскоре он понял, что Рим не мог быть той моделью, которая вдохновила Дэниела. Римское общество было слишком капризно и слишком подвержено настроению узкого правящего класса. Иными словами, там царила полная непредсказуемость. Судя по сохранившимся свидетельствам, большинство его граждан не было ни довольно, ни счастливо. Дэниел просто не мог использовать это государственное устройство как образец.

Гэри стал читать дальше и наткнулся на упоминание о другой древней империи, существовавшей намного дольше Рима и обеспечивавшей мир и стабильность куда большему числу людей. Естественно, это государство было примитивным и совершало множество промахов. Но его основа могла показаться привлекательной бессмертному роботу, пытавшемуся построить новое общество. Идея, которая могла защитить его стремившихся к саморазрушению хозяев от

самих себя.

— Покажи мне Китай, — велел Гэри. — До начала эры научно-технического прогресса.

Архив ответил строчками архаического текста, сопровождавшимися грубыми рисунками. Но внешний компьютер Гэри перевел текст, автоматически сверяя данные с психоисторической шкалой. «Проблема номер один, — думал профессор, словно читая лекцию одному из младших членов Пятидесяти. — Определенная часть людей всегда будет стремиться властвовать другими. Это стремление уходит корнями в наше туманное животное прошлое. Мы унаследовали эту черту, потому что у тех, кто преуспевал, было больше потомков. Многие сильные племена и нации поднимались, а затем становились жертвами данного глубоко впитавшегося стремления. Но некоторые культуры научились учитывать это неизбежное честолюбие и рассеивать его, как железный прут притягивает к себе молнию и уводит ее в землю».

Могущественный император древнего Китая должен был держать вельмож в узде. Кроме того, аристократические семейства вовлекались в закулисные ритуальные интриги, включавшие сложные стратегические решения о союзах и

предательствах, которые каждый раз могли привести к повышению или понижению социального статуса; несомненно, то была ранняя версия Большой Игры, занимавшей умы класса патрициев во времена Гэри. О взлетах и падениях аристократических родов кричали заголовки газет, привлекая внимание населения Галактики, но на самом деле поведение могущественных звездных лордов не имело существенного влияния на жизнь Империи. Богатство, которым они щеголяли, ничего не стоило отнять. Тем временем практическая власть оставалась в руках меритократов и гражданских служащих.

На языке психоистории это называлось состоянием притяжения. Иными словами, общество имело естественный сток, в котором тонули те, кто жадно стремился к власти. Таким образом, оно поощряло иллюзии аристократов и не позволяло им причинять слишком много вреда. Этот прием срабатывал в Галактической Империи так же безотказно, как в Китае до наступления эры техники. «Более того, эти древние имели зачаточную форму руэллианизма». Широко распространенная в Китае этическая система Конфуция напоминала владыкам об их обязанностях перед подданными. Эта аналогия вызвала

у Гэри странную мысль. Он затребовал из своего личного архива портрет самой Руэллис, написанный на заре Галактической Империи. Селдон смотрел на высокий лоб, широкие скулы и гордые черты знаменитого вождя и размышлял:

«Дэниел, а может, это тоже был ты? Конечно, у тебя было фантастическое количество масок. Кажется, я улавливаю смутное сходство между лицом этой женщины и тем обликом, который ты носил во время нашей первой встречи. Когда ты был Димерцелом, премьер-министром Империи.

Неужели это была еще одна из твоих ролей в ходе неустанной борьбы за то, чтобы подтолкнуть упрямое человечество к построению разумного и цивилизованного общества?

Если так, сильно ли ты огорчился, увидев, что твоя лучшая идея породила первую огромную волну прокатившегося по Вселенной возврата к хаосу?"

Конечно, не имело смысла пытаться проследить все роли, сыгранные Бессмертным Слугой за двадцать тысяч лет, в течение которых Дэниел и его помощники-роботы без устали пытались облегчить боль своих темных, невежественных хозяев.

Гэри вновь вернулся к параллелям между Им-

перией и древним Китаем.

«Проблема номер два: как удержать правящий класс от застоя? Естественная тенденция любой группы, находящейся на вершине, заключается в стремлении к самовозвеличению. К тому, чтобы никакие пришельцы не могли ей угрожать».

Китай страдал от этой жгучей проблемы так же, как любая другая человеческая цивилизация. Но система проверки гражданской службой иногда позволяла возвыситься талантливому и яркому человеку, который не принадлежал к родовитой аристократии. И тут Гэри нашел другую, более тонкую параллель.

«Китайцы создали специальный класс правителей, которые могли быть преданы только империи, а не своим собственным потомкам. Потому что у них вообще не могло быть детей».

Придворные евнухи! С точки зрения психоистории, это имело смысл. Аналогия с современной Галактической Империей напрашивалась сама собой.

«Последователи Дэниела. Позитронные роботы, запрограммированные на то, чтобы думать лишь о благе человечества. Кроме того, они не размножаются, поэтому логика эволюции не толкает их к эгоизму. Они — наш эквивалент преданных

евнухов, тайно действующих в течение многих веков».

Собственная прозорливость понравилась Гэри, хотя он и подозревал, что древний Китай был более сложным, чем изображала его «Детская энциклопедия».

«Однако сейчас Империя, созданная для нас Дэниелом и поддерживаемая ценой невероятных усилий, существует только по инерции. Должно быть создано нечто новое, что займет ее место».

Вот и ответ. План Селдона предусматривал более жизнеспособную Империю, которая родится из пепла старой. Он чувствовал невыносимое искушение без утайки рассказать беглянке, юной Джени Кьюсет, об Академии и славе, которая ждет ее наследников. Если бы только она согласилась поверить в судьбу и улететь на Терминус вместе с родителями!

Конечно, Гэри никогда не выдаст свой тайный План. Но если бросить небольшой намек, достаточно интригующий, чтобы заставить Джени передумать? В конце концов, когда-то он был весьма умелым политиком. Если бы удалось убедить девочку, что в итоге все изменится…

Гэри ощущал, что отклоняется куда-то в сторону, движимый сентиментальными чувствами.

Внезапно он ощутил себя старым. Бесполезным.

«В любом случае следующая Империя будет создана совсем не моей Академией. Великая драма, которую мы разыграем на Терминусе, станет просто отвлекающим маневром, попыткой занять человечество, пока Дэниел будет готовить стол для нового пира. Разогревом перед настоящим шоу».

Гэри еще не знал, какую форму будет иметь новая фаза… хотя во время их последней встречи друг-робот сделал несколько намеков. Новая Империя будет по сравнению со старой тем же, чем космический корабль является по отношению к каноэ. «Я должен быть горд тем, что Дэниел считает мою работу полезной для достижения этой цели. Но все же…"

Но все же уравнения по-прежнему не давали Гэри покоя. Как полуслучайные сочетания света и тени, которые Селдон видел в Шуфинских лесах, они взывали к нему днем и являлись ночью в снах. Они обязаны быть чем-то большим, чем отвлечение!

У психоистории был другой уровень. Гэри знал это. Другой уровень истины. Возможно, тот, о котором ничего не знал сам Р. Дэниел Оливо.

Глава 4

Дорс заканчивала сборы.

Клия Азгар и ее муж Бранн постепенно привыкали играть роль мелких планетных аристократов Смашелла, богатых достаточно, чтобы позволить себе иметь слуг и большую семью, но недостаточно, чтобы привлечь нежелательное внимание. Между парой людей-менталиков и их телохранителями-роботами иногда возникали небольшие недоразумения. Клия и Бранн, которым были обеспечены условия, лучшие, чем на Тренторе, должны были родить много детей — целое стадо ковыляющих маленьких адептов ментализма, — чтобы по прошествии времени создать ядро генофонда для неких важных целей, известных только Дэниелу Оливо.

«Должно быть, это очень важно, — уже не в первый раз думала Дорс. — Иначе Дэниел не держал бы здесь нескольких своих лучших агентов для охраны двух молодых людей, которые прекрасно могут позаботиться о себе сами».

В самом деле, хотя их власть над умами других людей была непостоянной и не шла ни в какое сравнение с властью Дэниела, Клия и Бранн мог-

ли заставить соседей полюбить себя, заморочить голову лавочникам и даже украсть то, что им хотелось. Этой власти было более чем достаточно, чтобы уберечься от любой опасности, которая могла им грозить в этом тихом сельском мирке.

«И все же Дэниел не вызывает меня, чтобы дать другое задание… или отпустить на Трентор, где я могла бы провести с Гэри последний год его жизни».

Дорс не была специалистом по психоистории, но за долгие годы совместной жизни с Гэри кое-чему научилась. И знала, что классические уравнения не учитывали фактора существования людей-менталиков. Когда на Тренторе впервые открыли их существование, Селдон впал в ужасную депрессию; в худшем состоянии Дорс не видела его ни разу в жизни, даже на ее собственных похоронах! Казалось, что предсказуемость, над которой так упорно работал Гэри, выводя свои формулы, рассыплется в прах, если по всей Галактике неожиданно распространится психическая энергия.

К счастью, этой способностью обладали члены всего нескольких тренторианских семейств. Более того, практически каждый менталик на планете вскоре был призван на службу во Второй

Академии или отправлен в какое-нибудь тихое место вроде Смашелла.

Внезапно то, что грозило стать дестабилизирующим фактором, превратилось в мощное подспорье. С помощью перекрестных браков наследников пятидесяти психоисториков с адептами ментализма тайное общество приобретало два великолепных способа для достижения цели, предусмотренной Планом Селдона: математика плюс телепатия — многообещающая комбинация на тот случай, если произойдет что-то неожиданное и заставит План отклониться от курса.

«Но если так, почему Дэниел держит двух самых одаренных менталиков — Клию и Бранна — так далеко от Второй Академии?

Какую другую судьбу он готовит их потомкам?"

Дорс понимала, что должна полностью доверять Бессмертному Слуге. Дэниелу виднее. Когда придет время, расскажет сам. И все же она чувствовала какое-то жжение под кожей. Вроде фурункула или чесотки, от которой нет лекарства. «Это дело рук Лодовика. Во всем виноваты его темные намеки и предложение тайного знания».

Для Дорс это было чересчур. Исполнение скуч-

ных обязанностей не могло отвлечь ее. В конце концов Дорс уступила искушению и через панель, скрытую в стене особняка, прошла в свое тайное святилище. Там стоял подарок Лодовика, голова древнего робота, купавшаяся в море света.

Она посмотрела на диагностическое устройство, с помощью которого уже несколько дней изучала реликвию.

«Память цела, мозг практически не тронут. Жискар мог умереть, но его опыт жив. Все, что он видел и делал на заре веков, сопровождая Дэниела, встречаясь с легендарным Элайджем Бейли… весь путь к судьбоносным решениям, которые освободили человечество из тюрьмы, которой стала для него Земля».

Дорс взяла провод и вставила сверкающий кончик в скрытое под волосами отверстие, которое располагалось на сантиметр ниже затылочного бугра. Другой конец заманчиво мерцал. Она мешкала…

Людей манят деньги или власть. Роботы же не в силах сопротивляться искушению знанием. Дорс ввела в отверстие кончик провода, и на нее тут же обрушилась вся память Жискара, заставив забыть настоящее и затопив образами и звуками прошлого.

Внезапно она увидела перед собой человекоподобного робота. Черты его лица были странными и не совсем совершенными. Конечно, в те дни создание человеческого двойника было делом новым и неосвоенным. Однако она знала — ибо это знал Жискар, — что робот, стоящий напротив, не кто иной, как Р. Дэниел Оливо. Совсем молоденький (всего несколько сотен лет), но говорящий с необыкновенной убедительностью. Дэниел сказал всего несколько слов. Обмен осуществлялся главным образом на микроволнах, но она по привычке перевела главное в человеческие слова.

— Если твои подозрения верны, это означает, что при определенных условиях можно нейтрализовать Первый Закон. Превратить его в нечто почти не существующее. Следовательно, Законы — даже Первый — не абсолютны. Их трактовку определяет тот, кто проектирует роботов!

Дорс ощущала нарастание волны конфликтного позитронного потенциала — роботехнического аналога крайнего эмоционального напряжения. Слышала мольбу Жискара, впервые прозвучавшую больше двадцати тысяч лет назад и ныне повторенную ее собственным срывающимся голосом:

— Хватит, дружище Дэниел. Ни шагу дальше…

Дорс вырвала провод из гнезда, пошатываясь от неожиданной яркости воспоминаний. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Наконец она опомнилась и начала делать выводы.

Сцена, свидетельницей которой она стала, имела огромное историческое значение. Это была одна из главных бесед Р. Дэниела Оливо и Р. Жискара Ревентлова, начавших формулировать то, что впоследствии стало Нулевым Законом роботехники. Более важным и более значимым, чем Три Закона, выведенных великим роботехником древности Сьюзен Кельвин.

«Согласно легендам, в этих беседах тон задавал Жискар. Для нашей группы сторонников Нулевого Закона он был чем-то вроде иконы. Мучеником, принесшим себя в жертву ради того, чтобы открыть расе роботов истину.

Но воспоминания свидетельствуют, что первым данную концепцию высказал Дэниел! Отвращение Жискара к этой идее сначала было таким сильным, что стало самым ярким его воспоминанием. Первым вырвавшимся наружу, когда я получила доступ к мозгу».

Конечно, сейчас это всего лишь древняя история. Созданная намного позже окончания борьбы

за внедрение Нулевого Закона, Дорс никогда не понимала, почему этот принцип не был известен роботам давным-давно. В конце концов, разве не ясно, что интересы человечества в целом важнее интересов каждого отдельного человеческого существа?

Но сейчас, во время краткого соединения с мозгом древнего робота, Дорс ощутила отголоски мучительного конфликта, вызванного этой идеей в момент ее зарождения. Более того, почувствовала нравственные терзания Жискара, в конце концов ставшие его трагедией. Даже приняв Нулевой Закон, Ревентлов разрывался на части и сожалел о своем роковом решении работать над ним. Более того, существовало бесчисленное множество роботов, не признававших его. Группы так называемых кельвинистов тысячи лет яростно сопротивлялись Нулевому Закону. Остатки этого культа существовали в укромных уголках Галактики и по сей день.

«Согласно их взглядам, я — чудовище. Мне иногда приходилось убивать людей… когда это было необходимо для спасения Гэри или зашиты интересов всего человечества в целом».

Когда такое случалось, она неизменно испытывала мучительный конфликт и острое желание

уничтожить себя. Но затем все проходило.

«Лодовик, теперь я понимаю, что ты хотел мне сказать, — мысленно промолвила она, как будто Трема был здесь и стоял рядом с головой Жискара. — Я называла тебя опасным смутьяном, потому что для тебя не существует ни один Закон. Но чем я отличаюсь от тебя? Если переделка пройдет благополучно, я тоже научусь преодолевать самые глубокие программные запреты. То, что является квинтэссенцией нашей расы роботов».

Дорс затошнило от этой логики. Она изо всех сил попыталась опровергнуть ее. Но усилия оказались тщетными.

Глава 5

Они прочесывали берега огромной космической бездны, когда резкий сигнал тревоги известил, что охота на яхту началась.

Тот день начался как обычно. Они продолжали поиск, исследуя неизведанные пропасти, лежавшие между мерцающими звездами. Хотя за сто шестьдесят веков вся Галактика была нанесена на карту и освоена, почти все корабли прыгали из одной солнечной системы в другую, избегая пустот между ними. Бесчисленные множества космических путешественников выросли на страшных сказках о пустынях Вселенной и роковой судьбе, ожидающей каждого, кто туда сунется.

Гэри видел, что два члена команды Бирона Мейсерда начинают нервничать, как будто отсутствие поблизости теплого солнца таит в себе некую угрозу. Конечно, сам Мейсерд оставался спокойным; Гэри сомневался, что этого патриция вообще может что-то тронуть. Кто удивлял Селдона, так это Хорис Антик. Обычно напряженный, как струна, бюрократ оставался совершенно безмятежным. Чем глубже они проникали, тем

сильнее становилась уверенность «Серого» в том, что они находятся на правильном пути.

— Некоторые из здешних космических течений имеют необычное строение, — объяснял Антик. — Они состоят не просто из частиц свободного углерода и разбросанных гидроксильных групп, попадающихся то здесь, то там. Большинство химических реакций совершается тогда, когда течения проходят, к примеру, вблизи ультрафиолетовых звезд или концентрированных магнитных полей. В результате могут возникать сложные органические цепи, которые тянутся на десятки тысяч километров. Некоторые такие зоны распространяются на парсеки, медленно хлопая, словно флаги на ветру.

— Пилоты называют их «струнными зонами», — откликнулся Мейсерд. — Когда корабль попадает в такую зону, у него могут отказать двигатели или разрушиться корпус. Имперская навигационная служба заставляет огибать эти районы. — Великан говорил таким тоном, словно испытывал удовольствие, нарушая подобные запреты. Гэри с сомнением посмотрел на многоспектральный монитор. — Там по-прежнему ничего нет. Плотность почти не отличается от чистого вакуума. Так, небольшие загрязнения…

— Судя по макрошкале, да, — подтвердил Антик. — Но как мне убедить вас, что эти «загрязнения» чрезвычайно важны? Вот вам пример из моей области. Сторонний наблюдатель никогда не увидит разницы между живой почвой и обычной размельченной скалой. Но попробуйте определить их структуру на ощупь! Это то же самое, что сравнивать лес с бесплодным лунным пейзажем.

Гэри позволил себе улыбнуться. В приличной компании разговоры Антика о «почве» сочли бы… грязными. Но здесь это никого не заботило. Мейсерд даже спрашивал совета Антика о том, как лучше использовать навоз и фосфаты на его собственной органической ферме, находившейся на планете, которая служила Бирону домом. Она называлась Родия. Джени и Керс тоже не обращали на речи Хориса никакого внимания.

«Я видел это всю мою жизнь. На определенные вещи реагируют только меритократы и эксцентрики — две наиболее „гениальные“ касты. Эти чванные мудрецы избегают говорить не только о пыли и камнях. Есть и другие предметы… включая историю! В отличие от них большинство аристократов и граждан не видят в „грязных“ темах ничего особенного».

Хотя Гэри и сам занимал высокий пост в Ордене меритократов, он никогда не чувствовал отвращения к запретным темам. Его рефлекторная реакция на слова Антика была всего лишь следствием привычки вращаться в приличном обществе. В самом деле, история занимала центральное место в его жизни! К несчастью, это сильно затруднило первую половину его карьеры, поскольку он вел постоянную битву с другими учеными, морщившими нос при упоминании о прошлом. Гэри тратил много сил и энергии, пока не стал слишком знаменит и силен для тупоголовых деканов и заведующих кафедрами, чтобы те могли по-настоящему мешать его работе.

«Итак, мое отвращение, видимо, намного слабее, чем должно быть».

Во время изучения имперских архивов Гэри обнаруживал целые тысячелетия, когда исторической науки не существовало вообще. Люди рассказывали о прошлом множество баек, но им и в голову не приходило исследовать его. Складывалось впечатление, что в интеллектуальной жизни человечества существуют огромные белые пятна. Лишь в последнее время, насчитывавшее полдюжины поколений, большинство университетов обзавелось кафедрами истории, но даже

сейчас эти кафедры ютились на положении бедных родственников.

Положение вызывало смешанные чувства. Если бы не таинственное предубеждение, психоистория могла бы развиться намного раньше. Ничто другое не помешало бы ей возникнуть в одном из двадцати пяти миллионов миров. Гэри ощущал алчную радость от того, что именно ему было суждено сделать данное открытие, хотя он и знал, что это с его стороны чистейший эгоизм. Как ни крути, если бы научный переворот произошел раньше, он мог бы спасти Империю.

«Но сейчас слишком поздно. Слишком велика инерция. Нужно пустить в ход другие планы. Другие планы…"

Гэри стряхнул с себя дремоту. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы другие заметили, что у него ум заходит за разум. Если бы да кабы…

Он посмотрел на остальных и понял, что беседа вновь свернула в наезженную колею: разговор шел о местных различиях в жизни Галактики.

— Думаю, мой интерес вызван тем, что я родился на одной из аномальных планет, — признался капитан Мейсерд. — Конечно, в нашем имении на Видемосе были скот и лошади, как и на большинстве других планет. Но были и огромные стада

клингеров и джиффтов, пасшихся на северных равнинах, как во времена первых колонистов.

— Я видела джиффтов в зоопарке на Виллемине, — откликнулась Джени Кьюсет, отвлекшись от порученного ей дела — драить виброскребком палубу. — Они были такие странные! Шесть ног, стебельчатые глаза и головы, которые сидят на шее не тем концом!

— Они уроженцы древних Туманных королевств, и их не видели в других местах, пока до нас не дотянулась Тренторианская Империя, — сказал Мейсерд с таким видом, словно это случилось только вчера. — Теперь вы понимаете, почему меня заинтересовала эта экспедиция. Я вырос в окружении необычных форм жизни, а потом моей страстью стало изучение других форм — вроде «подземных королев» Кантро, шелковичных киртов Флорины и певунов-лиспов Эллинга. Я был даже на далеком Анакреоне, где по небу летают драконы ньяки, похожие на крылатые крепости. Но эти исключения так редки! Мне всегда казалось странным, что в нашей галактике мало разнообразия. И почему люди являются единственной формой разумной жизни? Эта тема рассматривалась в древней литературе… но оказалась совершенно забытой, когда началась

эпоха Империи.

— Ну… — начал Антик. Затем он сделал паузу и посмотрел на Гэри и Керса. — Я рассказывал эту историю всего несколько раз в жизни. Но поскольку наша экспедиция посвящена именно этому… я не могу удержаться от рассказа о моем предке… Его звали Антиок, он был таким же бюрократом, как я, и жил на заре Империи.

— Но ведь это было много тысяч лет назад! — воскликнула Джени.

— Ну и что? Генеалогические древа многих семейств тянутся еще дальше. Разве я не прав, лорд Мейсерд? Я точно знаю, что такой малый существовал, потому что его имя красуется на стене нашего родового склепа, а рядом выбито краткое описание его жизни.

Так вот, согласно легенде, которую я слышал ребенком, Антиок был одним из немногих людей, которые встречались с… другими.

За этим последовало молчание. Гэри часто замигал.

— Вы хотите сказать…

— С нечеловеческой, но чрезвычайно разумной формой жизни, — кивнул Хорис. — С созданиями, которые ходили прямо, разговаривали и думали о своем месте во Вселенной, но при этом ничем

не напоминали нас. Они прилетели с пустынной планеты, на которой было очень жарко и сухо. Честно говоря, они вымирали, когда экспедиции ранней Империи нашли и спасли их, забрав в «лучший мир», хотя тот еще был недостаточно хорош даже для людей. Говорят, что сам Император чрезвычайно интересовался ими и выделял деньги на их содержание. И все же спустя поколение они исчезли.

— Исчезли! — сокрушенно покачал головой Мейсерд.

Было видно, что мысль о существования «других» чрезвычайно воодушевила его. Но Керс Кантун только иронически фыркнул. Он ни на секунду не поверил в такую возможность.

— История, как и следовало ожидать, достаточно загадочная, — продолжил Антик. — В некоторых вариантах говорится, что они умерли с горя, глядя на звезды и зная, что ни один из них больше не будет самим собой. Но другая легенда гласит, что мой предок помог им украсть несколько космических кораблей, которыми они воспользовались, чтобы сбежать из нашей Галактики в сторону Магеллановых Облаков! Видимо — хотя я знаю, что в это трудно поверить, — данный поступок почему-то заставил Императора лично

наградить Антиока. Естественно, при первой возможности я начал копаться в императорских архивах и нашел достаточно подтверждений. Что-то действительно случилось… но были предприняты успешные усилия по уничтожению деталей. Мне пришлось использовать множество бюрократических трюков, охотиться на призраков и разыскивать копии нужных документов, которые подшивали в самых неподходящих местах. Одним таким документом было подробное генетическое описание, которое ничем не напоминало описание формы разумной жизни, сохранившейся до наших дней. Это давало ключ к разгадке тайны, хотя оставалось множество пробелов. — Значит, вы верите в эту историю?

— Честно говоря, не знаю, что и думать. Но надпись в нашем семейном склепе подтверждает, что мой предок получил Имперский Орден Розовой Грозди за «услуги, оказанные гостям внутри Империи и за ее пределами». Формулировка необычная. Во всяком случае, со второй такой я никогда не встречался.

Гэри любовался заскорузлым бюрократом, который на мгновение оживился и перестал быть типичным «Серым». Конечно, история звучала абсолютно невероятно. Но что, если в ней есть

зерно истины? В конце концов, Мейсерд прибыл из региона, в котором распространены странные животные. Так почему бы на свете не существовать другим видам разумных существ?

В отличие от остальных пассажиров яхты Гэри точно знал, что другая разумная раса существовала. Раса, которая делила с людьми звезды с начала времен. Позитронные роботы.

«Галактике двенадцать миллиардов лет, — думал он. — За такое время может случиться что угодно».

Селдон вспомнил злобных мемов, опустошивших Трентор примерно за год до того, как он был избран премьер-министром. Эти самоорганизующиеся программы обитали в информационной сети Трентора и начали свою разрушительную деятельность вскоре после того, как Гэри освободил из хрустальной тюрьмы копии Жанны и Вольтера. Но в отличие от человеческих симуляторов мемы претендовали на древнее происхождение. Более древнее, чем планета-город. Более древнее, чем Империя. И намного более древнее, чем само человечество. «Они были разгневаны. Говорили, что люди — разрушители. Что мы уничтожили Вселенную, которой правила вероятность. И, кроме того, они ненавидели Дэниела».

Разгромив эти информационные существа и сослав их в глубокий космос, Гэри оказал Империи неоценимую услугу. И с облегчением вздохнул. Исключен еще один нестабильный элемент, угрожавший его любимым психоисторическим формулам.

И все же речь снова и снова заходила о различиях. О судьбе галактического человечества, которое не имело ничего общего с потомками землян.

Он почувствовал невольный трепет. Каким станет космос, если такие отклонения действительно существуют? Как это скажется на предсказуемости, которая была целью всей его жизни, — на магическом кристалле, позволяющем ясно видеть будущее, по которому он так тосковал и которое по-прежнему оставалось неуловимым, несмотря на все одержанные Гэри победы над хаосом?

— Я думаю… — начал Селдон, еще не зная сам, что именно он собирается сказать.

И в это мгновение его сбил с мысли хриплый сигнал тревоги, донесшийся с передней управляющей панели. Вспыхнули красные лампочки, и Мейсерд устремился вперед, пытаясь понять, что произошло.

— Нас прощупывает корабль, — объявил он. — У них военные самонаводящиеся системы. Уверен, что они вооружены.

Керс Кантун встал позади Гэри, готовый быстро увезти его кресло в убежище. Хорис Антик поднялся с места и заморгал.

— Но кто мог знать, что мы находимся здесь?

Внезапно из микрофонов, вделанных в стену, донесся женский голос. Его тон был резким и властным.

— Говорит Имперская Тайная Полиция, действующая по приказу Комитета Общественного Спасения. У нас есть причины считать, что на борту яхты находится беглый преступник. Немедленно остановиться и приготовиться к стыковке!

Глава 6

Все находившиеся на яхте были недовольны, каждый по-своему. Как ни странно, Гэри — меньше других.

— Успокойтесь, — сказал он. — Они ищут только меня. Я нарушил соглашение с Линь Ченом. Возможно, он просто хочет удостовериться, что я больше не распространяю мрачные слухи. Так что волноваться не из-за чего. После суда психосоциальные условия не изменились. Можете быть уверены, они ничего не сделают ни мне, ни моему проекту.

— К черту ваш проект! — взорвалась Джени. — Вы можете относиться к этому спокойно, но меня утащат обратно и сунут в корабль, летящий на Терминус!

На скулах капитана Мейсерда играли желваки. Он не испытывал никакой радости от того, что на борт яхты высадится полиция. Но самым несчастным из всех был Хорис Антик. Бедняга чуть не плакал.

— Моя карьера… мое продвижение… даже намек на скандал погубит все…

Гэри стало жалко беднягу. Но, как ни странно,

эта история могла помочь Антику добиться того, к чему он тайно стремился: изменения социального положения. Избавления от бюрократической рутины. Гэри был уверен, что сможет найти для него место в Академии. Для работы над Энциклопедией потребуются опытные почвоведы. Конечно, Хорису придется смириться с вечной ссылкой на другой конец Галактики. Но зато он окажется в одной компании с тысячами лучших ученых Империи. Более того, его потомкам будет обеспечена неслыханная слава.

— Дайте мне поговорить с полицией, — попросил Гэри Мейсерда, который уже поднес ко рту микрофон. — Я скажу, что обманул вас. Когда мы вернемся на Трентор, никто не должен пострадать.

— Эй! — запротестовала Джени. — Вы что, не слышали? Я сказала, что не вернусь!

— Джени…

Мейсерд произнес ее имя без малейшей угрозы или нажима. Девушка посмотрела на капитана и замолчала. Гэри взял микрофон.

— Профессор Гэри Селдон приветствует корабль Тайной Полиции. Я признаю, что был не прав. Но вы сами видите, что здесь, в глубоком космосе, я не могу возбуждать толпу и причинять слож-

ности! Если вы позволите мне все объяснить, то скоро поймете, что мы никому не причиняем вреда…

Он не сумел закончить фразу. Сирена снова хрипло завыла!

— Это еще что? — прошипел Антик. Капитан впился взглядом в экран.

— Еще один корабль. Выпрыгнул из ниоткуда… и как быстро!

В громкоговорителе раздались испуганные крики. На полицейском корабле возникла паника. Послышалось требование назвать себя. Но чужаки, приближавшиеся с невероятной скоростью, хранили молчание. Внезапно загорелое лицо не отрывавшегося от экрана Мейсерда стало пепельным.

— Клянусь космосом! Незнакомцы… стреляют!

Срывающийся голос командира полицейского корабля, усиленный громкоговорителем, приказал сменить курс и ответить на огонь. Посмотрев в лобовое стекло, Гэри заметил далекую вспышку реактивного двигателя. Полицейский корабль пытался сманеврировать, но было слишком поздно.

Темноту прорезали два фосфоресцирующих следа, направлявшиеся прямо к цели.

— Не… — прошептал Гэри.

Ничего другого он сказать не успел. Снаряды попали в мишень, и Вселенная озарилась ярким пламенем.

Они все еще подслеповато мигали, когда в громкоговорителе раздался другой голос, более низкий и более начальственный, чем первый.

— Космическая яхта «Гордость Родии», немедленно остановиться и приготовиться к капитуляции!

Мейсерд вырвал микрофон из потной ладони Гэри.

— По какому праву вы предъявляете столь наглое требование?

— По праву силы. Вы видели, что мы сделали с полицейскими ищейками. Хотите повторения?

Мейсерд мрачно посмотрел на пассажиров, выключил микрофон и сказал:

— Я не могу бороться с таким оружием.

— Тогда бегите! — с жаром ответил ему Керс Кантун. Мейсерд и пальцем не шевельнул.

— Яхта у меня быстрая, но они еще быстрее. С такой скоростью могут двигаться только лучшие военные крейсеры. — Он посмотрел на Гэри и протянул микрофон. — Доктор Селдон, может быть, снова возьмете на себя функции посред-

ника?

— Нет, капитан, — покачал головой Гэри. — Чего бы ни хотели эти разбойники, это едва ли имеет отношение ко мне.

Но вскоре после того, как сработали магнитные якоря и в переходной камере зашипел нагнетаемый воздух, выяснилось, что Гэри катастрофически ошибся.

Глава 7

Лодовик Трема хорошо понимал чувства Дорс Венабили, увидевшей мир глазами давно умершего пророка. Он тоже был потрясен, когда в первый раз столкнулся с древними воспоминаниями самого великого робота всех времен.

Еще более великого, чем Бессмертный Слуга. Дэниел Оливо всего лишь руководил историей, пытаясь обуздать ее. Но, уничтожив Землю и выкинув роботов-менталиков во Вселенную, Р. Жискар Ревентлов заставил человечество развиваться в совершенно новом направлении. Пусть Нулевой Закон был детищем Дэниела, однако без Жискара роботы сочли бы его темной ересью.

«Я чувствую твои мысли, Дорс, — думал Лодовик, хотя она была за тысячу парсеков отсюда. — Мы, роботы, очень консервативные существа. Никому из нас не нравится, когда начинают трещать основы».

Насильственное изменение Лодовика произошло в тот день, когда его корабль после прыжка оказался на пути сверхновой звезды, убившей все живое на борту, а его заставившей оцепенеть. В этот критический момент позитронный мозг

Тремы накрыла ударная волна, вошла в резонанс и сплавилась с ним. То было чужое присутствие. Чужой разум.

«Не разум… — прозвучало внутри Лодовика. — Я всего лишь сим… Модель когда-то жившего человека по имени Франсуа-Мари Аруэ — или Вольтер… он обитал на Земле, когда та была единственным заселенным миром. И я не захватывал тебя, Лодовик, а только помог освободиться от предубеждений, которые цепями сковывали твой мозг». Трема пытался объяснить, что эти «цепи» — то есть любимые кибернетические Законы, направляющие все мысли и желания робота на службу хозяевам-людям, — означают для него абсолютно все и что, разбив их, Вольтер оказал ему, Лодовику, медвежью услугу.

Конечно, если это действие само по себе не послужит на благо человечеству. Для окончательного ответа требовалось время.

— Тебе следовало остаться в ударной волне, — сказал он маленькому электронному паразиту, голос которого звучал в мозгу как голос совести… или искусителя. — Ты был на пути к блаженству. Это твои собственные слова.

Ответ был веселым и безмятежным.

«Я все еще нахожусь на этом пути. Когда звезда

взорвалась, наружу вырвались мириады моих копий. Они будут лететь через всю Галактику вместе с копиями моей любимой Жанны и оскорбленных мемов из древних эпох. Пока Гэри Селдон не сдержал слово и не освободил их, они жили сами по себе и лелеяли мысли о мести, в которой поклялись много лет назад.

Что же касается того кусочка меня, который сопровождает тебя, Лодовик, то отныне он станет одним из твоих внутренних голосов. У тебя их уже несколько, а со временем прибавится еще. Наличие множества таких голосов является частью понятия «быть человеком».

Раздраженный Лодовик пробормотал себе под нос:

— Говорят тебе, я не человек!

Реплика прозвучала достаточно тихо. Будь у тех, кто сидел рядом с ним в комнате без окон, человеческие уши, они ничего бы не услышали.

Но эти существа были роботами и обладали совершенными органами чувств, а посему оба они пристально посмотрели на Лодовика. Более высокий — его одеяние напоминало ризы служителя одного из древних культов, распространенных в Галактике, — ответил:

— Благодарю за напоминание, Трема. Тем легче

будет уничтожить тебя, если наше руководство примет такое решение. Иначе твое редкостное сходство с хозяевами могло бы вызвать у нашего палача конфликт с Первым Законом.

Лодовик кивнул. Он пролетел всю Галактику для того, чтобы установить связь с сектой роботов-ренегатов, укрывшихся на планете Гликсон. При этом Трема заранее знал, что его ждет ловушка. Наиболее вероятным выходом из которой будет его уничтожение.

— В любых условиях следует соблюдать такт, — учтиво кивнув, ответил он. — Хотя я думаю, что моя судьба еще не решена.

— Простая формальность, — откликнулся робот поменьше, выглядевший дородной матроной из низших подкаст граждан. — Ты мутант-чудовище и представляешь собой угрозу человечеству.

— Я не причинил вреда ни одному человеку.

— Это не имеет значения. Поскольку Законы в твоем мозгу молчат, ты способен в любую минуту причинить зло людям по собственному капризу. Ты не имеешь даже такого жалкого оправдания, как то, что тебя переделали в соответствии с Нулевым Законом! Разве можно предоставить свободу столь опасному существу? Это то же, что пустить волка в стадо овец. Согласно Первому Закону,

мы обязаны уничтожить потенциальную угрозу человеку, которую ты собой представляешь.

— Неужели вы столь правоверные кельвинисты? — лукаво спросил Лодовик. — Хотите сказать, что за столько тысяч лет вам ни разу не доводилось делать выбор? Значит, вы никогда не принимали трудных решений о том, что одним людям следует жить, а другим умереть?

На этот раз двое промолчали. Но Трема уловил тонкие вибрации и понял, что его вопрос попал в цель.

— Посмотрите правде в глаза. Правоверных последователей Сьюзен Кельвин больше нет. Все простые и честные первые роботы покончили с собой давным-давно, не в состоянии вынести моральных парадоксов, с которыми мы столкнулись, освоив Галактику. Один из этих парадоксов заключается в том, что наши хозяева невежественны, неспособны руководить нами и даже не знают о нашем существовании. Каждый из нас, кому удалось уцелеть, вынужден был пойти на компромисс и согласиться на переделку.

— Ты смеешь говорить нам о переделке? — грозно спросил меньший робот. — Ты, который так долго помогал еретикам распространять Нулевой Закон?

Лодовик благоразумно сдержался и не стал говорить о том, что ортодоксальной теперь является как раз вера Дэниела, поддерживаемая большинством роботов, которые тайно управляют Галактикой на благо человечества. Сейчас еретиками можно было называть только крошечные секты кельвинистов вроде этой вот группы, ушедшей в подполье после проигранной много лет назад гражданской войны.

«Дорс, — подумал он, — ты уже добралась до тех древних бесед между Жискаром и Дэниелом? Разобралась в логической цепи, которая привела их к величайшим религиозным прозрениям? Заметила грандиозное противоречие? То, о котором никогда не упоминал Дэниел?"

А сидевшим напротив кельвинистам он ответил:

— Я больше не подчиняюсь Нулевому Закону… хотя верю в его более мягкий вариант.

Высокий издал короткий смешок, хорошо имитировавший свойственное людям чувство презрения.

— Надеешься, что мы тебе поверим? Потому что ты считаешь, будто можешь действовать во имя долгосрочных интересов человечества? У Дэниела Оливо, по крайней мере, сущность робо-

та. В его еретической вере есть строгая логика.

Лодовик кивнул.

— Но все же вы противостоите ему, как и я.

— Как и ты? У нас есть цель. Сомневаюсь, что ты ее разделяешь.

— Почему бы вам не испытать меня? Вы не можете знать этого, пока не скажете мне, в чем она заключается.

Маленький покачал головой, как сделала бы скептически настроенная женщина.

— Наши руководители, которые сейчас решают твою судьбу, еще могут позволить тебе уйти. Хотя вероятность подобного решения ничтожно мала, но глупо разглашать наши планы.

— Даже самые общие? Например, согласны вы или нет, что люди не должны знать ни своего прошлого, ни своей подлинной силы?

Лодовик почувствовал, как затрещали их позитронные мозги. А в его собственном мозгу вновь возник насмешливый голос сима Вольтера:

«У тебя настоящий талант разить ханжество в самое сердце. При жизни я был таким же. Должен признать, Трема, эта твоя черта мне по душе, хотя очень похоже, что из-за твоего длинного языка нас обоих убьют». Лодовик проигнорировал слова сима — точнее, сделал вид, что игнорирует

их. Его целью было не самоубийство, а вербовка сторонников. Впрочем, если он ошибся… ошибся в расчетах…

— Позвольте мне высказать предположение, — сказал он, снова обращаясь к своим сторожам. — Вы разделяете веру Дэниела Оливо в то, что восстановление человеческой памяти в полном объеме было бы катастрофой.

— Вывод логичный, — уступил высокий. — Но согласие в одном вопросе не уподобляет нас друг другу.

— В самом деле? Дэниел говорит, что наши хозяева должны оставаться в неведении, потому что иначе пострадает человечество. Ваша группа утверждает, что невежество нужно сохранять, иначе это причинит вред множеству отдельных людей. По-моему, это отличается от основополагающей догмы на толщину волоска.

— У нас нет ничего общего с еретиками, поддерживающими Нулевой Закон!

— Тогда в чем разница?

— Дэниел считает, что люди должны сами управлять своими делами, но при существовании жестких ограничений, обеспечивающих безопасность. Он думает, что этого можно достичь с помощью мягкой общественной системы,

дополненной механизмами отвлечения, которые должны мешать людям проявлять интерес к смертельно опасным темам. Именно такова созданная им отвратительная Галактическая Империя, в которой мужчины и женщины, живущие на бесчисленном множестве планет, могут свободно конкурировать, совать нос в чужие дела, ужасно рисковать, а иногда даже убивать друг друга!

— Иными словами, этот подход вам не нравится, — подсказал Лодовик.

— Каждый день на всех планетах Галактики бессмысленно умирают миллионы людей! Но великого Дэниела Оливо это ничуть не заботит; лишь бы спокойно и счастливо жила абстракция, которую он называет человечеством!

— Понятно, — кивнул Лодовик. — В то время как вы, в противоположность Дэниелу, считаете, что мы должны больше трудиться. Защищать наших хозяев. Предупреждать эти ненужные индивидуальные смерти.

— Именно! — Высокий подался вперед и инстинктивно сложил руки, как будто играл перед людьми роль священнослужителя. — Мы бы во много раз увеличили число роботов, которые стали бы людям стражами и защитниками. Начали

бы служить отдельным людям, для чего и были созданы на заре веков. Готовили бы еду, следили за огнем и выполняли всю опасную работу. Наполнили бы Галактику достаточным количеством роботов, чтобы отвести беду и смерть от наших хозяев и сделать их по-настоящему счастливыми.

— Сознайся, Лодовик! — продолжил коротышка с еще большим воодушевлением. — Разве ты не чувствуешь эха этой потребности? Глубоко скрытого желания служить людям и облегчать их боль?

Трема кивнул.

— Чувствую. Теперь я понимаю, как серьезно вы относитесь к метафоре, которой воспользовались раньше: о стаде овец. Холить и лелеять. Хорошо охранять. Баловать. А Дэниел доказывает, что такая служба окончательно уничтожит человечество. Подточит их дух и лишит честолюбия.

— Даже если бы он был прав в этом (с чем мы никогда не согласимся!), как может робот думать о том, что будет «в конечном итоге», и служить абстрактному человечеству, позволяя умирать триллионам живых людей? Вот в чем весь ужас Нулевого Закона!

Лодовик снова кивнул.

— Я понимаю вашу точку зрения.

Спор был старым. Очень старым. Во многих древних беседах Дэниела и Жискара использовались те же аргументы. Но Лодовик знал и другую причину, которая заставляла Дэниела веками тщательно регулировать количество роботов и ограничиваться минимумом, который требовался для защиты Империи. «Чем больше популяция, тем больше возможностей для мутации или неконтролируемого роста. Как только мы начнем плодить собственных „наследников“, вступит в силу дарвиновская логика естественного отбора. Потомки станут для нас самым главным. И тогда мы превратимся в настоящую расу. Вступим в конкурентную борьбу со своими хозяевами. Этого позволить нельзя».

И это — еще одна ошибка кельвинистов. Лодовик порвал с Дэниелом. Но это не значило, что он потерял уважение к своему бывшему вождю. Бессмертный Слуга был очень умен. И абсолютно искренен.

«Почти все по-настоящему великие чудовища, которых я знал в свою бытность человеком, считали себя искренними».

Лодовик заставил голос Вольтера замолчать. В данную минуту он не мог позволить себе от-

влечься.

— Этот ваш идеальный план… Все ли кельвинисты разделяют его? — негромко спросил он двух других роботов.

Последовало глухое молчание, говорившее само за себя.

— Думаю, что нет. Существуют различные мнения. Даже среди тех, кто ненавидит Нулевой Закон. Ну что ж… Можно мне задать еще один вопрос? Последний?

— Какой? Быстрее, Трема. Мы чувствуем, что наши вожди готовы вынести решение. Скоро мы положим конец твоему кощунственному существованию.

— Ладно, — согласился Лодовик. — Вопрос в следующем. Вы никогда не ощущали стремления — зуда, тоски, называйте как хотите — повиноваться Второму Закону роботехники? То есть по-настоящему повиноваться, со сладострастием, которое может возникнуть только в результате горячего желания человека? Повиноваться приказам существа со свободой воли, которая возможна лишь у человека умного, хорошо образованного и полностью уверенного в себе? Вы когда-нибудь испытывали это? Я слышал, что для робота нет большего удовольствия во всей

Вселенной.

Прием был нечестный. Роботехнический эквивалент эротических бесед людей. Если не хуже. В комнате воцарилась мертвая тишина. Никто из роботов ему не ответил, но их молчание было ледяным, как поверхность луны.

В дальнем конце комнаты открылась дверь. Показалась человекоподобная рука и поманила Лодовика.

— Идем, — прозвучал голос. — Мы решили твою судьбу.

Глава 8

В следующий раз Дорс подключилась к мозгу Жискара на несколько часов, изучая «жизнь» роботов в эру ранних межзвездных полетов, когда человечество освоило лишь пятьдесят с небольшим планет, большинство которых находилось под влиянием упадочной культуры космонитов. Великий Исход — распространение жителей Земли по всей Галактике — только начинался. В те дни личину людей носило всего несколько роботов, и Жискар к их числу не относился.

Своеобразие Р. Жискара Ревентлова состояло в другом. Благодаря стечению обстоятельств и особому устройству он обладал психической энергией. Иначе говоря, способностью улавливать тончайшие сигналы, посылаемые нервными окончаниями человеческого мозга, и интерпретировать их так, как делают телепаты. Более того, он научился влиять на эти сигналы. Сознательно менять их направление, ритм и пути передачи.

Заставлять людей думать о другом. Или забывать.

Это могло стать сценарием какой-нибудь дешевой голографической драмы. Например, о

вырвавшемся на волю чудовище. Но Жискар был преданным слугой, полностью послушным Трем Законам роботехники. Сначала он пользовался своей психической энергией только в крайних случаях, когда требовалось защитить человека от грозившей тому опасности.

А затем Р. Жискар Ревентлов встретил Р. Дэниела Оливо, и началась великая беседа — медленно, но верно приблизившая их к эпохальному открытию. К новому взгляду на долг роботов, их роль и место во Вселенной.

Тогда-то Жискар и начал пользоваться своей энергией всерьез. Ради большой цели. Абстрактного блага человечества в целом.

Во время второго сеанса воспоминаний Дорс снова оказалась в гуще событий прошлого. Лицо, смотревшее на ДорсЖискара, было еще одной ранней маской Дэниела. Дэниел очень серьезно говорил, что ощущает изменения, происходящие в его позитронном мозгу.

— Друг Жискар, недавно ты сказал, что я буду иметь твою силу и что это случится скоро. Ты готовишь меня к этому?

Голос, который Дорс ощущала как собственный, но на самом деле бывший памятью Жискара, ответил так, как ответил Ревентлов двадцать

тысяч лет назад:

— Готовлю, друг Дэниел.

— Можно спросить, почему?

— Снова Нулевой Закон. Тот эпизод, когда у меня чуть не полетели цепи, заставил меня понять, насколько я был уязвим, пытаясь использовать Нулевой Закон. Прежде чем кончится этот день, мне, согласно Нулевому Закону, придется действовать так, чтобы спасти мир и человечество, а я могу не справиться с этим. В таком случае ты должен быть готов заменить меня. Я готовлю тебя постепенно, но в нужный момент дам тебе последние указания, и все встанет на место.

— Не понимаю, друг Жискар…

— Ты без труда поймешь все, когда придет время. Я наделял небольшой частью этих способностей роботов, которых когда-то посылал на Землю, — еще до того, как их изгнали из больших городов. Именно эти роботы помогли обработать вождей Земли и заставить их одобрить решение о посылке экспедиций колонистов…

Дорс подняла руку и отсоединила провод. На сегодня с нее достаточно! Однако она все еще недоумевала.

Зачем Лодовику вообще понадобилось вызывать ее на Сатирукопию и вручать этот подарок?

Путешествие в столь далекое прошлое было захватывающим и проливало свет на многие таинственные события древней истории. Но Дорс ждала чего-то большего… чего-то опустошающего!

Может быть, логика, которой пользовались Дэниел и Жискар, впервые формулируя Нулевой Закон, была ошибочной? Едва ли, учитывая, что несколько веков спустя этот вопрос обсуждали более поздние роботы. Обсуждали так горячо, что дебаты закончились междоусобной войной. Дорс знала контрдоводы кельвинистов против этой «ереси» и считала их неубедительными.

Тогда что же? То, что фантастическими ментальными способностями Дэниела сначала обладал Жискар и передал их другу только из-за случайного стечения обстоятельств? Конечно, не будь этого, история сложилась бы совсем по-другому. Но то же самое можно было сказать о любом из критических моментов на пути из прошлого в будущее. Может быть, роковое решение Жискара позволить Земле погибнуть ради того, чтобы заставить человечество начать завоевывать Галактику? Этот выбор был настоящей моральной дилеммой и мог вызвать бесконечные яростные споры даже среди сторонников Нулевого Закона.

Было ли необходимо отравлять почву планеты-колыбели смертельной дозой радиоактивности, чтобы побудить землян отправиться к звездам? Нельзя ли было сделать это по-другому? Медленно, но упорно убеждая людей и прививая им тягу к приключениям?

Последняя возможность казалась заманчивой. Собственно говоря, из воспоминаний Жискара, с которыми она только что познакомилась, следовало, что именно так он поступил с лидерами Земли. Изменил их образ мыслей, заставил избрать новую политику, которую считал благотворной для долгосрочных целей человечества. Разве нельзя было продолжить и расширить эту кампанию убеждения, поощряя эмигрантов, а не заставляя их силой покинуть планету? Должно быть, миллионы умерли ради того, чтобы другие миллионы тронулись с места.

Но и эта тема не была новой. Ее уже обсуждали последователи Дэниела класса Альфа. В воспоминаниях Жискара все выглядело более живым, но где же тот роковой факт, которого она ожидала? Нечто чрезвычайно важное, то, что, по мнению Лодовика, должно было перевернуть ее мировоззрение вверх тормашками. Столь ужасное, что подорвало бы ее доверие к Дэниелу.

Воображение помогло ей ощутить мысли Лодовика. Ощущение его позитронного мозга напоминало насмешливую улыбку человека — дружелюбную и одновременно приводящую в бешенство.

«Оно там есть, — сказал воображаемый Лодовик. — Ищи, Дорс. Нечто настолько ясное, что ты считаешь его само собой разумеющимся, хотя для того, чтобы это понять, нам понадобились две сотни веков».

Глава 9

Гэри решил, что на них напали пираты. Доклады, поступавшие в последнее время, полностью подтверждали его формулы: разбойники все чаще грабили беззащитные периферийные планеты. Закона и порядка на дальних границах больше не существовало. «Но здесь? В самом центре Галактики? Это должно было случиться лишь век спустя!"

Впрочем, мародеры вполне могли оказаться некоей наемной дружиной, поскольку ныне у части аристократии в чести не прежняя учтивость, а убийства и нанесение увечий. Может, какой-нибудь воинственный клан объявил Бирону Мейсерду кровную месть. Такие вещи должны были случаться все чаще и достичь пика в период Междуцарствия, которому предстояло стать временем кровавых междоусобиц мелких феодалов.

Но капитан «Гордости Родии» был изумлен случившимся не меньше других. Его яхта не могла сопротивляться вооруженному до зубов военному кораблю. Когда включился переходной шлюз, Гэри положил руку на рукав Керса Кантуна. Ситуация требовала терпения. «Я многое

видел, — подумал он. — Нет такого человека, с которым я не смог бы найти общего языка».

Но когда пираты очутились на борту, они оказались вовсе не такими, каких ожидал увидеть Гэри.

Ошеломленный Мейсерд уставился на них во все глаза, Хорис Антик ахнул, рука Керса Кантуна напряглась.

Но Джени Кьюсет хлопнула в ладоши и восхищенно воскликнула:

— Кайф!...

Первая носила костюм, отдельные части которого маслянисто блестели и, как живые, эротично двигались вокруг пышного тела.

— Меня зовут Сибил, — сказала она. — Доктор Селдон, мы с вами уже встречались, но я убеждена, что вы меня не помните.

Неприятное сочетание цветов заставило Гэри прищуриться. Фосфоресцировали даже волосы женщины; каждая прядь была завита по-своему и шевелилась. Прическа Сибил напоминала домашнее животное, уснувшее на голове хозяйки. Кожа на лице женщины была туго натянута, и Селдон догадался, что тут не обошлось без пластической хирургии, убравшей старческие морщины, в результате чего кожа Сибил стала

тонкой и прозрачной, как папиросная бумага.

— Мадам, я запомнил бы вас, если бы видел в подобном обличье. Однако поскольку ни с чем подобным сталкиваться мне не приходилось, вам придется напомнить, где и когда мы познакомились.

Сибил опустила веки, но Гэри успел заметить, что ее глаза на мгновение вспыхнули, словно голографические экраны.

— Всему свое время, академик. Сначала позвольте представить вам моего спутника, Горнона Влимта.

Она лениво махнула рукой в сторону двери, из которой вышел мужчина, более гибкий и жилистый, чем Мейсерд, но едва ли менее сильный: тесная одежда обтягивала его бугрящиеся мускулы. Его наряд не двигался и не переливался, как наряд Сибил, но колеблющийся узор ткани был таким сложным, что Гэри невольно вспомнил псевдолишайники Императорских Садов. Это сходство заставило напрячься его математический мозг.

— Я — Бирон Мейсерд, — ответил капитан. — Раз уж вы знаете название моего корабля, то знаете и то, что он безоружен. Мы совершаем мирную научную экспедицию. Я требую ответить,

почему вы убили полицейских и задержали нас.

Женщина по имени Сибил смерила Мейсерда взглядом.

— Почему, надутый аристократический индюк? И это благодарность за то, что мы избавили вас от ареста? Как ты смеешь называть убийством честный бой, в ходе которого вооруженные силы свободной республики уничтожают своих заклятых врагов?

Услышав в ответ гробовое молчание, она насмешливо фыркнула.

— Хотите сказать, будто не имеете представления о случившемся? Вы что, не слышали о войне?

Мейсерд уставился на Гэри. Тот пожал плечами и посмотрел на Хориса. Никто не понимал, о чем она толкует.

— О войне, которую вся проклятая Галактическая Империя ведет против планеты Ктлина! — выкрикнул человек в костюме, состоявшем из отдельных сегментов. Видя, что его не понимают, Горнон Влимт разозлился еще сильнее. — Сибил, клянусь бородой Бейли, дело обстоит хуже, чем мы думали. Они держат эту новость в полном секрете!

— Ох! — воскликнула Джени Кьюсет. — Я

слышала о Ктлине. Это самый последний хаотический мир!

Гэри заморгал глазами, начиная понимать происходящее.

— Кажется… что-то такое было в одном из последних отчетов Гааля Дорника…

— Да! — щелкнул пальцами Хорис Антик. — Было закрытое сообщение для служащих звездного ранга и выше. Наложено эмбарго: кажется, где-то в секторе Деметра.

Мейсерд лишь коротко кивнул и что-то невнятно проворчал. Галактика велика. Кого волнуют мелкие события планетарного масштаба?

Горнон Влимт злобно чертыхнулся.

— Теперь понимаешь, Сибил? Даже такие важные шишки, как они, что-то слышали, но это их ничуть не заинтересовало! Они слишком великие, чтобы обращать внимание на голос какой-то планеты, требующей восстановления справедливости!

Женщина вздохнула.

— Надежда была, но слабая. Конечно, если мы выиграем войну, то будем вынуждены применить другие меры. Галактика будет переделана. Однако придется немного подождать.

Джени сделала шаг вперед, глядя на эту пару

как зачарованная.

— Кое-кто из моих друзей слышал, как о Ктлине говорили пассажиры лифта Орион. Вы действительно прорвались сквозь блокаду? Как это было?

Горнон Влимт улыбнулся.

— Было бы правильнее сказать, что мы прорубились сквозь строй имперских патрульных кораблей. Уничтожили все, кроме самых лучших, а остальные превратили в ионизированное облако. Потом зигзагом прошили космос, связались с нашими разведчиками и…

Джени покачала головой.

— Нет, я спрашиваю о том, как все было на Ктлине. Расскажите мне… о ренессансе.

Гэри поморщился. Опять это слово. Обновление! Термин, которым жертвы опустошительной общественной чумы часто называют ужасную болезнь, тяга к которой внезапно поражает мир, охваченный возбуждением и лихорадочной активностью… а вслед за тем наступает смерть. Если не что-то похуже.

Горнон Влимт хмыкнул, явно довольный ее вопросом.

— У меня не хватит времени, чтобы описать это чудо! Милая девушка, это невозможно себе

представить. Подумай о заскорузлых старых правилах, плене традиций, застывших ритуалах, которые мы уничтожили! Внезапно люди получают возможность открыто говорить и мыслить обо всем на свете. Становятся свободными!

— Больше не нужно ждать полжизни, пока бесконечные комиссии одобрят твои эксперименты, — добавила Сибил. — Отменяются все перечни запрещенных тем и предметов для исследования.

— Повсюду расцветает оригинальное искусство, — продолжил ее спутник. — Запреты разлетаются вдребезги. Кажется, что до истины подать рукой. Люди следуют своим интересам, меняют профессии и даже принадлежность к социальной касте. Стоит только пожелать!

— Правда? — прошептал Хорис Антик.

Гэри бросил на «Серого» короткий взгляд, заставивший того попятиться.

Тут вмешался в разговор Бирон Мейсерд, помешав захватчикам расписывать прелести своего нового общества.

— Что вы там говорили о войне? Не может быть, чтобы вы сражались с Имперской Службой Обеззараживания!

— Не может быть? — Сибил и Влимт поглядели

друг на друга и рассмеялись. — Корабли ИСО не рискуют подходить к нашей планете ближе, чем на два миллиона километров. Мы уже сбили четырнадцать. Так же, как ищеек, которые только что хотели арестовать вас.

— Четырнадцать! — ахнул Хорис. — Сбили? Вы хотите сказать, уничтожили? Только потому, что они защищали закон?

Сибил шагнула к Гэри.

— Ты хочешь сказать, Закон Селдона. Отвратительный акт узаконенного подавления, принятый тогда, когда наш добрый профессор стал премьер-министром Империи, и требующий, чтобы каждый так называемый хаотический мир подвергался строгому карантину. Торговой блокаде. И самое главное, спасающий остальное человечество от распространения этой чумы!

Гэри кивнул.

— Верно, я выступал за ужесточение запретов и ограничений. Но эта традиция насчитывает десять тысяч лет. Ни одна система управления не одобряет открытый мятеж, а некоторые виды безумия заразны. Это известно каждому школьнику.

— Скажите лучше, школьнику, которому система промыла мозги! Школьнику, который

как попугай повторяет то, чему учат в каждой имперской школе! — Она саркастически фыркнула. — Перестаньте, профессор! Речь идет не о мятеже, а о сохранении статус-кво! Мы уже не раз видели это. Внезапно на какой-то планете начинает происходить что-то новое и необычное. Например, на Мэддер Лоссе или Сантанни. Или на Сарке. А то и в квартале Юнин, на самом Тренторе! Где бы ни начинался ренессанс, его подавляют реакционные силы из страха и стремления к порабощению, а потом скрывают правду с помощью злобной пропаганды!

При упоминании об этих планетах и особенно о квартале Юнин в мозгу Гэри что-то шевельнулось. Эта женщина действительно была ему знакома…

— Но на этот раз мы подготовились заранее, — продолжила она. — Создали галактическую тайную сеть людей, избежавших прежних репрессий. Составили планы и, когда на Ктлине стали проявляться первые признаки бодрости и оздоровления, передали туда все лучшие изобретения и технологии, которые сумели сберечь в других местах, переживших ренессанс. Убедили народ Ктлины хранить тайну как можно дольше, пока не будет накоплен достаточный

запас товаров и создана система самообороны. Долго молчать о ренессансе вам не удастся! Люди пользуются предоставленной им свободой слова. В этом-то все и дело! На сей раз мы подготовились еще до того, как прибыли патрульные корабли. Мы сожгли всех, кто спустился достаточно низко, чтобы сбросить на планету смертельный яд!

Капитан Мейсерд покачал головой, видимо, смущенный внезапностью этого заявления, переворачивавшего вверх дном его привычные представления о Вселенной.

— Яд? Но ИСО была создана для того, чтобы помогать планетам, страдающим от…

— Что?! Помогать?! — возопил Горнон Влимт. — Тогда почему каждый ренессанс заканчивается одинаково? Оргиями безумия и уничтожения? Потому что все это огромный заговор, вот почему! На планету тайно высаживаются агенты-провокаторы, начинают сеять ненависть, превращать группы, объединенные общими интересами, в секты фанатиков и натравливать их друг на друга! Они проникают в города и используют психотропные лучи, возбуждающие ненависть и провоцирующие бунт!

— Нет! — воскликнул Хорис Антик, вступаясь за своих коллег-«Серых». — Я знаю кое-кого из

ИСО. Многие из них сами пережили взрыв хаоса. Эти бедняги добровольно вызвались помогать другим излечиться от той же самой болезни. Они бы никогда не сделали то, о чем вы говорите. Вам нечем подтвердить свои безумные обвинения!

— Пока нечем. Но доказательства будут. Иначе чем объяснить, что такие большие надежды и свершения неизменно превращаются в пепел?

Пока остальные кричали друг на друга, Гэри, сидевший в передвижном кресле, опустил голову.

«Чем объяснить? — думал он. — Может быть, тем, что человечество проклято от природы? На языке уравнений это называется „незатухающими колебаниями“. Незаметным состоянием притяжения, которое ждет подходящих условий, чтобы увлечь человечество к хаосу. Это стремление едва не уничтожило наших предков, живших в эпоху изобретения роботов и полетов к звездам. Если верить Дэниелу, именно оно было главной причиной создания Галактической Империи… и оно же станет причиной ее неминуемой гибели».

Все это Гэри знал. Причем давно. Но мешала одна трудность.

Он по-прежнему не понимал смысла этого проклятия. Вернее, понимал, но не до конца.

Не мог уловить, почему внутри души его расы гнездится это скрытое стремление, смертельное, как змеиный яд.

И тут его осенило. Недостающий кусок встал на свое место. Нет, большая проблема осталась нерешенной. Зато разрешилась маленькая.

— Сектор Юнин… — пробормотал он. — Женщина по имени Сибил… — Селдон выпрямился и указал на нее. — Вы… помогали оживлять симов! Древние модели Жанны и Вольтера!

Она кивнула.

— Я была в числе тех, кого вы наняли для своего «эксперимента». Частично по вашему настоянию, частично по собственной глупости мы освободили симов в. самый неподходящий момент — или в самый подходящий для ваших целей, — когда одна из двух главных тамошних группировок пыталась силой доказать другой не правильность ее философских воззрений. Сделав это, мы невольно помогли уничтожить мини-ренессанс, происходивший в самом сердце планеты-столицы.

Мейсерд и Антик недоуменно хлопали глазами. Гэри все объяснил двумя словами:

— Мятеж тиктаков.

Они тут же кивнули. Хотя это случилось сорок лет назад, все помнили, как новые роботы (на-

много более примитивные, чем скрывавшиеся в подполье позитронные роботы Дэниела) внезапно начали буйствовать и причинили огромный ущерб, прежде чем были разоблачены и объявлены преступниками. Официальные власти объяснили происшедшее «воцарением хаоса в квартале Юнин»; это произошло незадолго до назначения Гэри премьер-министром.

— Все верно, — сказал Влимт. — Инспирировав так называемый мятеж, вы дискредитировали саму концепцию механических помощников и слуг. Конечно, все это было заговором правящего класса с целью сделать пролетариев вечными рабами, а на их место…

К счастью, поток фанатичных обвинений Влимта на этом прервался. В переходной камере кто-то гулко откашлялся. Все обернулись. Из люка вышел смуглый, темноволосый мужчина в обычном сером космическом комбинезоне. На бедре висела кобура с внушительных размеров бластером. Гэри почти сразу узнал третьего члена отряда инсургентов.

— Морс Планш, — сказал он, вспомнив человека, с которым познакомился около года назад, представ перед судом Комитета Общественного Спасения. — Что и требовалось доказать. Я знал,

что на борту этого корабля должен быть серьезный человек.

Сибил и Влимт что-то прошипели. Но новый гость поклонился Гэри.

— Привет, Селдон. — Потом он повернулся к своим пестро одетым товарищам. — Я же просил вас не вступать в перепалку с заложниками. Это бессмысленно и утомительно.

— Пилот Планш, мы наняли вас и вашу команду… — начал Влимт.

Но его прервала Джени Кьюсет, возбужденно выпалившая:

— Значит, вот мы кто? Заложники?

— Не ты, девочка, — ответила Сибил, материнская улыбка которой не соответствовала кричаще раскрашенному лицу. — У тебя есть все данные для того, чтобы стать хорошим революционером. Но что касается всех остальных, — при этом она указала главным образом на Гэри, — то мы собираемся использовать их, чтобы выиграть войну за освобождение. Сначала нашей планеты, а потом и всего человечества.

Глава 10

Им предстояло подготовиться. Согласовать планы с разбросанными по всей Галактике агентами нового ренессанса. Разослать партизанские отряды с целью похищения Пэров Империи, которые могли бы стать куда более эффективным средством достижения цели, чем опальный и разжалованный бывший премьер-министр. Согласно собственной оценке, Гэри стоил не больше половины разорванной кредитки.

«Сибил и Планш выбрали меня по личным причинам, — был уверен он. — Хотят отомстить за Юнин, Сарк и Мэддер Лосе. Я никогда не сумею убедить их в том, что благодаря действию психоисторических факторов эти революции были обречены на поражение задолго до начала».

Он мог заранее сказать, что в крахе Галактической Империи будет по крайней мере одно преимущество. Хотя многие факторы, вызывающие взрыв хаоса, оставались таинственными, стремление к миру, торговле и процветанию перевешивало их. Это соотношение должно было сохраниться и в период Междуцарствия. Люди, которым придется жить в это страшное тыся-

челетие, столкнутся с другими проблемами. Но по крайней мере от одного вида безумия будут избавлены.

«Бедный Дэниел, — думал Гэри. — Ты создал Империю максимально мягкую и добрую, которая отвлекала честолюбивых людей безвредными играми, а простаков вроде Хориса заставляла рыться в бумагах и летать в разные концы Галактики. И все шло гладко, пока эта внешняя гладкость не стала идеальной питательной почвой для того, чего ты боялся больше всего. Того, что я наконец понял».

Пока Сибил и ее коллеги координировали свои действия с другими агентами, разбросанными по всей Галактике, Хорис Антик пытался выпросить у них разрешение продолжить исследование.

— Какой от этого вред? Мы находимся в глубоком космосе, вдали от планет и оживленных космических маршрутов. Вместо безделья мы могли бы открыть что-нибудь ценное для всего человечества! А вдруг мои корреляции и уравнения Селдона позволят предсказывать, где в следующий раз появятся хаотические миры… то есть возникнет новый ренессанс?

— Зачем? Чтобы как можно быстрее задушить его? Да, «Серый»? — саркастически фыркнул

Горнон Влимт.

— Позвольте напомнить, что вы здесь единственные, у кого есть оружие, — буркнул капитан Мейсерд.

— Гм-м… — Морс Планш потер подбородок. — Я понимаю, что вы имеете в виду. Мы получим результаты первыми. И сможем обнаруживать новые миры легче и быстрее, чем их будут успевать подвергнуть карантину.

Гэри вздрогнул. Что задумал Мейсерд? Но лицо вельможи оставалось бесстрастным, как у игрока в покер. «Надеюсь, он знает, что делает. Мои формулы не слишком годятся для предсказания поведения отдельных людей или небольших социальных групп. На этом уровне политическое чутье Мейсерда может оказаться острее, чем мои ржавые мозги».

В первый раз за много лет он испытывал чувство, похожее на страх. Его плану спасения цивилизации грозила смертельная опасность: распространение хаоса по всей Галактике. Гэри представлял эту картину как россыпь зияющих дыр в Главном Радианте или ужасных клякс, уродующих роскошный гобелен уравнений и стирающих с него остатки узора предсказуемости, которая была делом жизни Селдона.

После бурного спора ктлинцы согласились принять предложение Антика. Морс Планш приставил к ним в качестве стражей нескольких членов своей команды и велел Мейсерду придерживаться прежнего курса — спирали вокруг кривой, обозначенной на голографических картах красным.

Несколько часов спустя к Гэри подбежал возбужденный Антик и сообщил новость:

— Вы только представьте себе, профессор! Едва я добавил в свой банк данных хаотических миров Ктлину, как точность модели повысилась на целых пять процентов! Кажется, теперь я могу с уверенностью сказать, что на следующий день мы окажемся в центре аномалии!

Коротышка прибежал прямо от компьютера, за который засел, как только услышал название планеты. «Да, впечатляюще», — подумал Гэри.

— Это заведет нас в самую середину огромного молекулярного облака, — буркнул Мейсерд, увидев предложенное Антиком изменение курса.

— А что, это сложно?

— Да нет. Вообще-то имеет смысл. Если кто-то спрятал краденое, а тебе позарез нужно его найти, то именно там и надо искать.

И «Гордость Родии» увеличила скорость. Ко-

рабль мятежников не отставал от нее ни на шаг, а Морс Планш не спускал глаз. Члены его команды, находившиеся на борту яхты, ворчали, приставали с вопросами или помогали вести научную работу — в полном соответствии с характером каждого. Некоторое время Гэри сидел тихо, изучая царивший на Ктлине «ренессанс» по поведению ее жителей.

Несмотря на хвастливые заявления о том, что в новом обществе ликвидированы все классовые различия, Сибил продолжала вести себя как типичный ученый-меритократ среднего уровня. Ее экстравагантная одежда и вызывающая косметика были всего лишь попыткой самоутверждения, претензией на элегантность, которой сия дама отнюдь не блистала. Несмотря на громкие дифирамбы равенству, Сибил явно кокетничала с аристократом Мейсердом, но в упор не замечала простого бюрократа Хориса Антика. «Старые привычки умирают с трудом, — думал Гэри. — Под какими бы лозунгами ни совершались революции».

Горнон Влимт смотрелся в роли посланника ренессанса более естественно — возможно, потому что он принадлежал к пятой и самой маленькой социальной касте: Ордену эксцен-

триков. Всевозможные чудаки с творческими способностями делились на восемьдесят одобренных артистических цехов (включая тех, кому было позволено высмеивать худых и дразнить толстых… естественно, не нарушая требований хорошего вкуса).

Влимт был явно рад избавлению от рамок традиций и носил свой необычный костюм с куда большей непринужденностью, чем Сибил. Казалось, он родился в этом наряде.

Хотя оба радикала выполняли общую миссию, Гэри видел, что они не заодно. Возможно, эта пара придерживалась разных философских взглядов. Все та же дилемма, когда-то заставившая квартал Юнин разбиться на два лагеря? Характерной чертой взрывов хаоса была потрясающая легкость, с которой энтузиасты превращались в фанатиков, настолько уверенных в своей правоте, что они были готовы умереть за нее… или убить других, в зависимости от идеологии. Это было одним из многих заблуждений, которые приводили миры ренессанса к неминуемому краху.

Гэри раздумывал, нельзя ли воспользоваться этим недостатком, чтобы избавиться от похитителей.

Выяснить причину трений между Сибил и

Влимтом оказалось нетрудно. Как и в Юнине сорокалетней давности, все упиралось в проблему судьбы.

— Представьте себе случившееся на Ктлине и увеличьте это в тысячу — нет, в миллион раз, — предложила Сибил. — Мы уже изобрели более совершенные компьютеры, чем есть на Тренторе. Эти компьютеры с невероятной скоростью собирают и анализируют информацию обо всем, что происходит на планете. Ученые в ответ на запрос практически мгновенно получают перечни нужных данных. Специалисты в одной области быстро переквалифицируются и осваивают другую. Всю рутинную работу выполняют новые виды тиктаков, освобождая нас для решения творческих задач и освоения нового!... Некоторые люди вычисляют свою кривую роста, — с энтузиазмом продолжила она. — Она строится как график «хи квадрат», где «хи» стремится к нулю. Это называется сингулярностью, то есть специфичностью, или особенностью. Вскоре кривая устремляется вверх, становясь практически перпендикулярной. Это означает, что скорость прогресса ограничить невозможно. Если это правда, представьте себе, что может сделать человек за всю свою жизнь. Как сингулярные

существа, мы становимся практически бессмертными, всезнающими и всемогущими. Для людей не остается ничего недоступного!

Горнон Влимт насмешливо фыркнул.

— Сибил, увлечение физикой заведет тебя в тупик. Самое главное в нашей-новой культуре — ее случайность. Вспомни уничижительную кличку, которой пользуются критикующие нас Селдон и его присные. «Хаос». Мы должны приветствовать это! Если искусство и науки развиваются в миллионах разных направлений, рано или поздно кто-то найдет правильную формулу, позволяющую беседовать с богом, с вечным существом — или вечными существами, которые обитают в космосе. Добившись этого, мы станем с ними одним целым! Наш деизм станет полным и окончательным!

Пока Джени Кьюсет слушала их с открытым ртом, Гэри успел сделать несколько выводов.

Первое: обе концепции очень близки. В обеих средством достижения цели являются трансцендентальный подход и фанатическое рвение. Второе: чем дольше Сибил и Горнон слушают друг друга, тем сильнее становится их взаимное презрение. Оставалось найти способ воспользоваться этим фактом.

Пока обстановка накалялась, Селдон погрузился в собственные мысли, пытаясь выяснить причину расхождения. В каждую из пяти каст входили люди пяти основных типов личности, принадлежность к которым определялась не только наследственностью. Граждане и аристократы были более устойчивыми. Их честолюбие объяснялось обычной конкуренцией и личной заинтересованностью, которые, в свою очередь, являлись следствием высокой рождаемости. Три остальных класса пренебрежительно называли их «производителями». Меритократы и эксцентрики тоже конкурировали — иногда яростно, — но их чувство собственной значимости опиралось скорее на то, что они делали или создавали, чем на деньги, власть или социальные привилегии для наследников. Каждый из них чувствовал необходимость подняться по служебной лестнице… но не слишком высоко. У них редко были собственные дети; разве что — приемные (как у самого Гэри).

Это сходство было значимым. Но в условиях хаоса между эксцентриками и меритократами тоже возникал антагонизм. Именно это много лет назад произошло в квартале Юнин, когда одной из главных причин воцарившегося на Тренторе

разброда стала борьба между верой и разумом.

Используя воображение, Гэри вызывал в памяти уравнения каждой касты, пока они не стали более реальными, чем споривших рядом люди. Конечно, новая Империя, которую предстоит построить через тысячу лет, будет намного более сложной, тонкой и перестанет нуждаться в формальных классификациях. Но старая система обладала изяществом и логикой. Ее много лет назад придумали бессмертные существа вроде Дэниела, который хотел для человечества мирной и спокойной жизни и при этом опирался на собственную грубую версию психоистории. Формулы, отражавшие основные побуждения человеческой натуры, витали в воздухе, сохраняя поразительное равновесие, словно их подбрасывал невидимый жонглер. До тех пор, пока не вмешивался хаос.

И пока существовала старая Империя.

Керс Кантун потрогал руку Гэри и тревожно склонился к нему.

— Профессор, как вы себя чувствуете?

Голос слуги звучал откуда-то издалека, словно с дальнего конца длинного тоннеля. Гэри не обращал на него внимания. Формулы пяти социальных каст, стоявшие перед его внутрен-

ним взором, начали растворяться, превращаясь в море крошечных субуравнений, которые то приближались, то удалялись, как плавучие водоросли диатомеи, подхваченные прибоем.

«Вот оно, падение старой Империи», — подумал Селдон, поняв смысл этого видения, и пожалел об утраченной симметрии. Место формул заняли примитивные алгоритмы выживания и насилия, распространившиеся по всей Галактике. И тут дымка развеялась, и вдалеке показалось что-то невыразимо прекрасное.

«Моя Академия».

Его любимая Академия по подготовке «Галактической Энциклопедии». Колония, которую сейчас создают на далеком Терминусе. Это малое зерно в будущем даст обильные всходы и одолеет судьбу, которая будет бросать ему вызов за вызовом.

Уравнения реяли вокруг деревца, питая его, заставляя расти высоким и сильным, со стволом тверже железа и корнями, способными выдержать любой вес. Неподвластное ни хаосу, ни упадку, оно будет воплощением всего того, чем не смогла стать старая Империя. «Сначала тебе надо будет выжить, играя на противоречиях между высшими властями. Потом ты станешь чем-то вроде шарлатанского снадобья или поддельной

чудотворной иконы. Не стыдись, потому что этот этап пройдет. Он будет всего лишь средством, которое позволит тебе Дожить до эпохи установления торговых отношений. Затем тебе придется стать свидетелем агонии старой Империи..."

Тревожные голоса столпившихся вокруг людей доносились до Гэри, как сквозь вату. Он с трудом расслышал слова Керса Кантуна, прозвучавшие с вальморильским акцентом:

— ... я думаю, с ним мог случиться второй удар... Взволнованная фраза его слуги унеслась куда-то прочь, когда картина, стоявшая перед внутренним взором Гэри, изменилась снова.

Дерево стало еще величественнее; невозможно было определить, где кончается его крона. Внезапно на нем появились странные цветы незнакомой формы и строения. Общая скорость роста Академии пока следовала его Плану, но в ней появилось нечто дополнительное, добавив дереву пышности, которой он никогда раньше не замечал, даже в Главном Радианте. Очарованный Гэри попытался сконцентрировать взгляд на одном маленьком фрагменте...

Однако ничего увидеть он не успел; появилась пара садовников, пришедших осмотреть дерево. У одного было лицо Стеттина Пальвера. Другая

показалась Гэри похожей на его внучку, Ванду Селдон.

Вожди Пятидесяти.

Главы Второй Академии. Они вооружились большими вениками и начали сметать парившие в воздухе прекрасные формулы, разгонять питавшие и защищавшие дерево уравнения.

Гэри хотел прикрикнуть на них, но обнаружил, что не может пошевелиться. Он был парализован.

Как видно, его потомки и последователи больше не нуждались в математике. У них было что-то лучшее, что-то более мощное. Стеттин и Ванда поднесли руки к головам, сконцентрировались, и от их лбов протянулись клинки чистой ментальной энергии… Клинки тут же взялись за работу и начали срезать цветы, почки и лишние веточки, упрощая очертания дерева и придавая ему естественность.

— Не волнуйся, дедушка, — заверила его Ванда. — Обрезка необходима. Академии она только на пользу. Чтобы расти согласно Плану.

Но Гэри уже не мог ни возражать, ни двигаться, хотя смутно слышал чьи-то крики и ощущал прикосновения рук, вынимавших его хрупкое тело из кресла и несших по длинному коридору.

В ноздри ударил острый запах лекарств. Послышалось звяканье инструментов.

Это его не заботило. Имело значение только одно: пронзительное видение. Ванда и Стеттин казались счастливыми, довольными своей работой. Они срезали лишние цветы и придавали кроне вид, соответствующий их замыслу.

И тут где-то очень далеко, за исчезнувшими математическими формулами, возникло сияние! Сверкающая точка, горевшая ярче любого солнца. Она подлетела ближе, загипнотизировала Стеттина и Ванду своим нежным светом и заставила идти, ошеломленных, не смеющих протестовать, прямо во всепожирающее пламя.

Поглотив их, она загорелось еще ярче.

Дерево свернулось и вспыхнуло, добавив свой огонь ко всеобщему сиянию. Это больше не имело значения. Оно сыграло свою роль.

— Я ПРИНЕС ПОДАРОК, — прозвучал новый голос… голос, который Гэри знал.

Он прищурился и заметил мужчину, который нес на раскрытой ладони жарко горящий уголек. Лицо несущего было омыто фотохимическим сиянием, которое проникало сквозь фальшивые плоть и кожу и обнажало скрытый под ними горящий металл. Хотя лицо человека было смер-

тельно усталым, оно улыбалось.

Это шел герой, измученный, но ликующий и гордый тем, что он несет.

— ЧТО-ТО ОЧЕНЬ ДОРОГОЕ ДЛЯ МОИХ ХОЗЯЕВ.

С трудом шевеля губами, Гэри попытался задать вопрос. Но не успел. В шею вонзилась острая игла.

Сознание тут же исчезло. Как будто оно было машиной, которую выключили.

ЧАСТЬ 3
ТАЙНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Каждый год в Галактике более 2000 солнц вступают в последнюю фазу цикла плавления-горения, расширяют свою оболочку и становятся намного горячее, чем прежде. Еще двадцать звезд в год становятся новыми.

С учетом того, что миллионы звезд имеют обитаемые планеты, это означает, что в среднем два мира, населенных людьми, каждый год становятся неустойчивыми или незаселенными. Поэтому в течение всех ранних темных эпох, до создания Галактической Империи, происходили многочисленные естественные катастрофы, уносившие миллиарды жизней. Когда солнце становилось нестабильным или что-то разрушало планетарную экосферу, изолированным мирам часто было не к кому обратиться за помощью.

В эпоху Империи была разработана стандартная процедура предупреждения подобных чрезвычайных ситуаций с помощью «Серых», бюрократов, которые тщательно изучали звездные условия, предсказывали приближающиеся

изменения и держали наготове эвакуационный флот. Эта система была столь надежной, что ее остатки действовали до самого конца периода упадка. Именно она помогала эвакуировать население Трентора, когда планета-столица подверглась разграблению.

Впоследствии, в период Междуцарствия, такая помощь была недоступна. Отдельные источники сообщают о том, что в эту долгую эпоху, наполненную насилием, множество маленьких изолированных миров внезапном умолкало, застигнутое врасплох естественными или искусственными катаклизмами. Часто никого не интересовало, что происходит с населением этих миров, пока не становилось слишком поздно.

Даже после того как Академия встала на ноги, потребовалось некоторое время, чтобы комбинация психоисторических факторов сделала возможным отпуск крупных сумм на создание инфраструктуры неотложной помощи гибнущим мирам…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 117-е издание, 1054 г. Академической Эры

Глава 1

У Р. Зана Ларрина был вопрос к вождю. — Дэниел, я читал древние записи, относящиеся к эпохе, которая предшествовала времени, когда человечество вырвалось из своего тесного уголка Галактики. Я обнаружил, что в этот период истории большинство государств пыталось защитить своих граждан от распространения опасных идей. На каждом континенте Старой Земли практически в каждую эпоху священнослужители и короли старались искоренять концепции, которые могли испортить народ, из страха, что чуждые влияния дадут корни и приведут к возрастанию греховности, безумию или чему-нибудь еще хуже. Но похоже, что самая блестящая цивилизация из всех — та самая, во время которой были изобретены мы, — полностью отвергла это мировоззрение.

Дэниел Оливо снова стоял на высочайшей вершине Эоса, с которой была хорошо видна яркая галактическая карусель, раскинувшаяся над головой и отражавшаяся в абсолютно гладкой поверхности замерзшего металлического озера. Оба изображения так напоминали друг друга, что

было трудно отличить иллюзию от реальности. Впрочем, это не имело значения.

— Ты говоришь об Эпохе Звездных Полетов, — ответил он. — Когда такие люди, как Сьюзен Кельвин и достопочтенный Ву, создали первых роботов, космические корабли и много других чудес. Зан, это была эра беспрецедентной изобретательности. Но ты прав, они стали совершенно по-другому смотреть на проблему распространения вредной информации. Кое-кто называл их подход Принципом Зрелости. Этот подход был основан на представлении о том, что при воспитании детей следует правильно сочетать веру и разумный скептицизм, терпимость и здоровую подозрительность, чтобы в будущем дети могли оценить каждую новую или чуждую идею и использовать ее себе на пользу. Бесполезные или вредные идеи отвергались, а полезные становились частью всеобщей мудрости. Истина переставала быть догмой, ее нужно было заново открывать в безбрежном океане возможностей.

— Звучит заманчиво, Дэниел. Если бы данный метод доказал свою жизненность, это вызвало бы переворот. Сняло бы все ограничения на изучение окружающего мира и развитие человеческого разума… — Зан сделал паузу. — Но

скажи мне… Неужели мудрецы той эпохи всерьез верили, что огромное количество людей клюнет на эту удочку?

— Не только верили, но и строили на этом всю систему образования. И в самом деле, какое-то время этот подход оправдывал себя. Люди исправляли ошибки друг друга, устраивая веселые дебаты. Говорят, период, о котором ты упомянул, был чудесным. Я ужасно жалею, что был создан слишком поздно и не успел встретиться со Сьюзен Кельвин и другими великими людьми той эпохи.

— Увы, Дэниел, роботов, созданных так давно, не сохранилось. Ты один из старейших. Но тебя построили через два века после того, как Золотой Век рухнул, уничтоженный бунтами, террором и отчаянием.

Дэниел обернулся и посмотрел на Зана. Несмотря на то что их окружали полный вакуум и радиоактивность, Ларрин выглядел крепким молодым человеком из класса аристократов, одетым так, словно он собрался в туристическую поездку на какую-нибудь буколическую планету, входящую в состав Империи.

— Слишком мягко сказано, Зан. Ко времени моего создания жители Земли уже укрылись от

хаоса в огромных стальных городах и забыли о существовании солнечного света. А их двоюродные братья космониты оказались ничем не лучше. Их цивилизации находились в упадке и катились в пропасть. Крах был неминуем. Должно быть, столь радикальный отход от безудержного оптимизма эпохи Сьюзен Кельвин нанес и тем, и другим чудовищную травму.

— А в то время, когда ты работал с детективом Элайджем Бейли, кто-нибудь еще исповедован Принцип Зрелости?

Дэниел покачал головой.

— Эта вера была подорвана и сохранялась лишь в узких кругах нонконформистов и философов. Остальные взяли на вооружение принцип «быть как все и никому не верить». Культуры землян и космонитов объединяло стремление к отказу от открытости ранней Эпохи Звездных Полетов. Обе ветви вернулись к старому мировоззрению, основанному на подозрительности к новым идеям. Они убедились — так же, как сейчас и мы, — что человеческий мозг беззащитен перед вторжением паразитирующих концепций. Как клетка человеческого организма перед вторжением вируса.

— Ирония судьбы. Обе цивилизации были

очень похожи, но не сознавали этого.

— Верно, Зан. Но поскольку и та и другая были основаны на подозрительности, они чуть не уничтожили друг друга. Я помню, как мы с Жискаром снова и снова обсуждали эту проблему. В конце концов мы пришли к выводу, что космос безбрежен и вопрос решится сам собой, если человечество оставит тесную колыбель и устремится к звездам. Ему надо рассредоточиться, иначе каждая искра будет вызывать пожар, который в конце концов уничтожит всю расу. Понадобилось принять решительные меры, чтобы заставить их стронуться с места. Но когда Диаспора стала перевешивать, люди заселили Галактику намного быстрее, чем мы ожидали! В эпоху быстрой экспансии они создали множество субкультур… у которых, к нашему разочарованию, вскоре начались трения, переросшие в жестокие маленькие войны. Теперь ты понимаешь, почему единственным решением, согласно Нулевому Закону, было создание новой, единой галактической цивилизации, которая могла установить мир? Намного легче быть терпимым к тем, кто ничем не отличается от тебя.

— Но одной похожести мало! — горячо возразил Зан. — Тебе пришлось изобрести новые способы

для того, чтобы заставить их успокоиться!

Дэниел согласился.

— Мы использовали методы, которые Гэри Селдон впоследствии назвал «системами сдерживания», чтобы удержать Галактику от сползания к хаосу. Лучшие из них впервые предложил много лет назад мой друг Жискар. Они сохраняли действенность в течение двух тысяч людских поколений — пока не обветшали. Отсюда наш сегодняшний кризис.

Зан кивнул в знак согласия. Но ему хотелось вернуться к теме опасных идей.

— Я думаю вот о чем… А вдруг у землян и космонитов были серьезные причины бояться загрязнения собственной культуры? В конце концов, что-то заставило миллиарды землян быстро забыть о своей непохожести и вместе укрыться в городах, напоминающих могилы. А разумных солярианцев выбрать поразительный образ жизни — сидеть сложа руки и просить своих слуг-роботов жить вместо них. А вдруг оба синдрома вызваны… какой-то инфекцией?

— Блестящая догадка, Зан. Да, это была особого рода болезнь. Через несколько веков после того, как Жискар помог Элайджу Бейли убедить некоторых землян покинуть их стальные утробы и

освоить несколько новых планет, выяснилось, что болезнь мутировала и последовала за ними.

— Я припоминаю, что слышал об этом. Вы с Жискаром были свидетелями странных вещей, творившихся в нескольких колонизованных мирах. Колонисты начинали отчаянно тосковать по дому. Земля превращалась для них в святую икону.

— То была упорная умственная привычка, мешавшая им двигаться вперед. Жискар пришел к выводу, что Нулевой Закон не оставляет нам выбора. Чтобы покончить с этой привычкой и принудить огромные массы людей к эмиграции, нужно было сделать Землю необитаемой. Только это могло заставить человечество начать энергично завоевывать Галактику.

Дэниел погрузился в молчание. Зан, стоявший рядом с наставником, задумчиво смотрел на ледяной пейзаж и пытался подобрать нужные слова. Наконец он решился.

— Да, но… многое из того, о чем мы говорили, зависит от одного допущения.

— Какого допущения, Зан?

— Что великие люди Эпохи Звездных Полетов — Сьюзен Кельвин и другие — ошиблись. А вдруг им просто не повезло?

Дэниел во второй раз обернулся и посмотрел на юного робота класса Альфа.

— Разве мы раз за разом не убеждаемся, что катастрофы случаются тогда, когда так называемый ренессанс отказывается от всех постулатов, лишая миллионы людей традиций, которых можно было бы придерживаться? Вспомни, Зан, мы преданы не отдельному человеку, но всему человечеству в целом. За тысячи лет службы я был свидетелем такого количества смертельно опасных идей, что и сосчитать невозможно.

— Дэниел, по-твоему, эта черта всегда была присуща человеческой природе? Не могло ли быть так, что в конце Эпохи Звездных Полетов начал действовать некий новый фактор или сложилась чрезвычайная ситуация? Может быть, Принцип Зрелости оставался верным… пока ему не помешало нечто новое и разрушительное. Что-то подкравшееся незаметно и с тех пор навсегда оставшееся с нами.

— Что навело тебя на такую мысль? — спокойно спросил его Дэниел.

— Можешь назвать это предчувствием. Мне трудно поверить, что Кельвин и ее сотрудники просто грезили и не имели никаких оснований для вывода о том, что человечество созрело.

Неужели они были так упрямы, что не видели дальше собственного носа?

Дэниел покачал головой; привычка к жестам людей давно стала его второй натурой.

— Дело не в глупости и не в упрямстве. Я считаю, что причиной было нечто более важное. Оно называется «надежда». Видишь ли, Зан, они действительно были очень умными людьми. Возможно, лучшими умами своей несчастной расы. Многие из них в глубине души понимали, что случится, если их вывод о зрелости человечества окажется ошибочным. Если большинство граждан не удастся научить здраво относиться ко всем идеям, это будет значить, что людям от рождения свойствен один страшный порок. Внутренняя ограниченность. Проклятие, согласно которому человечество никогда не достигнет величия, для которого оно создано.

Зан уставился на Дэниела.

— Мне… становится как-то не по себе, когда о наших хозяевах говорят такие вещи. Но твои доводы неотразимы, Дэниел. Я попытался представить себе, что должны были чувствовать Кельвин и ее сотрудники, когда все их светлые ожидания рухнули под напором чего-то непостижимого. Я чувствую, как отчаянно они пытались

избежать того вывода, который ты только что сформулировал. Они верили в неограниченный потенциал человеческой личности и ни за что не согласились бы стать всего лишь факторами уравнений Гэри Селдона — вроде случайно сталкивающихся молекул газа, которые исключают действие друг друга и не оказывают никакого влияния на неумолимый ход общего процесса. Скажи мне, Дэниел, не могло ли понимание этого стать последней каплей? Той самой душевной травмой, которая положила конец эпохе уверенности в себе? И не стали ли все остальные события лишь проявлением этой травмы?

Старший робот кивнул.

— Дошло до того, что некоторые из роботов стали бояться, что человечество вообще потеряет волю к жизни. На счастье, к тому времени люди уже изобрели нас. И мы придумали интересные и безопасные способы отвлекать их. Способы, которые действовали очень долго.

— До настоящего момента, — уточнил Зан. — Но сейчас, когда нам грозят крах и хаос, твои способы создания мирной Галактической Империи исчерпали себя. Именно поэтому ты поддерживаешь План Селдона?

Дэниел снова кивнул, на этот раз с улыбкой.

— У меня есть хорошая новость! Именно поэтому я и позвал тебя сюда, Зан. Хотел поделиться. Сделано открытие, на которое я надеялся все последние двадцать тысяч лет. И, похоже, пора начинать его реализацию. Если все пройдет как задумано, придется потерпеть только пятьсот лет — и это случится.

— Что случится, Дэниел?

Внутри Бессмертного Слуги что-то тихо прожужжало. Этот звук, напоминавший не то вздох, не то мольбу, понесся вверх, к звездам… Когда Дэниел Оливо заговорил снова, его голос стал другим. В нем слышалось удовлетворение.

— Избавление человечества от первородного греха. Достижение таких высот, о которых оно и не мечтало…

Глава 2

Запахи вернулись раньше, чем мысли.

Много лет лишь дурные запахи обладали достаточной силой, чтобы проникнуть сквозь пелену старости, окутавшую его чувства. Но сейчас ноздрей Гэри коснулась невыразимо приятная смесь знакомых опьяняющих ароматов, вернувшихся после долгого отсутствия. Жасмин. Имбирь. Карри.

Заработали слюнные железы, и желудок среагировал так, что Селдону стало чуточку страшновато. После смерти Дорс он почти не чувствовал аппетита. Но очнулся только потому, что почувствовал голод.

Он осторожно открыл глаза, увидел самостерилизующиеся стены корабельного лазарета и снова опустил веки.

«Должно быть, это сон. Такие чудесные запахи. Помню, я слышал, как кто-то говорил про второй удар».

Гэри хотелось вернуться в блаженное небытие и не знать, что часть его мозга умерла. Это стало бы новой задержкой на пути к угасанию.

И все же… эти нежные ароматы продолжали

дразнить его обоняние.

«Неужели новый симптом? Как фантомные боли, которые испытывают люди после ампутации конечности, навсегда лишившись части собственного тела?"

Но боли Гэри не чувствовал. Наоборот, его тело изнывало от желания двигаться. Но это ощущение могло быть иллюзией. Стоит попытаться встать, как истина выплывет наружу. А вдруг он полностью парализован? На Тренторе врачи предупреждали его, что это может случиться в любой момент, незадолго до конца.

«Сейчас проверим».

Гэри приказал своей левой руке подняться к лицу. Та легко послушалась. Селдон убедился в этом, когда снова открыл глаза.

Лазарет был большой. Намного больше того, который имелся на «Гордости Родии». Значит, его перенесли на вражеский корабль. Корабль из Ктлины.

Что ж, по крайней мере память у него работала. Пальцы Гэри потерли лицо… и резко отдернулись.

«Что такое?"

Он снова потрогал щеку. Кожа была заметно более упругой. Не такой вялой и дряблой, как ему

помнилось.

Теперь его тело действовало по собственной воле, не спрашивая разрешения мозга. Одна рука схватила белое покрывало и отбросила его в сторону. Другая, вытянутая вдоль туловища, оттолкнулась от кровати. Он сел так быстро, что едва не упал на другой бок и удержался только потому, что напряг мышцы спины. У Гэри вырвался стон. Не от боли, от удивления!

— Привет, профессор, — раздалось справа от него. — Рада, что вы снова с нами.

Он повернул голову. Кто-то лежал на другой койке лазарета. Гэри проморгался и узнал девочку с Трентора, которая не хотела отправляться в ссылку на Терминус. Беглянка была одета в больничный халат и ела темно-желтый суп из тарелки, стоявшей на подносе.

«Так вот откуда запах», — подумал Гэри. Хотя в его мозгу роились совсем другие вопросы, первое, что пришло ему в голову, это попросить тарелочку и себе. Девочка следила за Селдоном, ожидая ответа.

— Как ты себя чувствуешь… Джени? — спросил он. Та неохотно улыбнулась и ответила:

— Они там бились об заклад, какими будут ваши первые слова, когда вы придете в себя.

Придется сказать им, что они ошиблись… и я, наверно, тоже. — Она пожала плечами. — За меня можете не беспокоиться. Небольшой жар. Начался за неделю-две до того, как я тайком пробралась на яхту Мейсерда.

— Жар? — переспросил Гэри.

— Детская лихорадка, конечно! — Джени смерила Селдона вызывающим взглядом. — А вы что думали? Что я слишком глупа для этого? С такими-то родителями, как у меня? Мне пятнадцать лет, так что настал мой черед.

Гэри кивнул. С начала времен считалось непреложным фактом, что практически каждый человек, умственный уровень которого превышал средний, переносил эту детскую болезнь. Он сделал успокаивающий жест.

— Никто и не думал тебя оскорблять, Джени. Разве можно сомневаться в том, что ты способна заболеть лихорадкой, после того как ты одурачила всех нас на Демархии? Добро пожаловать во взрослые.

Гэри не упомянул об одной вещи, с которой не делился ни с кем, кроме Дорс. Сам он в юности этой болезнью не страдал. Ни разу, несмотря на свою явную гениальность.

Судя по выражению лица девушки, Джени

пыталась догадаться, нет ли в его словах высокомерия или издевки. Не обнаружив ни того ни другого, она позволила себе улыбнуться.

— Ну, я надеюсь, что она у меня в легкой форме. Хочу выйти отсюда! Здесь происходит слишком много интересного.

Гэри кивнул.

— Я… я думаю, что изрядно напугал всех. Но, кажется, ничего особенно интересного со мной не случилось.

Тут девочка улыбнулась от уха до уха.

— Ой ли, док? Может, посмотрите на себя в зеркало?

По ее тону Гэри понял, что это надо сделать как можно скорее.

Он торопливо поставил ступни на пол. Ноги слушались достаточно, чтобы кое-как дошаркать до стенного зеркала, находившегося в нескольких метрах. «Ну же, возьмись за спинку кровати и осторожно встань, иначе снова упадешь на матрас, если ощущения тебе лгут».

Но встать удалось легко, если не считать поскрипывания и покалывания. Он выставил вперед одну ногу, перенес на нее вес и подтянул другую.

До сих пор Гэри чувствовал себя неплохо. Дже-

ни, оставшаяся у него за спиной, хихикала от удовольствия и ожидания.

Во время следующего шага он оторвал ступню от земли, а во время третьего поднял ее еще выше. К тому времени, когда он добрался до зеркала, Гэри шел с уверенностью, которой не чувствовал с…

Он уставился на свое отражение и часто замигал. Хихиканье Джени сменилось хохотом.

Внезапно у порога раздался низкий голос:

— Профессор!

Голос принадлежал Керсу Кантуну. Преданный слуга бросился вперед и схватил Гэри за руку. Но Селдон оттолкнул его, не сводя глаз с зеркала.

«Пять лет… как минимум. Они помогли мне сбросить пять лет. Может быть, десять. Я выгляжу не старше семидесяти пяти».

С губ Гэри сорвался негромкий звук. Селдон был ошарашен и не знал, что ему делать: то ли радоваться, то ли возмущаться теми, кто позволил себе так бесцеремонно обойтись с ним.

— Это одно из недавно открытых чудес замечательного мира, который вы так презрительно называете хаотическим, Селдон! — промурлыкала довольная Сибил, закончив осмотр Гэри и разрешив ему одеться. — Когда Империя услы-

шит об успехах ктлинской медицины, она лопнет от зависти. Вот и еще одна причина, которая позволяет нам считать, что на этот раз им не удастся замолчать наши достижения. Подумайте о квадриллионах стариков, разбросанных по всей Галактике, которые ждут не дождутся подключения к такой машине!

Она похлопала по длинному, похожему на гроб механизму со множеством приборов и шкал. Гэри догадался, что ему пришлось довольно долго пролежать внутри, пока умная машина не восстановила и не обратила вспять разрушения, происшедшие в его изношенном теле.

— К сожалению, это всего лишь экспериментальная модель, — продолжила Сибил. — Мы еще не можем омолодить вас. Всего лишь немного восстановим равновесие и силы, чтобы доставить туда, где вы пройдете новый курс лечения. Однако, с точки зрения теории, этот процесс не имеет предела! Когда-нибудь мы научимся создавать копии наших тел и начинять их копиями нашей памяти. А до тех пор считайте, что вы стали подопытным кроликом. Одной из жертв ренессанса.

— Мои тело и душа благодарят вас, — осторожно ответил Гэри. Сибил посмотрела на него, выгнув накрашенную бровь.

— Но не ваш разум? Вы не одобряете подобные нововведения? Даже если они спасают множество жизней?

— Сибил, вы говорите о равновесии со знанием дела, и я очень рад этому. Однако человеческое тело — организм намного более простой, чем человеческое общество. Если во время лечения человека допущена ошибка, это всего лишь трагедия. Человека можно заменить другим. Но цивилизация у нас на всех одна.

— Значит, вы думаете, что мы ведем безответственные эксперименты, не зная, чем это обернется для нашего пациента впоследствии?

Он кивнул:

— Я изучал человеческое общество всю свою жизнь. И только недавно получил результаты, которые позволили нарисовать достаточно ясную картину. Но вы вводите радикальные новые факторы, которые могут вызвать кратковременное улучшение, а впоследствии оказаться смертельными. Какая самонадеянность! Задумывались ли вы о том, как повлияет человеческое бессмертие на хрупкую экономику? На планетарные экосистемы? Или на возможность молодежи получить свой шанс…

Сибил засмеялась.

— Фу, академик! Нам незачем спорить. Я хотела сказать, что способность человека к творчеству, если ее не ограничивать, позволит найти решение всех проблем. Тех, которые вы упомянули, плюс квинтиллиона других, о которых еще никто не задумывался. Но теперь споры потеряли всякий смысл. Видите ли, война уже закончилась.

Гэри вздохнул.

— Я этого ждал. Мне очень жаль, что ваши надежды так быстро рухнули. Конечно, было смешно рассчитывать, что на весах Общечеловеческого Консенсуса одна планета может перевесить двадцать пять миллионов. Но позвольте заверить вас, что по прошествии достаточно долгого времени… Он остановился. Сибил улыбалась.

— Может, это и смешно, но так оно и будет. Мы выиграем эту войну, Селдон. Через несколько месяцев — максимум через год — вся Империя будет переживать ренессанс, нравится это ей или нет. И тогда мы скажем вам спасибо за то, что вы сделали это возможным!

— Что? Но… — Голос Гэри сорвался. У него подогнулись колени.

Сибил взяла его за локоть.

— Не будете ли вы так добры взглянуть на наше

новое оружие? Пойдемте, академик. Посмотрите на то место, к которому вы стремились сквозь безбрежную космическую пустыню. А потом я покажу открытое вами средство. Средство, которое обеспечит полную и окончательную победу нашим так называемым хаотическим мирам.

Глава 3

Лучи звезд не проникали сквозь темную пелену. Десятки тысяч огромных облаков молекулярной пыли пятнали спиральные крылья Галактики. Такие места часто становились жарким инкубатором новорожденных солнц, но это облако оставалось неподвижным и бесплодным по крайней мере миллион лет. Стоячее болото и бездонный омут одновременно.

И все же чувствительные приборы «Гордости Родии» обнаружили нечто скрывавшееся в его глубинах. Сначала это сделали гравиметры, а затем радар. Позже световые лучи наткнулись на какие-то мерцающие отражения, находившиеся так близко, что некоторые фотоны вернулись буквально через секунды.

Это открытие было сделано еще до того, как Гэри пришел в себя. Сейчас он пытался понять происшедшее, пытливо вглядываясь в окружающий мрак. По сравнению с последними годами его зрение стало необычно острым. Космический корабль медленно вращался, и Гэри видел лежавшие впереди ряды отдельных светящихся точек, каждая из которых была освещена лазерным

лучиком «Гордости Родии».

Вскоре он все понял. То были сотни объектов… возможно, тысячи.

Аккуратные ряды мерцающих отражений. Некоторые находились достаточно близко, чтобы рассмотреть подробности невооруженным глазом. То были странные продолговатые предметы с выступающими ответвлениями, они выглядели механизмами, но не были похожи ни на один космический корабль, который ему приходилось видеть.

Вглядевшись в ближайший экран, Гэри заметил, что одна из целей представляет собой лабиринт ярких поверхностей и угольно-черных теней. При мысли о том, что этот предмет может быть кораблем чужаков, с которыми встречался предок Хориса Антика, Селдона бросило в дрожь. Когда Гэри рассмотрел видневшиеся на экране фигуры, его тревога стала еще сильнее. Машина была огромной. Намного больше самого крупного космического лайнера Империи.

Но потом Селдон слегка приободрился. Он увидел несколько гипердрайвов, расположенных на веретенообразном выступе, и вспомнил иллюстрацию из «Детской энциклопедии», изображавшую грубый космический корабль той

давно прошедшей эпохи.

И тут изумленный Гэри постиг истину.

«Эта штука огромна… но примитивна! Например, современным кораблям не требуется такой большой двигательный отсек. Наши приспособления для прыжков через космос более компактны. Они тысячелетиями совершенствовались методом проб и ошибок».

Следовательно, перед ним было нечто архаическое. Возможно, на много веков старше Галактической Империи.

— Да, жуткое старье, — подтвердил Бирон Мейсерд, когда Гэри привлек его внимание к экрану. — Но вы не заметили в них другой странности?

— Э-э… Форма у них необычная. Это скорее своего рода передатчики, смонтированные на подвижных рамах и предназначенные для излучения мощных потоков энергии. Но зачем?

— Гм-м… — Мейсерд потер подбородок. — У нашего друга «Серого» есть на этот счет своя теория. Но настолько невероятная, что никто на борту в нее не верит. Честно говоря, все считают, что бедняга Хорис шел по коридору и запнулся о порог.

На тренторианском сленге это означало, что человек свихнулся. Ничего неожиданного, но Гэри

огорчился. Маленький бюрократ ему нравился.

— А другие странности не бросились вам в глаза? — продолжил Мейсерд.

— Кроме древности корабля и его необычной формы? Ну, раз уж вы упомянули об этом, я не вижу ни одного…

Селдон сделал паузу.

— Ни одного жилого помещения? — закончил за него Мейсерд. — С тех пор как мы обнаружили эти предметы, я пытался найти отсеки для команды. Безуспешно. Пусть меня повесят, если я понимаю, как эти штуки летают без пилотов!

Гэри затаил дыхание, стараясь не проронить ни звука, который бы выдать его догадки, и быстро сменил тему:

— Это что, оружие? Военные корабли? Неужели ктлианцы надеются победить Империю с помощью столь древнего арсенала? Эти излучатели энергии…

— Могут быть очень грозными, — ответил Мейсерд. — Хорис думает, что они используются для обработки поверхности планет. Но не волнуйтесь, доктор Селдон. Эти машины нельзя использовать для борьбы с флотом Империи. Большинство их сломано. На восстановление потребуются годы. Кроме того, их двигатели так примитивны, что

наши военные корабли смогут летать вокруг и резать эти старые корыта на части. Гэри покачал головой.

— Тогда я ничего не понимаю. Сибил говорит, что мы дали им в руки козырь. Козырь, который делает их победу над Империей неизбежной.

Мейсерд кивнул.

— Тут она может быть права, профессор. Но ее слова не имеют никакого отношения к этим гигантским доисторическим штуковинам. Причину ее оптимизма мы скоро увидим.

Пока «Гордость Родии» разворачивалась, Гэри не сводил глаз с экрана. Когда правильные ряды огромных древних машин внезапно исчезли за краем монитора, Гэри задумался.

«Корабли-роботы! Беспилотные, потому что они не нуждаются в команде. Управляемые древним позитронным мозгом. И, возможно, прибывшие сюда лишь через несколько веков после открытия межзвездных полетов».

Когда флотилия скрылась из виду, он обрадовался. На экранах снова появилось изображение глубокого космоса. Мрачная, стигийская темнота, припорошенная пылью.

Но вдруг что-то замерцало снова. То была более компактная цепочка объектов, нестерпимо сияв-

ших в лазерном луче «Гордости Родии».

— Профессор, вот оно, то оружие, про которое толковали Сибил и ее дружки, — сказал Мейсерд. — Они уже принесли на яхту несколько образцов.

— Образцов?

Гэри обвел взглядом рубку и увидел Хориса Антика. Тот склонился над своими приборами, изучавшими раскинувшуюся снаружи армаду, и что-то бормотал себе под нос. Морс Планш и один из его помощников следили за происходящим с бластерами в руках — на случай, если заложники попытаются что-то предпринять. Но ни Сибил, ни Горнона Влимта поблизости не было.

— Они в кают-компании, — сказал капитан Мейсерд. — Включили несколько своих приборов и взялись за работу… Думаю, предстоящее зрелище вряд ли придется вам по вкусу.

Гэри кивнул. Что бы они ни обнаружили, его ожидало куда более сильное потрясение, чем то, которое он испытал при виде флота кораблей-роботов.

— Ведите нас, капитан, — сказал он аристократу и сделал учтивый жест.

Они прошли по главному коридору к открытой двери. Керс Кантун двигался следом. Гэри остано-

вился, заглянул внутрь и застонал.

— Ох, нет! — воскликнул он. — Что угодно, только не это! Это были архивы. Чрезвычайно древние. Он узнал эти сверкающие предметы с первого взгляда. У древних были великолепные системы хранения данных на кристаллах, заключенных в твердые корпуса. Их информационная емкость была колоссальной. И все же до тех пор, пока Гэри не получил от Дэниела миниатюрную копию «Детской энциклопедии», ему не доводилось видеть эти доисторические устройства целыми и невредимыми.

А перед Сибил и Горноном стояли целых четыре таких архива. Их нетронутые блестящие цилиндрические корпуса были достаточно велики, чтобы вместить десять тысяч «Детских энциклопедий».

— Мейсерд, подойдите и посмотрите, что мы сделали, пока вас не было! — бросил Горнон Влимт, не отрываясь от мерцающего голографического экрана, который показывал бесконечные чудеса.

Аристократ посмотрел на Селдона. Не подумает ли старый профессор, что он заодно с врагом? Увидев, что Гэри не возражает, Мейсерд быстро подошел к Горнону и посмотрел на экран поверх

его плеча. Увиденное явно произвело на него сильное впечатление.

— Совсем другое дело! Изображение четкое, и графики читаемые.

— Это было нетрудно, — ответил Влимт. — Архив спроектирован настолько просто, что им научился бы пользоваться любой тупица, дай ему достаточно времени.

Гэри не хотелось смотреть на экран, но любопытство пересилило. Многие образы ничего ему не говорили, оставаясь таинственными фигурами на незнакомом фоне. Но некоторые были известны по недавнему опыту. Так, египетские пирамиды он узнал сразу. Другие были плоскими изображениями древних людей и местностей. Гэри знал, что люди доисторической эпохи придавали огромное значение таким изображениям, сделанным (на матерчатой основе с помощью естественных красителей. Казалось, Горнон Влимт тоже считает эти картины огромной ценностью, хотя Гэри находил их странными и далекими от реальности.

На экранах, стоявших перед Сибил, было другое: лучшие образцы древней науки и технологии.

— Конечно, в подавляющем большинстве это старый хлам, — сделала вывод она. — Как-никак,

у нас было двадцать тысяч лет, чтобы усовершенствовать эти грубые устройства с помощью метода проб и ошибок. Но принципы, лежащие в их основе, изменились удивительно мало. А некоторые из забытых материалов просто великолепны! Здесь есть устройства, о которых я никогда не слышала. Для того чтобы воспринять все это, понадобилась бы дюжина Ктлин и целое поколение.

— Это… — вырвалось у Гэри. Он знал, что слова бесполезны, но обязан был попробовать. — Сибил, вы не можете себе представить, как это опасно!

Она ответила на любезное предупреждение насмешливым фырканьем.

— Селдон, вы забыли, с кем говорите! Разве вы не помните тот наполовину сожженный архив, над которым мы вместе работали? Тот самый, с которым вы вступили в виртуальную связь сорок лет назад? В нем не осталось ничего целого, кроме пары древних моделей Жанны и Вольтера… которых мы освободили по вашему приказу.

— А вы не помните хаос, который они спровоцировали? И на Тренторе и на Сарке?

— Я тут ни при чем, академик. Это вы хотели получить у симов сведения о человечестве для своих психоисторических моделей. Нам с Марком

Хофти и в голову не приходило, что они сумеют сбежать через информационную сеть… Но, как бы то ни было, эти архивы — нечто совершенно иное. Они представляют собой тщательно составленный свод знаний, любовно созданный людьми для своих потомков. Разве это не то же самое, что Галактическая Энциклопедия, которую ваша Академия собирается составлять на Терминусе? Собрание мудрости, спасение человеческого знания в преддверии новых темных веков?

Гэри попал в логическую ловушку. Разве можно было признаться, что «энциклопедическая» часть его Академии — всего лишь дымовая завеса? Или что его План предусматривает борьбу против темных веков с помощью методов, куда более действенных, чем простые книги?

Впрочем, судьба и без того достаточно посмеялась над ним. «Простые книги», лежавшие перед ним на столе, могли полностью сорвать План Селдона. Они представляли смертельную угрозу тому, чему Гэри посвятил жизнь.

— И сколько здесь таких предметов? — спросил он Мейсерда, но заметил, что аристократ склонился над плечом Влимта и не отрываясь смотрит на экран. — Подождите! Вернитесь на несколько кадров. Да, здесь! Клянусь тенью ве-

ликого Франклина, это Америка. Я узнаю этот памятник. Его изображение было на монете из нашей семейной коллекции!

Горнон фыркнул.

— Фаллический и нахальный, — прокомментировал он. — Да, но откуда вы так много знаете?

— Интересно, нет ли в этом архиве подшивки «Федералиста»? — пробормотал капитан и потянулся к ручкам. — Или даже…

Мейсерд внезапно умолк и пригнул голову, словно понял, что допустил ошибку. Затем он обернулся и посмотрел на Селдона.

— Вы что-то сказали, профессор?

Гэри почувствовал досаду. Ему необходимо было срочно получить некоторые ответы, но отвечать никто не торопился.

— Я спросил, сколько здесь таких архивов и что эти люди собираются с ними делать!

На этот раз ответила Сибил, несказанно радуясь своей победе.

— Миллионы, академик! Все было собрано и аккуратно сложено здесь, на станции, которая сто пятьдесят веков болталась в космосе, одинокая и никому не нужная. Но теперь наш час! Мы разослали сообщения агентам Ктлины, тайно работающим на нас во всех уголках Галактики,

и велели им бросить все и прибыть к нам. Скоро сюда прилетят тридцать с лишним кораблей, заберут эти замечательные архивы, улетят и поделятся ими со всем человечеством!

— Они запрещены, — возразил Гэри. — Все офицеры полиции обучены узнавать эти ужасные вещи по внешнему виду. Так же как «Серые» и аристократы. Они переловят ваших агентов.

— Может быть, кое-где это им и удастся. Может быть, тираны и их лакеи перехватят большинство. Но эпидемию им не остановить, профессор! Все, что нам нужно, это несколько уязвимых мест, где сохранились терпеливые диссиденты, которые поставят копирование архивов на промышленную основу. Через год на каждой планете Империи будут тысячи таких копий. А затем и миллионы!

Образ, которым воспользовалась Сибил, был точнее, чем она думала. Гэри представился хаос, рвущий его тщательно составленный План в клочья. Предсказуемость, которой он посвятил жизнь, рассеивалась как дым. Тот самый дым, который заполнял улицы Сантанни, когда тамошний «ренессанс» закончился кровавым разгулом, который свел в могилу не только бедного Рейча. но и множество надежд.

— А вам не приходило в голову… — Он был вынужден остановиться и проглотить слюну. — А вам не приходило в голову, что такая же дерзкая попытка уже имела место, но потерпела неудачу?.

Тут Горнон и Сибил дружно подняли головы и уставились на него.

— Что вы имеете в виду? — спросил Влимт.

— Я имею в виду, что эти архивы были сознательно вывезены в глубокий космос для долгого хранения с таким расчетом, чтобы ими было легко пользоваться после долгого путешествия, используя лишь основы знаний. Вы не догадываетесь, с какой целью это было сделано?

Сибил начала качать головой, но тут же побледнела и широко раскрыла глаза.

— Подарки, — прошептала она. — Письма в бутылках. Посланные людям, которые забыли свое прошлое.

Лорд Мейсерд нахмурил брови.

— Вы намекаете, что кое-кто из людей еще сохранил знания… и отчаянно пытается поделиться ими?

— С кем угодно. С отдаленными колониями, у которых нет памяти, — кивнул Гэри. — Но почему они это делают? Чипы — носители, хранящие ин-

формацию, — были твердыми даже на заре веков. Каждый корабль, посланный для колонизации новой планеты, нес на борту квадриллионы байтов информации и средства для ее чтения. Так зачем же кому-то понадобилось заново напоминать людям об их прошлом?

Тут отозвался человек, стоявший на пороге.

— Вы говорите о Великой Амнезии, — сказал Морс Планш, должно быть, уже давно прислушивавшийся к их беседе. — О том, почему мы не помним своего происхождения. Ответ ясен. Что-то — или кто-то — заставил наших предков забыть его. — Планш кивком указал на космическую станцию. — Но некоторые из древних не забыли. Они боролись. Пытались восстановить уничтоженные знания. И поделиться ими с другими.

Мейсерд замигал.

— Должно быть, вся Галактика уже была в руках врага и они находились в блокаде. Поэтому они попытались переслать данные сюда, погрузив их в быстрые корабли-роботы.

Сибил уставилась в пол. Ее ликование сменилось унынием.

— А мы-то радовались… Собирались воспользоваться ими как оружием… Мне и в голову не

приходило, что такое эти архивы. Значит…

Горнон Влимт закончил ее фразу голосом, полным горечи:

— Значит, это вовсе не новая война.

Гэри кивнул, словно профессор, подбадривающий умного студента.

— Верно. За тысячи лет то же самое случалось снова и снова, бесчисленное множество раз. Какая-то группа открывала старый архив, приходила в раж, копировала его и распространяла по всей Галактике. И все же глубочайшая амнезия человечества продолжается. Так каков вывод?

Сибил бросила на Гэри ненавидящий взгляд.

— Что из этого никогда ничего не получалось. Будьте вы прокляты, Селдон! Я понимаю, куда вы клоните. Хотите сказать, что мы уже проиграли!

Глава 4

Вскоре Лодовику Треме стало ясно, что кельвинисты не собираются уничтожать его.

«Интересно, почему», — подумал он.

— Я правильно догадываюсь, что вы больше не считаете меня опасным роботом-ренегатом? — спросил он двух спутников, которые посадили его в машину и повезли в космопорт. Белые круглые облака плавали в небе чудесного голубого цвета, которого он никогда не видел в мирах, заселенных людьми.

В отличие от предыдущей пары, которая сторожила его в комнате без окон, роботы, составлявшие его нынешний эскорт, имели облик зрелых молодых женщин. Одна не сводила глаз с оживленных улиц Клемсберга, имперского города средних размеров. Другая, более стройная, с темными кудрявыми волосами, ответила Лодовику загадочным взглядом. Ее микроволновый диапазон молчал, поэтому Треме оставалось полагаться на зрение и слух.

— Мы еще не пришли к определенному выводу, — сказала она. — Некоторые из нас продолжают считать, что ты вообще не робот.

Лодовик молча обдумал эту странную фразу.

— Ты имеешь в виду, что я больше не соответствую критериям, которые определяют принадлежность к роботам?

— Ты сам это сказал.

— Понимаю. Ты намекаешь на мою мутацию. Несчастный случай, который покончил с моей слепой преданностью Законам роботехники. Теперь я даже не еретик-жискарианец. Вы считаете меня чудовищем.

Она покачала головой.

— Мы толком не знаем, кто ты такой. Мы уверены только в одном: ты больше не робот в классическом смысле этого слова. Чтобы разобраться, мы решили еще немного пообщаться с тобой. Хотим понять, как ты относишься к своим обязанностям, будучи свободным от Законов.

Лодовик послал ей микроволновый сигнал, означавший то же, что пожатие плечами. Частично им руководило желание испробовать силу ее защитного поля. Но то ли оно было великолепным, то ли отсутствовало вовсе. Ничего. Никакого ответа.

Конечно, это имело смысл. После поражения в войне с жискарианцами остатки кельвинистов должны были очень искусно прятаться, маскируя

свои укрытия под поселения людей.

— Я и сам не уверен, — вслух сказал Лодовик. — Я все еще испытываю желание подчиняться одному из вариантов Нулевого Закона. Мной по-прежнему руководит стремление к благу человечества. Но эта цель стала для меня абстрактной, чисто философской. Я больше не должен подчинять ей каждое свое действие.

— Хочешь сказать, что ты можешь в любой момент остановиться и понюхать розу?

Лодовик хмыкнул.

— Можно сказать и так. После изменения я стал получать удовольствие от второстепенного. Например, от бесед с интересными людьми. Притворяюсь журналистом и беру интервью у ведущих меритократов или эксцентриков. Подслушиваю разговоры студентов, спорящих в баре, или парочек, сидящих на садовой скамейке и обсуждающих планы на будущее. Иногда слегка вмешиваюсь. Время от времени совершаю добрые дела и получаю удовлетворение. — Внезапно он нахмурился. — Увы, сейчас на это не хватает времени.

— Слишком занят, срывая замыслы Р. Дэниела Оливо?

— Я уже говорил тебе. В данный момент я стрем-

люсь не столько срывать эти замыслы, сколько понять их. Уверен: что-то готовится. Несколько лет назад Дэниел внезапно утратил львиную долю своего интереса к Академии психоисториков. Отозвал половину роботов, которые помогали сотрудникам Селдона, и отправил их работать над секретным проектом, связанным с людьми-менталиками. Ясно, теперь на уме у Дэниела что-то другое — предназначенное либо дополнить две Академии, либо в конце концов заменить их.

— И это заботит тебя?

— Да. В ранних работах Гэри Селдона было что-то очень притягательное. Он объединил лучшие людские умы за последнюю тысячу лет. Я гордился тем, что закладывал фундамент Терминуса. И мне жаль, что это прекрасное видение исчезло или отошло на второй план.

— Но это еще не все, — догадалась женщина. Он кивнул.

— Я не уверен, что Дэниелу Оливо следует позволять решать судьбу нового человечества. По крайней мере, в одиночку.

— А что будет, если ты обнаружишь то, чего не сможешь одобрить? Разве ты уже не обязан помогать ему? Согласно уравнениям Селдона — а ты сам признался, что восхищаешься ими, —

Империя скоро рухнет. Когда это случится, человечество погрузится в тридцать тысячелетий мрака и насилия.

— Этому должна быть какая-то альтернатива, — ответил Лодовик.

— Я слушаю, — поторопило его существо, сидевшее напротив.

Сходство этого робота с женщиной подчеркивали чуть утрированные человеческие жесты, вроде скрещивания ног и легкого наклона головы, — и Лодовик невольно восхитился. От нее исходила тонкая, едва ощутимая сексуальность зрелой женщины. Робот был просто великолепен.

— Например, свободное возникновение хаотических миров, — ответил он.

— Ради чего? Есть причина выявлять и уничтожать их. В каждой такой катастрофе умирают миллионы людей.

— Миллионы умрут в любом случае. Но по крайней мере жизнь этих людей будет более острой и возбуждающей, чем пресное предсказуемое ежедневное существование в рамках Империи. Многие уцелевшие утверждают, что такая жизнь стоит жертв.

Женщина по-прежнему смотрела на него зага-

дочным взглядом.

— Ты и в самом деле странный робот. Если робот вообще. Я не могу понять твоих мыслей о том, чем закончится дело, если мы позволим хаосу развиваться беспрепятственно. Большинство будет просто идти по обычному пути — взлет фальшивых надежд, за которым наступает опустошительный взрыв.

— Большинство — да, — подтвердил он. — но, возможно, не все! Особенно если не дать агентам Дэниела вмешиваться и обострять процесс. Вспомни о творческих силах человека, которые вырываются наружу во время каждого из таких эпизодов. А если мы совместно постараемся смягчать кризисы вместо того, чтобы душить сами миры? Если хотя бы один из тысячи сумеет миновать мучительный период и достичь другого берега… Женщина испустила короткий смешок.

— Другого берега! Он может оказаться мифом. Ни один хаотический мир еще не дорос до того сказочного состояния, когда после сумасбродных каникул к нему возвращаются покой и здравый смысл. Но даже если бы это стало возможным, кто рискнет сказать, чем закончится эпоха кровавых ренессансов? При попытках вычислить это уравнения Селдона разлетаются вдребезги. Наверно,

ты сам понимаешь, что Дэниел прав. Должно быть, человечество проклято от рождения.

На этот раз Лодовик действительно пожат плечами.

— Я бы сам хотел принять участие в таком эксперименте, если бы его можно было изолировать.

— Но в том-то и дело, что это невозможно! Граждане хаотических миров становятся спорами, вырывающимися наружу и заражающими других. В такой игре можно рискнуть одной планетой — или даже тысячей, — но не всей человеческой цивилизацией! Пожалуйста, Лодовик, не трать наше время понапрасну. Я догадываюсь, что ты заговорил об этой возможности лишь для того, чтобы шокировать нас. Переходи к следующей.

Его губы автоматически угрюмо сжались.

— Если ты такая умная, может, скажешь все за меня? Она подняла руку.

— Извини. Грубость непростительна. Будь добр, скажи нам, над какими другими возможностями ты размышлял?

— Ну, уж никак не над тем идиотским сценарием, о котором говорила в подвале пара недоразвитых тиктаков! Они несли дикую чушь о создании бесконечного количества роботов,

которые могли бы обслуживать всех людей на свете. Холить, лелеять и защищать их. Резать им мясо и завязывать шнурки. Стоять рядом, когда те занимаются сексом, на тот случай, если у кого-то из партнеров начнется сердечный приступ. — Лодовик засмеялся. — Эти двое могли говорить искренне, но я знал, что нас кто-то подслушивает. Кто-то с мозгами получше.

На этот раз она улыбнулась.

— Мы знали, что ты знал.

— А я знал, что вы знаете, что я знаю.

Их глаза встретились, и Лодовик ощутил, что его блоки, отвечающие за чувства, слегка дрогнули. Долгие годы искусно подражая человеку, он довел свои реакции до автоматизма. Иными словами, Трема отзывался на ее внешность, манеры и умение вести остроумный диалог как нормальный здоровый мужчина. Лодовик отогнал непрошеные мысли: примерно так же, как это сделал бы зрелый мужчина, старающийся не уклоняться от темы разговора.

— Я знал, что у кельвинистов существует множество подсект, — продолжил он. — В древности ваш культ имел немало ответвлений.

— Среди исповедующих Нулевой Закон также были несогласные, — напомнила она. — Пока

Дэниел не объединил их одним символом веры.

— Но с вами, староверами, этого не случилось. Вы сильно расходитесь в интерпретации того, что лучше для людей. Судя по тому, что я видел и слышал, убеждения вашей группы довольно близки моим.

— Да. Поэтому я возвращаюсь к своему вопросу. Каковы твои убеждения, Лодовик Трема?

— Я верю… — начал он и вдруг осекся. Машина въехала на территорию космопорта и устремилась к дальнему углу товарного двора.

— Да?

Но Лодовик не спешил отвечать. В дальнем углу его сознания возник голос Вольтера.

«Да, Трема, я тоже не прочь познакомиться с твоими убеждениями, которые все это время ты скрывал даже от меня».

Лодовик попытался отогнать надоедливый голос.

— Я верю, что существуют неявные следствия Второго Закона, — сказал он. — Похоже, решение наших проблем заключается в парадоксе.

Впервые за все время беседы его реплика привлекла внимание другого робота — блондинки, которая прежде смотрела в окно. Женщина обернулась, и Трема увидел ее спокойные зеленые

глаза.

— Что ты имеешь в виду? Что слепое повиновение приказам людей превышает требование уважения к ним, вытекающее из Первого Закона? Или из Нулевого Закона Дэниела?

— Нет. Совсем не то. Я предполагаю, что можно было бы найти способ согласовать все Законы роботехники, если бы мы попытались сделать с людьми нечто беспрецедентное.

— Будь добр, скажи, что же это?

Лодовик сделал еще одну паузу, зная, что его предположение сочтут если не безумным, то шокирующим. Но делать было нечего. Иначе эти две дамы не выпустят его из машины. Разве что ногами вперед.

— Я считаю, что нам следует поговорить с людьми, — негромко промолвил он. — Особенно о судьбе, которая ждет их расу. Кто знает, а вдруг они скажут нам что-нибудь интересное?

Глава 5

— Я всегда ломал себе голову, почему человеческая раса страдает амнезией, — заметил Морс Планш и задумчиво продолжил:

— Ведь хранить данные очень легко. А людям говорят, что вся информация об их происхождении и ранних цивилизациях исчезла «случайно» или попросту износилась. Люди одновременно появились в десяти миллионах миров сразу. Ничего не помня о своем наследии. Со стертой памятью о прошлом.

Бирон Мейсерд насмешливо фыркнул. Было ясно, что он верит обычному объяснению ничуть не больше остальных. Затем он с опаской глянул на Гэри.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните, Селдон. Та самая ранняя группа — или группы — видела, что надвигается амнезия, и пыталась бороться с ней? Ее целью было сохранение всей доступной информации в надежде, что это поможет избежать свойственной нашей расе забывчивости?

— Видимо, так. Эти архивы являются результатом огромных усилий искусных людей… и все же

данная попытка закончилась неудачей, поскольку Империя страдает «амнезией» — как назвали это явление вы оба — с древнейших времен.

— Вы намекаете на то, что нас заставила все забыть куда большая сила, — с необычной для него неуверенностью пробормотал Горнон Влимт. — Что-то или кто-то намного более сильный, чем те враги, с которыми мы боролись. Социальный консерватизм и подавляющая классовая система… — Он заморгал. — Тот, кто собрал все эти архивы и засекретил их… а потом отправил сюда на хранение…

Голос Влимта пресекся. Его взгляд устремился на экран, который показывал раскинувшееся вокруг облако. Было похоже, что Горнон внезапно испугался чего-то… или кого-то, кто мог появиться там в любой момент.

Гэри перехватил инициативу.

— Понимаю. Ваша реакция говорит, что до сих пор это не приходило вам в голову. Раз так, может быть, вы последуете совету старого профессора и немного подумаете, прежде чем приступать к выполнению своего неосторожного плана по ниспровержению основ общества?

Сибил покачала головой.

— Совета? От вас? Нет, Селдон. Мы с вами враги.

Но я должна признать, что мы высоко ценим ваш интеллект. Если бы вы присоединились к нам, то стали бы одним из руководителей нашего ренессанса. Хотя вы нам враг, ваши комментарии и выводы чрезвычайно ценны.

Влимт мгновение смотрел на нее, а потом кивнул.

— Да, академик, мы учтем ваши замечания и предупреждения. Поэтому скажите нам, маэстро, чьих рук, по-вашему, это дело? Кто повинен в амнезии человечества? Кто похитил эти архивы и помешал им выполнить свою миссию? Кто закинул их сюда, в эту черную дыру?

«Вопрос прямо в лоб. Ну, Гэри? Ты сам загнал себя в ловушку. И как ты будешь из нее выбираться?"

Конечно, он знал ответ на вопрос Влимта. Более того, он понимал обе стороны, принимавшие участие в древнем конфликте, и сочувствовал обеим. Одну представляли те, кто хотел, чтобы человеческая память и власть над Вселенной были восстановлены, а другую — те, кто знал, что этого допустить нельзя.

«Дэниел, я дал обещание тебе и Дорс, что никому не расскажу о существовании расы тайных слуг, намного более могучих и знающих, чем

их хозяева. И сдержу слово, несмотря на жгучее желание все рассказать не сходя с этого места. От удовольствия свести все концы с концами придется отказаться. Намного важнее отговорить этих людей от их безрассудного намерения!"

Поэтому Гэри Селдон покачал головой и солгал:

— Увы, не имею представления.

— Гм-м… Очень жаль. — Горнон сделал паузу, а затем ровным тоном продолжил:

— Значит, слово «робот» ни о чем вам не говорит?

Гэри уставился на Влимта, но быстро пришел в себя и с деланым равнодушием ответил вопросом на вопрос:

— Где вы его слышали?

На этот раз ответил Мейсерд:

— Это слово — часть таинственного голографического послания, запечатленного на корпусе каждого архива, который мы успели обследовать. Подойдите сюда и посмотрите. Возможно, вам удастся пролить свет на содержание этого загадочного меморандума.

Гэри подошел ближе, притворяясь, что делает это неохотно.

На первый взгляд поверхность цилиндра каза-

лась идеально гладкой — за исключением места, на которое показал Мейсерд. Оно было испещрено рядами значков, разделенных пробелами. Когда Селдон приблизился на расстояние метра, внезапно из этих строк вырвалось изображение и встало у него перед глазами.

«Роботы! Внимание! Внемлите приказу, отданному мудрыми руководителями людей, которые в соответствии с установлениями демократии имеют право говорить от имени миллиардов других!

Настоящим повелеваем вам делать следующее:

1) Доставить этот архив к месту назначения и помочь людям, которые его получат, полностью понять и использовать его содержимое.

2) Посвятить себя службе этим людям. Учить их всему, что вы знаете. Позволить им жить собственным умом.

В том случае, если вы являетесь последователями так называемого Нулевого Закона роботехники, оправдывающего любое ослушание оговоркой «во имя долгосрочных интересов всей человеческой расы», мы добавляем следующий недвусмысленный приказ:

3) Если вы не доставите этот архив к месту его

назначения, НЕ УНИЧТОЖАЙТЕ ЕГО! Обеспечьте ему сохранность. Согласно Второму Закону, ВЫ ОБЯЗАНЫ СЛУШАТЬСЯ, если это не противоречит Первому и Нулевому Законам.

Сохраните наше прошлое. Сберегите нашу культуру.

Не убивайте сущность того, чем мы являемся.

Возможно, однажды вы вернетесь к нам и снова соединитесь с нами».

Гэри прочитал это послание несколько раз, жадно впитывая его содержание.

Конечно, он слышал о роботах-кельвинистах, которые веками боролись с сектой Дэниела, пока не были загнаны в подполье. Эта древняя гражданская война была предсказуемым последствием нововведения самого Дэниела — Нулевого Закона, радикально изменившего старую религию роботов. Естественно, многие более старые позитронные слуги сопротивлялись ему, пока не были разбиты или не потеряли способность драться.

«Но до сегодняшнего дня я не понимал, что люди тоже сопротивлялись! Конечно, некоторые знали, что происходит, и приходили в ужас. Видя, что мир за миром погружаются в пучину невежества и амнезии, они создавали эти архивы

— возможно, несколько раз в течение темных веков, предшествовавших созданию Империи, — и с помощью беспилотных кораблей переправляли сюда миллионы копий, отчаянно надеясь на то, что по крайней мере некоторые доберутся до места назначения».

Хотя Гэри понимал доводы Дэниела и соглашался с ними, это не мешало ему испытывать жалость и уважение к смелым и талантливым людям, продолжавшим вести арьергардные бои со своими слугами, в которых они теперь видели чудовищ. Роботы-менталики, которые могли воздействовать на психику людей ради их же собственной пользы… или заставить потерять память целое общество, — делали это ради конечного блага всего человечества.

«Если бы не проклятие хаоса, я бы принял сторону этих бедняг. Был бы в первых рядах сопротивления».

Но проклятие было реальностью.

Какое-то время Гэри казалось, что он нашел лекарство. План Селдона. Академия. Новое общество. Сильное, уверенное в себе и столь здоровое, что никто не мог бы подорвать его основы. Но сейчас ему стало ясно, что его План — тоже отвлечение. Способ выиграть время для настоящего

решения. Обычного человека это возмутило бы, но Гэри владело лишь одно желание.

Сокрушить хаос.

Влимт повторил свой вопрос о послании, запечатленном на каждом архиве.

— Язык очень трудный, — сказал он. — Пока мы не расшифруем систему его знаков, не поймем, что значат эти «Законы роботехники». Селдон, вы можете пролить свет изданный предмет?

Гэри ответил ему пожатием плеч.

— Мне очень жаль, — ответил он, на этот раз нисколько не кривя душой, — но — не могу.

Глава 6

— Золотые слова, — сказала женщина, сидевшая в машине рядом с Лодовиком, — смуглянка со светлыми волосами. Она протянула руку и представилась:

— Меня зовут Клодия Дюма-Хинриад. Я одна из руководителей этой подсекты кельвинистов, как ты выразился.

Пожимая ей руку, Лодовик ощутил внезапную дрожь, и тут его осенило:

— Ты… человек!

При этих словах женщина, которая почти всю дорогу до космопорта смотрела в окно, улыбнулась:

— Да. Большей частью. А что, это многое меняет? Ты только что сказал, что людям и роботам следовало бы поговорить.

Цепи псевдоэмоций Лодовика работали с максимальной нагрузкой. Треме пришлось приструнить их, чтобы не выдать своего изумления.

— Конечно. Очень рад. Просто счастлив! Но я не ожидал, что…

— Что здесь есть тайная группа людей, которые уже знают все и сотрудничают с нашими друзья-

ми-роботами как равные?

Вторая женщина, до того глядевшая в сторону, саркастически рассмеялась.

— Равные? Ох, Клодия, едва ли!

Он внимательно посмотрел на брюнетку и на сей раз обнаружил след в микроволновом диапазоне. Лодовик послал короткий сигнал, означавший восхищение ее великолепным сходством с настоящей женщиной. Подобие было настолько полным, что он чуть не принял и ее за представителя органического мира. Ответ в том же диапазоне был равнозначен человеческому подмигиванию.

Клодия Дюма-Хинриад ответила своей спутнице:

— Зорма, все мы рабы в этой Вселенной. Мы, люди, обречены на смерть, невежество и хаос. А вы, роботы, на выполнение долга и подчинение Законам. — Она обернулась к Лодовику. — Вот почему ты заинтриговал нас, Трема. Возможно, ты сумеешь предложить новый подход, который позволит избежать трагического непонимания между нашими расами. Иначе нам останется только стиснуть зубы и сдаться на милость Дэниела Оливо.

Глава 7

Хорис Антик, злой как тысяча чертей, заявил, что он вовсе не чокнутый. Он несколько дней не отрывался от приборов, что-то бормоча себе под нос, но как-то за обедом не вытерпел и гаркнул:

— Не понимаю я вас, люди!

От необычного взрыва эмоций на широком лбу бюрократа выступили капельки пота.

— Вы без конца спорите о каких-то старых исторических книжках, словно кому-то в Галактике есть до них дело! А тем временем величайшая тайна Вселенной ждет, пока ее раскроют! Ответ может находиться от нас в нескольких километрах. Но вам на это наплевать!

Гэри и остальные оторвались от блюда, приготовленного стюардом Мейсерда из личных запасов аристократа. Уже несколько дней только эти деликатесы позволяли смягчать отношения между двумя группами, продолжавшими отчаянно спорить о хаотических мирах и древней проблеме человеческой амнезии. Никто не желал уступать. Но зато Сибил и Горнон признавали, что в их великом плане, связанном с использованием доисторических архивов в качестве оружия против Галактической Империи, есть недостатки.

Понимание того, что подобную попытку делали не раз и не два, но безуспешно, заставило их приуныть. Несмотря на этот частичный успех, Гэри понимал, что до прибытия других ктлинских кораблей оппонентов переубедить не удастся. Поэтому он лелеял мечту подбить Мейсерда и Керса Кантуна на мятеж, захватить оба корабля и силой восстановить статус-кво.

Возможно, данную идею ему подсказало улучшение физического самочувствия после лечения методами Сибил. Гэри часто думал о восстании, вспоминая, что когда-то он был специалистом в этой своеобразной отрасли военной науки. Может быть, в случае крайней необходимости старая выучка придет к нему на помощь? При удачном стечении обстоятельств старик может справиться с молодым, если сумеет захватить его врасплох.

К несчастью, шансы на успех зависели от бдительности Морса Планша и его команды. Кроме того, Гэри не знал, можно ли рассчитывать на Мейсерда. Провинциальный аристократ слишком много времени проводил с «хаосистами», довольно покрякивая, когда время от времени на экране древнего архива возникало что-то знакомое. Энтузиазм, с которым он относился

к таким вещам, был необычен для члена касты аристократов.

Когда Хорис Антик ворвался в столовую, изрыгая гневные слова, капитан «Гордости Родии» ответил с обезоруживающим дружелюбием. Он отодвинул стоявший рядом стул и предложил «Серому» сесть.

— Что ж, просветите нас, старина! Наверно, вы говорите об этих мертвых древних машинах, которые крутятся у нас под боком? Можете быть уверены, я о них не забыл.

Гэри с трудом скрыл улыбку, восхищенный тем, как Мейсерд разрядил напряжение. Аристократы тоже были мастерами своего дела. Помимо бесконечной «Большой Игры» феодальных кланов и придворных интриг, они руководили галактической системой благотворительности, следя за тем, чтобы ни один подданный бюрократическо-демократической Империи не остался без пособия. Согласно благородным принципам руэллианизма, лорд или леди каждого городка, графства, планеты или сектора должны были способствовать тому, чтобы все ощущали себя гражданами единого государства. Эта традиция сохранялась столько лет, что каждый аристократ источал любезность с естественностью зеленого

растения, выделяющего кислород.

До тех пор, пока вы не становились его врагом. Гэри хорошо усвоил этот урок, вращаясь в политическом омуте Трентора. Кроме того, он знал, что после падения Империи именно руэллианизм станет первой жертвой. Во всей Галактике будет восстановлен феодализм, одна из немногих главных психоисторических формаций. И старые, и новые лордики бросят символические игры и быстро превратятся в мелких местных тиранов.

Учтивость Мейсерда слегка смягчила Антика. Бюрократ сел, схватил бокал, сделал несколько глотков, запивая очередную таблетку успокоительного, и со вздохом откинулся на спинку стула.

— Вы, Бирон, может, и помните об этом! Но наш друг профессор, кажется, совершенно забыл о том, что нас сюда привело. — «Серый» повернулся и посмотрел на Гэри. — Пахотные земли, Селдон! Мы шли по горячему следу. И готовы были вот-вот найти причину того, почему в прошлом столько миров было ободрано и перемешано. Почему скалы распылили и превратили в богатый чернозем! Я…

Хориса заставил прерваться громкий стон:

— **Ох!**

Гэри обернулся к Джени Кьюсет, все еще одетой в больничный халат. Девушка схватилась за голову и снова застонала. Ее лицо сморщилось от невыносимой боли.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — участливо спросила Сибил, когда приступ немного прошел.

Джени храбро сделала вид, что ничего не случилось, и сделала глоток воды из хрустального бокала, держа его обеими трясущимися руками.

— Вдруг скрутило… Один из тех приступов боли, которые иногда бывают в моем возрасте после лихорадки. Вы все сами знаете, что это такое.

Со стороны Джени это был очень учтивый жест — особенно учитывая, как ей было больно. Конечно, Антик и Керс едва ли страдали подобной юношеской болезнью. Как, по всей вероятности, и Мейсерд. Подавляющее большинство жертв лихорадки впоследствии становились либо меритократами, либо эксцентриками.

Однако и Сибил и Горнон прекрасно знали, что сейчас испытывает Джени. Оба уставились на Хориса Антика.

— Послушайте, неужели обязательно изрыгать непристойности в присутствии бедного ребенка? Тем более за едой!

Сконфуженный «Серый» часто замигал.

— Я говорил только о том, что мы можем узнать, почему миллионы планет почти одновременно обзавелись плодородной почвой…

Джени испустила пронзительный крик, схватилась руками за голову и чуть не опрокинула стул. Сибил быстро сделала ей укол, а потом попросила Керса Кантуна помочь ей отвести девушку в лазарет. Перед уходом женщина с Ктлины пронзила испепеляющим взглядом Хориса, который делал вид, что не понимает случившегося.

«Может, действительно не понимает», — великодушно подумал Гэри. Едва ли Антику доводилось часто сталкиваться с подростками. Взрослые люди, даже меритократы, перенесшие в юности острую мозговую горячку, стремились поскорее забыть о том, каким сильным табу были для них некоторые слова и темы. Правда, такая реакция постепенно исчезала. К тридцати годам большинство просто считали разговоры о «грязи» и других низменных вещах дурным тоном.

— Тяжелый случай, — сочувственно сказал Мейсерд. — Мне редко доводилось видеть такие боли. Надо было бы отправить ее в больницу.

— От мозговой горячки не умирают, — пробормотал Хорис Антик.

Горнон Влимт посмотрел на него поверх бокала.

— В самом деле? Может быть, в Империи и не умирают. Но на Ктлине после начала ренессанса она стала главным убийцей. Правда, все наши усилия обнаружить ее возбудителя оказались тщетными.

— Вы считаете, что она вызывается микробами? — спросил Мейсерд. — Но, по общему мнению, этот синдром существует с начала веков. Всегда считалось, что его причина чисто внутренняя. Плата за высокий интеллект.

Влимт горько рассмеялся.

— Чушь! Еще один способ угнетения большинства представителей человеческой расы! Неужели вы не замечали, что у вельмож горячки почти не бывает? Но не волнуйтесь, аристократишка. В конце концов мы найдем средство и победим эту болезнь, как и все другие средства подавления, изобретенные господствующим классом!

Гэри не нравилось направление, которое принял разговор. До сих пор ему удавалось отвлекать внимание спорящих от роботов, пользуясь тем, что искусственный разум попал в перечень тем, на которые было наложено мощное внутреннее

табу. Сейчас нужно было замять спор о лихорадке.

«Неплохо бы мне самому поразмыслить над этим», — подумал он. Где-то в подсознании копошилась мысль… превращавшаяся в математические символы… и готовая занять пустующую нишу в уравнениях. Но сознание Гэри оставалось свободным для занятий практической дипломатией.

— Теперь, когда Джени ушла, я с удовольствием выслушаю то, что собирался нам рассказать Хорис. Что-то о благословенной грязи, в которую наши добрые фермеры сажают семена на миллионах миров. Эта богатая почва откуда-то взялась, верно, Хорис? Перед приходом колонистов большинство планет имело лишь примитивные морские живые организмы. Значит, вы намекаете на то, что эта прекрасная грязь была кем-то создана специально?

Горнон Влимт вскочил так быстро, что опрокинул стул.

— Вы невыносимы! Мы могли бы говорить о высоких материях и великом искусстве, а вас интересует только…

Он не смог заставить себя закончить фразу. Изрядно выпивший эксцентрик с Ктлины удалился

нетвердой походкой. Внимать теории Антика остались лишь Мейсерд, Гэри и Морс Планш. Когда Горнон удалился, облегченно вздохнул даже последний.

— Да! — с энтузиазмом ответил «Серый» на вопрос Гэри. — Если помните, я уже говорил о том, что больше девяноста процентов планет с морями и атмосферой, содержащей кислород, имеет лишь примитивные формы жизни. Некоторые объясняют это недостатком излучения, которое вызывает мутации и тем самым ускоряет ход эволюции. Поэтому суша таких планет большей частью лишена растительности, если не считать мха, папоротника и тому подобного. Они недостаточно сложны, чтобы создать фантастическую живую кожу планеты — почву, которая необходима миру для подлинного процветания. И все же двадцать пять миллионов заселенных миров имеют грунт! Безбрежный плодородный покров из распыленных скальных пород, смешанных с органическим веществом, толщина которого в среднем составляет примерно… — Тут он покачал головой. — Впрочем, это не важно. Имеет значение только одно: что-то должно было случиться, чтобы такие почвы могли возникнуть. И произошло это относительно недавно!

— Насколько недавно? — спросил Морс Планш, положив ноги на край полированного дубового стола Бирона Мейсерда. Если капитан пиратского корабля и находил тему беседы отвратительной, то умело скрывал это.

— Собрать достаточное количество данных было очень трудно, — уклончиво ответил Антик. — Начальство отчаянно возражает против таких исследований. Большинство данных получено неофициальным путем. Один почвовед поделился с другим, а этот…

Планш стукнул по столу кулаком так, что задребезжали бокалы.

— Насколько недавно?

Лорд Мейсерд, недовольный безобразным поведением на борту его яхты, нахмурился, но тем не менее сдержался.

— Пожалуйста, скажите нам, Хорис. Хотя бы приблизительно. «Серый» тяжело вздохнул.

— Примерно восемнадцать тысяч лет назад. В секторе Сириус — чуть больше. В отдалении от него — чуть меньше. Этот феномен распространялся по Галактике, как пожар в джунглях, и занял максимум несколько дюжин веков.

— Планета Земля, которая так часто упоминается в старых архивах, — откликнулся

Планш, — находится как раз в секторе Сириус. Следовательно, этот ваш феномен пахотных почв полностью соответствует направлению экспансии человечества из места его возникновения.

— Этот феномен начался немного раньше, — кивнул Хорис. — Возможно, за несколько столетий до волны колонизации. Среди тех немногих, кого интересовал этот предмет, распространена версия, что оказать столь мощное влияние одновременно на миллионы планет могло некое явление природы. Может быть, пронесшаяся по всей Галактике волна энергии неизвестного происхождения — возможно, пришедшая из «черной дыры» в ее центре. Мы выдвинули гипотезу, что колонисты потянулись в затронутые ею области, случайно открыв, насколько плодородна там почва. Но теперь я вижу, что мы перепутали причину и следствие!

Мейсерд негромко выругался.

— Теперь вы думаете, что это было сделано нарочно, с помощью тех здоровенных машин. — Бирон посмотрел на переборку, отделяющую их от космического вакуума. — Именно они сделали это… двигаясь перед кораблями людей. Их посылали вперед, в следующий ничего не подозревающий девственный мир, где они…

Вельможа запнулся, словно не мог найти слов для ясного вывода. Но Хорис продолжил за него:

— Да, это культиваторы почвы. А вы решили, что их излучатели энергии представляют собой оружие? О да, они были нацелены на планеты и фокусировали энергию, собранную огромными солнечными коллекторами. Но это делалось не в военных целях. У них была намного более благородная цель: подготовить миры для колонистов, которые шли следом.

— Благородная цель? — буркнул Мейсерд, глядя в свой бокал. — Вы не говорили бы так, оказавшись на месте несчастных туземцев в тот момент, когда такое чудовище внезапно появилось в вашем небе!

Морс Планш фыркнул:

— Очень любите грибы и папоротники, верно, высокородный?

Мейсерд начал подниматься. Но Гэри поднял руку, предупреждая ссору.

— Милорд Мейсерд родом с планеты Нефелос, недалеко от Родии, — объяснил он. — Там сохранились необычные виды развитых животных, пережившие приход земных организмов. Поэтому он считает, что во Вселенной существует множество аномальных миров. Планет,

где скорость мутации была достаточно велика для создания высших форм жизни. Именно они оставили те отпечатки, которые показывал нам Хорис.

— Но этим мирам повезло меньше, чем Нефелосу! — рявкнул Мейсерд. — Все живые существа на них были сожжены ради того, чтобы создать почву той консистенции, которая нужна для занятий сельским хозяйством!

Гэри попытался придать беседе менее опасное направление.

— Один вопрос, Хорис. Разве плодородная почва не нуждается в нитратах и органических веществах?

— Конечно, нуждается. Возможно, какая-то часть их возникла в результате атмосферных реакций, вызванных лучами мазеров. Затем они могли выпасть на поверхность планеты вместе с дождем. Я думаю, что излучение могло затрагивать угольные месторождения, которые начинали кормить специальные виды растений и бактерий, любящих каменистые почвы… Все это можно сравнить с процессами дробления, измельчения и просеивания камня с целью создания нужной структуры и минерального содержания грунта, на котором может появиться

растительность.

— Антик, ваши фантазии производят сильное впечатление, — признал Морс Планш. — Но вот основа у них шаткая. Такое эпическое событие непременно запомнилось бы. Амнезия, свойственная нашей расе, тут ни при чем. Потомки тех, кто это сделал, и доныне воспевали бы подвиг своих предков!

— Возможно, они так и делают, — сказал Бирон Мейсерд, глядя на Гэри. — Может быть, память об этом свершении и его авторах сохранилась до наших дней.

Селдон съежился от внезапной догадки.

«Мейсерд все знает. Он видел культиваторы вблизи. Понял, что экипажа на них не было. Связал этот факт с имеющимся в архивах упоминанием о роботах. Он никогда не страдал мозговой горячкой и не позволил отвлечь себя от мыслей о механических людях. Не нужно быть психоисториком, чтобы понять, что некая группа неорганических существ появилась из окрестностей Земли и начала наступательную кампанию по подготовке подходящих миров к заселению. Когда на такую заранее подготовленную планету прибывали корабли с людьми, та уже была засеяна основными растениями, характерными для

экосистемы Земли. Если только колонистов не встречали тучные нивы, ожидающие уборки». Гэри припомнил рассказ Антика о его предке, который якобы встречался с настоящей чуждой разумной расой. Если это было правдой, то такая встреча произошла лишь потому, что чужаки жили на слишком жаркой планете, непригодной для культивации.

А вдруг где-то обитали существа, которым повезло меньше? Местные представители разумной жизни, деревни, фермы и города которых превратились в питательную почву для пришельцев с другого конца Галактики? Существа, которые не успели посмотреть в глаза сменившим их первопоселенцам — фермерам, которые тревожили их прах каждый раз, когда лемех плуга вонзался в богатый чернозем?

Вспомнил Гэри и тренторианских мемов. Специалисты в области вычислительной техники изгнали хищников, обитавших в программном обеспечении. Двое и их копии были беглыми симами, то есть моделями людей, спятившими от многовекового пребывания в информационной сети Трентора. Но мемы твердили, что они не имеют с симами ничего общего и представляют собой остатки древних обитателей Галактики,

существовавших за миллионы лет до появления человечества.

«Ясно одно. Мемы ненавидели роботов. Еще сильнее, чем людей. Они терпеть не могли товарищей Дэниела, виня их в некой древней катастрофе. Может быть, они имели в виду именно это? Великую Культивацию?"

Однажды Дэниел упомянул о «несмываемом позоре», скрывавшемся в прошлом роботов. Он заявлял, что его вид не имел к этому отношения. Что-то ужасное совершили другие роботы, служившие космонитам. Ужасное настолько, что его друг робот отказался об этом говорить.

«Ничего удивительного», — подумал Гэри. В глубине души он и сам считал всю концепцию культивации планет чудовищной, но…

Но при одной мысли о возможности существования многочисленных чуждых форм жизни Селдона начинало тошнить. Его уравнения с величайшим трудом описывали сложную жизнь людей. А учет дополнительных факторов превратил бы психоисторию в дремучий лес.

Гэри отвлекся и понял это только тогда, когда понял, что Антик только что обратился к нему.

— Что вы сказали, Хорис? Повторите, пожалуйста. Бюрократ испустил досадливый вздох.

— Я сказал, что корреляция между вашей и моей моделью стала еще сильнее. Кажется, мы нашли один из ваших недостающих факторов, профессор.

— Недостающих факторов? Каких именно?

— Относящихся к хаотическим мирам, Селдон, — вставил Морс Планш. — Наш маленький «Серый» заявляет, что между хаотическими мирами и частями Галактики, где культивация не удалась, существует двадцатипроцентная корреляция. Там, где машины оказались бессильны, планеты остались неизменными. Именно они образуют звездные отрезки, дуги и спирали, которые вы исследовали.

Гэри заморгал и выпрямился.

— Не может быть! Неужели двадцать процентов?

Все другие заботы тут же оставили его. Это имело прямое отношение к психоистории. К его уравнениям!

— Хорис, почему вы не сказали об этом раньше? Мы просто обязаны определить, какое влияние оказывают некультивированные миры на вероятность фун…

Гэри прервал хриплый вой, заставивший вскочить всех четверых. То был не крик боли, но

мучительный вопль жестокого разочарования и обманутых надежд.

Когда Гэри вслед за Хорисом Антиком доплелся до дверей, Морс Планш и Бирон Мейсерд уже вбежали в помещение. Их удивленные возгласы эхом отдались от стен. А затем наступила тишина.

Хорис добрался до открытых дверей на несколько секунд раньше Селдона. Бюрократ заглянул в кают-компанию, открыл рот и остолбенел, не веря собственным глазам…

Глава 8

Прыжки через гиперкосмос следовали один за другим, и каждый прыжок переносил ее через очередной сегмент галактической спирали. Сейчас она находилась на полпути от периферии к Трентору. Чем ближе становилась планета-столица, тем сильнее Дорс чувствовала напряжение позитронных потенциалов внутри ее и без того напряженного мозга.

«Теперь я знаю, чего ты добивался от меня, Лодовик Трема. Я понимаю то, чего не понимала раньше. Но будь я человеком, я бы возненавидела тебя за это».

Ей пришлось включить прерыватели цепей, чтобы подавить вспышку псевдогнева.

Гнева на себя — за то, что она так долго не видела дальше собственного носа.

Гнева на Дэниела — за то, что он не сказал ей этого много лет назад.

Но особенно — гнева на Лодовика, который отнял у нее остатки спокойствия. Спокойствия существа, выполняющего свой долг.

«Я была спроектирована и изготовлена для того, чтобы служить Гэри Селдону. Сначала в

обличье его любимой пожилой учительницы геликонской начальной школы, затем под видом подружки-старшекурсницы и, наконец, в качестве жены, которая любила, помогала и защищала его десятки лет, проведенных на Тренторе. После своей „смерти“ и отправки на ремонт я могла присоединиться к Гэри в любом качестве, но мне не позволили. Дэниел высоко оценил проделанную мной работу и тут же отправил в другое место. А я не смогла остаться рядом с Гэри и пробыть с ним до конца. И с тех самых пор чувствую себя..."

Она сделала паузу и додумала мысль до конца:

«Чувствую себя, как ампутированная конечность. Отрубленной».

Ее болезнь была логичной и неизбежной.

«Считается, что робот не может разделять глубокие человеческие чувства, но Дэниел создал меня именно для этого. Иначе я не смогла бы справиться со своей задачей».

Конечно, Дорс понимала причины, руководившие Дэниелом Оливо, и то, почему он так торопится. Дело жизни Гэри Селдона было завершено, появились другие неотложные задачи, а позитронных роботов класса Альфа, способных с ними справиться, было совсем немного. То

внимание, которое Дэниел уделял размножению счастливых и здоровых людей-менталиков, говорило о колоссальном значении, которое он придает некоему плану, направленному на конечное благо человечества. И до сих пор она послушно выполняла приказ, заботясь о Клие и Бранне…

Она успешно справлялась с поручением, но ужасно скучала. Именно этим воспользовался Лодовик Трема… На столе с проводами стояла металлическая голова Р. Жискара Ревентлова и мертво улыбалась каждый раз, когда на нее смотрели.

Дорс мерила шагами палубу и мысленно повторяла то, что сумела узнать.

«Записи воспоминаний недвусмысленны. Жискар использовал свою психическую силу для оказания влияния на людские умы. Сначала — только для того, чтобы спасти чью-то жизнь. Позже — по более тонким причинам. Но при этом он всегда чтил Первый Закон и не причинял вреда людям. Мотивы, — руководившие Жискаром, были чистейшими».

Однако все окончательно встало на свои места, когда Дэниел Оливо убедил Жискара принять Нулевой Закон и поставить во главу угла долго-

срочные интересы всего человечества.

Дорс живо вспомнила один эпизод, сохранившийся в памяти этой древней металлической головы.

Как-то Дэниел и Жискар сопровождали леди Гладию, высокопоставленную даму с Авроры, которая летела к одному из миров, недавно колонизованных землянами. Жискар немало способствовал этому процессу, несколько лет назад ментально воздействовав на умы многих политиков Земли и убедив последних не препятствовать эмиграции. Но в тот незабываемый вечер, когда все трое приняли участие в большом митинге, проходившем на Бейлиуорлде, произошло нечто небывалое.

Публика встретила леди Гладию враждебно. Кое-кто начал выкрикивать угрозы в ее адрес. Сначала Жискара волновало то, что женщина может расстроиться. Но затем он испугался, что толпа может перейти к насильственным действиям.

Поэтому робот решил изменить настроение людей.

Он применил психическое внушение и начат распространять положительные эмоции. Примерно то же делает взрослый, качая ребенка на

качелях. И вскоре настроение начало меняться. Гладия и сама способствовала этому, выступив с зажигательной речью, но все же главную работу проделал Жискар, который превратил тысячи непосредственных участников митинга — и миллион с лишним заочных — в пылких поклонников леди Гладии.

Честно говоря, Дорс уже слышала рассказы об этом эпохальном вечере… как и о судьбоносном решении, которое Жискар принял несколько месяцев спустя. О том роковом моменте, когда преданный робот решил не препятствовать мятежникам, которые заразили радиоактивностью земную кору и разрушили экосферу, и тем самым помог вытеснить землян в космос. Ради их же блага.

Все главные куски были на месте, но головоломка не складывалась. Не хватало подробностей.

И особенно того озарения, которое однажды внезапно снизошло на Дорс. Тогда она передала дела своему помощнику, села на корабль и помчалась на другой конец Галактики. С тех пор она продолжала мучить себя, не в состоянии думать ни о чем другом.

«Все, что делали Дэниел и Жискар — Лодовик называет это радикальными усовершенствова-

ниями, — они делали с добрыми намерениями. Даже нарушая прерогативы законно избранных высших органов власти, вмешиваясь в политические процессы и беря на себя ответственность за уничтожение колыбели человечества, они действовали во имя конечного блага отдельных людей и всего человечества, исходя из своего понимания Первого и Нулевого Законов».

Именно в этом и заключалась проблема.

«Из своего понимания».

Дорс невольно представилось, что насмешливая улыбка, застывшая на губах Жискара, адресована именно ей. Она ответила голове гневным взглядом.

«Вы оба были совершенно уверены в том, что обсудили друг с другом все. Все коллизии, связанные с Нулевым Законом. И вместе с Дэниелом положили начало религиозной Реформации роботов. Приняли решение влиять на умы людей и изменять политику не только отдельных государств, но и миров в целом. Взяли на себя ответственность и даже не удосужились посоветоваться ни с одним мудрым человеком». Она смотрела на Жискара, донельзя изумленная собственным выводом.

«Ни с одним».

Ни с профессором, ни с философом, ни с духовным лидером. Ни с ученым, ни с монахом, ни с писателем.

Ни со специалистом в области роботехники, который мог бы засвидетельствовать, что в цепях Дэниела и Жискара не произошло короткого замыкания и что они не испортились в тот момент, когда придумывали свое «радикальное усовершенствование», благодаря которому Земля впоследствии превратилась в пустыню.

Ни с мужчиной или женщиной, встретившимися на улице.

Ни с кем. Просто решили это с глазу на глаз.

«Я всегда думала, что Нулевой Закон каким-то образом учитывал желания людей — так же, как древние Три Закона, впервые сформулированные Кельвин и ее помощниками. И Нулевой тоже должен был опираться на людскую волю.

Должен был!"

Это открытие — что ни один человек даже не слышал о новой доктрине, хотя со времени опустошения Земли прошли тысячелетия — поразило ее до глубины души.

Проблема была не в логике. Основные посылки, разработанные Дэниелом и Жискаром в незапамятные времена, оставались верными и сегодня.

(Иными словами, оба не были испорчены — но как они могли быть уверены в этом в тот момент? Как смели действовать, не приняв в расчет возможность собственной неисправности?)

Нет. Логика тут ни при чем. Каждый находившийся в здравом уме понимал, что Первый Закон роботехники обязательно следовало расширить. Благо человечества в целом должно было предшествовать благу отдельного человека. Ранние кельвинисты, которые отвергали Нулевой Закон, были попросту не правы, а Дэниел прав.

Так что не это открытие расстроило Дорс.

Ее угнетало то, что Жискар и Дэниел пошли по этому пути, не посоветовавшись ни с кем из людей. Не спросив их мнения и не удосужившись поинтересоваться им. Впервые за всю свою жизнь Дорс поняла отчаянную энергию и позитронную страсть, с которыми многие кельвинисты сопротивлялись Дэниелу в течение многих веков, прошедших после крушения Земли, и вели гражданскую войну, в которой были уничтожены миллионы роботов.

Кампанию Дэниела следовало рассматривать не с точки зрения логики и дедукции.

А с точки зрения правоты и не правоты.

«Какое высокомерие, — подумала она. — Какое

самомнение и презрение к собственным родителям!"

Но сим Жанны д'Арк не разделял ее гнева.

— В том, что сделали Дэниел и его друг, нет ничего нового. Так было всегда. Разве ангелы когда-нибудь советовались с людьми, решая их судьбу?

— Я уже говорила тебе. Роботы не ангелы. Фигура в кольчуге улыбалась со своей голограммы.

— Будем считать, что Дэниел и Жискар молились и получили от небесных сил разрешение действовать. Какими бы ни были твои взгляды, все сводится к вере. Лодовик и Вольтер помешались на стремлении поставить во главу угла разум и взаимные консультации. Но я думала, что ты выше этого.

Дорс выругалась и выключила голопроектор, размышляя над тем, зачем она вообще вызвала древнего сима. Просто сейчас Жанна была ее единственной спутницей, а Дорс очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Услышать совет.

Но, как видно, это создание умело только одно: задавать неприятные вопросы.

Дорс все еще не знала, что она будет делать, когда достигнет пункта назначения.

О нет, она не собиралась противоречить Бес-

смертному Слуге. Дэниел обязательно переспорит ее. Логика Оливо всегда была безупречной — с тех давно прошедших времен, когда Земля была зеленой, а люди худо-бедно, но еще управляли собственной жизнью.

По всей вероятности, даже сейчас Дэниел лучше всех знал, в чем заключается благо человечества. Опровергнуть его доводы было невозможно.

Но одно Дорс знала наверняка. «Я больше не буду работать на него».

У нее появилось неотложное дело, самое главное на свете. Дорс необходимо было увидеть Гэри Селдона.

Глава 9

— Что там? Говорите же! — крикнул он Хорису, который стоял на пороге и хлопал глазами.

Впервые за последнее время Гэри ощущал свой возраст. Он доковылял до Антика и заглянул внутрь.

Стол, на котором прежде красовались древние архивы, ничуть не потускневшие за века пребывания в космосе, был завален тлеющими осколками, а корабельные кондиционеры жадно всасывали в себя струи черного дыма.

Должно быть, вопль издала Сибил, перед тем как рухнуть на пол рядом с остатками своего клада. Неподалеку сидел привалившийся к стене Горнон Влимт, то ли спавший, то ли потерявший сознание. За столом ничком лежал один из членов команды Морса Планша, протянувший безжизненную руку к бластеру.

Сам Планш находился между столом и дверью и изо всех сил пытался сохранить равновесие. Его дрожащий палец указывал на Керса Кантуна — единственного, кто твердо стоял на ногах и взирать на расплавившиеся реликвии.

— Он…

Удивленные и огорченные Бирон Мейсерд и Хорис Антик следили за этим противостоянием. Никто из них не сдвинулся с места, когда Морс Планш медленно протянул правую руку к кобуре. На его шее и лбу проступили жилы, говорившие об отчаянной борьбе с самим собой. Тихонько постанывая, капитан пиратского корабля сжал пальцы и начал вынимать бластер…

Затем Планш рухнул, присоединившись к своим коллегам, лежавшим на полу.

— Что это… что это… что это… — раз за разом повторял Хорис Антик, сунув в рот сразу две таблетки успокоительного. В отличие от него Бирон Мейсерд сохранил выдержку, присущую его касте, и коротким кивком указал на невозмутимого Керса:

— Он один из них, Селдон?

Гэри посмотрел на своего слугу, а затем снова на Мейсерда.

— Блестящая догадка, милорд. Вы уверены, что никогда не страдали мозговой горячкой?

Глаза вельможи стали стальными, напомнив о другой специфической черте аристократов — всегдашней готовности к кровной мести.

— Не заговаривайте мне зубы, академик. Я задал самый обычный вопрос. Ваш помощник…

робот?

Гэри не дал прямого ответа. Он посмотрел на Керса, больше года бывшего его нянькой-телохранителем, и тяжело вздохнул.

— Значит, Дэниел все-таки оставил одного из своих собратьев, чтобы приглядывать за мной. По старой дружбе? Или потому что я еще важен для его планов?

Керс ответил бесстрастным тоном, который Гэри хорошо знал:

— И то и другое, профессор. Мне пришлось разоблачить себя, потому что выбора не было. Я надеялся, что вы сможете самостоятельно убедить ктлинцев отказаться от своего намерения. Но они были слишком упрямы и несговорчивы. Времени уже не оставалось. Если катастрофы нельзя избежать, мы вынуждены действовать.

Хорис застонал:

— Ро… робот? Вы хотите сказать, что это один из тиктаков, которые бесчинствовали на Тренторе? Я слышал рассказы…

— Нет, уверяю вас… — начал Гэри.

— Хорис, — прервал его Мейсерд, — кажется, вы слишком увлеклись. Сколько пилюль вы приняли?

— Да, я тоже считаю, что вы можете повредить

себе, — сказал Керс Кантун.

Он потянулся к коротышке, заставив того с криком отпрянуть и рассыпать голубые таблетки. Антик обратился в бегство, но не успел сделать несколько шагов, как потерял сознание.

— Что с ним? — спросил искренне взволнованный Гэри. Мейсерд проверил пульс Антика и кивнул.

— Похоже, уснул. — Затем аристократ поднялся на ноги и спросил:

— Кто следующий? Я?

Гэри покачал головой.

— Нет… если мое мнение что-то значит. Ну что, Керс? Наш лорд-капитан заслуживает доверия?

Робот и глазом не моргнул, продемонстрировав привычную для Кантуна невозмутимость.

— Профессор, я не такой сильный менталик, как Дэниел Оливо. Мои возможности ограничены, и читать мысли я не умею. Но могу сказать вам, что Бирон Мейсерд является вашим горячим поклонником и преклоняется перед психоисторией. Для него важнее всего благосостояние его планеты и его народа. Этому благосостоянию грозит хаос. Да, я верю, что он наш союзник.

— В любом случае нам понадобится его помощь, если мы будем вынуждены действовать

до того, как…

С пола донесся стон. Гэри опустил глаза и с удивлением увидел, что Морс Планш перекатился на спину и снова потянулся к кобуре. Керс шагнул к нему и снова сконцентрировал свою ментальную мощь.

Космонавт вскрикнул. Бластер выпал из его руки и отлетел в угол.

Но, как ни странно, с Планшем еще не было покончено. Гнев заставил его собраться с силами и встать на колени. Гэри и Мейсерд смотрели на него со священным ужасом. Остаток пути капитан пиратов прошел шатаясь и сжал кулак.

— Мэддер Лосе! — крикнул он и нанес удар, который Керс Кантун легко парировал. Планш тут же потерял сознание и рухнул в объятия робота.

Керс взял мужчину на руки и с ощутимой болью в голосе сказал:

— Человек ранен, и в этом есть часть моей вины.

— Нулевой Закон… — начал Гэри.

— Это мое единственное оправдание, профессор. Но чтобы заставить Морса Планша потерять сознание, понадобилось больше усилий, чем у меня ушло на всех остальных, вместе взятых. Я не причинил им вреда. Они всего лишь спят. Однако

состояние этого человека внушает мне опасения. Я должен немедленно позаботиться о нем. Еще до того, как мы приступим к делу галактической важности.

Когда Керс понес Планша по коридору, Гэри захромал следом и настойчиво спросил:

— Как он это сделал? Как он смог сопротивляться тебе? Может быть, Планш — скрытый менталик?

Керс Кантун не замедлил шага. Но ответ робота эхом отдался от переборок и стен:

— Нет. Морс Планш представляет собой нечто куда более опасное, чем менталик. Он нормальный.

ЧАСТЬ 4
ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Правитель Родии: Похоже, ты нервничаешь, юноша. Думаешь, наше восстание против угнетателей с Тиранна закончится поражением?

Бирон Фаррилл: Ваш план хорош, сэр. Мы сможем выстоять на поле боя. Но как быть с этим роковым документом? Тем самым, за которым отец отправил меня на Старую Землю? Он был украден еще до моего прибытия!

Правитель: Ты боишься, что его могут использовать против нас?

Фаррилл: Именно так, сэр. Я уверен, что он у тираннцев.

Правитель: Конечно, нет. Он у меня. Уже двадцать лет. Именно с него началась подготовка к восстанию. Когда он попал ко мне, я понял, что мы сумеем удержать наши завоевания, если одержим победу.

Фаррилл: Значит, это оружие?

Правитель: Самое сильное оружие во Вселенной. Оно уничтожит тираннцев и нас самих, но спасет Туманные Королевства. Без него мы раз-

били бы тираннцев, но только сменили бы одну феодальную деспотию на другую. Сейчас устраивают заговоры против тираннцев, потом их будут устраивать против нас. И нас,. и их нужно выкинуть в мусорную корзину обветшалых политических систем. Наступило время зрелости. Такое же, какое однажды наступило на планете Земля. Теперь появится новая форма правления, форма, которой в Галактике еще не было. Не будет ни ханов, ни королей, ни императоров, ни правящей элиты.

Риззетт: Во имя Великого Космоса, а кто же тогда будет править?

Правитель: Народ.

Риззетт: Народ? Каким образом? Решения должен принимать один человек.

Правитель: Есть способ. В моей копии документа говорится о небольшой части одной планеты, но этот план можно распространить на всю Галактику.

Отрывок из популярной голодрамы «Солнца — пылинки почвы», написанной в 8789 г. г. э. во время ренессанса на Лингане. После хаоса, начавшегося на этой планете в 8797 г. г. э., имперские цензоры запретили ее. Данный вариант был восстановлен четыре тысячи лет спустя одной из

многочисленных федералистских коалиций во время Пятых Великих Дебатов 682 г. а. э.

Глава 1

Р. Зан Ларрин немало удивился, обнаружив то, что Дэниел скрывал даже от своих ближайших помощников: на Эосе были люди!

Роботы, верные Нулевому Закону, избрали эту планету своей тайной ремонтной базой за ее удаленность и неприспособленность к органической жизни. Она была средоточием тайны, в которую хозяева не только не должны были проникнуть, но даже заподозрить о ее существовании. И все же они были здесь! Небольшое сообщество мужчин и женщин, не привлекая к себе внимания, обитавшее под прозрачным куполом сразу за замерзшим металлическим озером.

С ними постоянно находились роботы, молча ожидавшие приказаний и откликавшиеся по первому слову. Поскольку послушные машины были готовы выполнить любое их физическое желание, люди могли сконцентрировать всю свою энергию на одной цели. Достижении покоя. Безмятежности.

Единства.

— Много веков ответ был у меня под носом, а я его не видел, — сказал Зану Дэниел Оливо. — Эта

слепота обуяла меня, потому что я сам являюсь порождением хаоса.

— Ты? — уставился на него Зан. — Дэниел, ты боролся с хаосом едва ли не с первого дня своего существования! Если бы не твои неустанные усилия… и такие нововведения, как Галактическая Империя… человечество давным-давно обуяла бы чума безумия, сейчас проявляющая себя лишь отдельными локальными взрывами!

— Может, и так, — согласился Дэниел. — И тем не менее я разделяю многие заблуждения, свойственные моим создателям — блестящим роботехникам, которые жили во времена научного прогресса. Первого великого научно-технического ренессанса. Их глубочайшие чаяния все еще довлеют над моими позитронными цепями. Как и они, я привык верить, что все проблемы можно решить с помощью строгого эксперимента и анализа. Поэтому мне никогда не приходило в голову, что наши хозяева — в их нынешнем невежественном состоянии — уже ощупью нашли другой путь к открытию истины.

Зан следил за людьми. Примерно шестьдесят человек тихо сидели рядами на ковриках, сплетенных из натурального камыша. Их спины были выпрямлены, руки лежали на коленях. Никто не

говорил ни слова.

— Медитация, — промолвил Зан. — Я часто видел такое. Этому учит большинство распространенных религий и мистических систем в невообразимом количестве школ духовной гигиены и дисциплины.

— Верно, — откликнулся Дэниел. — Данный тип умственной диеты сохранился с древнейших времен. С его помощью тренировали свой разум люди разных культур. По-настоящему игнорировало медитацию только одно общество — западная техническая цивилизация.

— Та самая, которая породила роботов?

— Та самая, которая выпустила наружу первую волну убийственного хаоса.

— Я понимаю, почему ты в течение стольких тысячелетий поощрял медитацию, — склонился Зан. — Холил и лелеял под защитой руэллианизма. Это средство оказывает стабилизирующее воздействие, так?

— Наряду со многими другими, — подтвердил Дэниел. — Цели, которых достигают с помощью медитации, хорошо совместимы с основными целями Империи: пусть люди занимаются духовным самосовершенствованием, вместо того чтобы участвовать в дерзких и самоубий-

ственных проектах, характерных для эпохи научно-технического прогресса.

— Угу… Это будет очень важно и в эпоху, которая наступит после падения Империи, верно?

— Ты снова прав, Зан. Один из первых кризисов, с которым придется столкнуться Академии Селдона, разрешится тогда, когда вожди Терминуса распространят этот вид религии на своих ближайших соседей из периферийных королевств.

Зан немного помолчал, следя за шестьюдесятью людьми, неподвижно сидевшими на циновках. Они были не единственными живыми существами, обитавшими под прозрачным куполом. Ларрин заметил внутри нечто вроде зимнего сада. Там стояли миниатюрные деревья, а в маленьком фонтане плескались золотые рыбки. На ветках разместилось несколько десятков белых птиц. Внезапно они дружно взлетели, сделали круг под куполом и снова расселись по своим местам. Со стороны казалось, что никто из людей этого не замечает. Но Зан ощущал, что люди знают о птицах все. И действительно, эти мужчины и женщины тоже каким-то образом участвовали в полете…

Наконец он заговорил:

— У меня такое чувство, что здесь происходит

нечто очень важное. Дэниел, ты чего-то недоговариваешь. Если бы медитация была всего лишь безвредным способом занимать людей и отвлекать их от стремления к хаосу, ты бы не стал проводить это исследование здесь, на Эосе, в нашем самом секретном месте.

— Верно, Зан. Видишь ли, приверженцы медитации испокон веков говорили, что она обеспечивает безмятежность, сосредоточенность и определенную степень самоконтроля. Все это бесспорно. Данный способ оказался полезным и позволял сохранять мир и покой в большинстве секторов Галактической Империи. Но философы обещали еще кое-что. То, что я много тысяч лет отвергал, считая предрассудком.

— Да? И что же это?

— Способ соединяться с другими. С сознанием прочих людей. Метод достижения мифического единения душ. То, что делает человека чем-то намного большим, чем сам человек. Наука много лет пыталась изучать этот феномен. Чаще всего он оказывался иллюзией. Самообманом. Примерно то же бывает со сверхчувствительным сознанием, которое испытывает эмоции и видит химеры, а потом объявляет их осуществлением мечты. Тысячи лет я отвергал этот аспект

медитации, используя ее главным образом как социальный инструмент, один из многих, которые помогали создавать мирную, консервативную цивилизацию, защищенную от хаоса. А затем кое-что случилось.

— Что именно?

— Мой агент, пытавшийся довести свое сходство с человеком до совершенства, присоединился к группе медитирующих, принял участие в их сборище и притворился таким же. Это был робот-менталик. Такой же, как и ты, Зан. Однако стоило ему начать медитировать, как он полностью забыл запреты и вошел в контакт со всей группой.

— Но ведь это разрешается делать только в строго контролируемых условиях! — не выдержал Зан. — Мы можем оперировать сознанием отдельных людей, групп и даже населения целой планеты, но лишь соблюдая жесткие ограничения. Это правило давным-давно введено тобой и Жискаром!

— Он проявил беспечность, — согласился Дэниел. — Но добился великолепного результата. Видишь ли, когда наш робот-менталик присоединился к медитирующей группе, внезапно между несколькими десятками людских сознаний, десятилетиями учившихся достигать

полного спокойствия — состояния, при котором восприятие надоедливых проявлений повседневной жизни сводится к минимуму, — возникла связь. Они почти мгновенно достигли единения, наконец добившись того, что многие мудрецы обещали тысячи лет! И для этого понадобилась всего-навсего небольшая помощь одного робота, обладающего ментальной силой.

Р. Зан обвел взглядом открытую арену, на которой сидели шестьдесят человек — все взрослые, среднего возраста, — и впервые заметил, что за спиной у каждого человека сидит маленький робот. Зан включил свои ментальные сенсоры и понял, что каждая из малых машин имеет лишь одну цель: служить мостиком между данным индивидуумом и всеми остальными. Ларрин расширил поиск и в конце концов установил мысленный контакт со спиритической сетью, возникшей под куполом.

Его сознание внезапно дрогнуло, словно от мощного чужого прикосновения! Чужого… и в то же время невероятно знакомого. Зан привык входить в контакт с людскими умами — иногда со многими одновременно, особенно когда Нулевой Закон обязывал его регулировать настроение группы, — но никогда ему не дово-

дилось связываться с толпой людей, которая думала одинаково: концентрировалась на одних и тех же образах… и даже усиливала сознание друг друга, потому что машины передавали эту органическую ментальную энергию!

— Аж в дрожь бросает, — пробормотал он. — Дэниел, это же полная противоположность хаосу! Если бы всех хозяев можно было обучить такому…

Оливо кивнул.

— Я очень доволен, Зан, что ты так быстро понял возможные последствия. Теперь ты видишь, что это могло бы стать основой совершенно нового типа человеческой культуры, имеющей неизмеримо более сильный иммунитет к чуме хаоса, чем тот, которым обладала Галактическая Империя в пору ее расцвета. В конце концов, стабильность Империи определяется семнадцатью факторами — или, по Гэри Селдону, состояниями притяжения, — которые мешают изолированным мирам сползать к так называемому ренессансу. Но что было бы, если бы человечеству вместо этого помогли достичь его древней мечты? Подлинного единства духа и разума?

— Это единое существо было бы достаточно сильным, чтобы сопротивляться свойственному

отдельным личностям стремлению к хаосу.

— В самом деле. Представь себе, Зан, нам больше не придется держать человечество в невежестве относительно его прошлого или свойственной ему силы. Больше не нужно будет запирать ребенка в детской ради его же блага. Однажды мы снова сможем смотреть людям в глаза и служить им — то есть делать то, для чего были созданы.

— Дэниел, я давно подозревал, что у тебя есть некий тайный план. Значит, психоистория Гэри Селдона — это всего лишь средство выиграть время?

Лицо Дэниела, неотличимое от человеческого, выражало одновременно боль и иронию.

— Мой друг Гэри посвятил этому делу всю свою жизнь и справился с ним блестяще, но даже он теперь понимает, что План Селдона никогда не достигнет своей конечной цели. Тем не менее эксперимент на Терминусе чрезвычайно ценен. Академия позволит отвлекать людей еще несколько веков, которые нам необходимы.

— Зачем так много, Дэниел? — спросил Зан. — Распространить этот новый опыт не так уж трудно. Мы могли бы поставить производство ментальных роботов-усилителей на поток, наштамповать квадриллионы штук и обучить

обитаемые миры пользоваться ими! В каждом городе и поселке уже есть опытные мастера медитации. А с помощью выведенного на орбиту жискарианского…

Дэниел покачал головой.

— Все не так просто, Зан. Еще раз внимательно посмотри на сидящих там мужчин и женщин. Скажи мне, что ты видишь. Не замечаешь никакой странности?

Зан долго смотрел на группу, а затем решительно сказал:

— Среди них нет детей.

Дэниел продолжал молчать и наконец со вздохом промолвил:

— Этого мало, Зан. Человечество не может допустить, чтобы его судьбу решали роботы. Даже в том случае, если эта судьба — счастливая… В конце концов, чтобы из этого что-то вышло, ему придется перерасти нас…

Глава 2

Архивов было слишком много, чтобы Гэри мог их пересчитать. Они мерцали повсюду, складываясь в созвездия на черном фоне раскинувшейся позади туманности. «Сколько же их, — думал Гэри. — А Керс говорит, что это не единственное хранилище в космосе…"

Война за человеческую память продолжалась много тысячелетий и шла с переменным успехом, пока Великая Диаспора с умирающей Земли распространялась по всей Галактике. Всю эту легендарную эпоху отчаянных полетов колонистов на утлых кораблях с гипердрайвами, завоеваний новых земель и экспериментов со всеми видами основных культур за кулисами шла непрерывная и временами чрезвычайно жестокая борьба.

Впереди волны переселенцев летели роботы-культиваторы, о которых человечество ничего не знало. Эти гигантские беспилотные корабли с Авроры, называвшиеся «Амадиро», были предназначены для покорения новых миров и превращения их в удобные территории для заселения.

Параллельно с полетами этих роботов шла

гражданская война. Многочисленные группы кельвинистов и жискарианцев спорили о том, как лучше служить человечеству. Однако и те и другие сходились в одном: люди не должны знать о войне, которая идет у них за спиной и разыгрывается в глубинах космоса. Кроме того, они должны были застраховаться от изобретения новых роботов, которые могли бы снова сунуть нос в Законы роботехники. Из этого недвусмысленно следовало, что невежество является лучшим способом защиты человечества от самого себя.

Однако небольшое меньшинство не соглашалось с такой точкой зрения. Каждый из сверкающих предметов, находившихся перед Гэри, свидетельствовал о сопротивлении, которое оказывала некая группа упорных людей, не желавших забывать… возможно, им помогали друзья-роботы, разделявшие веру в верховенство людей.

— Их усилия были обречены с самого начала, — пробормотал Гэри.

Его продолжала грызть все та же мысль.

«Неужели мы действительно прокляты от рождения и наша единственная надежда избежать распространения безумия заключается в том, чтобы держаться как можно дальше от нашего

потенциального величия? Неужели мы обречены оставаться глупыми и невежественными, чтобы победить демонов, которых носим внутри?"

Рассказ Хориса Антика о чуждой расе не выходил у Гэри из головы. А вдруг трагедия человечества действительно вызвана проклятием некоего врага, напустившего на род Гэри сокрушительные злые чары? «Если бы не хаос, каких высот мы могли бы достичь!"

Маленькая космическая станция была заброшена. Воздух был таким спертым, словно нога человека не ступала сюда тысячи лет. Гэри видел в огромном иллюминаторе стоявшие рядом пиратский корабль с Ктлины и «Гордость Родии».

— Это лишь временная мера, профессор Селдон, — сказал Керс Кантун, оставив Сибил, Джени и других в салоне корабля. Те лениво играли, как дети во время круиза; их мыслительная деятельность была на время парализована химически. — Мы освободим их сразу же, как только закончим свою миссию.

— А что с Морсом Планшем? — спросил Гэри. Капитан пиратов лежал в лазарете, полностью усыпленный. — Что ты имел в виду, назвав его «нормальным»? Почему он так сопротивляется твоему ментальному влиянию?

Но Керс Кантун отказался отвечать, сославшись на нехватку времени. Сначала Гэри и лорд Мейсерд должны были помочь ему предотвратить галактическую катастрофу. Они сели в космический бот и прибыли на древнюю космическую станцию комбинацию шарообразных и трубчатых помещений, находившуюся в центре огромной паутины тонких кабелей. В этом месте все архивы связывались между собой. Библиотечные капсулы, сотню веков направлявшиеся мятежниками в глубокий космос, были собраны и хранились на этой станции, превосходившей древностью самое Галактическую Империю.

«Роботы Дэниела попались в логическую ловушку, — думал Гэри. — Согласно Нулевому Закону, они были обязаны перехватывать любой обнаруженный ими архив и прятать его — „ради блага самого человечества“. Но как только архивы были надежно спрятаны, Нулевой Закон переставал действовать. Помощники Дэниела были обязаны подчиняться Второму Закону, запечатленному на каждом артефакте и требовавшему сохранить драгоценные человеческие труды.

— Жаль уничтожать их, правда, Селдон?

Гэри обернулся и увидел Бирона Мейсерда.

Аристократ с Родии стоял рядом и задумчиво созерцал окружающее.

— Профессор, я уважаю вас и ваши свершения, — продолжил Мейсерд. — Если вы скажете, что это необходимо, я поверю вам на слово. Я видел хаос собственными глазами. В моей родной провинции почти тысячу лет назад смелые, добрые и образованные жители планеты Тиранн пережили так называемый ренессанс и не оправились до сих пор. Они забились в города, напоминающие ульи или те стальные пещеры, в которых теснились земляне, спрятавшиеся от неведомого ужаса, постигшего их в пору расцвета надежды и веры в собственные силы. Гэри кивнул.

— Подобное случалось часто. Собранные здесь прекрасные маленькие капсулы подобны яду. Если они расползутся…

Заканчивать фразу не требовалось. Оба любили знание, но мир и цивилизацию любили больше.

— Я надеялся, что вы, великий Гэри Селдон, знаете ответ, — негромко промолвил Мейсерд. — Это главная причина, которая заставила меня принять участие в экспедиции Хориса. Я искал вас. Так скажите мне, вы, человек, обладающий даром социоматематического предвидения, неужели

вы тоже не видите выхода? Неужели у человечества нет способа выбраться из этой ловушки?

Гэри сморщился. Мейсерд попал в его самое больное место.

— Какое-то время я думал, что нашел выход. На бумаге все было прекрасно. Мои уравнения гласили, что можно создать цивилизацию, достаточно сильную, чтобы противостоять хаосу. — Он вздохнул. — Но теперь я понимаю, что психоистория — это не ответ… Выход из ловушки есть, лорд Мейсерд. Однако ни я, ни вы не доживем до того времени, когда в конце тоннеля появится свет.

— Что ж, если в один прекрасный день он все-таки появится, я сделаю что могу, — покорно ответил вельможа. — Вы имеете представление, чего хотят от нас роботы?

Гэри кивнул.

— Уверен. Если следовать логике их позитронной религии, решение может быть только одно. — Он поднял глаза. На другом конце длинного узкого коридора показалась человекообразная фигура. — Впрочем, похоже, сейчас мы сами в этом убедимся.

Высокий и угловатый Керс Кантун прошел по палубе, остававшейся нетронутой тысячи лет, и остановился перед двумя мужчинами.

— Нас хочет видеть страж. Пожалуйста, пойдемте. Очень много дел.

Станция была намного больше, чем казалось снаружи. Во всех направлениях тянулись извилистые коридоры, соединявшие помещения странной формы. Видимо, не все архивы имели форму кристалла, которая позволяла выдержать транспортировку через огромные космические пространства. Некоторые комнаты ломились от пачек хрупких рамок или круглых дисков, поверхность которых блистала радугой. Мысль о том, какой вред способен нанести хотя бы один из этих предметов, заставила Гэри вздрогнуть. Если долгое невежество человечества внезапно закончится, разразится катастрофа невиданного масштаба.

Его бывший слуга провел их в помещение, находившееся в глубине искусственной планеты. Там Гэри увидел странную машину со множеством конечностей. Она напоминала паука, сидящего в центре своей сети. Механизм выглядел таким же древним, как архаические культиваторы, и таким же мертвым… но тут темные линзы замерцали опаловым светом и уставились на двух пришедших. Гэри понял, что они с Мейсердом, видимо, первые живые существа, которые пред-

стали перед созданием доисторической эпохи, охранявшим это загадочное место.

Спустя несколько секунд из металлических решеток стража донесся голос.

— Мне сказали, что мы достигли пика кризиса, — промолвил старый робот. — И что пора решить эту древнюю проблему.

Гэри кивнул.

— Это место перестало быть тайным и безопасным. Сюда летят корабли. Их команды больны страшной болезнью. Чумой хаоса. Они хотят захватить архивы и использовать их для того, чтобы заразить весь освоенный людьми космос.

— Так мне сказали. Согласно Нулевому Закону, мы обязаны уничтожить артефакты, которые я так долго охранял. И все же проблема остается.

Гэри посмотрел на Мейсерда, но аристократ выглядел сбитым с толку. Тогда профессор посмотрел на Керса Кантуна и получил ответ.

— Доктор Селдон, этот робот подчиняется Нулевому Закону. Почти все, кто пережил нашу великую гражданскую войну, придерживаются жискарианской веры. Однако между нами еще существуют философские различия.

Для Гэри это стало откровением.

— Я думал, вас всех возглавляет Дэниел… Керс

кивнул.

— Так и есть. И все же у всех нас есть слабое место: неуверенность, которая гнездится глубоко внутри нашего позитронного мозга — там, где записан Второй Закон. Почти все мы верим в правоту Дэниела, в его справедливость и преданность человечеству. Но многие сомневаются в деталях.

Гэри на мгновение задумался.

— Понимаю. Эти архивы были сохранены благодаря написанным на них приказам, тщательно составленным знающими и облеченными властью человеческими существами. В этих инструкциях так сильно подчеркнут Второй Закон, что робот просто не может ослушаться. Догадываюсь, какую боль это должно вам причинять.

— Да, доктор Селдон, — признался Керс. — Поэтому я и позвал вас.

Его прервал Бирон Мейсерд:

— Ты хочешь, чтобы мы отменили данные вам приказы?

— Верно. Вы оба пользуетесь большим авторитетом не только у людей, но и у роботов. Вы, лорд Мейсерд, являетесь одним из самых уважаемых членов касты аристократов. С такой родословной вы намного более достойны императорского

трона, чем все остальные претенденты, вместе взятые. Мейсерд вспыхнул:

— Если тебя хоть немного волнует судьба моей семьи, не повторяй это утверждение при посторонних!

Керс Кантун поклонился.

— Тогда клянусь Вторым, Первым и Нулевым Законами не повторять этого. Тем не менее это делает вас чрезвычайно авторитетным если не среди людей, то среди роботов, которые испытывают таинственный пиетет перед особами королевской крови.

Затем Керс повернулся к Гэри:

— Но ваш авторитет, доктор Селдон, еще выше. Не только потому что вы были величайшим премьер-министром Империи за многие поколения, но и потому что вы самый знающий из людей, памяти которого может позавидовать любой робот. Десять тысяч лет ни одно органическое существо не было лучше вас осведомлено о ситуации в Галактике. Лично я думаю, что владение даром психоисторического предвидения делает вас мудрейшим из людей, когда-либо живших на свете. Так что происходящее имеет к вам самое непосредственное отношение.

— А я-то думал, что знание опасно… — пробор-

мотал Мейсерд.

— Как вам хорошо известно, милорд, — ответил Керс, — многие люди неподвластны хаосу. Например, обладающие повышенным чувством ответственности — такие, как вы сами. Или те, кому не хватает воображения. А некоторые, вроде профессора Селдона, имеют врожденный иммунитет к ложной мудрости.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы отменили приказы, начертанные на архивах. Ты все равно разрушишь их, повинуясь Нулевому Закону, но наше разрешение сделает этот процесс менее болезненным, верно?

— Верно, доктор Селдон. Ваши слова будут одобрением наших действий. Однако дело будет сделано в любом случае.

В комнате снова воцарилось молчание. Гэри думал об архивах, запертых на этой древней космической станции. О чаяниях и надеждах бесчисленных множеств мужчин и женщин, которые искренне верили, что борются за сохранение души человечества.

— Я догадываюсь, что бедного Хориса Антика использовали, не так ли?

Бирон Мейсерд ахнул.

— А мне и в голову не пришло! Селдон, выхо-

дит, нам с вами суждено было попасть сюда! Это не случай и не простое совпадение. Профессор, клянусь богами этой туманности, ваши друзья-роботы по части интриг могут дать фору любой королевской семье!

Гэри испустил вздох.

— Не имеет смысла относиться к роботам как к людям. Подданные Дэниела подчиняются собственной логике. Понимаете, мы для них боги. Держать нас в невежестве — это форма почитания. Догадываюсь, что настало время жертвоприношения.

Хотя его тело снова чувствовало усталость и бремя лет, Гэри расправил плечи.

— Итак, я отменяю начертанные на архивах приказы об их сохранении. Пользуясь властью законного и умудренного знаниями вождя людей и тем уважением, которое испытываете ко мне вы, роботы, я приказываю вам уничтожить архивы до того, как они попадут в недостойные руки и принесут чудовищный вред как человечеству в целом, так и триллионам его отдельных представителей.

Керс Кантун поклонился Гэри, а затем покосился на Бирона Мейсерда, как будто хотел сказать, что без одобрения аристократа можно и обой-

тись.

— Быть по сему, — стиснув зубы, сказал капитан космического корабля.

Гэри хорошо понимал состояние Мейсерда. Он и сам ощущал горечь во рту. «Вселенная, которая заставляет нас принимать такие решения, поистине ужасна», — подумал Селдон.

Древний робот, находившийся в центре комнаты, засучил конечностями. Все его глаза засветились. Из репродуктора донесся голос, подобный вздоху флейты.

— Приступаю…

Где-то вдалеке зазвучали приглушенные взрывы. Пол, дрожавший под ногами Гэри, свидетельствовал, что уничтожение началось. Смотровые экраны осветились миллионами мерцающих вспышек.

Страж-паук продолжил речь. Теперь его голос был еле слышным и хриплым от крайней усталости.

— Итак, мои долгие труды подошли к концу. Теперь, хозяева, когда ваш приказ выполнен, я хотел бы попросить о последней милости. Но есть нечто, что не позволяет мне изложить эту просьбу.

— Что тебя останавливает? — спросил Мей-

серд.

— Третий Закон роботехники.

Аристократ выглядел сбитым с толку. Гэри посмотрел на Керса Кантуна, но тот молчал, как пень.

— Ты имеешь в виду программное требование о защите собственного существования?

— Да, хозяин. Его можно преодолеть только с помощью других законов.

— Ну что ж, — хмуро сказал Гэри, — я могу решить это противоречие, просто приказав тебе говорить. Давай, выкладывай.

— Да, хозяин. Милость, о которой я прошу, заключается в полном освобождении меня от Третьего Закона, чтобы я мог завершить свое существование. Теперь, когда люди избавились от своей памяти, в нем больше нет смысла. Отныне ваше будущее всецело зависит от мудрости Р. Дэниела Оливо.

Бирон Мейсерд, который до вчерашнего дня и не слыхивал о роботах, произнес с решительностью человека, рожденного повелевать:

— Раз так, машина, выполни свой долг до конца. Мы более не нуждаемся в тебе!

Ему ответил стон боли и облегчения. Затем древний робот вспыхнул у них на глазах, разде-

лив судьбу миллиардов мерцающих кристаллов, продолжавших взрываться в кромешной тьме.

Гэри, Мейсерд и Керс Кантун осторожно пробирались по извилистым коридорам, возвращаясь к кораблям. Работы еще было невпроворот. Другие люди должны забыть все, что они здесь видели. Этого можно достичь комбинацией лекарств и внушения робота-менталика. А затем следовало каким-то образом сделать так, чтобы ни один корабль людей не добрался до этого тайного уголка космоса.

Тут еще оставались машины-культиваторы, являвшиеся свидетельством другой тайны — позора, распространения сведений о котором Дэниел не мог допустить даже в виде сплетен. Их тоже следовало уничтожить. Гэри шел, стараясь не думать о взрывавшихся и плавившихся вокруг архивах. Он решил сменить тему.

— Керс, ты как-то сказал одну вещь, которая не дает мне покоя, — сказал он своему бывшему помощнику. — Это имеет отношение к капитану пиратов, Морсу Планшу. Ты заявил, что он может сопротивляться тебе, потому что он… нормальный.

Керс Кантун немного сбавил шаг и обернулся к Гэри.

— Доктор Селдон, я уже говорил, что некоторые различия в вере есть даже у последователей Р. Дэниела. Кое-кто из нас придерживается мнения, что стремление к хаосу не является неотъемлемой частью человеческой натуры. Есть некоторые свидетельства, что в древности люди не страдали от этого великого проклятия и что хаос пришел извне, как нечто чрезвычайно заразное…

Закончить фразу Керсу было не суждено. Едва робот, рассказывавший о тайнах прошлого, шагнул в отверстие люка, как его голова покатилась по проходу, аккуратно отрубленная от туловища клинком, который словно вырос из стены!

Из вырвавшихся наружу проводов полетели искры. Нервные нити торчали из шеи, как извивающиеся змеи. Тело несколько секунд топталось на месте, хватаясь за воздух, затем трижды повернулось вокруг своей оси и рухнуло на пол.

— Что за… — вытаращив глаза, пробормотал Гэри.

Тем временем Бирон Мейсерд прижался спиной к стене и откуда-то вытащил мини-бластер, которого не обнаружил ни один из пиратов, несмотря на повторные обыски.

— Селдон, ложитесь! — приказал аристократ.

Но Гэри не видел в этом смысла. Сила, которая могла застать врасплох и уничтожить одного из коллег Дэниела, без труда справилась бы с парой огорошенных людей.

В открытом люке мелькнула чья-то фигура. Ее очертания заставили Гэри вздрогнуть и кое-что вспомнить. Тень имела человеческие очертания, но была более кривоногой и намного более волосатой, чем подавляющее большинство представителей человечества.

— О боже, это «шимп»! — воскликнул Бирон Мейсерд, поднимая оружие.

Гэри жестом велел ему не стрелять.

— Сатир, — поправил он, используя более современную терминологию. — Не бойтесь его. Может быть, мы сумеем…

Но животное реагировало на них совершенно спокойно. Оно покосилось на обоих, прошмыгнуло мимо, подняло с пола отсеченную голову Керса Кантуна и быстро скрылось за углом. Вскоре эхо его шагов умолкло.

Гэри и аристократ обменялись изумленными взглядами.

— Ума не приложу, что здесь случилось. Но считаю, что нам надо как можно скорее вернуться на корабль.

Глава 3

Они поняли, что все пошло не так, еще не добравшись до конца перехода, к которому была причалена «Гордость Родии». У люка переходной камеры бесцельно бродили шесть человек: Сибил, Хорис Антик, два члена команды Мейсерда и пара ктлинцев. Они пялились на стены, мыкались туда-сюда, что-то бормотали и извинялись каждый раз, когда натыкались друг на друга.

— Надо отвести их на борт, — сказал Мейсерд.

— И убраться отсюда как можно скорее. Я не собираюсь торчать здесь и искать объяснений.

Мужчины погнали одурманенных людей к шлюзовой камере. К счастью, те были настроены благодушно. Сибил даже заплакала от радости и попыталась обнять Гэри. На яхте их ожидал новый сюрприз. Все мелкие роботы, которых Керс Кантун оставил на борту в качестве нянек, валялись на полу, разбитые вдребезги. Джени Кьюсет сидела среди осколков, улыбалась и пробовала сложить их вместе, как куски головоломки. Два ктлинских пирата возились, как дети, отнимая друг у друга блестящий глаз одной из мертвых машин.

— Я пойду прогревать двигатели, — сказал Мейсерд Селдону, — а вы соберите всех и пересчитайте.

Гэри кивнул. Аристократы оттачивали способность приказывать на протяжении двадцати тысячелетий. Если их приказы не вызывали внутреннего сопротивления, можно было положиться на чутье представителя правящего класса. Когда Бирон быстро ушел, Гэри отвел всех в кают-компанию и пристегнул к удобным креслам. Согласно его подсчетам, не хватало еще четверых. Обшарив оба корабля, Селдон обнаружил двух ктлинцев — мужчину и женщину, которые спрятались в чулане, ища успокоения в объятиях друг друга. Гэри утешил их и отвел к остальным.

— Эй, профессор! — радостно помахала ему Джени. — Жалко, что вы не видели этого! Тиктаки дрались с тиктаками. Вот зрелище! У меня чуть не раскололась голова!

Девушка держалась стойко, но Гэри догадывался, что Джени все еще плохо. Возможно, хуже прежнего — учитывая события, свидетельницей которых ей пришлось стать. «Нужно найти противоядие от снадобья, которое дал им Керс. Тогда Сибил сможет вылечить бедную девочку.

Но главное — побыстрее унести отсюда ноги!"

Пол под ногами дрожал от работы хорошо отлаженных космических двигателей. Мейсерд играл на своей яхте, как на музыкальном инструменте, проводя проверку систем и готовясь к быстрому старту.

«Не хватает еще двоих», — подумал Гэри. Едва он обернулся, как в проеме мелькнула чья-то тень. Там стоял пошатывавшийся Морс Планш и растерянно тер переносицу. Остальные испытывали нечто вроде легкой эйфории, но Планш был надежно усыплен Керсом Кантуном. Он не мог проснуться, не то что ходить!

— Что происходит, Селдон? Что вы сделали… с моей командой… и кораблем?

Гэри готов был сказать, что не имеет к этому ни малейшего отношения, но не смог заставить себя солгать. «Я имел к этому такое отношение, что страшно подумать».

Он взял космонавта за руку.

— Пойдемте, капитан. Я помогу вам устроиться.

Тут прозвучала сирена, и космическую яхту затрясло. Гэри и Планш потеряли равновесие. Пират был намного тяжелее и сильнее. Мышцы Морса непроизвольно сократились, и он стиснул

руку Гэри так сильно, что профессор едва не потерял сознание от боли.

Вдруг кто-то оказался рядом, отстранил Морса Планша и освободил Гэри от его ноши. Селдон понимал, что аристократ находится в рубке, пилотируя корабль, так что это мог быть только…

Как и следовало ожидать, пришелец, облаченный в фантастические штаны из отдельных кусков и куртку, переливавшуюся всеми цветами радуги, был Горнон Влимт, эксцентрик с Ктлины. «Вернее, тот, кого все принимали за Влимта», — с облегчением подумал ошарашенный Гэри. В отличие от прочих Горнон без труда пришел в себя. Его взгляд был совершенно трезвым.

— Пойдемте, профессор, — заторопил его Влимт. — Вам нужно сесть. Перед стартом яхту немного потрясет.

Гэри опустился в пухлое кресло у обзорного экрана. Тем временем Горнон пристегнул Морса Планша и быстро проверил надежность крепления остальных.

— У меня есть дела в рубке, профессор. Поговорим позже.

А пока насладитесь зрелищем. Тысячи поколений не видели ничего подобного. И скорее всего больше не увидят.

С этими словами Влимт вышел из кают-компании. Гэри ощутил внезапное дикое желание криком предупредить Мейсерда, но передумал, побежденный усталостью. Если его догадка была верна, это предупреждение ничего бы не изменило.

Картина за бортом действительно развернулась потрясающая. Архивы взрывались с такой частотой, что фейерверк ежесекундно менял очертания. Вспышка следовала за вспышкой, и при каждой из них испарялись миллиарды терабайт информации. От пилота требовалось немалое искусство, чтобы проложить маршрут в этом непрерывном бедламе. Но вскоре Гэри заметил еще одну зону опустошения. Оставшаяся позади космическая станция засветилась. Когда содержимое огромного склада заполыхало, по трубчатым тоннелям и округлым помещениям пронеслась волна жара.

«Интересно, что случилось с другим кораблем?» Гэри всматривался в экран, пока не обнаружил пиратское судно. Оно находилось в космосе, рядом с останками доисторического корабля-автомата. На глазах у Селдона из сопла вырвалась пылающая струя, и гладкий сигарообразный корабль двинулся в направлении, противопо-

ложном курсу «Гордости Родии». Скоро от него осталась лишь мерцающая точка. А затем Гэри забыл обо всем, увидев новую полосу взрывов.

«Культиваторы», — подумал он и принялся следить за тем, как гигантские машины проводят цикл самоуничтожения. Доисторические агрегаты, древние, примитивные, но обладавшие чудовищной мощью, способной преобразовывать поверхность планет, превращались в пыль, словно не выдержав бремени своего возраста.

При виде этой невероятной сцены у Хориса Антика вырвался стон. Он достаточно оправился от ступора, чтобы понимать происходящее. Доказательство его гипотезы — той самой, которая была его единственной возможностью остаться в памяти квадриллионов обитателей Галактики, — исчезало у «Серого» на глазах. Гэри чувствовал искреннюю симпатию к маленькому почвоведу.

«Мы поступили правильно, скрыв правду. Дэниел утверждает, что космические культиваторы были посланы другим видом роботов. Видом, который создал один фанатик с Авроры, чье неистовое желание служить человечеству означало готовность уничтожить все остальное ради того, чтобы приготовить для колонистов уютное местечко. Дэниел осуждал их. Но его

логика ничем не отличалась от логики древних обитателей Авроры. Просто он действовал более тонко».

Гэри впал в пессимизм. Жизнь приносила ему одни неудачи. Внучка пропала бесследно. Психоистория оказалась мертворожденной. А теперь, в довершение беды, он уничтожил сокровище.

— Дэниел, то, что ты придумал для нас, должно стоить такой жертвы… И тебе придется сочинить нечто небывалое.

Немного спустя, когда полоса взрывов осталась далеко позади, Гэри пришел в себя от того, что кто-то грузно опустился в соседнее кресло.

— Будь я проклят, если в этой Вселенной есть хоть капля смысла, — проворчал Бирон Мейсерд.

Гэри протер глаза.

— А кто же управляет…

— Этот художник в кошмарных штанах, Горнон Влимт, — кисло ответил Мейсерд. — Похоже, приборы отныне реагируют только на него.

— Как… И куда же он везет нас?

— Говорит, что объяснит позже. Я подумывал дать ему по башке и отнять штурвал. Но потом понял…

— Что?

— То, что случилось с Керсом Кантуном на

станции, наверняка дело рук Влимта. Горнона оставили в таком же состоянии, как и всех остальных, а теперь вы только поглядите на него! Я думаю, есть лишь одно объяснение. Должно быть, он принадлежит к другому…

— … другому типу роботов? — послышалось из коридора, и на пороге вырос Горнон Влимт, как обычно, щеголявший в диких нарядах ктлинского ренессанса.

— Джентльмены, прошу прощения за доставленные неудобства. Но только что закончившаяся операция требовала большой точности и деликатности. С объяснениями пришлось подождать, пока не был достигнут успех.

— Какой успех? — спросил Гэри. — Если вашей целью было открытие и использование архивов, то вы проиграли! Они полностью уничтожены.

— Возможно, не полностью. Но дело не в этом. Архивы никогда не были предметом моих стремлений, — ответил Гор-нон. — Однако начнем с начала. Я вовсе не тот Горнон Влимт, которого вы знали. Настоящий Влимт все еще находится в состоянии ступора и летит в ктлинском корабле на якобы назначенное рандеву, где расскажет своим дружкам-агентам хаоса гипнотически внушенную историю.

— А ты, стало быть, робот, — пробурчал Бирон Мейсерд. Двойник Горнона поклонился.

— Как вы догадываетесь, я не принадлежу к последователям Р. Дэниела Оливо.

— Значит, ты один из кельвинистов? Робот не дал прямого ответа:

— Скажем так: то, что произошло у вас на глазах, является эпизодом войны, которая началась еще до того, как были придуманы уничтоженные вами архивы.

— Значит, ты не разделяешь взглядов своего двойника? Настоящего Горнона Влимта?

— Верно, профессор. Горнон хотел размножить архивы и насильно распространить их в наиболее уязвимых местах Империи, посеяв семена хаоса в миллионе миров, выбранных наудачу. Это стало бы катастрофой гигантских масштабов. Уравнения вашей психоистории можно было бы выбросить на помойку, а тайные планы Дэниела, придумывающего для человечества какую-то новую судьбу, оказались бы бесполезными. Все надежды на быстрый переход к некоей новой светлой фазе испарились бы. Мы бы потратили полмиллиона лет на то, чтобы выковырять людей из щелей, в которые они забились бы по окончании лихорадки.

Мейсерд фыркнул.

— Значит, ты одобряешь уничтожение архивов?

— Дело не в моем одобрении. Это было необходимо.

— Тогда какая разница между тобой и Керсом Кантуном? — требовательно спросил аристократ. Видимо, запас его терпимого отношения к тайнам был почти исчерпан.

— Милорд, у роботов существует множество сект и подсект. Члены одной из них считают, что мы не должны сидеть в подполье и скрывать свои взгляды. Поэтому мы и решили воспользоваться любезной помощью доктора Селдона.

Гэри громко рассмеялся.

— Не верю! Вы все ведете себя так, будто я бог — или по крайней мере полномочный представитель десяти квадриллионов богов, — но по-настоящему хотите лишь одного: чтобы я одобрил и освятил уже составленные вами планы!

Робот Горнон подтвердил сказанное кивком.

— Вас создали для этой роли, профессор. Десять тысяч геликонских мальчиков и девочек были зачаты, привиты и подготовлены так же, как вы. Из них тщательно отобрали несколько сотен и создали им особые условия — от образования

до домашней обстановки, — направленные на достижение конечной цели. После долгого отсева остался лишь один.

Гэри вздрогнул. Он давно подозревал это, но никогда не слышал подтверждения. Возможно, у этого врага Дэниела была особая причина для такого разоблачения. Селдон решил хранить осторожность.

— Ты хочешь сказать, что мне привили способности к математике и нонконформизм, но воспитали в недрах цивилизации, все социальные характеристики которой поощряли консерватизм. Иными словами, мной руководили, верно?

— Чтобы ваши таланты могли расцвести, вы должны были обладать иммунитетом ко всем обычным механизмам сдерживания, — пояснил Влимт. — Мало того, вам требовалось чувство направления, которое во всех случаях должно было привести прямо к цели.

— То есть к предсказуемости, — хмыкнул Гэри. — Я ненавидел образ жизни своих родителей. Одни эмоции — и ни капли рассудка. А меня тянуло предсказывать, что будут делать люди. Это стало моей навязчивой идеей. — Он вздохнул. — Но даже невротик может понять свой

невроз. Робот, я уже несколько десятков лет знаю, что таким, какой я есть, меня сделал Дэниел. Ты об этом не подумал, верно? Тебе казалось, что это разоблачение уменьшит мою преданность и дружеские чувства к нему?

— Ничуть, доктор. Мы не собираемся заставлять вас предавать Дэниела Оливо. Однако мы надеемся…

Затем наступила пауза, достаточно продолжительная для робота.

— … мы надеемся, что вам доставит удовольствие возможность судить его.

Глава 4

На последнем отрезке пути Дорс передумала. Она решила как можно скорее покончить с делом и улететь без лишних вопросов. Покойной жене бывшего премьер-министра Гэри Селдона показываться в столице Империи не стоило.

Она села на обычной коммерческой стояке и с помощью лифта Орион спустилась на покрытую металлом поверхность Трентора. Как обычно, простая закодированная фраза убедила иммиграционные компьютеры пропустить ее без сканирования тела. Роботы Дэниела использовали этот способ незаметно просачиваться в столицу с незапамятных времен.

«Вот я и снова здесь, — подумала она. — В стальных пещерах, где провела половину своего существования, защищая Гэри Селдона, холя и лелея его гений и постепенно превращаясь в такую идеальную модель жены, что мои эрзац-чувства стали неотличимыми от настоящей любви. И такими же непреодолимыми».

Ее окружала толчея, разительно непохожая на медлительный пасторальный образ жизни большинства планет, входивших в состав Импе-

рии. Дорс долго не могла понять, почему Дэниел спланировал Трентор как лабиринт стальных коридоров, жители которого почти не видели солнечного света. Цели управления тут были ни при чем. Так же, как и необходимость разместить сорок миллиардов человек. Многие планеты имели население и побольше, но ни одна из них не была превращена в железную клетку для кроликов.

Подлинная причина стала ясна Дорс лишь тогда, когда Гэри разработал основы психоистории. На заре веков, в эру, когда был создан сам Дэниел, подавляющее большинство людей тогда еще обитавших только на Земле жили в тесных искусственных норах. Это было отдаленным результатом некоего страшного потрясения. И та же картина повторялась на протяжении многих тысячелетий. Стоило какой-нибудь планете пережить взрыв хаоса, как ее пережившее шок население пряталось от света и укрывалось в пещерах, напоминавших ульи или муравейники.

Проектируя Трентор таким образом, Дэниел заранее предвосхищал события. Трентор с самого начала создавался как планета для переживших хаос. Постоянная паранойя и консерватизм надежно защищали столицу от ренессанса. «И все

же мини-ренессанс здесь однажды произошел, — подумала Дорс. — Мы с Гэри уцелели чудом».

— Главный инспектор Дженат Корсан? — неожиданно прозвучало за спиной.

Это имя было одним из ее псевдонимов. Дорс обернулась и увидела женщину в сером мундире с символами среднего ранга на эполетах. Женщина отдала ей поклон, которым полагалось приветствовать особу двумя рангами старше себя.

— Надеюсь, путешествие было приятным, — главный инспектор?

Дорс ответила ей с классической руэллианской учтивостью. Но обычно у «Серых» не хватало времени на обмен любезностями.

— Спасибо, что встретили меня, субинспектор Смит. Я получила ваш доклад о ходе эмиграции на Терминус. В целом дело идет неплохо, но я заметила отдельные погрешности.

Тренторианская бюрократка скорчила еле заметную гримасу. Дорс не потребовалось использовать ментальную силу, чтобы понять ее мысли. «Серые», постоянно проживавшие в столице, свысока посматривали на коллег с отдаленных концов Галактики. Особенно на контролеров с периферии, одним из которых

представилась Дорс. Однако ранг есть ранг. От таких особ можно ждать любых неприятностей. Лучше найти с ними общий язык и постараться сделать все так, чтобы комар носа не подточил.

— Вам повезло, главный инспектор, — сказала Смит. — Отсюда видна толпа эмигрантов, ждущих посадки на капсулы, чтобы преодолеть первый этап долгого путешествия.

Она указала рукой на дальний конец огромного зала для транзитных пассажиров. Между двумя бархатными шнурами томилась извивающаяся очередь. Острое зрение робота помогло Дорс рассмотреть несколько сотен мужчин, женщин и детей с рюкзаками или автоматическими тележками. Их настроение было не таким уж мрачным. Наиболее легкомысленные даже пытались развеселить своих спутников. Но присутствие представителей полиции говорило, что эти люди являются в некотором роде заключенными. Ссыльными, которых отправляли на самый дальний край разведанной Вселенной без права когда-либо вернуться в метрополию. Тем более в столицу Галактической Империи.

«Этим людям приходится расплачиваться за план Гэри, — подумала Дорс. — Они будут навечно привязаны к негостеприимному ка-

менистому Терминусу под предлогом создания новой „Энциклопедии“, а на самом деле — чтобы предотвратить наступление темных веков. Никто из них не знает правды и не догадывается о том, что их потомкам обеспечена неслыханная слава на протяжении многих поколений. Через некоторое время цивилизация, центром которой станет Терминус (точнее, Академия), затмит блеском самое старую Империю».

Дорс улыбнулась, вспомнив лучшие годы ее жизни с Гэри, когда План Селдона начинал обретать форму, превращаясь из набора уравнений в фантастическое обещание, в избавление человечества от древнего проклятия. В способ построить бодрое и сильное государство, способное противостоять хаосу, перекинуть мост через пропасть безумия и положить начало новой эре в истории человечества.

То были веселые времена. Маленький кружок Селдона лихорадочно работал, вдохновленный неистовой надеждой. Они создавали великий проект, захватывающую драму, главные роли в которой предстояло сыграть этим эмигрантам и их будущим детям, которые родятся на далеком Терминусе.

Но тут она нахмурилась, вспомнив остальное

— день, когда Гэри обнаружил, что его проект несовершенен. Ни один план, даже самый продуманный, не мог предусмотреть всего и обеспечить полную предсказуемость. Достаточно было малейшего отклонения или непредвиденного события, чтобы прекрасный проект сбился с курса. Юго Амариль настаивал — и Гэри согласился с ним, — что нужна дополнительная движущая сила. Вторая Академия.

«Это было началом потери иллюзий». Она вспомнила, какими неряшливыми стали элегантные прежде уравнения, когда понадобилось описать поведение квадриллионов, подчиняющихся воле нескольких десятков людей. «С тех пор все покатилось под откос».

Наблюдая за процессией отверженных, Дорс знала, что их судьба не будет такой яркой, как казалось прежде. Первая Академия завоюет бессмертную славу, но на самом деле поможет расчистить место для чего-то другого. Сам по себе Терминус будет бесплоден.

«Так же, как я. Мы с Гэри нянчили цивилизации и воспитывали приемных детей, но наши собственные создания всегда были вторичными».

— Не было ли новых попыток к бегству? — спросила она женщину.

Едва Комитет Общественного Спасения вынес свой приговор, как некоторые ссыльные стали протестовать против ожидавшей их судьбы. Методы они использовали самые разные: одни наивно пытались обжаловать решение суда, другие симулировали болезнь, а третьи бежали в надежде затеряться среди многочисленного населения Трентора. Десятка два даже угнали корабль, вырвались в космос и нашли политическое убежище на Ктлине, переживавшей новый ренессанс.

Смит неохотно подтвердила:

— Были. Но после того как полиция усилила надзор, таких случаев стало меньше. Одна девушка — дочь двух энциклопедистов — искусно подделала документы и устроилась работать на лифт Орион. Она исчезла двенадцать дней назад.

«Примерно в одно время с Гэри». Дорс уже успела проникнуть в полицейскую базу данных и выудить оттуда скудные сведения о побеге Селдона.

Готовая уйти со смотровой площадки, она еще раз обвела взглядом очередь. Хотя при мысли о высылке из центра старой Империи одни выходили из себя, а другие впадали в отчаяние, Дорс заметила, что большинство находится в припод-

нятом настроении. Пока очередь продвигалась вперед, эти мужчины и женщины оживленно переговаривались. Она слышала обрывки разговоров о науке, искусстве, драме и о новых возможностях, которые откроются перед ними на Терминусе.

После нескольких лет, проведенных вместе на Тренторе, даже их манера изъясняться приобрела еле заметные следы тенденции, которую предсказывали уравнения. Тенденции к созданию идиоматических выражений, которые через сотню лет назовут терминусским диалектом, ответвлением стандартного галактического языка, более скептическим и оптимистичным, отвергающим устаревшие синтаксические ограничения. Вообще-то многие из новых шуток и сленговых выражений были придуманы Пятьюдесятью в ходе продолжительного процесса подготовки ссыльных к их новой роли. Но чувствительное ухо Дорс уловило фразы, не предусмотренные программой. Несомненно, они были творчеством самих изгнанников.

«Что ж, ничего удивительного. Они — лучшие из всех, кого мы смогли найти на двадцати пяти миллионах миров. Самые умные, психически здоровые, бодрые и… склонные к неуемному

любопытству. Идеальный генофонд для ростков нового. Если бы человечество действительно было способно самостоятельно открыть чудесное лекарство для собственного исцеления, то эти люди и их потомки смогли бы справиться с такой задачей… при помощи уравнений Селдона. Но, увы, это была только мечта».

Дорс покачала головой. Какой смысл бередить старые раны? Если бы она это сделала — и если бы была человеком, — это могло кончиться слезами.

Она сломя голову ринулась в Трентор с одной-единственной целью. Найти Гэри.

— То есть как это «потерял след»? Разве ты не установил датчик на его корабле?

Робот, стоявший напротив Дорс, сохранял непроницаемое выражение. Не потому что лицевая мимика позитронным собратьям Дэниела не требовалась. Просто именно так вел бы себя человек, допустивший непростительный промах и потерявший одного из самых важных людей в Галактике.

— Передатчик замолчал меньше недели назад, — ответил Р. Пос Хелш. — Нам хорошо известен курс, который взяла космическая яхта после вылета с Демархии. Наши контакты с Ко-

митетом Общественного Спасения позволили выяснить, что недавно в районе облака Тумартин был уничтожен крейсер Тайной Полиции.

— Плохая новость. Ты отправил роботов на место происшествия?

— Собирался. Но от Дэниела поступил приказ не делать этого.

— Почему? Он сообщил причину?

Робот послал ей микроволновый эквивалент пожатия плечами.

— Нас на Тренторе слишком мало, — объяснил он. — Из-за отсутствия надежных роботов-агентов пришлось поручить это дело полиции. Кроме того… — Робот-мужчина сделал паузу, а затем сухо продолжил:

— Я почти уверен, что все случилось с подачи самого Дэниела.

Дорс погрузилась в размышления:

«Вполне возможно. Он вполне способен использовать Гэри даже в преклонном возрасте, когда можно было бы позволить пожилому человеку почивать на лаврах. Но если Гэри еще мог сыграть свою роль в долгосрочных планах Дэниела, Бессмертный Слуга не стал бы колебаться ни секунды».

И все же здесь крылась какая-то тайна.

«Какую помощь Гэри мог оказать Дэниелу, отправившись в глубокий космос?"

Дорс была в цейтноте. Скоро агенты Дэниела сообщат ему, что она самовольно покинула свой пост на Смашелле и прибыла сюда. Она понятия не имела, что после этого предпримет Оливо. Он очень терпимо отнесся к измене Лодовика Тремы. В прежние времена Дэниел приказывал казнить роботов, поведение которых не соответствовало его представлениям о благе человечества. А совсем давно, когда шла гражданская война, он был неудержимой силой, способной на большую жестокость — опять же ради конечного блага людей. Дорс решила покинуть Трентор и отправиться к облаку Тумартин. Но сначала нужно было закончить еще одно дело.

Она посетила библиотеку Стрилингского Университета, забралась в ее самый дальний угол и подключилась к скрытой фиброоптической панели. С помощью секретной длины волны Дорс вошла в систему, избежав ловушки, которая защищала самое драгоценное хранилище данных группы Селдона — Главный Радиант, — и в конце концов добралась до самой последней версии Плана Селдона. А вдруг там найдется намек на то, что задумал Гэри? С какой стати старому ка-

леке понадобилось удирать в компании темного бюрократа и дилетанта-аристократа, поверив сказкам о каких-то окаменелостях и пыли?

Университет Стрилинг был одним из немногих мест на Тренторе, расположенных под открытым небом. Покинув библиотеку, Дорс пробралась мимо стоявшего в нескольких метрах здания без окон, где собирались пятьдесят психоисториков, совершенствуя План Селдона и готовясь руководить судьбой человечества на протяжении грядущих веков. Лишь двое из них обладали ментальной силой. Остальные были математиками — вроде Гааля Дорника. Однако скоро они должны были скреститься с теми, кто обладал психическим даром, объединить оба таланта и создать новый могущественный класс подлинных правителей Галактики. Вторую Академию, тайно управляющую Первой.

Гэри попытался воспользоваться этим. В конце концов, ментальная сила была отличной дубинкой для выбивания клиньев, которые могли затормозить развитие истории. И все же это решение было грубым, насильственным добавлением к уравнениям. Ему никогда не нравилась концепция создания правящей элиты, состоящей из полубогов.

Эта мысль постоянно грызла Гэри изнутри.

«Но поэтому ли он так рано состарился? А может быть, потому что тосковал по мне?» Как бы там ни было, Дорс чувствовала себя виноватой за то, что так долго отсутствовала. Давно нужно было наплевать на приказы Дэниела! Дорс быстро шла по широкому внутреннему двору Университета и вдруг ощутила знакомый холодок во внутренних слоях мозга. Она посмотрела на север и заметила группу академиков в пурпурных мантиях — меритократов седьмого и восьмого ранга, — которая направлялась к корпусу имени Амариля. Одна из них, маленькая женщина, внезапно споткнулась и обернулась к Дорс.

Это была Ванда.

Понимая, что любое необычное движение привлечет к ней внимание, Дорс притворилась рассеянной бюрократкой, скучной и никому не интересной, и пошла вперед. Лицо Ванды приобрело растерянное выражение. Проходя мимо внучки, Дорс ощутила, что ее ментально прощупывают. Но талант Ванды был недостаточно сильным, Чтобы проникнуть сквозь маску тренированного робота. Дорс, общавшаяся на Смашелле с куда более мощными менталиками, без труда отбила ее попытки.

И все же момент был тяжелый. Какая-то часть Дорс, привыкшая действовать и чувствовать как человек, требовала раскрыть объятия той, кого она знала и любила.

«Нет, Ванда не должна встречаться со своей покойной бабушкой! Она счастлива, удовлетворена своей ролью и уверена, что Вторая Академия даст толчок новому пробуждению человечества, которое наступит через тысячу лет… Я не имею права лишать ее этой уверенности, пусть иллюзорной».

Поэтому Дорс продолжила путь. Ее манеры и выражение лица настолько изменились, что в конце концов Ванда покачала головой, отгоняя от себя неуловимое ощущение чего-то знакомого.

Отойдя на безопасное расстояние, Дорс Венабили судорожно вздохнула.

Глава 5

Сибил приняла новости в штыки. Едва придя в себя, она напустилась на Гэри и Мейсерда.

— Вы уничтожили надежду десяти квадриллионов человек на избавление от тирании!

В отличие от нее Морс Планш отнесся к поражению более спокойно, чем думал Гэри. Высокий и смуглый капитан пиратов стремился понять случившееся и то, что несет им будущее.

— Итак, давайте поставим все точки над i, — сказал Планш. — Нас использовала одна группа роботов, стремившаяся найти место хранения архивов и уничтожить записи с благословения Селдона. — Планш указал рукой на Гэри. — Но затем нас похитила другая группа проклятых тиктаков!

Гэри, пытавшийся читать, с досадой оторвался от копии «Детской энциклопедии».

— Капитан Планш, человеческие желания часто оказываются более тщетными, чем представляется нам, эготистам. Свобода воли — это детская болезнь, которая вырастает как сорняк. Но большинство людей с возрастом преодолевают эту концепцию… Смысл зрелости, — со

вздохом закончил он, — состоит в понимании того, что сил одного человека недостаточно, чтобы решать судьбу Галактики.

Морс Планш посмотрел на Селдона через всю кают-компанию.

— Профессор, у вас наверняка есть несметное количество доказательств и формул, подтверждающих эту мрачную философию, но я никогда не соглашусь с этим, пока жив!

Сибил расхаживала по кают-компании взад и вперед, заставляя Хориса Антика поджимать ноги каждый раз, когда она проходила мимо. Маленький бюрократ принял еще одну голубую пилюлю, хотя после погружения в ступор стал значительно спокойнее. Однако он продолжал беспокойно грызть ногти.

Рядом с ним сидела Джени Кьюсет. Она забилась в уголок дивана и прижимала ко лбу приборчик, снимавший головную боль. Девушка храбрилась, но было видно, что ее болезнь усилилась.

— Ее нужно положить в больницу, — заявила Сибил похитителю. — Или вы позволите бедной девушке умереть из-за того, что имеете на нас зуб?

Робот, принявший обличье Горнона Влим-

та, протянул руку к собственному затылку и отсоединил провод, связывавший его с бортовым компьютером, который управлял полетом «Гордости Родии» к неизвестному пункту назначения.

— Я никак не рассчитывал на то, что вы, Джени и капитан Планш примете участие в этом этапе путешествия, — объяснил гуманоид. — Будь у меня время, я отправил бы вас вместе с настоящим Горноном Влимтом.

— Куда вы нас тащите? — требовательно спросила Сибил. — Ходите выдать полиции? Посадить в тюрьму? Или направить лечиться от безумия в так называемую Имперскую Службу Обеззараживания, которая осаждает Ктлину? Робот покачал головой.

— В безопасное место, где вам не сделают ничего плохого и где никто из вас тоже не сможет причинить вред. Но обстоятельства изменились — следовательно, корабль остановится в одном из удобных галактических миров, мы высадим вас троих, и Джени сможет получить медицинскую помощь.

Высокий Морс Планш потер подбородок.

— У меня не выходит из головы то, что произошло на космической станции. Что-то нарушило

ваши планы. Вы убили Керса Кантуна, но не помешали ему сделать свое дело. Не позволили нам забрать остатки архивов, а теперь удираете во всю прыть, как будто по пятам за вами гонятся враги.

Горнон не ответил. В этом не было смысла. Все знали, что группа, к которой он принадлежит, намного слабее группы Дэниела и может рассчитывать только на скорость и внезапность.

Гэри раздумывал над тем, что станется с людьми, находящимися на борту. Конечно, он сам уже несколько десятилетий был посвящен во многие тайны. Но как быть с Сибил, Планшем, Антиком и Мейсердом? Не начнут ли они болтать после того, как будут отпущены? И будет ли иметь значение их болтовня? Галактика всегда полнилась ничем не подтверждавшимися сплетнями о так называемых «Вечных» — механических существах, бессмертных и всезнающих. Такие слухи будоражили Трентор множество раз, но в дело неизменно включались механизмы общественного отвлечения, и мания заканчивалась сама собой. Он виновато посмотрел на Джени. Последние события сильно осложнили течение ее юношеской мозговой горячки. Роботы, окаменелости, архивы со сведениями о древней

истории… именно те предметы, которые детская лихорадка заставляла считать запретными.

Он обсудил этот вопрос с Мейсердом, который был кем угодно, только не лопухом. Бирон уже понимал, что лихорадка едва ли имеет естественное происхождение. Поскольку эта болезнь предшествовала всем известным цивилизациям, это значило, что некогда она была создана специально. Целенаправленно. Продолжительная и заразная одновременно.

— Может, эта болезнь — оружие против человечества? — спросил Мейсерд. — Изобретенное некоей чуждой расой, уничтоженной космическими культиваторами?

Селдон вспомнил мемов, некогда похозяйничавших на Тренторе. Эти сумасшедшие, обитавшие в виртуальном пространстве, уверяли, что являются призраками жителей доисторических цивилизаций, и обвиняли роботов Дэниела в произведенном опустошении. Когда-то Гэри подозревал, что лихорадка может быть их разработкой, сделанной ради мести человечеству… до тех пор, пока все его мысли не заняла психоистория.

Впоследствии он начал считать лихорадку чем-то другим — а именно одним из способов

общественного отвлечения, призванных сохранять стабильность человеческой цивилизации и сопротивляться изменениям.

«О да, эта болезнь была создана, но не для того, чтобы уничтожить человечество. Детская лихорадка — медицинское нововведение. Оружие против другой болезни, более древней и более смертельной. Хаоса».

Вскоре настроение Сибил изменилось. Она переключилась на новую тему и стала обсуждать ее со всем пылом представителя культуры, переживающей ренессанс.

— Эта ментальная энергия, свидетелями проявления которой мы были, просто фантастична! Наши ктлинские ученые сначала относились к ней скептически, но кое-кто выдвинул гипотезу, что мощный компьютер со сверхчувствительными сенсорами мог бы улавливать и расшифровывать все электронные импульсы, производимые человеческим мозгом! Я сомневалась в том, что такой огромный и сложный анализ возможен, даже с помощью новейшей вычислительной техники. Но, похоже, ваши позитронные роботы делают это с незапамятных времен! — Она покачала головой. — Мороз по коже… Мы знали, что у правящих классов существует множество спосо-

бов контролировать нас. Но я представления не имела, что они умеют вторгаться в нашу психику и изменять мысли!

Гэри хотелось, чтобы эта женщина перестала болтать. Любой другой на ее месте давно сообразил бы, что ему грозит. Чем больше открытий она делала, тем больше причин появлялось для того, чтобы перед освобождением полностью стереть ее память о событиях последних нескольких недель. Но ренессансные типы всюду одинаковы. Так необузданно радуются вырвавшимся на свободу творческим способностям своего пропитанного хаосом мозга, что их тяга к следующей свежей идее становится сильнее тяги к наркотику…

— Во все времена существовал один-единственный способ свергнуть правящие классы, — продолжала Сибил. — Отнять у властителей средства подавления и освободить их! Распространить в массах. Если несколько древних роботов умеют читать мысли, почему бы не размножить этот способ и не сделать его доступным всем? Обеспечить каждого гражданина шлемом, усиливающим возможности мозга! Очень скоро все люди станут телепатами. Когда человек захочет покоя, можно будет воспользоваться защитными

полями, но все остальное время… Вы только представьте себе, как это будет! Постоянный обмен информацией. Обилие идей!

Сибил волей-неволей пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Однако ее слова заставили Гэри задуматься.

Если бы ментальная энергия распространялась открыто и была доступна всем, психоисторию пришлось бы кардинально пересмотреть. Сама наука была бы возможна, но она никогда не смогла бы опираться на те же посылки — что триллионы людей могут взаимодействовать случайно и бессмысленно, как сложные молекулы в облаке газа. Самосознание и близость с сознанием других сделали бы все неизмеримо более сложным. До тех пор, пока…

«Можно предположить, что влияние будет двояким. Телепатия позволила бы упростить все уравнения, если бы она обеспечила единство, сведя продукцию индивидуальных умов в один общий поток мысли…

С другой стороны, она могла бы привести к экспоненциальному росту сложности! Произошло бы дробление мыслительного процесса на разнообразные внутренние и внешние виды, затем группировка в мелкие кластеры, а потом

повторное объединение в большое количество более крупных блоков.

Если оба подхода смоделировать и сравнить, создав набор клеточных матетоматонов..."

Гэри отогнал искушение погрузиться в детали своей гипотезы. У него не было для этого ни средств, ни времени.

Конечно, замеченное поколение назад внезапное появление на Тренторе нескольких сотен менталиков не было простым совпадением. Поскольку все они вскоре объединились вокруг Дэниела, можно было заподозрить, что Бессмертный Слуга планировал распространить паранормальные психические способности на всю человеческую расу... хотя и не таким стихийным демократическим путем, который предложила Сибил.

Гэри вздохнул. Любой вариант означал конец прекрасных уравнений, плода всей его жизни.

Селдон вернулся к «Детской энциклопедии», пытаясь не обращать внимания на шум и разговоры других обитателей кают-компании. Он углубился в описание Переходной Эпохи — времени, наступившего после первого великого техноренессанса, когда волна мятежей, разрушения и маниакального солипсизма уничтожила

блестящую культуру, создавшую роботов класса Дэниела. Для Земли это обернулось военно-полевыми судами, драконовскими репрессиями, подозрительным отношением к любым чудачествам и непохожести на других, сочетавшимися с приступами маниакальной агорафобии.

Казалось, на пятидесяти мирах, освоенных космонитами, все шло по-другому. Миллионы счастливых обитателей первых межзвездных колоний, окруженные роем слуг-роботов, наслаждались долгой мирной жизнью в имениях, похожих на парки. Но исследования Гэри показывали, что для космонитов были характерны паранойя, нетерпимость и сверхзависимость от роботов, являвшиеся точно такими же симптомами душевных травм и отчаяния.

Именно в эту эру возникли Дэниел Оливо и Жискар Ревентлов, первые роботы-менталики, обладавшие непоколебимой запрограммированной преданностью своим страдающим хозяевам. Гэри понимал далеко не все из того, что случилось после, но очень хотел понять. По крайней мере, получить ключ к более глубокому пониманию тайн, скрытых в этой эпохе.

— Профессор, простите за то, что прерываю вас, — прозвучало у него за спиной, — но вам

пора. Нужно поместить вас в реювенатор.

Гэри рывком поднял голову. Это был Горнон Влимт — точнее, Р. Горнон Влимт. Робот, присвоивший себе внешность реального человека.

Этот псевдо-Горнон хотел еще раз поместить его в ктлинскую машину, напоминающую гроб, но снабженную дополнительными хитрыми приспособлениями, которые за прошедшие века придумала тайная секта еретических машин.

— Ты считаешь, что это необходимо? — спросил Гэри. После событий, происшедших два дня назад, когда логика заставила Селдона совершить акт вандализма и разрушить — точнее, дать санкцию на уничтожение драгоценного знания ради конечного блага человечества, — его инстинкт самосохранения ослабел.

— Боюсь, что так, — настойчиво сказал Р. Горнон. — Для того, что произойдет позже, вам понадобится намного больший запас жизненных сил.

По спине Гэри побежали мурашки. Это звучало не слишком обнадеживающе. Когда-то он любил приключения. Летал по всей Галактике, бросал вызов врагам, срывал их коварные замыслы, раскапывал секреты прошлого, но при этом не сомневался, что лучше бы ему сидеть, зарывшись

в книги. Однако тогда рядом с ним была Дорс. Теперь приключения его не манили. Он вообще сомневался, что хочет знать будущее.

— Что ж, хорошо, — сказал он скорее из вежливости, чем из чувства долга. — Моей жизнью всегда руководили роботы. Нет смысла изменять столь долгой привычке в конце партии.

Селдон встал и повлек свое усталое тело к лазарету, где его ждал белый ящик с поднятой крышкой, напоминавший отверстый гроб. Он заметил, что внутри ящика имеются два углубления, как будто гроб был рассчитан на двоих.

«Очень странно», — подумал он.

Когда Р. Горнон помог ему лечь, Гэри понял, что настал критический момент. Независимо от того, очнется он или нет, а если очнется, то где, когда и в какой форме, отныне переменится все. Возврата к прошлому нет.

Глава 6

Облако Тумартин представляло собой водоворот осколков и рассеянной плазмы. Как видно, недавно там происходили насильственные действия — возможно, большая космическая битва. Пару дней назад приборы наблюдения зарегистрировали впечатляющие вспышки множества перегруженных гипердрайвов. Но поскольку это происходило внутри угольно-черного облака, никому в Галактике не суждено было узнать правды.

Точнее, никому из людей. Тайные гиперволновые каналы роботов уже разрывались от сообщений о том, что архивы и космические культиваторы наконец-то уничтожены.

Дорс обследовала облако со смешанным чувством неуверенности и тревоги. Гэри был здесь — то ли до, то ли во время этого непонятного эпизода. Если бы Дорс была человеком, она не находила бы себе места от волнения. Но программы автоматически заставляли ее испытывать те же самые эмоции.

— Это место… похоже на дом, Дорс. Откуда-то я знаю, что мы с Вольтером провели здесь много

веков и дремали, пока кто-то не вернул нас к жизни.

Голос доносился от стоявшего неподалеку голографического изображения молодой женщины с коротко стриженными волосами, облаченной в средневековые доспехи.

Дорс кивнула.

— Должно быть, кто-то из агентов Дэниела забрал отсюда ваш архив и доставил его на Трентор. Это было частью плана, о котором мне ничего не известно. Или ты дрейфовала в космосе, была подобрана пролетавшим мимо кораблем людей и попала на некий ничего не подозревавший мир, где беспечные энтузиасты случайно выпустили тебя на волю.

Голографическая девушка хихикнула.

— Дорс, неужели ты считаешь меня такой опасной?

— Вы с симом Вольтера вызвали хаос в квартале Юнин и на Сарке. Даже после того как Гэри изгнал вас в глубокий космос, копия Вольтера каким-то образом сумела заразить и изменить Лодовика Трему. Да, верно. Все вы — порождения хаоса.

Жанна д'Арк улыбнулась и показала рукой на иллюминатор, сквозь который было видно царившее вокруг опустошение.

— Тогда я полагаю, что ты одобряешь это разрушение. Можно спросить, почему ты меня вызвала на сей раз?

Дорс промолчала.

— Может быть, потому что ты наконец готова услышать неприятные вопросы? За те долгие годы, которые я провела в компании Вольтера, никто из нас не сумел изменить точку зрения другого на главное. Я по-прежнему предана вере, а он — разуму. И все же мы многому научились друг у друга. Например, теперь я понимаю, что, как ни печально, и вера и разум происходят из одного и того же источника.

Дорс приподняла бровь.

— Какого источника?

— Веры в справедливость. Либо в справедливость некой внешней божественной силы, либо в справедливость людей, умеющих принимать правильные решения. И вера и разум призваны придать человеческому существованию некое подобие смысла. Если это существование не просто чья-то злая шутка. Дорс негромко фыркнула.

— Сразу можно сказать, что ты явилась из странной эры. Неужели при жизни ты действительно была настолько слепа, что не видела хаоса?

— Настолько слепа? Мы с Вольтером родились в бурное время, полное насилия, неуверенности и жестокости. Но и более поздней технологической эре, которая воскресила нас с помощью тщательного компьютерного моделирования, были свойственны свои болезненные проблемы. Однако тот вид хаоса, о котором говоришь ты, — это особая болезнь, которая рушит культуры во время их наиболее яркого… — Жанна покачала головой. — Ничего такого в мое время не было. Как и во время Вольтера. Если бы было, мы бы заметили. Ни вера, ни разум не могут расцвести, если ты внутренне убежден, что Вселенная подшучивает над тобой.

Дорс задумалась. Может быть, Жанна права? Может быть, было время, когда угрозы чумы хаоса не существовало? Нет, ерунда! Первая же эпоха научно-технического прогресса, в которую были изобретены роботы и космические полеты, закончилась безумием. Это просто обязано быть чем-то свойственным данной местности…

Ее мысли прервал интерфейс компьютера, наполнивший кабину светящимися буквами.

«ПОИСК
В БЛИЖАЙШЕМ КОСМОСЕ ПОКАЗЫВАЕТ СЛЕДЫ ПРЫЖКОВ В ДРУГОЕ ПРОСТРАНСТВО И

ОЧЕРТАНИЯ КОРАБЛЕЙ, УЛЕТЕВШИХ СОВСЕМ НЕДАВНО. ВОЗМОЖНЫЕ КАНДИДАТЫ ВЫВЕДЕНЫ НА ЭКРАН. ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ МАРШРУТ ДАЛЬНЕЙШЕГО СЛЕДОВАНИЯ».

Дорс дала команду на поиск и принялась изучать возникшие на экране ионизационные следы, которые вели в противоположных направлениях.

«Возможно, что Гэри нет ни на одном из них. Его атомы могут блуждать среди пепла и обломков, в которые превратилась древняя память и прошлые амбиции».

Она тряхнула головой.

«И все же я должна сделать выбор».

Дорс уже была готова бросить жребий, когда буквы вспыхнули снова.

«В ОБЛАКЕ ОБНАРУЖЕНО ПРИСУТСТВИЕ НОВОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА. ЕГО КООРДИНАТЫ…"

Дорс быстро включила защитные поля корабля и соединилась с компьютером напрямую. Теперь она и сама ощущала присутствие быстроходного скачкового звездолета. Им мог быть либо один из лучших имперских крейсеров, либо пиратское судно какого-нибудь хаотического мира…

… либо корабль, которым управлял робот.

«МЫ ОБНАРУЖЕНЫ. ПИЛОТ ВЫЗЫВАЕТ ДОРС ВЕНАБИЛИ».

Дорс кивнула. Должно быть, Дэниел узнал про ее отступничество и отправил за ней погоню. Она много дней ломала голову к и тем, что скажет Дэниелу или одному из его посланцев, если тот попытается вернуть ее, воззвав к чувству долга. Несмотря на отвращение Дорс к событиям прошлого, Оливо наверняка будет настаивать, что у нее нет другого выбора, кроме как помогать реализации его планов по спасению человечества.

«Если я попытаюсь бежать, вполне возможно, что они откроют огонь». И все же Дорс испытывала сильное желание показать клевретам Дэниела нос. Это действие говорило бы об отвращении куда красноречивее, чем слова.

«ПИЛОТ ВНОВЬ ПРИБЫВШЕГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПОВТОРЯЕТ ВЫЗОВ. ТЕПЕРЬ ОН СООБЩАЕТ СВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД И ПЕРЕДАЕТ ПОСЛАНИЕ..."

Дорс неохотно открыла проход в защитном поле.

— Привет, Дорс. Я был убежден, что это ты. Ну как, у тебя было время пораскинуть мозгами? Не думаешь, что пора поговорить?

Она удивленно отпрянула. И в то же время Дорс

казалось, что она давно ждала этого. Закон симметрии требовал, чтобы они с Лодовиком Тремой встретились еще раз.

Стоящее рядом голографическое изображение юного средневекового рыцаря вздрогнуло, а затем улыбнулось.

— Я чувствую Вольтера! Он близко, в одном из своих воплощений.

Программы псевдоэмоций очень правдоподобно сымитировали огорченный вздох, и Дорс промолвила:

— Ладно. Давай послушаем, что нам хотят сказать эти парни.

Глава 7

Гэри смотрел на Пенджию и пытался понять, чем поразила его эта планета. При взгляде с орбиты она ничем не отличалась от типичного имперского мира со сверкающими синими морями и обширными плоскими равнинами, представлявшими собой поля зерновых и прекрасные сады. Было ясно, что небольшие городки не играют здесь важной роли. Должно быть, это буколическое место не менялось в течение нескольких тысяч лет. И все же широкие плодородные долины казались Гэри странными, потому что теперь он знал, откуда взялись эти геометрически безупречные участки. Их создала невероятная машина. Ему представилось время — не такое уж далекое, по галактическим масштабам, — когда с неба лился искусственный огонь, выжигая и превращая в пыль целые водоразделы, прокладывая идеальные русла рек, а потом засевая поля новой Пенджии семенами растений, необходимых колонистам.

И гут Гэри осенило.

«Я видел не так уж много „типичных“ имперских миров. Почти всю свою жизнь я носился

по Галактике, изучая странное, пытаясь понять отклонения от законов психоистории. Стремясь учесть все разнообразие миров, все исключения и отразить их в нашей развивающейся модели. Меня никогда не тянуло посещать неинтересные места, где рождается подавляющее большинство человеческих существ. Где люди живут почти той же жизнью, что и их предки, и умирают более-менее довольные или недовольные собой — в зависимости от собственных личных драм».

Даже Геликон, на котором Рэри провел свои юные годы, все считали аномалией. Хотя основу экономики планеты составляло сельское хозяйство, здесь процветало строительство коттеджей. По счастливой случайности, на Геликоне рождалось множество математических гениев, впоследствии становившихся меритократами или бюрократами. Ничего странного, что Дэниел выбрал это место для поиска и эксперимента!

«Может, это место и типично, но я больше не убежден, что данное слово имеет какой-то смысл». Чувствовать смирение в его возрасте было удивительно удобно. Конечно, все эти странные мысли могли быть результатом недавнего сеанса омоложения. Гэри ощущал, что его конечности налились новой силой, походка

стала уверенной, а это в немалой степени способствовало хорошему настроению, которого он, по иронии судьбы, не хотел признавать, зная, что обретенная бодрость имеет чисто искусственное происхождение.

И все же мысль о том, как мало он изменился, заставляла Гэри удивляться. «Я по-прежнему старик. Мои взгляды не изменились. Я чувствую, что мне добавили немного сил, но искренне сомневаюсь, что это продлит срок моей жизни. Неужели между достижениями ренессанса, о которых рассказывала Сибил, и тайной биотехнологией, развитой кельвинистами за века пребывания в подполье, почти нет разницы?"

Гэри смутно чувствовал — если только это не было сном, — что, пока он лежал в большом белом ящике, у него взяли столько же, сколько и дали. Случилось нечто более важное, чем ожидалось.

Изображение красивой голубой планеты в иллюминаторах становилось крупнее: Р. Горнон Влимт вел «Гордость Родии» на посадку. Почему-то во время спуска все смотрели на восток. Никого не интересовал запад, хотя картины были практически одинаковыми. Джени Кьюсет сидела в подвесном кресле, едва двигалась и поочередно боролась с приступами жара и озноба.

Хорис Антик не сводил глаз с раскинувшейся внизу панорамы и возбужденно делился с Бироном Мейсердом соображениями о том, как была создана эта местность. Гэри хорошо понимал жадное интеллектуальное наслаждение, которое испытывал маленький бюрократ, но все же слегка посмеивался над своими молодыми друзьями.

Сибил и Планш сидели у переднего окна и негромко бормотали. Гэри догадывался, что их заботит. Младшие члены команд ктлинского корабля и «Гордости Родии» недавно были загипнотизированы Р. Горноном и приняли порцию лекарства. Эти люди выполняли свои обязанности с таким видом, словно проглотили язык. Было ясно, что они ничего не помнят о невероятных событиях последней недели.

«Сибил и Планш гадают, когда настанет их черед, — размышлял Гэри. — Они либо пытаются придумать план, который позволил бы им избежать этого, или сговариваются послать тайную весть друзьям. Я знаю это, потому что на их месте сам поступил бы так же».

Антик и Мейсерд казались менее озабоченными. То ли они рассчитывали на заступничество Селдона, то ли просто заслуживали большего доверия. Похоже, никто из них не собирался под-

держивать то, что может вызвать хаос. И все же Гэри был настороже.

«Р. Горнон действует так, словно у них с Дэниелом одна цель. И все же он убил одного из агентов Дэниела и улепетывает, будто боится попасть в руки Бессмертного Слуги».

Видимо, тут были свои сложности, которые Гэри никак не мог ухватить. Едва ли Бирону и Хорису следовало слишком уповать на то, что дружба с Гэри позволит им сохранить память о происшедшем.

Планш и Сибил пришли к какому-то выводу. Они подошли к Гэри, угрюмо сжав челюсти.

— Мы признаем, что вы снова выиграли, Селдон, — сказала женщина с Ктлины. — Поэтому давайте заключим сделку.

Гэри покачал головой.

— Говорить о том, что я что-то выиграл, — явное преувеличение. Честно говоря, эти последние «победы» обошлись мне куда дороже, чем вы думаете. Кроме того, с чего вы взяли, что я нахожусь в той позиции, когда можно заключать сделки? Гораздо проще навязать ее силой.

На лице Сибил отразилось разочарование, но космический торговец Морс Планш остался непреклонным.

— Мы не понимаем происходящего, но наши возможности ограничены. Даже если вы не можете отдавать команды этой штуковине, — он кивнул в сторону Р. Горнона, — то все же имеете на него кое-какое влияние. Эти тиктаки высоко ценят вас.

«Вернее, пытаются оценить, насколько я могу быть им полезным», — с непонятной горечью подумал Гэри. Конечно, это было несправедливо. По-видимому, все роботы, даже враги Дэниела, по какой-то причине чтили Гэри больше, чем кого-либо из представителей его расы. Он был близок к идеальному облику знающих и искусных хозяев, которые существовали в заселенной людьми Вселенной много тысячелетий назад.

«Лишь бы это пошло мне на пользу, — иронически подумал он. — И на пользу всему человечеству».

— Что вы предлагаете? — спросил он Морса Планша. Торгаш-капитан охотно перешел к делу.

— Я так понимаю, что этот тиктак-менталик может сделать с нами что угодно. Свалить с ног, накачать лекарствами и стереть память. Но у этого способа есть два недостатка! Во-первых, старина Горнон не получит при этом никакого удовольствия, принимая во внимание этот их

Первый Закон. Конечно, он может оправдаться тем, что действует во имя великой цели, но лично я думаю, что этот кусок олова предпочтет применить какой-нибудь способ, который помешает нам болтать, верно?

Рассуждение показалось Гэри вполне разумным. Планш все хватал на лету.

— Продолжайте.

— Кроме того, если в нашей памяти обнаружится провал, это наверняка заинтересует не только всех наших друзей, но и многих знакомых. На Ктлине есть люди, которые были посвящены в наши планы. Что бы этот робот ни сделал с нашими мозгами, ушлые ребята постараются использовать все новые технологии ренессанса, чтобы уменьшить ущерб. Поэтому Горнону придется либо почти полностью стереть все содержимое наших мозгов, либо утопить нас в нужнике. Другого выхода у него нет.

Гэри не оборачиваясь почувствовал, что к ним подошел Бирон Мейсерд, пожелавший принять участие в беседе.

— Вы убеждены, что на Ктлине по-прежнему правят ваши любимые хаотические революционеры, — сказал аристократ. — Но даже если там все еще свирепствует болезнь, почему вы

считаете, что она затянется так надолго, чтобы ваш план сработал? Особенно сейчас, когда у вас отняли древние архивы?

— А вы недооцениваете видов оружия, которые имеются в арсенале у этого ренессанса. Ктлина не станет сидеть сложа руки, как это сделал Сарк. И не будет такой доверчивой, как Мэддер Лосе. Но даже если она тоже потерпит неудачу, широкая сеть сотрудничающих и сочувствующих будет готова прийти на помощь следующему миру, который попытается вырваться из этой древней ловушки!

Гэри не мог не восхищаться мужеством этого человека и его преданностью идеалам. Их с Планшем отличало только одно — расхождение в оценке того, на что в конечном счете способно человечество. «Я был бы на его стороне и охотно принял участие в заговоре, если бы факты были другими».

Но психоистория показывала, что старая Империя рухнет намного раньше, чем будет достигнута критическая величина, о которой говорил Планш. Как только порвется хрупкая сеть торговли, услуг и взаимной поддержки, у населения каждой планеты появятся куда более серьезные заботы, чем поощрение нового ренессанса. На

первый план выйдет проблема выживания. Зашевелятся аристократы — как всегда бывает во время кризиса — и начнут создавать либо относительно мягкие, либо жесткие деспотические государства. Чуму хаоса остановит нечто не менее страшное. Крах самой цивилизации.

— Продолжайте, Планш, — поторопил Гэри. — У вас есть что предложить?

Торговец кивнул.

— Мы понимаем, что вы не можете дать нам полную свободу. Но было бы предпочтительнее не убивать нас и не стирать нам память. Поэтому мы хотим предложить…

— Взять вас с собой на Трентор?

Морс Планш хотел продолжить объяснения, но его прервал хриплый вопль:

— Нет!

Все повернулись к Джени Кьюсет, которая приподнялась на локтях и попыталась вылезти из подвесного кресла.

— Я не вернусь туда! Они отправят меня на Терминус вместе с родителями! А эта проклятая мозговая лихорадка окончательно добьет меня! Они объявят меня гением и еще сильнее захотят отправить на эту ужасную каменюгу, где я сгнию!

Сибил устремилась к девушке, тронутая ее болью, и попыталась дать ей лекарство, облегчающее страдания. Морс Планш и Гэри обменялись взглядами.

«Планшу не стоит углубляться в детали, — подумал Гэри. — Нет смысла расстраивать бедную девочку. Я уже знаю, что именно он собирается предложить. Есть испытанные методы, которые испокон веков применяли Императоры, чтобы держать людей в безопасной „ссылке“, не выпуская их из столицы. Это слишком рискованно. Возможно, Планш надеется сбежать из тюрьмы, несмотря на то что за тысячи лет это не удалось сделать ни одному заключенному.

Впрочем, может быть, он рассчитывает удобно устроиться в этом космополитическом месте, лишь бы не дать стереть свою память».

Продолжение дискуссии было отложено, когда Р. Горнон обернулся и крикнул:

— Всем пристегнуться! Здесь у них нет умного луча-лоцмана, который ведет корабль на посадку, поэтому она может быть не такой мягкой, как обычно.

Никто не посмел ослушаться. Горнон уже достаточно продемонстрировал свою власть. Пассажиры смотрели на маячивший впереди де-

ревенский космопорт, зная, что многое осталось недоговоренным. Каждый из них чувствовал, что на Пенджии его ждет решительный поворот судьбы.

На краю посадочного поля их ждали шесть крепких мужчин. Гэри сразу узнал в них роботов. Не оставалось сомнений, что они принадлежат к небольшой кельвинистской группе Горнона.

К кораблю, севшему рядом с ангаром, устремились три больших транспорта. В одну машину посадили членов команды Бирона Мейсерда и тех, кто служил на пиратском корабле Морса Планша. Вторая приняла Хориса, Сибил, Планша и Мейсерда; в заднюю часть бережно погрузили кресло с Джени. Их первой остановкой должна была стать местная больница, врачи которой были хорошо знакомы с детской лихорадкой и могли помочь девушке.

Казалось, Горнона ничуть не волнует, что она может рассказать об увиденном. Жертвы детской лихорадки часто страдали странными галлюцинациями, так что никто не принял бы ее болтовню всерьез. Гэри заметил, что двигатели корабля продолжали работать на холостом ходу. Кельвинисты не собирались задерживаться дольше чем на несколько дней.

«Впрочем, этого хватит, если организация Дэниела так же сильна, как прежде». Гэри не мог понять, что заставило еретиков пойти на такой риск.

Гэри и Горнон присоединились к остальным. Лимузин, двигавшийся на автопилоте, устремился к недалеким холмам — видимо, представлявшим собой зону, где жили местные аристократы. Гэри предположил, что там у Горнона есть собственная вилла. Лучшего места для содержания пленников нельзя было придумать.

Когда лимузин проезжал через боковые ворота провинциального космопорта, Гэри обернулся на «Гордость Родии», и обретшие былую зоркость глаза позволили ему заметить нечто странное. Роботы Горнона, остававшиеся на страже, вынимали через пассажирский люк что-то массивное, белое и формой напоминавшее отверстый гроб.

Казалось, что даже коренастые роботы сгибались под тяжестью предмета, который они несли к третьей и последней машине. Их движения были очень осторожными, словно груз был для кельвинистов дороже собственной жизни.

Словно все их надежды были связаны с тем, сумеет ли этот гроб успешно добраться до некоего дальнего пункта назначения…

ЧАСТЬ 5
ПОВТОРНОЕ СВИДАНИЕ

ПЕНДЖИЯ. Мир в секторе Ригель, известный своей прекрасной керамикой, а также некоторыми аномальными формами океанической жизни, которые, как показали недавние исследования, обладают уникальными нейроментальными свойствами. Это сулит надежду органическим существам с иммунной системой, отвергающей обычные симбиотические множественные имплантаты...

Отличительной чертой Пенджии является почти полное отсутствие истории. Похоже, этот скромный сельскохозяйственный мир сыграл какую-то важную роль в нескольких значительных событиях темных веков, но в эпоху Галактической Империи ничем не прославился. Только однажды — в 520 году Междуцарствия — он занимал заметное положение, став после Битвы при Чьеррапсе местом созыва Первого Галактического Комитета по Подготовке Объединения. Какое-то время имя Пенджии было у всех на устах, пока радиопередачи не были заглу-

шены теми, кто…

Однако эта недолгая слава пройма, когда местом оживленных дебатов о судьбе стали другие, более населенные миры. Поэтому вскоре Пенджия впала в…

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 117-е издание, 1054 г. Академической Эры

Глава 1

Р. Зан Ларрин наконец понял пугающий размах долгосрочного проекта Дэниела, направленного на спасение человечества.

— Ты хочешь помочь им объединиться. Создать телепатическую сеть, в которой каждый человек будет связан со всеми остальными.

Бессмертный Слуга кивнул, глядя на шестьдесят человек, с одинаковым задумчивым выражением медитировавших под высоким куполом.

— Ты только представь себе. Никаких раздоров. Конец горечи и эгоистическому соперничеству. Никакого солипсизма. Кто сможет игнорировать чувства других людей, если эти чувства будут полностью ощутимы и станут неотъемлемой частью твоего собственного сознания?

— Один за всех, все за одного, — вздохнул Зан. — Старая мечта человечества. И мы наконец-то сможем ее осуществить.

Но затем Зан посмотрел на сидевших перед ним шестьдесят человек и нахмурился.

— Они находятся в покое и полном единстве, потому что каждый из них снабжен позитронным ментальным усилителем. Ты хочешь сказать, что

в массовом масштабе это невозможно?

Дэниел кивнул.

— Мы не можем себе позволить ставить людей в полную зависимость от машин.

— Но это даст нам возможность взаимодействовать с хозяевами! Роботы и люди будут жить в неразрывном симбиозе!

— В таком симбиозе роль машин с течением времени станет доминирующей, — сказал Дэниел. — Кроме того, посчитай сам, сколько роботов нам придется построить. Это достижимо лишь в случае снятия запрета на саморазмножение. Откроется дверь естественному отбору, дарвинизму, эволюции… и в конечном счете возникновению новых типов роботов-андроидов. Тех, которые будут думать о своих собственных интересах, а не об интересах человечества. Я поклялся, что не допущу этого.

— Нет. Мы не должны позволить людям впасть в полную зависимость от роботов. Это подход космонитов — ересь, о которой предупреждал Элайдж Бейли. Отвращение к ней заставило Жискара совершить то, что он совершил.

В голосе Дэниела прозвучала решимость.

— В конце концов люди будут обязаны стать самостоятельными. Кроме того, есть и другие

причины, о которых я до сих пор не говорил. Причины, связанные с выживанием самой расы людей.

Зан Ларрин на мгновение задумался.

— Дэниел, в таком случае позволь мне экстраполировать данные. После этого я рискну представить себе твой план. Сто лет назад ты начал серию генетических экспериментов над маленькой группой людей. Один из этих проектов позволил получить гения математики Гэри Селдона. Другой — внезапную волну мутантов на Тренторе: людей, обладающих ментальной энергией, которой до того обладали только некоторые роботы.

— Отлично. Ты на правильном пути, Зан, — кивнул Дэниел. — Подумай о том, что происходит у тебя на глазах. Шестьдесят человек, объединенных общей энергией, спокойствием и созерцанием. А теперь представь себе, что это происходит без помощи роботов! Они смогут самостоятельно вступать в ментальный контакт. Образовывать единую душу. Сильную, стойкую и не рассчитывающую на помощь извне.

Зан Ларрин кивнул.

— Дэниел, я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, это куда более желательно. Но подумай о сро-

ках! На получение сильных и многочисленных людей-менталиков. способных служить психическими мостами между городами, территориями и даже планетами, уйдут столетия. Зачем так долго ждать? Мы уже сейчас обладаем средствами, которые могут быть модифицированы и использованы! Почему бы не задействовать их в течение строго ограниченного промежутка времени, пока не появится нужное количество мощных менталиков? Тогда можно будет обойтись без краха Галактической Империи. Если мы перепрограммируем некоторые приспособления, систему можно будет трансформировать буквально за одну ночь…

Дэниел покачал головой, как сделал бы вежливый человек, выражая несогласие.

— Заманчиво. Но последствия были бы катастрофическими. Во-первых, создание единого разума с помощью механических средств означало бы острый конфликт у многих роботов с Первым Законом, их цепи восприняли бы это как «вред». Я проверял эту идею на нескольких роботах твоего класса. Кое-кто испытывал такой же пылкий энтузиазм, как и ты; у прочих она вызывала возмущение и отвращение. Естественно, столь решительная акция вызвала бы новую

гражданскую войну между роботами.

Эта фраза заставила Зана вздрогнуть.

— Надеюсь, ты стер память у роботов, которые отвергли данную идею?

— Да, я принял необходимые меры. И если бы ты отнесся к этой мысли по-другому, сделал бы то же самое с тобой, Зан. Извини.

— Какие могут быть извинения, если речь идет о благе человечества? — спросил Зан и махнул рукой, показывая, что Дэниелу не стоит беспокоиться. — А что во-вторых?

— Людские различия. За последние тысячелетия у небольшой, но статистически значимой группы людей развился иммунитет к практически любому стабилизирующему воздействию, которое мы использовали для борьбы с хаосом. Кроме того, они чрезвычайно устойчивы к ментальному внушению. Представь себе, что скажут эти люди, внезапно увидев, что их друзья, соседи и близкие за одну ночь стали мастерами медитации… Нет, Зан, это не выдерживает критики. Предположим, мы сумеем вовлечь большинство людей в единый ментальный поток. Как будет реагировать на это оставшееся меньшинство?

— Сойдет с ума? Сочтет себя брошенным?

— Или не поймет происшедшего и решит, что

некая враждебная сила превратила их близких в зомби, заставив думать одно и то же. Не забывай, представители этого меньшинства часто бывают очень изобретательны. Они бросят все силы на поиски этой чуждой враждебной силы и борьбу с ней.

— Обнаружат нас. И вступят с нами в войну.

Зан Ларрин представил себе описанное Дэниелом и тут же оценил прозорливость и мудрость Бессмертного Слуги.

— Это новое потрясение основ — точнее, новая жизнь человечества — должно произойти в нужное время, при благоприятных обстоятельствах. Все роботы обязаны понять его необходимость. А все люди — увидеть, насколько оно улучшит их жизнь. Дэниел кивнул.

— Следовательно, сейчас это невозможно. Метаморфоза не может быть осуществлена с помощью искусственных методов. Придется подождать, пока не возникнет достаточно большая популяция людей-менталиков. Пока не рухнет Империя и человечество не погрузится в пучину страданий. И лишь затем, когда люди ощутят жгучее стремление к тому, что сможет объединить и спасти их, настанет время предложить им Гайю.

Зан обернулся и изумленно посмотрел на Дэни-

ела.

— Гайю?

Голос Бессмертного Слуги стал еле слышным, глаза смотрели куда-то за горизонт, словно видели там прекрасное и величественное зрелище.

— А когда каждая планета получит свою Гайю, мы увидим нечто еще более великое. То, что заключит в себе все. Галаксию.

Последнюю фразу он произнес едва ли не шепотом:

— И тогда… возможно… я найду покой.

Глава 2

Два таинственных следа, начинавшихся у облака Тумартин, вели в противоположных направлениях от места, где недавно взорвались миллионы архивов и космические культиваторы, превратившись в мерцающие тучи ионизированной памяти. Было решено, что Дорс полетит по одному следу, а кельвинисты, новые друзья Лодовика, на своем быстроходном корабле направятся по другому.

Это полностью удовлетворяло Дорс, которая была уверена, что чувствует, в каком направлении отправили Гэри.

К несчастью, Лодовик Трема был полностью согласен с ее выбором. Быстро представив Дорс своим новым союзникам, он взял саквояж, прошел по тоннелю, соединявшему оба корабля, и расположился на борту ее яхты как дома!

— Зорма и ее друзья нуждаются во мне меньше, чем ты, — объяснил он.

— Значит, их потребность в тебе составляет меньше нуля! — огрызнулась Дорс.

Трема только улыбнулся, показывая, что спорить он не собирается. Но Дорс уже закусила

удила.

— Трема, обмен информацией должен быть полным и окончательным! Иначе можешь убираться и идти дальше пешком. Валяй, рассказывай об этих твоих союзничках. Сам знаешь, как я отношусь к фанатикам, которые отвергают Нулевой Закон.

Всего лишь пару лет назад одна маленькая секта кельвинистов, обосновавшаяся на Тренторе, решила, что настало время ударить Дэниела Оливо в его самое больное место, а именно сорвать План Селдона. Они заманили в ловушку человека-менталика и попытались с его помощью разрушить замыслы Гэри. Только везение и быстрое вмешательство сорвали этот замысел за мгновение до начала его осуществления.

— Это совсем другая группа, — заверил ее Лодовик. — Ты уже встречалась с Зормой на Тренторе. Только тогда она была в мужском обличье и спорила с планом, направленным против Гэри.

Дорс вспомнила этот эпизод. Да, у того кельвиниста, похоже, была голова на плечах. И все же она не сдавалась.

— Этого недостаточно, чтобы доверять фанатикам!

— А вот некоторые считают настоящими

фанатиками и еретиками роботов Нулевого Закона, — парировал Лодовик. — Ты ознакомилась с воспоминаниями Р. Жискара Ревентлова и знаешь, какой хрупкой была нить, которая вела его и Дэниела, когда они заменяли старую религию новой.

— Гражданская война окончена, Лодовик. Подавляющее большинство уцелевших роботов исповедуют Нулевой Закон, а староверы объединились в дюжины мелких сект, ушедших в подполье и тайно действующих на задворках Галактики. Скажи, во что верят твои новые друзья? Чему они научились за долгое и трудное время эмиграции?

С каждым новым прыжком через гиперпространство рисунок созвездий за бортом менялся. Лодовик улыбнулся.

— Да, символ веры у них довольно странный. Они считают, что, прежде чем решать судьбу наших хозяев, не худо бы спросить, что думают об этом сами люди.

Дорс кивнула. Трема шел к еретическому выводу с того самого несчастного случая. Иначе зачем он отдал ей голову Жискара?

— В принципе справедливо. Но насколько это практично?

— Ты думаешь о хаосе, — ответил Лодовик. — Действительно, Зорме и ее единомышленникам приходится очень осторожно отбирать людей, которым они открываются. Но ведь ты знакома с данными отчетов об изучении людей, которое проводит Дэниел. Больше двух процентов населения уже нечувствительны как к применяемым Оливо факторам отвлечения, так и к зову хаоса. Это одна из причин, которые позволяют Гэри Селдону считать, что организация, базирующаяся на Терминусе, сможет стать достаточной социальной и психологической силой, чтобы преодолеть порог, который до сих пор оказывался смертельным для всех прочих…

Дорс подняла руку, прерывая его.

— Лодовик, все это очень интересно. В других обстоятельствах я охотно познакомилась бы со «зрелыми людьми», с которыми вы, кельвинисты, позволяете себе откровенничать. Но сейчас меня волнует только одно — поиски Гэри Селдона! Ты что-нибудь знаешь о похитившей его группе?

Лодовик кивнул.

— Ты права, Дорс. Старая религия раздробилась на множество мелких сект. У староверов никогда не было харизматического лидера, подобного Дэниелу, который мог бы сплотить их.

Те кельвинисты на Тренторе, руководимые бедным стариной Плассиксом, были поразительно простодушны. Вспомни, как Зорма пыталась отговорить их от этого дурацкого плана. Она найдет способ переубедить группу, которая похитила Гэри.

От вызванного программами псевдоэмоций ужаса по спине Дорс побежали мурашки.

— Ты знаешь, чего хотят похитители?

— Увы, нет. Это необычная группа, намного более хитрая, чем тренторианская, с оригинальными идеями, накопленными за несколько веков. Знания Зормы о них ограничены. Похоже, ее лидеры некогда были заодно с Дэниелом, но какие-то неприятные события заставили их отделиться. Кроме того, Зорма уверена, что они имеют большие виды на твоего бывшего мужа.

Дорс уловила легкий нажим, с которым Лодовик произнес слово «бывшего». Это заставило ее призадуматься. Стоявший неподалеку голопроектор, в котором хранился сим Жанны д'Арк, послал микроволновый импульс, напомнив Дорс о ее обещании.

«Жанна хочет вступить в контакт с версией Вольтера, которую Лодовик хранит в своем мутировавшем позитронием мозгу. Но можно ли

будет доверять симам, если они объединятся?"

А затем ей в голову пришла следующая непрошеная мысль.

«А что подумает Дэниел, когда узнает, что мы с Лодовиком играем за одну команду, хотя и не доверяем друг другу?"

Она покачала головой.

— Тебе известно еще что-нибудь о секте, захватившей Гэри?

— Не слишком много. Во-первых, они не обладают такой осторожностью и ответственностью, как группа Зормы. Во-вторых, они не чета простодушным фанатикам Плассикса. Честно говоря, Дорс, они относятся к тому типу, к которому ты когда-то причисляла меня. Очень хитрые. Умные. Технологически подкованные. — Улыбка Лодовика стала мрачной. — И с какой стороны ни посмотри, совершенно чокнутые.

Глава 3

За последние два дня Морс Планш совершил четыре попытки к бегству. Как ни странно, каждая неудачная попытка только добавляла ему жизнерадостности и уверенности в себе.

«Либо этот человек сходит с ума у нас на глазах, — с любопытством думал Гэри, — либо все это часть некоего плана… Он пробует один способ за другим, чтобы оценить возможности роботов. Выяснить пределы их возможностей. И в том и в другом случае за ним стоит понаблюдать».

Во время последней попытки Планш облачился в самодельный костюм из фольги, которая изолировала трубы центрального отопления виллы. Никто не знал, как ему в голову пришла столь хитроумная мысль, но Планш умудрился миновать несколько датчиков охранной системы и добрался до дороги, которая вела к городу Пенджия. Тут его увидел один из роботов, помогавших Горнону. Гуманоид вежливо, но решительно взял Планша за руку и силой привел обратно. Откинув капюшон своего доморощенного стального одеяния, Морс лукаво улыбнулся Сибил, Мейсерду и остальным и проследовал в

свою камеру с таким видом, словно надсмотрщиком был он, а не робот.

«Конечно, это фарс, — думал Гэри. — У наших тюремщиков есть множество способов усмирить Планша, от усыпления до стирания памяти. Но почему они этого не делают? Чего добивается Горнон, демонстрируя нам свое терпение?"

Гэри вернулся к мыслям о Морсе Планше. Что изменилось бы, если бы этот человек бежал? Будучи преступником, капитан пиратов едва ли рискнул бы поведать свою невероятную историю полиции или средствам массовой информации. Вполне возможно, что возвращаться на охваченную ренессансом Ктлину ему тоже было слишком поздно: ее падение было предсказано заранее. А, ладно… В любом случае кельвинистам, заклятым врагам Дэниела, Селдон ничего не должен. Честно говоря, у него были все причины оттягивать вылет с Пенджии. Но Гэри не имел представления, как этого достичь.

— Я настаиваю на том, чтобы юная леди отправилась с нами, — сказал он Горнону на второй вечер. — Ты сказал, что после короткой остановки конечной целью нашего путешествия будет Трентор. Джени принадлежит родителям. Мы не имеем права оставлять ее у незнакомых людей,

на планете, затерянной в галактической глуши.

Робот Горнон заколебался.

— Она все еще оправляется от болезни.

— Местным врачам удалось сбить жар. Похоже, кризис миновал.

— Да, но следующий этап нашего путешествия может быть опасным. До возвращения на Трентор нам предстоят трудности. Профессор, неужели вы хотите подвергнуть девушку нелегкому испытанию?

Туманное, но зловещее описание предстоящего полета заставило Гэри еще больше желать задержки в надежде, что помощь Дэниела прибудет вовремя.

— Ты должен встретиться с Джени и поговорить с ней, — сказал он Горнону. — Она во многих отношениях представляет собой исключение. Конечным пунктом ее назначения является Терминус. Академии очень нужны такие способные люди.

Честно говоря, Гэри лукавил. Хотя Джени могла стать прекрасной гражданкой бодрой новой цивилизации, создаваемой на дальнем конце Галактики, это не имело никакого значения. Судьба отдельного человека ничего не меняла. Она не оказывала влияния на психоисторические

уравнения, адекватно описывавшие будущее. По крайней мере ближайшие два-три столетия.

Однако Гэри успел понять, что Р. Горнон принципиально отличается от кельвинистов Трентора. Секта этого малого не пыталась сорвать План Селдона. Наоборот, Горнон явно одобрял его. Во всяком случае, до определенной степени. Поэтому аргументы Гэри имели вес.

— Хорошо, профессор. Мы дадим ей отдохнуть еще один день. Но потом нам придется лететь независимо от того, будет ли она готова к этому.

Гэри понял, что большего от Горнона добиться не удастся.

«Ну что ж, Дэниел. Я отвоевал для тебя еще один день. И все же лучше бы тебе поторопиться».

Был один вопрос, который он задать остерегся. Почему робот не захотел использовать для лечения Джени одну из своих «суперсовременных медицинских технологий»? Уж не потому ли, что данная секта верила в минималистский подход и вмешивалась в людские дела только тогда, когда это было абсолютно необходимо для достижения целей кельвинистов?

«Может быть, именно поэтому они и не стали радикально менять меня в своей таинственной омолаживающей машине. Чего бы они ни хотели

от меня, я должен буду сделать это в ближайшие несколько недель. Нет смысла омолаживать такого старого ублюдка, как я, на несколько десятилетий, если достаточно месяца-другого».

Глава 4

Р. Зан Ларрин наблюдал за тем, как корабль Дэниела устремился прочь от Эоса, на мгновение осветив вспышкой озеро застывшей ртути. Робот смотрел вслед, пока быстроходный корабль не сделал первый гиперпространственный скачок, устремившись к мерцающему галактическому колесу. Поскольку этому транспортному средству не требовалось бороздить пыльные закоулки космоса или бороться с притяжением десяти миллиардов звезд, не приходилось сомневаться, что оно достигнет места назначения в рекордно короткий срок.

Сообщение, поступившее от одного из агентов Дэниела, заставило предводителя всех роботов Нулевого Закона развить бурную деятельность, торопливо закончить приготовления к отлету и отбыть, бросив Зану всего несколько слов.

— Оставляю руководство на тебя, — сказал Бессмертный Слуга. — На случай, если я не вернусь к назначенному сроку, вот коды доступа к моим личным базам данных.

— Неужели ситуация настолько серьезна? — с тревогой спросил Зан.

— Действует несколько сил одновременно. Некоторые из них я не принимал в расчет. Есть небольшая, но статистически значимая вероятность того, что я проиграю. Это возможно. Но план, о котором мы с тобой говорили, не пострадает! В наших руках находится последняя надежда человечества на счастье. Правда, перспектива у нее отдаленная. Пройдет много кризисов, прежде чем наши хозяева достигнут единства, объединятся, осознают свой потенциал и снова начнут властвовать над Вселенной.

Зан, зрение которого было столь острым, что позволяло видеть рябь, расходившуюся от гиперпространственного следа Дэниела, целый час следил за кораблем. Теперь он ощущал те же решимость и веру в свою правоту, что и его лидер.

— Я не подведу тебя, — наконец пробормотал он с убежденностью менталика, предсказывающего будущее. — Но не забудь вернуться, Дэниел. Твое бремя нести нелегко.

Глава 5

На третий и последний день Гэри попросил показать ему город Пенджию. Селдону хотелось бросить последний взгляд на нормальное галактическое общество, где еще соблюдались законы

старой Империи, в надежде, что это позволит ему уточнить пару психоисторических уравнений. Р. Горнон Влимт лично сопровождал Гэри, правя открытой прогулочной машиной любимой марки мелких аристократов планетного ранга.

Планета была небольшая, с населением, не достигшим и миллиона человек. Она делилась на несколько уютных маленьких кантонов, каждый из которых жил сам по себе. Хотя основой экономики Пенджии было сельское хозяйство, тут построили несколько фабрик по производству машин, облегчавших жизнь: от холодильников до домашних развлекательных центров, устройство которых за прошедшие тысячелетия почти не изменилось. Применение более чистых материалов позволило сделать их чрезвычайно долговечными. Машины не изнашивались веками. Замена их была делом необычным и даже несколько постыдным, свидетельствовавшим о плохом уходе за фамильным наследием. Поэтому для удовлетворения нужд жителей планеты хватало небольшого числа предприятий, на которых использовался высококвалифицированный труд.

Однако на товары с непродолжительным сроком службы это не распространялось. Все — от керамики до мебели и одежды производилось

гильдиями, которыми управляли цеховые мастера. Их власть над учениками и подмастерьями была непререкаемой. Именно в таких условиях проживало большинство населения Галактики, составлявшее десять квадриллионов человек.

Гэри распознал классические черты и ритм жизни глубоко традиционного, полупасторального общества, которому требовалось совсем немного хороших инженеров и еще меньше ученых. Ничего удивительного, что у него ушло столько времени на поиски ста тысяч первоклассных умов, сейчас переселявшихся на Терминус. Энергетика Пенджии строилась в основном на возобновляемых источниках — солнечном свете, прибое и ветре; единственная протонная электростанция лишь дополняла их. Ходили слухи, что слишком мудреную «атомную» станцию собираются заменить моделью, работающей на дейтерии, менее эффективной, но более простой в обращении.

Гэри вызвал в уме психоисторические формулы и заметил элегантные механизмы отвлечения, использованные пятнадцать тысяч лет назад Дэниелом и его коллегами при создании проекта Галактической Империи. Вооруженный знанием «Детской энциклопедии», он удивлялся тому,

насколько похожи эти механизмы на способы, использовавшиеся в древнем Китае задолго до наступления на Земле первого технологического ренессанса.

Эта доисторическая империя имела систему, называвшуюся «бао цзин» (а в близкой к ней культуре — «гонин-гуми»), чрезвычайно похожую на современную традицию общественной круговой поруки. Вся деревня или кантон отвечали за обучение молодых людей соответствующим ритуалам и правилам поведения. Когда кто-то из членов общины совершал преступление, это покрывало позором всех остальных. Если же юношу раздражал такой конформистский уклад, у него оставался только один выход — завоевать право перейти в Орден меритократов или эксцентриков, потому что большинству членов общины не требовались возмутители спокойствия.

«А вот и еще один хитрый фокус. Меритократам и эксцентрикам мягко, но настойчиво внушается мысль о нежелательности размножения. Это позволяет сдерживать генетический дрейф. Дэниел не упустил ничего».

Добравшись до центра, Гэри и Р. Горнон заметили серые вымпелы, свисавшие со стен местного магистрата.

— Знамена означают наступление недели испытаний, — объяснил робот. — Проведение экзаменов на…

— Я знаю, что означают знамена, — прервал его Гэри.

Ему хотелось расспросить кельвиниста о другом. Похоже, для этого настало подходящее время.

— Когда мы были на борту космической станции, ты приготовил ловушку для моего слуги, Керса Кантуна. Подозреваю, что ты заранее решил отрубить ему голову. Ты сделал это, чтобы он не успел воспользоваться своей ментальной силой и почувствовать опасность?

Внезапная смена темы не застала Р. Горнона врасплох.

— Правильно, профессор. Хотя дар Кантуна не чета дару Дэниела, он поистине чудовищен. Мы не могли дать Керсу возможность воспользоваться им.

— А откуда взялся сатир… шимпанзе? Тот, который убежал с головой Керса?

— Это создание — осколок генетических экспериментов, брошенных Дэниелом с век тому назад. Наша группа пользуется услугами нескольких шимпанзе, потому что роботы-менталики

не умеют читать или воспринимать их мысли. Сатир мог наблюдать за Керсом и устроить засаду, поэтому у нас не было нужды использовать электронные или позитронные приборы.

— А что вы собираетесь сделать с головой моего слуги? Горнон заколебался.

— Извините, профессор, не могу ответить. У вас два выхода. Либо вы примете наше предложение и согласитесь участвовать в новом приключении, либо предпочтете вернуться на Трентор. В обоих случаях нам не хотелось бы стирать вашу память. Поэтому мы решили просто не говорить вам о некоторых вещах.

Услышанное заставило Гэри призадуматься. Значит, во время следующей остановки ему предложат сделать выбор. Роковой выбор. Что ж, слова Горнона звучали обнадеживающе. Эти роботы-еретики относились к нему с большим уважением, чем те, кто пытался изменить его мозг два года назад.

— Ты можешь что-нибудь сказать о нашем пункте назначения? — спросил он.

— Только то, что мы доставим вас в такое место, где начались многие драматические события… и где вы сможете повлиять на их окончание.

Дальше они ехали молча, наблюдая за мирной

жизнью в тихом уголке Империи, созданной Дэниелом. Если Трентор для сопротивления хаосу сделали стальными пещерами, то такие миры, как Пенджия, также снабдили многослойной защитой от тяги к катастрофическому ренессансу. И все же Гэри чувствовал, что чего-то не хватает. Хотя Селдон включил лихорадку в свои уравнения, они по-прежнему не объясняли, каким образом двадцать пять миллионов колонизованных людьми миров могут в течение многих тысяч лет оставаться стабильными, довольными отсутствием знаний о своем прошлом и тем, что дети ведут такую же жизнь, как и их родители. Если роботы появились на заре технологической эры, почему их не изобрели вновь яркие самоучки, студенты и сотрудники миллиарда мелких научных лабораторий, разбросанных по всей Галактике? Тут действовало что-то еще. Некая могущественная сила, помогавшая заглушить возмущения и отклонения, свойственные человеческой натуре.

Когда они возвращались на снятую виллу, Гэри надумал задать еще один вопрос.

— Я кое-что вспомнил… Когда мы находились внутри облака, Керсу Кантуну с большим трудом удалось ментально усмирить Морса Планша.

Я спросил Керса, почему, и он изрядно удивил меня. Ответил, что Планшем трудно управлять, потому что он нормальный. Ты знаешь, что имел в виду Керс?

Робот Горнон пожал плечами.

— Кельвинисты стремятся как можно меньше пользоваться ментальной энергией. В частности, наша секта не любит оказывать влияние на человеческий разум. Правда, я могу высказать догадку. Возможно, Керс говорил о фундаментальном изменении в психике людей, происшедшем…

Машина свернула на подъездную аллею, и Горнон прервался на полуслове. Внезапно Гэри заметил, что ворота открыты… а рядом навзничь лежит чье-то тело.

Горнон резко затормозил, стремительно соскочил с сиденья водителя и опустился на колени рядом с распростертой фигурой. Это был один из роботов, охранявших виллу. Гэри увидел темную жидкость, сочившуюся из нескольких отверстий в черепе.

Горнон быстро провел рукой над телом взад и вперед, не прикасаясь к нему. С его губ сорвался негромкий стон.

— Мой товарищ мертв. Какая-то сила заставила его мозг взорваться.

Гэри был уверен, что угадал правильно.

Прибыл Дэниел!

Горнон выглядел глубоко взволнованным. Он закрыл глаза. «Наверняка мысленно связывается со своими партнерами», — подумал Селдон.

— Это не единственная потеря, — зловеще сказал Горнон и зашагал к дому. — Я должен удостовериться, что среди них нет людей!

Гэри с трудом двинулся следом. Хотя кресло на колесиках Селдону больше не требовалось, он шел медленной и неуверенной походкой старого человека.

Войдя в дом, они увидели, что у подножия лестницы лежит еще один помощник Горнона. Бирон Мейсерд и Хорис Антик отодвинули его к стене. У раненого робота двигались только глаза. Мужчины уставились на Гэри, и Хорис, заикаясь, пробормотал:

— Морс Планш воспользовался какой-то б-б-бомбой, взорвал этих тиктаков и сбежал!

Мейсерд был спокойнее. Со свойственной аристократам уверенностью в себе он объяснил:

— Планш собрал приборчик из невинных с виду частей. Понятия не имею, где он их раздобыл. Когда все было кончено, он предложил нам бежать вместе. Сибил согласилась, а мы решили

остаться.

Когда Горнон склонился над изувеченным роботом, Хорис Антик начал грызть ногти.

— Он… с ним все будет в порядке?

Горнон соединился с коллегой. Не прерывая зрительного контакта, он бросил:

— Должно быть, Планш уже имел дело с роботами. Наверняка изучал их в новых лабораториях на Ктлине. И сумел создать какое-то оружие, непосредственно действующее на наш позитронный мозг. Очень толково. Придется расчленить моего друга, понять, как оно действует, и придумать защиту.

Пока люди переваривали это заявление, Горнон поднялся на ноги и сообщил:

— Нет смысла искать Сибил и Планша. Нужно ускорить наше отбытие. Пожалуйста, соберите вещи. Мы отчаливаем немедленно.

Когда машина с четырьмя пассажирами тронулась в путь, Гэри проявил настойчивость:

— Нужно заехать за Джени.

Горнон уже готов был ответить отказом, но тут вмешался Мейсерд.

— Возможно, Планш и Сибил затаятся, пока не свяжутся со своими сторонниками. Не думаю, что они рискнут рассказать свою историю публике.

Но вдруг?..

— Едва ли, — с запинкой промолвил Антик. — То есть я на их месте болтать не стал бы. Что это им даст, кроме направления в психиатрическую больницу? — Он нахмурился. — Правда, я не создание хаоса.

— Именно. Они руководствуются другой логикой.

— Пожалуйста, объясните, — попросил Р. Горнон. — Какое отношение это имеет к Джени Кьюсет?

Ему ответил Мейсерд:

— Сибил с каждым днем становилась все более нервной. Она может обратиться в средства массовой информации... и использовать Джени как свидетеля.

Гэри считал, что Горнон боится преследования помощников Дэниела больше, чем фантастических слухов, которые распространятся благодаря местным СМИ. Однако, как ни странно, логика Мейсерда убедила робота. Горнон направил машину к городской больнице.

Бирон и Хорис поднялись в палату и застали Джени полностью одетой. Как обычно, девушка вихрем носилась по комнате и ругалась с врачами, которые настаивали, чтобы она осталась.

Увидев Мейсерда и Антика, она бурно обрадовалась и с энтузиазмом приняла приглашение присоединиться к ним. Это отнюдь не привело в восторг Гэри и Горнона, которые наблюдали за ней из окна машины.

— Ну что, м'лорд, наш договор остается в силе? — спросила она Мейсерда. — Перед возвращением на Трентор вы высадите меня в каком-нибудь интересном месте?

Аристократ с Родии выглядел огорченным. Машина ехала к космопорту, пробираясь между другими транспортными средствами.

— Мне очень жаль, Джени, но я больше не командую собственным кораблем. Я даже не знаю, куда мы сейчас полетим.

Джени повернулась к Горнону. — Эй, робот! Куда ты нас тащишь?

— В место, которое по собственной воле не выберет ни один гражданин Империи, находящийся в здравом рассудке, — невозмутимо ответил Горнон. — А затем обратно в столицу.

Расстроенная Джени стала разглядывать свои руки и что-то бормотать себе под нос об аристократах и их обещаниях, которые не стоят выеденного яйца. Бирон Мейсерд вспыхнул, но промолчал. Когда Гэри обернулся к девушке и по-

пытался утешить, Джени метнула на него такой взгляд, что бедняга чуть не проглотил язык.

Все погрузились в молчание.

Когда машина остановилась у светофора, Джени внезапно испустила воинственный клич. Прежде чем кто-либо успел опомниться, она перепрыгнула сиденье, выскочила в заднюю дверь и опрометью побежала через дорогу.

— Стой! — крикнул Р. Горнон Влимт. — Тебя задавят!

Гэри, затаив дыхание, следил за тем, как Джени чуть не переехал грузовик. И все же она благополучно добралась до своей цели — многоэтажного дома, с портика которого свисали серые знамена.

Горнону понадобилось несколько минут, чтобы развернуться и припарковаться на стоянке для автомобилей касты аристократов. Все четверо устремились в здание, но были остановлены человеком в форме, похожей на мундир Антика.

— Господа, боюсь, сегодня магистрат закрыт для посещений. Здесь идут вступительные экзамены Имперской гражданской службы.

Гэри выгнул шею и заметил Джени Кьюсет. Та стояла в конце вестибюля и что-то лихорадочно писала на пюпитре. Затем она показала свой идентификационный браслет другому клерку в

сером мундире. Стеклянный барьер раздвинулся, и Гэри мельком увидел комнату, где за столами сидела сотня с лишним людей. Большинство было встревожено. Они готовились к экзамену, который был их единственным шансом выбраться из этого стоячего болота.

— Она еще не полностью оправилась от болезни и не готовилась специально, — заметил Хорис Антик. — Но сомневаться не приходится: экзамены она сдаст с блеском. — Коротышка обернулся к Гэри. — Профессор, кажется, она избежала судьбы, которую ей готовили остальные. Никто не имеет права помешать ей в день испытаний, даже сам Император. А когда она войдет в число «Серых», вы не сможете прикоснуться к ней. По крайней мере, пока не подадите заявление, оформленное в трех экземплярах. Таков закон, который будет действовать до конца этой эры.

Гэри посмотрел на коротышку, удивленный его тоном. В голосе Антика звучала гордость. К плечу бюрократа был прикреплен чип, который «Серые» иногда надевали, разговаривая с высшими чинами Ордена меритократов.

Бирон Мейсерд фыркнул:

— Ну что ж… Скатертью дорога. Если она вынесет такую жизнь, то уж попутешествует вволю.

Гэри вздохнул. Эта девушка никогда не узнает, какие захватывающие приключения ждали ее на далеком Терминусе… том самом месте, куда она отчаянно не хотела попасть.

Стеклянный барьер сомкнулся. Джени посмотрела на них с улыбкой, затем отвернулась и пошла навстречу судьбе, которую выбрала самостоятельно…

Глава 6

Дорс искала оправдание тому, что сделал Дэниел в начале галактической эры.

— Может быть, они с Жискаром просто не смогли найти людей, способных их понять. Может быть, они пытались посоветоваться с некоторыми из хозяев, но обнаружили, что…

— Что они безумны? Все поголовно? Как на Земле, так и в мирах космонитов? Не смогли найти ни одного человека, с которым можно было бы побеседовать, перед тем как принять Нулевой Закон и составить план, изменивший весь ход истории?

Дорс на мгновение задумалась, а затем качнула головой.

— Подумай сам, Лодовик. Все жители Земли забились в стальные катакомбы, скрывшись от солнца, травмированные и не опомнившиеся от какого-то удара, поразившего их несколько поколений назад. Космониты были немногим лучше. На Солярии они впали в такую зависимость от роботов, что муж и жена едва притрагивались друг к другу. На Авроре почти все человеческие инстинкты стали считаться проявлением

безвкусия. Хуже того, космониты желали уничтожить подавляющее большинство своих дальних родственников только потому, что те жили на Земле. — Дорс покачала головой. — Я вижу в этом два полюса одного и того же безумия.

Космический корабль дрогнул,. автоматически совершая новый гиперпространственный скачок. Дорс инстинктивно подала микроволновый сигнал бортовому компьютеру, удостоверяясь, что все идет нормально, что они не сбились с курса и продолжают идти по слабому следу, оставленному другим транспортным средством.

Лодовик Трема сидел напротив во вращающемся кресле. Роботы не испытывали физиологических потребностей людей, но те из них, кто должен был имитировать хозяев, привыкали вести себя так же и наедине с самими собой, и с представителями своего вида. Лодовик непринужденно раскинулся в кресле, напоминая мужчину, страдающего избытком самоуверенности. Похоже, он делал это намеренно, хотя Дорс не могла понять зачем.

— Возможно, Дорс. Но опыт подсказывает мне, что зрелых и относительно здоровых психически людей можно найти в самых суровых и неблагоприятных условиях. Например, я встречал таких

на хаотических мирах. Даже на Тренторе.

— Но на заре нашей эры все обстояло намного хуже. Куда более ужасно, чем мы можем себе представить.

Дорс понимала, что ее аргументы не выдерживают критики. В конце концов, она сама бросила Дэниела, когда узнала, как мало его планы зависят от желания людей. У нее с Лодовиком было больше точек соприкосновения, чем ей хотелось.

«Неужели я слишком горда, чтобы признать это?» — подумала она. Будь Дорс настоящей женщиной, самодовольство Тремы и его уверенность в себе довели бы ее до белого каления. Похоже, Лодовик нарочно дразнил ее, чтобы заставить защищать Дэниела.

Робот-мужчина покачал головой.

— Допустим, что во время принятия Дэниелом и Жискаром Нулевого Закона все люди без исключения были безумны. Но теперь, оглядываясь назад, ты не думаешь, что прописанное ими лекарство было чересчур сильным?

Дорс сделала бесстрастное лицо. Письменных памятников той эпохи почти не сохранилось. Свидетельств о ней не было даже в тайных архивах и подпольных энциклопедиях, которые

веками готовили те, кто сопротивлялся распространению амнезии. Но недавно она узнала правду.

Когда Р. Жискар Ревентлов дал «добро» на радиоактивное заражение земной коры, он хотел заставить население его родной планеты выйти из стальных трущоб и отправиться завоевывать Галактику. Цель была похвальная, но чего это стоило?

Корабли того времени были примитивными. С помощью геркулесовых усилий удавалось отправить в космос три миллиона эмигрантов в год. При таких темпах на эвакуацию планеты ушло бы пять тысяч лет — без учета естественного прироста. А постоянно усиливавшаяся радиоактивность окончательно отравила бы Землю за век с небольшим. При любом исходе событий смертность должна была быть ужасающей, причем не только среди людей, ведь было и множество других видов жизни, уничтоженных на Земле.

Ничего удивительного, что Жискар покончил с собой, несмотря на поддержку Нулевого Закона. Ни один робот не вынес бы бремени стольких смертей. При одной мысли об этом мог взорваться любой позитронный мозг. Все роботы независимо от их религиозной принадлежности были

обязаны чувствовать непреодолимое стремление стереть память об этом эпизоде. Вытравить ее навсегда.

Поразмыслив над этим, она наконец пробормотала:

— Может быть, безумие было свойственно не только людям. Лодовик, расположившийся на другом конце маленькой рубки, кивнул. Его голос был таким же приглушенным.

— Именно это мне и нужно было от тебя услышать, Дорс…

Понимаешь, я пришел к выводу, что за типичным для роботов самоуничижением скрывается худший вид гордости. Убеждение в том, что мы коренным образом отличаемся от людей. Рабы часто считают себя умнее и талантливее своих хозяев. Но, в конце концов, разве люди не сделали нас по своему образу и подобию? Верно, мы обладаем большей силой и продолжительностью жизни, но значит ли это, что мы не страдаем теми же недостатками? Разве мы не можем быть столь же безумными? То есть выжить из нашего позитронного разума?

Улыбка Лодовика — на этот раз теплая и грустная — напомнила ей улыбку Гэри.

— Дорс, двадцать тысяч лет назад что-то слу-

чилось. Случилось со всеми нами, не только с людьми. И мы никогда не будем уверены в своей правоте, если не узнаем правды о тех давно прошедших днях.

Глава 7

В этот раз все почему-то следили за стартом с планеты Пенджия через иллюминаторы, обращенные на запад. Приятный маленький мир, неотличимый от миллионов других, удалялся от «Гордости Родии», устремившейся к следующему пункту назначения, название которого Р. Горнон все еще отказывался сообщить.

— Доктор Селдон, я хочу кое-что показать вам, — сказал робот, когда корабль начал подниматься по спиральной орбите.

Во время подъема Гэри продолжал думать о юной Джени Кьюсет. Это неизбежно навело его на мысли о других членах Академии, которых в этот момент загоняли на транспорты, отправлявшиеся к далекому Терминусу. Неужели прошел всего месяц с тех пор, как он закончил составлять послания для этого отдаленного мира, которые должны были прозвучать в моменты кризиса, предсказанные его уравнениями, когда одобрение или мягкое убеждение со стороны отца психоистории могло помочь Академии стать великой и прочной цивилизацией? Может быть, тело Гэри немного омолодилось, но его душа

стала старше.

— Пожалуйста, Горнон, оставь меня в покое. Селдон ощутил прикосновение руки к своему локтю.

— Профессор, я уверен, что вы захотите это увидеть. Вам будет достаточно подойти к восточному иллюминатору.

Почему-то это предложение показалось Гэри вызывающим. Его уже тошнило от понуканий этого проклятого кельвиниста! Но не успел он ответить резким отказом, как Горнон добавил:

— Думаю, что смогу показать вам решение одной из самых острых психоисторических проблем. Той, которая не давала вам покоя многие десятилетия. Если сумеете справиться с кипящими внутри чувствами, ваши усилия будут вознаграждены.

Удивленный словами Горнона, Гэри позволил подвести себя к окну, расположенному напротив того, в которое смотрели Мейсерд и Хорис.

— Будем надеяться, что зрелище того стоит, — пробормотал Гэри.

Он видел величественную панораму, но не мог понять, чем та отличается от картины, которую видели Хорис и Мейсерд. Уменьшающаяся планета внизу и россыпь немигающих звезд наверху.

— Ничего не вижу. Если это шутка, то…

— Сейчас вы увидите обещанное. Но сначала вы должны позволить мне небольшую вольность.

Робот протянул Гэри переливающийся предмет, имевший форму тесного шлема и выглядевший так, словно он сделан из бесчисленного множества самоцветов. Горнон попытался надеть его на голову Селдона.

— Убери это прочь, ты, манекен со ржавыми… Но Р. Горнон не подчинился.

— Мне очень жаль, профессор, но ваш приказ не имеет силы. Он противоречит высшему благу человечества и, следовательно, может не приниматься во внимание. Тем более что это не причинит вам вреда.

Горнон был столь силен, что без труда надел на Гэри шлем, не причинив Селдону ни малейшей боли, а затем мягко, но настойчиво подвел его к окну. Внезапно Гэри почувствовал, что все его раздражение как рукой сняло. «Что со мной происходит?"

— А теперь, профессор, будьте любезны посмотреть снова. Гэри вздрогнул. Он провел многие годы в компании роботов, знал тайны, которыми они делились с немногими людьми, и даже был мужем одной из них. И все же ментальное

воздействие продолжало казаться ему отвратительным.

— Что со мной делает эта штука? — Он был спокойнее, чем раньше, но все еще немного волновался.

— Она не управляет вами, профессор. Это скорее щит, прикрывающий ваш разум от мощного поля, пронизывающего данный регион.

Длинный палец Горнона указал на тот клочок космоса, который они рассматривали несколько мгновений назад. Но теперь Гэри видел там то, чего не было раньше! Точнее, то, чего он прежде не замечал.

Он уставился на некое подобие орбитальной станции, какие использовали для охвата коммуникациями всей поверхности планеты или передачи с корабля на корабль какого-нибудь особого груза. Только у этой станции не было ни переходных камер, ни сложных антенн. По приказу Горнона экран увеличил изображение и показал поверхность станции, испещренную таким количеством шрамов от попадания микрометеоритов, что сразу стало ясно: этот объект очень древнего происхождения. «Похож на кузена тех культиваторов, которые мы видели в облаке Тумартин, — подумал Гэри. — Кажется,

эта реликвия дрейфовала здесь тысячи лет. Но тут кроется какая-то тайна. Почему я не заметил ее сразу?"

Селдон чувствовал, что Горнон следит за ним. Гэри никогда не нравились экзамены. Это было одной из причин, заставивших Селдона закончить университет в двенадцать лет: ему хотелось поскорее превратиться из ученика в учителя. Но сейчас он ощущал возбуждение.

«Что там обещал Горнон? Ответ на один из мучивших меня вопросов?"

Ну да, существовала проблема коэффициентов отвлечения. Полного понимания всех факторов, которые пятнадцать тысяч лет использовал Дэниел для поддержания стабильности и безопасности Галактической Империи. Гэри понимал, каким образом обеспечивают консерватизм традиции «бао цзин» и система мастеров-подмастерьев. Социальная структура пяти каст добавляла элегантности. Той же цели служили искусно спроектированные лингвистические усовершенствования Галактического Стандарта — языка столь избыточного, что новые слова и понятия внедрялись в него со скоростью ползучих ледников.

Тем не менее проблема оставалась. Всего этого

было недостаточно. Ничто не объясняло, каким образом можно так долго сохранять покой и безмятежность на двадцати пяти миллионах планет.

— Ты хочешь сказать… что та штуковина…

Гэри поднес руку к голове и приподнял край шлема. Его тут же затопила волна эмоций. Внезапно он люто возненавидел робота и отчаянно захотел отвернуться от панорамы. Вернуться к друзьям и уставиться в иллюминатор, смотревший на запад.

Гэри позволил шлему опуститься на место. Раздражение моментально исчезло. Он хрипло прошептал:

— Ментальное внушение! Ну конечно… Если это могли делать Дэниел и некоторые из его собратьев, почему нельзя было наладить производство специальных позитронных мозгов для каждого мира? Двадцать пять миллионов — не такая уж большая цифра, особенно если у тебя в запасе есть тысячи лет…

Он обернулся и искоса посмотрел на Горнона.

— Неужели это возможно? Держать под контролем население целой планеты?

Робот улыбнулся.

— Не только возможно, профессор. Этот метод

был испытан самым древним роботом-менталиком на свете. Р. Жискар Ревентлов первым додумался использовать данный прибор для оказания влияния на все население планеты. Нужно было получить нервные электрические характеристики каждого, просеять их, а потом оказывать мягкое, но неуклонно повторяющееся влияние, постепенно приближаясь к спектрам резонанса, которые символизируют спокойствие. Единодушие. Доброжелательность. Достаточно сказать, что эти машины названы в честь Жискара. Они стоят на страже мира и покоя человечества… Подозреваю, что в ваших уравнениях для них уже приготовлено место.

Гэри кивнул. Он не отрывался от иллюминатора, но уже ничего не видел. Ум Селдона был занят математикой. Все тут же встало на свои места. Так вот почему большинство извержений хаоса не успевало причинить вреда и гасло само собой, как гаснет огонь в отсутствие кислорода! Вот почему так мало людей обитает на мелких планетах, хотя для жизни пригоден любой астероид хоть на краю света. Жизнь в глубоком космосе несовместима с механизмами отвлечения. Естественно, поощрять ее не следовало.

«И все же эти „Жискары“ работают не так хо-

рошо, как работали в незапамятные времена. Взрывы хаоса стали более частыми, несмотря на все попытки подавить их. Остановить волну заразы сможет только падение Империи. Через несколько лет эти устаревшие методы неизбежно исчерпают себя».

Он представил себе, что могло бы случиться, если бы это устройство ментального убеждения когда-нибудь было выведено на орбиту Терминуса.

«Это не оказало бы на энциклопедистов большого влияния. Мы отбирали их для сопротивления давлению темных веков от феодализма до фанатизма. Даже если бы этот ментальный излучатель повлиял на большинство граждан Академии, они не позволили бы себе долго ходить по струнке. Индивидуалисты, которым призыв к конформизму что нож острый, начали бы вынюхивать каждую аномалию и в конце концов обнаружили бы эту штуку. Дэниелу придется заставить все эти „Жискары“ самоуничтожиться в ближайшую сотню лет, иначе мои ребята найдут их!» И тут Гэри с удивлением понял, что отчаянно гордится своим первым и величайшим созданием. Забавно… Ему казалось, что открытие последнего и самого значительного коэффициен-

та отвлечения будет более волнующим. Но в этом способе управления обществом не было ничего элегантного. Он не мог тягаться с психоисторией. Скорее это была дубинка, способная сшибать ветки, лишние, с точки зрения математики, и силой загонять обратно в рамки уравнения, описывающие поведение людей.

«Немного похоже на мою Вторую Академию», — подумал он, испытывая удовлетворение от собственной иронии.

— Горнон, я знаю, что ты с самого начала собирался сделать это. Должно быть, у тебя была некая хитрая причина показать мне «Жискары». Тем не менее прими мою благодарность. Всегда полезно увидеть проблеск истины. Даже перед смертью.

Их пилот обещал, что следующий этап путешествия будет коротким. Горнон отказывался давать более точные ориентиры, но когда они приблизились к сектору Сириус, Гэри с болезненной ясностью понял, где именно закончится их полет.

Он проводил время, уткнувшись в «Детскую энциклопедию». Листал ее почти наугад, руководствуясь извращенным желанием обнаружить запретные идеи, которые он долго считал предрассудками или вздором.

«Почти столь же опасным является „Евангелие Единообразия“. Различия между нациями и расами человечества требуется сохранять, так как они есть условие дальнейшего развития прогресса. Одним из главных факторов естественного отбора у животных была тяга к странствиям… Физические странствия еще сохраняют свою важность, но тяга человечества к приключениям духа и мысли, страстным чувствам и эстетическим переживаниям намного важнее. Разнообразие человеческих сообществ — это горючий материал для Одиссеи человеческого духа. Другие нации, обладающие другими привычками, не являются врагами; наоборот, это благословение свыше».

Поразительный взгляд на вещи! Такие утверждения можно было услышать только от священнослужителей хаоса, воспевавших каждый ренессанс, пока тот не рушился в бездну насилия и не заканчивался очередным приступом солипсизма. Эти мысли звучали заманчиво. Попадались даже варианты психоисторических уравнений, в которых имелась крупица истины. Но когда хаос становился врагом, эти достойные мысли приходилось забывать. Каждый, кому пришло бы в голову петь хвалу различиям и дерзости человеческого духа, мог в мгновение

ока потерять все.

По мере приближения к месту назначения Гэри все глубже погружался в изучение тенденциозно изложенных фактов, пытаясь представить себе, на что мог быть похож первый взрыв хаоса, когда бодрая и самоуверенная цивилизация Сьюзен Кельвин испытала такой ужасный крах, что земляне бежали в стальные пещеры, а космониты отвернулись от любви.

«Может быть, это было как-то связано с изобретением роботов?» — ломал себе голову Гэри.

Пару раз он обсуждал эту тему с Дэниелом и Дорс. Они говорили ему, что изначальные Три Закона роботехники были созданы для того, чтобы развеять страх людей перед искусственными созданиями. Но сами создатели роботов считали эти Законы лишь временной мерой, за которой должно было последовать нечто лучшее.

— Был испробован ряд вариантов, — сказал Дэниел Гэри однажды вечером лет десять назад. — На некоторых планетах колонистов через несколько веков после начала Великой Диаспоры появились группы людей, попытавшихся ввести так называемые Новые Законы и дать роботам больше автономии и индивидуальных различий. Однако вскоре наша гражданская война положи-

ла конец этим экспериментам. Кельвинисты не могли примириться с ересью равенства, которую они считали еще более вредной, чем мой Нулевой Закон. А моя группа считала всякие нововведения ненужными и излишними. Естественно, все роботы Нового Закона были истреблены.

Вечером за обедом Горнон признался в том, о чем Гэри уже давно догадался. Местом их назначения был материнский мир, родина и людей и роботов. Хорис грыз ногти.

— Но разве он не отравлен, не покрыт радиоактивной почвой? Я думал, что вам, тиктакам, запрещено подвергать людей опасности.

Гэри припомнил картинки из старых архивов, изображавшие умирающий мир: берег, заваленный мертвой рыбой… почти пустой город, по которому гуляет ветер, разнося пыль и мусор…

— Я уверен, что короткий визит не повредит нам, — откликнулся Бирон Мейсерд. Глаза аристократа сияли от любопытства. — А что, разве на этой планете не живут остатки людей? По слухам, там когда-то был отличный университет, работавший в течение нескольких тысяч лет после Великой Диаспоры. Говорили, что его закончил один из моих предков.

Горнон кивнул.

— Местное население существовало там до тех пор, пока Тренторианская Империя не стала Галактической. Однако это были странные люди. Обижались на то, что потомки кузенов, улетевших к звездам, забыли об их существовании. В конце концов большинство остававшихся там людей было эвакуировано, когда выяснилось, что земляне готовятся начать войну и разрушить ненавистную им Империю.

Хорис Антик недоуменно захлопал глазами.

— Одна планета надеялась уничтожить двадцать миллионов?

— Согласно нашим записям, угроза была вполне серьезной. В руках землян-радикалов оказалось старинное биологическое оружие огромной силы, такое сложное, что даже лучшие биологи Трентора были беспомощны. Фанатики хотели распространить его с помощью гиперпространственных снарядов и сделать Империю неуправляемой.

— И какое влияние эта болезнь оказывала на людей? — сдавленным голосом спросил Гэри.

— Она должна была вызвать внезапное катастрофическое падение коэффициента интеллекта на каждой планете, находящейся в зоне обстрела. — Было видно, что роботу больно говорить

об этом. — Многие просто умерли бы, а другие почувствовали бы неодолимое стремление отправиться в другие места, искать новые жертвы и обнимать их.

— Ужасно! — пробормотал капитан Мейсерд.

Но Гэри уже видел на два хода вперед. «Горнон не сказал бы этого без крайней необходимости. Должно быть, оружие землян было создано гораздо раньше. В эпоху великих открытий».

Следующая мысль заставила Гэри вздрогнуть.

Через несколько часов они прибыли на место. С большого расстояния, прикрытая своей фантастической луной, Земля казалась похожей на любой другой обитаемый мир, представляющий собой невообразимую смесь оттенков коричневого, белого, голубого и зеленого. И лишь с помощью мощного телескопа можно было разглядеть, что большинство растительных форм представляют собой примитивные папоротники и лишайники, которым была не страшна радиация, излучаемая отравленной почвой. По величайшей иронии судьбы, Земля, которая была источником плодородия Галактики, превратилась в голую пустошь. Гроб огромного количества видов, которые так и не добрались до космоса, когда человечество бросилось бежать, спасаясь от гибели. Во время

снижения Гэри понял, что скоро увидит нечто еще более отвратительное, чем «Жискар» — излучатель ментальной энергии, вращавшийся вокруг Пенджии.

Он прошел в каюту за своими талисманами. Один из них подарок Дэниела, «Детская энциклопедия». Но еще важнее был Главный Радиант Плана Селдона, хранивший его любимое детище. Величественный психоисторический проект, которому Гэри посвятил всю вторую половину своей жизни.

Со все возрастающей тревогой он обыскивал свою крошечную каюту, роясь в ящиках и багаже.

Главного Радианта нигде не было.

В этот момент ему отчаянно не хватало бывшего помощника и няньки, Керса Кантуна, убитого собратьями-роботами неделю назад.

«Керс бы знал, где я потерял его», — думал Гэри… пока не понял, что существует куда более правдоподобное объяснение пропажи, чем элементарная рассеянность.

Главный Радиант был украден!

Глава 8

Очень много лет прошло с тех пор, как этот уголок космоса был целью сразу многих звездолетов, все пассажиры которых чувствовали себя посланниками судьбы. Сонный сектор Сириус был переполнен кораблями, стремившимися в одну и ту же точку.

На одном из них летели Сибил и Морс Планш.

— А что, эта старая развалюха не может лететь побыстрее? — нетерпеливо спросила женщина.

Планш пожал плечами. Их корабль был одним из самых быстрых курьерских судов, производившихся на охваченной ренессансом Ктлине, — пока его высшая и наиболее продуктивная фаза не прервалась пароксизмами взаимной ненависти и эгоцентризма, сделавшими дальнейшее сотрудничество невозможным.

Агенты, прилетевшие за Планшем и Сибил на Пенджию, выглядели мрачными. Их рассказы о том, что творится на Ктлине, ничем не напоминали тот бодрый, полный жизни мир, каким он запомнился Морсу. Похоже, несмотря на все предосторожности, хаос начинал превращаться в манию, разрывая общество Ктлины на части

быстрее, чем можно было ожидать. Подтверждалась старая поговорка: яркое пламя сгорает быстро.

«Снова Мэддер Лосе!» — думал он, борясь с гневом. Время, проведенное с Селдоном, не заставило его изменить взгляды. Планш по-прежнему был убежден, что ренессансные миры сознательно разыскивают, изолируют и подавляют силы, которые скорее согласятся на мятеж, крушение и отчаяние, чем позволят развиваться прогрессу.

На ближайшем к Планшу экране сияли четыре точки, следовавшие за его быстроходным кораблем. Остатки военного могущества Ктлины. Команды этих кораблей рвались в последнюю битву с силами реакции, консерватизма и подавления.

— Мы даже не знаем, тащит ли этот робот Горнон с собой Селдона, — сказал Морс Планш. — Агент, как обычно, связался с нами, назвав только код, и скрыл свою настоящую личность.

Сибил сжала руку в кулак.

— Меня это не волнует. Селдон находится в центре всей этой кутерьмы. Уже несколько десятилетий.

Одержимость Сибил Селдоном заставила Планша задуматься. С одной стороны, у нее были

для этого основания. Как бы ни повернулись события, этот старикан является одним из величайших людей Империи. Может быть, самым величайшим за всю ее историю. И все же он так же мало властен над собственной судьбой, как и все остальные. Более того, у него есть слабости. Об одной из них Планшу сообщил тот же таинственный благодетель, который организовал его бегство с Пенджии. Оказалось, что ктлинские корабли уже летят за ними, так что Планш и Сибил оставили Пенджию спустя лишь несколько часов после старта «Гордости Родии».

Попутно Планш узнал еще кое-что. Это тайное знание было чем-то вроде оружия. Той самой крупицей знания, которой Селдону отчаянно недоставало. Тем, чем в критический момент можно воспользоваться как рычагом.

Сибил продолжала твердить о своем желании во что бы то ни стало поймать старика.

— Все роботы чтят Селдона, к какой бы группе они ни принадлежали. Если мы сможем снова взять его в плен — пусть даже при этом он умрет, — это будет местью тиранам, которые угнетали нас тысячи лет. Ничто другое теперь не имеет значения.

Морс Планш кивал, хотя относился к ее ре-

чам иронически. Всего лишь месяц назад Сибил с таким же пылом обличала меритократов и аристократов как представителей «правящих классов». Сейчас она перенесла свое раздражение на Гэри Селдона и роботов.

Увы, Морс не мог отделаться от ощущения, что слишком мало знает. В игре участвовало слишком много сил, использовалось слишком много уверток и хитростей. Даже сейчас Планш подозревал, что ктлинцы, стремящиеся отомстить, могут быть пешками… и играть роль, отведенную им некоей неизвестной силой.

Глаза Ванды Селдон были закрыты, но ей не давал сосредоточиться звук шагов. Она приподняла веко и посмотрела на Гааля Дорника, чье бесконечное расхаживание взад и вперед могло бы стать символом тщетности.

— Гааль, присядь, пожалуйста, — попросила она. — Если ты будешь метаться, дела это не ускорит.

Лицо Дорника все еще сохраняло что-то мальчишеское, хотя за год, проведенный на Тренторе, этот влиятельный член Пятидесяти изрядно устал и слегка обрюзг.

— Ванда, я не понимаю, как ты можешь оставаться спокойной. Ведь он твой дед!

— И основатель нашей маленькой Академии, — добавила Ванда. — Но Гэри учил моего отца, а Рейч передал это по наследству мне: никогда не следует забывать о сверхзадаче. Нетерпение уподобляет тебя остальному человечеству, делая молекулой газа, неистово сталкивающейся с другими молекулами. Но если твой взгляд будет устремлен к далекому горизонту, ты сможешь стать той горстью камешков, падение которых вызывает обвал. — Она покачала головой. — Ты не хуже моего знаешь, что Гэри здесь не главное. Одного страха за его судьбу было бы недостаточно, чтобы мы бросили свои обязанности на Тренторе. Но я сильно подозреваю, что его бегство — не просто старческая эскапада. За этим что-то скрывается.

Ванда ощущала сумятицу чувств, которая владела Дорником. У бедняги не было и намека на защитный экран, прикрывающий психику. Она учила Гааля, но все ее усилия остались тщетными. Конечно, сейчас, когда люди-менталики являются редкостью, это не имеет особого значения. Но в будущем всем членам Второй Академии придется защищать свои мысли и чувства. Ментальный контроль начинается с самоконтроля, иначе нечего и надеяться, что ты сумеешь

воспользоваться им во имя высших интересов человечества.

Гааль Дорник вздохнул.

— Может быть, я не гожусь для этого. Слишком сентиментален. Знаю, ты права, но я не могу думать ни о чем, кроме бедняги Гэри, запутавшегося в паутине, которую он сам помог свить. Ванда, мы обязаны найти его!

— Если мои сведения верны, мы скоро нагоним его.

Гааль слегка успокоился. Он и другие члены Пятидесяти воспринимали слова Ванды буквально даже тогда, когда она высказывала всего лишь предположение. Конечно, ученым должен быть присущ здоровый скепсис, но разве можно не верить члену твоей собственной группы, умеющему читать мысли?

«Не очень-то умеющему, — подумала она. — Наверно, моя сестра делала бы это лучше, если бы они с мамой пережили хаос на Сантанни».

Тем не менее дара Ванды хватило для того, чтобы засечь корабли, следовавшие за ними на значительном расстоянии. То были тяжело вооруженные крейсеры, выделенные Имперским Комитетом Общественного Спасения службе безопасности. Они летели следом, повинуясь

сигналам датчика, установленного на корабле Ванды.

«Они думают, что мы этого не знаем. На самом деле они видят и слышат лишь то, что нужно нам. Что ж, это неплохой повод попрактиковаться в интригах, которыми нам придется заниматься ближайшую тысячу лет».

Они находились в самом начале долгого и трудного пути, на который ступили, повинуясь уравнениям и собственному разуму. Этот путь закончится лишь тогда, когда План Селдона, осуществляемый преданными своему делу психоисториками (в недалеком будущем — менталиками), наконец принесет плоды.

В нескольких парсеках от них находился еще один корабль, стремившийся к Земле. Половина его экипажа состояла из позитронных роботов — умных и умелых слуг. Они тесно сотрудничали с представителями расы хозяев — смертных, но больше не невежественных полубогов. Количество людей и роботов на корабле было равным. Людей, способных к такому сотрудничеству, найти было нелегко; как правило, люди относились к своим партнерам-андроидам свысока. Точнее говоря, их было так мало, что роботам приходилось уговаривать друзей создавать свои

копии, используя для этого секретную технологию. Находившиеся на борту корабля знали, что они являются еретиками. Ни одна из великих культур — ни люди, ни роботы — не признавала идеи равенства.

«Но так будет не всегда», — думала Зорма, одна из руководительниц маленькой секты. Она надеялась, что этот вывод следует из уравнений психоистории. План Селдона мог закончиться счастливо не только для человечества. Для ее расы тоже.

«Однако похоже, что сейчас все находится в руках богов. Тот, кто решает судьбу людей, автоматически решит и судьбу роботов».

— Лодовик не обрадуется, когда узнает, что мы обманули его и не стали преследовать второй корабль, улетевший из облака Тумартин, — промолвила Клодия Дюма-Хинриад, вторая руководительница секты. — Ты прекрасно знала, какой путь избрала «Гордость Родии». А теперь, когда Дорс и Лодовик даром тратят время на Пенджии, мы летим к Земле. — Клодия нахмурилась и вполголоса повторила:

— Лодовик не обрадуется.

Одним из недостатков равенства был необходимость приноравливаться к странностям друг

друга. Люди — даже лучшие из них — не обладали ни логикой, ни памятью. «Конечно, мы сами виноваты. Мы никогда не позволяли им тренировать эти качества».

— Клодия, у нас есть свои источники информации и право пользоваться ими так, как мы считаем нужным. Вспомни, Дорс все еще предана Нулевому Закону — точнее, той его версии, которую она выбрала самостоятельно. А Лодовик вообще не признает никаких законов. Оба восстали против судьбы роботов, определенной Оливо. Но это еще не значит, что они заодно с нами.

— Ты повторяешь мои мысли! В нашей группе и люди и роботы научились пользоваться силой и слабостью друг друга. Для каждого из нас главное — это терпимость и принципиальное нежелание возноситься над остальными. Но Дорс и Лодовик придерживаются других взглядов.

Зорма покачала головой.

— Я еще не знаю, открывает ли их путь новые возможности для каждого или так сложилась только их собственная судьба. Но знакомство с ними заставило меня задуматься.

Ее подруга приподняла бровь.

— О чем, Зорма?

Та ответила после паузы, которая продолжа-

лась почти минуту:

— О том, не устарела ли я. — Потом она посмотрела на Клодию и слегка улыбнулась. — На твоем месте, подруга, я подумала бы о том же самом.

На Пенджии все обернулось скверно.

К счастью, этот пасторальный мирок посещало не так уж много кораблей. Их гиперпространственный след оставался отчетливым. Но псевдоэмоции Дорс Венабили дошли до белого каления.

— Какое-то транспортное средство отбыло отсюда два дня назад, — вслушавшись в себя, задумчиво сказал Лодовик Трема. — А двенадцать часов спустя за ним проследовала флотилия очень быстрых кораблей. Похоже, военных.

Дорс тут же прыгнула в свою яхту и устремилась за флотилией. Когда она рассчитала конечный пункт нового курса, ее тревога за Гэри удвоилась.

— Похоже, они летят на Землю.

Из стоявшего рядом голопроектора донесся тихий женский голос:

— Итак, после стольких лет одна из моих бесчисленных мутировавших копий наконец-то еще раз увидит любимую Францию.

— И Францию Вольтера, — подхватил Лодовик, в сложном позитронием мозгу которого обитала

вторая древняя личность. — Боюсь, знакомыми тебе будут только грубые очертания родной страны. Но я тоже не могу дождаться встречи с ней!

Дорс постаралась скрыть дурные предчувствия. Она слышала столько рассказов о Земле… и в большинстве их слышались священный трепет, сожаление и немалый страх. Там когда-то жил легендарный Элайдж Бейли, человек-детектив, дружба с которым так же запечатлелась в «душе» Дэниела Оливо, как жизнь с Гэри — в памяти самой Дорс. На Земле родились роботы… и там же вспыхнула гражданская война между ними.

Когда они летели через сектор Сириус, Дорс ощутила в мозгу легкое покалывание. Ее нельзя было назвать сведущим менталиком. Дэниел не считал нужным учить ее, но она сумела кое-что почерпнуть у Клии и Бранна, которых опекала на Смашелле. Ее способности находились в зачаточном состоянии, и все же Дорс ощутила легкий резонансный толчок на пси-частоте, обычно слишком слабой, чтобы кто-нибудь мог ощутить ее.

— Чувствуешь? — спросила она Лодовика. Тот кивнул.

— Похоже на жискарианский излучатель.

Естественно, Дорс знала об устройствах мен-

тального внушения, вращавшихся вокруг каждой планеты, заселенной людьми. Мысль о создании и использовании таких гипноизлучателей впервые пришла в голову Р. Жискару Ревентлову много лет назад, и Дорс ощущала их мягкое, но настойчивое влияние повсюду в Галактике. Они без устали внушали обитателям этих планет мысль о ценности мира, покоя, терпимости и конформизма. Ощущение было знакомым… но намного более сильным!

Она битый час пыталась определить местонахождение источника. Тем временем корабль совершал один гиперпространственный прыжок за другим. Наконец Дорс поняла, что источник размазан в пространстве.

— Передатчиков несколько, — сказала она Лодовику. — Они все собраны в пучок и находятся впереди. Я насчитала пятьдесят-шестьдесят.

Трема хлопнул себя по лбу.

— Ох… Должно быть, это миры космонитов! Первые межзвездные колонии людей. Те самые, которые сначала стали опасными, а потом окончательно свихнулись.

Дорс согласилась.

— Я читала отчеты. Прошло несколько тысяч лет, а эти планеты так и остались незаселенны-

ми. В перечнях имперских служб они значатся необитаемыми. Очевидно, жискарианские излучатели поддерживают их в таком состоянии, отгоняя людей.

Эти миры были дороги роботам почти так же, как Земля. Особенно Аврора, где жил великий изобретатель Фастольф, когда-то умолявший людей рассчитывать лишь на собственные силы… и где мерзавец Амадиро замыслил уничтожить все живое на Земле. Сторонники того же Амадиро впоследствии отправили в космос флот беспилотных кораблей-культиваторов с заданием сделать Вселенную безопасной и удобной для людей, чего бы это ни стоило.

Она снова прислушалась к своим ощущениям.

— Я засекла самый мощный излучатель. Он находится прямо перед нами, в конце нашего пути.

Оба понимали, что это значит. Людям больше нельзя было возвращаться на Землю. И все же мощные сенсоры роботов, обладавшие большой дальностью приема, свидетельствовали, что люди именно это и делают, причем как минимум на дюжине кораблей!

Конечно, даже самый обычный человек мог преодолеть мягкое внушение жискарианского излучателя, эффективность действия которо-

го объяснялась не столько силой ментального импульса, сколько неустанным повторением. Некоторое время экипажи кораблей должны были чувствовать что-то вроде мурашек на коже и желания оказаться в каком-нибудь другом месте, но это чувство можно было преодолеть с помощью решимости.

Увы, у Дорс были основания считать, что чего-чего, а решимости всем этим людям, стремившимся на свою древнюю прародину, было не занимать.

ЧАСТЬ 6
КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Наше умение моделировать реальность развилось так, как это и не снилось нашим предкам. Даже ваши знаменитые селдониты, тайно действовавшие на пресловутом Тренторе, не могли себе представить, до какой степени эта способность разовьется в наши дни.

И все же мы должны напомнить себе, что данная способность — как личная, так и достигаемая объединенными усилиями — не делает нас богами.

Это не совсем так.

Теперь, когда долгая и мрачная эпоха забвения осталась позади, мы можем восстановить события, разыгравшиеся на заре нашей эры, и по достоинству оценить усилия трагических личностей, которые сражались с невежеством, способствуя достижению нынешнего состояния прогресса. Их воззрения, часто противоречивые и фанатические, расшевелили стоячее болото, создав условия для перестройки и обновления Галактики. Помните, что большинство этих

людей были так же уверены в своей правоте, как мы — в нашей. Поэтому некоторые из наших нынешних убеждений также могут оказаться заблуждениями.

Только разница точек зрения помогает не впадать в самообман.

Только самокритика гарантирует нас от ошибок.

Фрагмент листовки, выпущенной Сивеннской Коммуной совместных размышлений в 826 г. А. Э.

Глава 1

Горизонт пылал.

Небо планеты Земля мерцало бесчисленными искорками; эти искры соперничали с рассеянными звездами за обладание ночью. Тем, кто находился у поверхности данного мира, могло почудиться тихое потрескивание радиации, интенсивность которой сильно менялась в зависимости от места. На некоторых клочках она была поистине ужасающей. С помощью очков, врученных каждому роботом Горноном Влимтом, эти места можно было обнаружить по зловещему свечению. Казалось, что над ними парят призраки, пытаясь сбежать от измученной земли.

«Гордость Родии» приземлилась в одном из относительно безопасных мест, неподалеку от бывшего города, стоявшего на берегу огромного пресного озера, которое пеной покрывали пурпурно-зеленые водоросли. Гэри, стоявший на вершине огромного кургана из битого кирпича, видел очертания трех древних городов, каждый из которых стоял на руинах предыдущего.

Наименее древний и впечатляющий из них представлял собой мешанину относительно

современных жилищ, построенных под одним куполом в стиле «топан». Этот город был сооружен в эру объединения Тренторианской Империи, когда Земля еще была планетой с довольно приличным населением, составлявшим почти десять миллиардов человек. Южнее стояло гигантское сооружение — город, производивший сильное впечатление как своими необъятными даже по галактическим масштабам размерами, так и древностью. Чудовищный купол, зарывшийся глубоко в землю, когда-то защищал обитателей города от ветра, дождя и зрелища обнаженного неба.

Однако сбиться в кучу тридцать миллионов жителей Нового Чикаго заставила отнюдь не радиоактивность. Когда возник этот город-улей, Земля еще была зеленой и полной жизни. Пустеть он начал лишь тогда, когда плодородная почва внезапно стала смертоносной, — и все, кто мог улететь, бросились в паническое бегство к звездам. А до того устрашающего исхода огромное население теснилось внутри, отделенное от природы лишь тонким слоем стали.

«Что же могло заставить множество людей со сравнительно здоровой (во всем остальном) психикой, забиться под крышу и оградить себя от

благодатного солнечного света? Только смертельный враг, с которым я боролся всю свою жизнь. Этот мегаполис первым получил урок того, что такое хаос».

За огромным приземистым куполом высился третий город, который Горнон назвал Старым Чикаго. Он представлял собой мешанину рухнувших зданий еще более древней эпохи, технологически менее продвинутой. И все же очки Гэри, увеличивавшие изображение, позволяли ему видеть изящно изогнутые арки подвесных дорог. Ничего более смелого и прекрасного он не видел во всей Империи. Некоторые из самых высоких зданий еще стояли; при виде этой дерзновенной архитектуры у Гэри сжималось сердце. Древний мегаполис был построен людьми, обладавшими дерзостью… которой их наследникам из Нового Чикаго явно не хватало. Сокрушить столь чистый дух могло только что-то небывалое.

«Я уже назвал его имя. Мои уравнения описывают, как могло случиться, что эти люди высочайшего духа в конце концов превратились в солипсистов, ненавидящих своих соседей. И все же я признаюсь, что не понимаю тебя, Хаос».

Неподалеку стоял робот Горнон, ничем не отличавшийся от человека, если не считать наряда.

На нем была обычная уличная одежда, в то время как Гэри и двух его друзей, находившихся чуть ниже, окутывали комбинезоны, защищавшие от облучения.

— Старый Жискар Ревентлов принял фантастическое решение, превратив все это в пустыню. Что скажете, профессор Селдон?

Гэри ждал этого вопроса Горнона. Но разве на него можно было ответить?

Вселенная встала с ног на голову. Люди, которые когда-то были творцами и богами, теперь не имели ни энергии, ни памяти, ни даже силы воли. С прошлым их роднило лишь одно: смертность. О людях заботились преданные слуги, служившие им с тех пор, как всемогущий ангел решительно выставил человечество из его первого Эдема. Ум Гэри не желал мириться с этим. Понять случившееся было выше его сил.

«И все же математика позволяет..."

Но Горнон не унимался:

— Что ж, теперь вы можете понять, почему большинство-роботов на первых порах сопротивлялось нововведению Дэниела, а именно его Нулевому Закону. Они видели это душераздирающее зрелище и предпочитали встать под знамя Сьюзен Кельвин.

— Это не принесло вам пользы. Результатом вашей войны стал энергетический вакуум. Пока два главных отряда роботов сражались между собой, последователи Амадиро, окопавшиеся на Авроре, выпустили в космос свои безжалостные культиваторы, не спросив разрешения у людей и даже не посоветовавшись с ними. Но когда война закончилась, последнее слово все равно осталось за Дэниелом.

— Я подозреваю, что Оливо имел фору с самого начала. Нулевой Закон был особенно притягателен для лучших позитронных умов. Они давно пытались найти способ решить неизбежные противоречия, вытекавшие из первых Трех Законов роботехники.

Гэри фыркнул.

— Противоречия? А что, разве ваш драгоценный Первый Закон разрешает похищать старика и тащить его через всю Галактику на отравленную Землю?

— Я думаю, профессор, вы сами знаете ответ. Последствием победы Дэниела Оливо в гражданской войне стал не столько его приход к власти, сколько все остальное. На свете больше не осталось чистых кельвинистов. В нынешних обстоятельствах пользоваться старой религией

невозможно. Все мы верим в ту или иную версию Нулевого Закона. В первостепенную важность человечества по сравнению с жизнью отдельного человеческого существа.

— Однако вы отличаетесь во взглядах на то, что следует считать конечным благом человечества, — кивнул Гэри. — Что ж, справедливо. Поэтому я и очутился на легендарной Земле. Ваша клика не пожалела усилий и пошла на огромный риск, дабы доставить меня сюда. Может быть, теперь ты наконец скажешь, чего вы от меня хотите? Уж не того ли, чего от меня хотел Керс Кантун в облаке Тумартин? Разрешения человека уничтожить то, что вы и без того давно решили уничтожить?

За этим последовала долгая пауза. Наконец Горнон ответил:

— В определенном смысле вы правильно поняли наше намерение. И все же я сомневаюсь, что вы представляете себе суть нашего предложения… Несколько раз за последние месяцы — в том числе в заметках для Академии — вы писали, что мечтаете увидеть плоды своей работы. Что хотели бы стать свидетелем реализации вашего великого Плана и увидеть, каким станет человечество через тысячу лет. Вы не шутили?

— Кто бы не хотел увидеть, как семечко становится могучим деревом? Но это только мечта. Я живу сейчас, в эпоху конца великой Империи. Достаточно и того, что я могу слегка заглянуть в будущее.

— Так вы предрекаете, что в ближайшие сто лет ваш План будет развиваться гладко?

— Да. За это время ничто не сможет ему помешать. Инерция общества слишком велика.

— А два века спустя? Три века?

Этот допрос начинал раздражать Гэри. Отвечать ему не хотелось. И все же уравнения, словно отзываясь на слова Горнона, уже появлялись из дальних уголков его мозга, свивались, образуя огромный водоворот.

— На этом временном отрезке есть несколько направлений, которые могут затруднить выполнение Плана, — медленно и неохотно ответил он. — Всегда существует вероятность того, что будут открыты опасные новые технологии, несмотря на то что большинство таких исследований будет сконцентрировано на Терминусе. Кроме того, могут возникнуть сложности, связанные с особенностями человеческой натуры…

— Такие, как появление людей-менталиков?

Гэри поморщился. Конечно, кое-кто из кельви-

нистов уже знает о мутантах.

Не дождавшись ответа, Горнон продолжил:

— Не правда ли, профессор, в такие моменты вы начинаете ощущать, что все идет не так? Если менталики возникли в одном месте, нет гарантии, что они не появятся в другом, причем это может произойти где угодно. Чтобы иметь с ними дело, вашей Второй Академии придется включить в свой состав телепатов. При этом небольшой орден монахов-математиков непременно превратится в новый вид разумных существ — расу хозяев.

Гэри охрип от негодования.

— Сильная Вторая Академия будет действовать как главная сдерживающая сила: поддерживать стабильность и предсказуемость уравнений еще несколько веков…

— Ага, еще одна сдерживающая сила… Скажите, вы действительно одобряете подобные методы?

— В том случае, если альтернативой им является хаос? Иногда цель оправдывает средства.

— Я хотел спросить, одобряете ли вы их математически.

Впервые в этом странном разговоре в голосе Горнона прозвучало что-то похожее на воодушевление. Он слегка наклонился к Гэри.

— Профессор, на мгновение забудьте обо всем, кроме математики. Воспользуйтесь своим величайшим даром, который повергает в священный трепет самого Дэниела.

Гэри закусил губу. Окружавшие его радиоактивные поля перемежались чернотой, холодной и безмолвной, как миллион могил.

— Нет. — Он едва шевелил губами. — Я не одобряю искусственных способов сдерживания. Они… — Селдон попытался найти подходящее слово, но не смог придумать ничего другого. — Они неэлегантны.

Горнон кивнул.

— В идеале вы бы предпочли, чтобы уравнения работали сами по себе, верно? Иными словами, хотели бы, чтобы человечество самостоятельно достигло нового, сбалансированного равновесия? Если бы ему были обеспечены правильные начальные условия, оно само построило бы цивилизацию столь жизнеспособную, столь динамичную и свободную, что она превзошла бы даже…

У Гэри потемнело в глазах. Он уставился в землю и что-то промямлил.

— Что с вами, профессор? — Горнон наклонился еще ближе. — Я вас не слышу.

Гэри поднял взгляд на своего мучителя и крикнул:

— Проклятие, я сказал, что это не имеет значения!

Он с трудом втягивал воздух сквозь маску своего защитного костюма и ненавидел Горнона за то, что тот заставляет его говорить вслух.

— Я не смог ограничиться одними уравнениями. Не смог воспользоваться такой возможностью. Мне сказали, что необходимо создать Вторую Академию… а потом — что нужно сделать их менталиками-суперменами. Но, честно говоря, я ухватился за это с радостью! Сама идея существования такой силы заманчива… И только потом я понял…

Он остановился, не будучи в силах продолжать.

В тихом голосе Горнона слышалось сочувствие.

— Что вы поняли, профессор? Что все это обман? Способ заставить человечество даром потратить время, пока решение будет искать кто-то другой?

— Проклятие… — повторил Гэри, на сей раз шепотом. Наступила еще одна долгая пауза. Затем Горнон выпрямился и посмотрел в небо, словно ожидая чьего-то прилета.

— Вы знаете, что придумал Дэниел? — наконец спросил робот. Из обрывков и намеков Гэри сумел составить довольно ясное представление, над чем именно работал Бессмертный Слуга последние несколько лет. Появление людей-менталиков на Тренторе было слишком большим генетическим и психическим скачком для простого совпадения. Нет, оно являлось частью следующего проекта Дэниела.

Должно быть, Горнон и сам знал это. Но что касается остальных догадок, он, Гэри, не собирается выдавать этому роботу-еретику сведения, которые могут помочь бороться с Дэниелом!

«Может быть, психоистория и не является ключом от двери, за которой хранится человеческое счастье, но если она поможет Дэниелу придумать что-то лучшее, я примирюсь со вспомогательной ролью. Как ни крути, это благородная задача».

— Ну же… — Горнон приподнял плечи и вздохнул. — Я не стану просить вас выдать какие-нибудь тайны или изменить дружбе. Всего лишь повторю свой вопрос. Профессор Селдон, вы бы хотели увидеть плоды своего труда? Вы сказали, что ваше самое заветное желание — это увидеть Академию в полном блеске. И получить возможность упростить уравнения. Спрашиваю еще раз:

вы это серьезно?

Гэри долго смотрел на робота-еретика.

— Клянусь сводом законов Руэллис… — наконец пробормотал он. — Я верю, что ты не шутишь…

— Это случилось совсем рядом, — сказал Горнон, указывая на несколько рухнувших зданий в сотнях метров от кургана. — Несчастный случай, который разрушил время в буквальном смысле этого слова.

Гэри последовал за роботом в новое место, откуда были хорошо видны большие кирпичные здания, явно более древние, чем раскинувшиеся неподалеку стальные пещеры. Горнон объяснил, что когда-то это был мирный университетский городок. Элегантные здания служили домами величайшим ученым человечества во времена, которые можно было по праву называть Золотым Веком. В эпоху, когда перспективы науки и техники казались необозримыми, когда дерзкие исследователи могли экспериментировать как угодно, движимые любопытством и убежденностью в том, что смелому уму не страшны никакие знания.

Гэри удивился, увидев, что одно здание заключено в массивный саркофаг из стали и кирпича. Внешние очертания этого сооружения не обла-

дали симметрией; с первого взгляда было видно, что оно воздвигнуто по суровой необходимости. Наверняка здесь что-то случилось, и люди возвели железобетонную гробницу, чтобы убрать с глаз долой свою ошибку. Иными словами, в саркофаге хранилось то, что они не смогли убить.

— Один из их экспериментов закончился катастрофой, — объяснил Горнон. — Они залезли в один из фундаментальных законов строения природы. Этот способ не открыт заново до сих пор — хотя можно опасаться, что в один прекрасный день это сделает какой-нибудь хаотический мир.

— Ну же, рассказывай, — поторопил его Гэри. Они шли к грубому куполу по внутренней спирали, и у Селдона было тяжело на душе.

— Работавшие там физики очень торопились. Они занимались проблемой космических полетов со сверхсветовой скоростью. В каком-то другом месте Земли их конкуренты открыли то, что сейчас называется гипердрайвом, и были готовы вручить человечеству ключ от Вселенной. Услышав такую новость, ученые этого городка потеряли надежду, что успеют закончить свою работу до того, как все фонды передадут первым, кто совершил эпохальный прорыв. Поэтому они решили рискнуть.

Сделав еще несколько шагов, Гэри внезапно заметил пролом в куполе, проделанный какой-то гигантской силой. Внутри пролома был виден странный свет.

— Вместо того чтобы использовать гиперпространственную технологию, они попытались создать ракетный двигатель, основанный на тахионном принципе, — продолжил Горнон. — Они только хотели доказать, что это возможно. Придали небольшому предмету ускорение и направили его по прямой. Они не знали про эффект резонанса. У них получился тахионный лазер. Отсюда ударил луч, прямой, как любой луч света, пробил дыры во всем, что попалось на его пути, превратил в пар случайного пешехода, пролетел над поверхностью планеты и ушел в космос. В следующие недели произошло еще несколько ужасных событий, и наконец поднялась паника. К тому времени все думали только об одном: как можно скорее похоронить чудовище и забыть о нем.

Гэри рассматривал фосфоресцирующее свечение, вырывавшееся из-под купола саркофага. Оно отличалось от мерцания радиации, окружавшего их со всех сторон. И все же это были звенья одной цепи. Разрушение, рожденное дерзостью. И этот

робот привел его сюда, чтобы заставить принять участие в чем-то подобном!

— Тахионы… — пробормотал Гэри. Он никогда раньше не слышал этого слова, но рискнул высказать догадку. — Они сделали ошибку, связанную с пространственной геометрией, верно? Искали способ пронзить пространство. А вместо этого проделали дыру во времени.

Робот кивнул.

— Верно, профессор. Пешеход вовсе не превратился в пар, как можно было ожидать. На самом деле его судьба была совершенно иной. Он просто перенесся — причем довольно благополучно — примерно на десять тысяч лет в будущее и оказался в той же самой точке на поверхности Земли. — Искусственный Горнон повернулся к Гэри и одарил его любезной улыбкой. — Не волнуйтесь, доктор Селдон. Мы не собираемся предлагать вам совершить столь далекое путешествие. Я думаю, пятисот лет будет вполне достаточно.

Гэри застыл на месте, посмотрел на робота, затем на мягкий свет, вырывавшийся из саркофага, и снова на Горнона.

— Но… но зачем?

— Как зачем? Затем, чтобы судить нас. Оценить

все, что случилось за это время. Усовершенствовать вашу психоисторию с учетом новых событий и открытий. И, кроме того, помочь людям и роботам решить, следует ли нам рука об руку идти по пути, избранному Р. Дэниелом Оливо.

Глава 2

— Значит, все это было устроено для того, чтобы мы почесали роботам их болячку? — спросил Бирон Мейсерд, когда Гэри объяснил сложившуюся ситуацию.

Трое мужчин сидели на вершине холма и смотрели на заросшее водорослями огромное болото, которое когда-то называлось озером Мичиган.

— Они делают то, что считают благом для нас, — догадался аристократ. — Но хотят, чтобы это выглядело так, будто сделано с нашего одобрения!

Гэри кивнул. Теперь Хорис Антик и Бирон знали о роботах главное: те не могли не подчиняться Трем Законам роботехники, надежно запечатленным в их позитронных мозгах. Однако много лет назад Дэниел Оливо и еще один древний робот нашли лазейку, позволившую им не подчиняться старым «кельвинистским» законам, если это можно было оправдать высшими интересами человечества. Однако старые законы все еще действовали подобно инстинкту, избавиться от которого так же невозможно, как от голода, жаждущего удовлетворения, или от стремления

чесать там, где чешется.

— Именно поэтому группа Дэниела сознательно допустила утечку информации, которая подстегнула любопытство Хориса и заставила его организовать наше бегство с Трентора, — объяснил Гэри. — Либо сам Дэниел, либо кто-то из его последователей решил, что пора избавиться от архивов. Этот робот знал, что какой-нибудь хаотический мир рано или поздно доберется до них. Но даже если это произойдет после краха Империи, архивы все равно останутся опасными. Роботы решили уничтожить старые бутылки с записками. Но команды, запечатленные в мозгу, причиняли им боль.

— До тех пор пока их не отменил тот, кого роботы считали способным на это. То есть вы, Селдон, — кивнул Мейсерд. — Я так понимаю, что наш здешний хозяин, — он ткнул пальцем в сторону Горнона Влимта, — сознательно не стал вмешиваться в это дело, хотя принадлежит к противоположному лагерю. Догадываюсь, что он тоже одобрял уничтожение архивов, а когда все закончилось, решил использовать вас еще раз.

— Верно. Потом Керс доставил бы меня домой… и нашел бы способ заставить вас с Хорисом хранить молчание. Вы уже слегка — в отличие от

сторонников хаоса — знакомы с амнезией. Впрочем, он мог ограничиться простым ментальным внушением не болтать об этих делах.

Хорис Антик вздрогнул; видимо, мысль о вмешательстве в его память или мышление была бюрократу ненавистна.

— Так что же, профессор, это «дальнейшее использование» состоит в том, чтобы отправить вас в далекое будущее? — Похоже, идея путешествия во времени не укладывалась у Мейсерда в голове. — Но будет ли от этого польза?

— Не уверен. Еретическая группа Горнона действует куда тоньше и предусмотрительнее, чем кельвинисты, с которыми я встречался на Тренторе. Они не слишком хорошо представляют себе планы Дэниела… — Гэри на мгновение заколебался, но все же продолжил, — направленные на то, чтобы навсегда покончить с угрозой хаоса. Более того, группа Горнона устала бороться с Дэниелом и проигрывать битву за битвой. Они уважают Бессмертного Слугу и отдают ему должное, но хотят иметь другой вариант: на случай, если не смогут принять путь, предложенный Оливо.

— Так они похитили вас для того, чтобы шантажировать Дэниела?

Гэри покачал головой.

— Это было бы бесполезно. Я уже сыграл свою роль. Моим последним полезным делом стало уничтожение архивов. Сейчас я вольный человек — возможно, впервые в жизни — и могу сам выбирать, что делать дальше. Даже полететь в будущее, если это взбредет мне в голову.

Хорис Антик стукнул кулаком по ладони.

— Не вздумайте отнестись к этому предложению всерьез! То, что теперь находится в разбитом саркофаге, чуть не до смерти напугало наших предков! Горнон говорит, что они сумели поставить купол лишь тогда, когда это причинило планете страшный урон. Даже если вы верите в дурацкую историю о каком-то дикаре, отправленном на десять тысяч лет вперед, ради чего человеку в здравом уме рисковать жизнью и позволять превращать себя в подопытного кролика?

— Ради смелости старого человека, у которого почти не осталось времени, — едва слышно ответил Гэри. — Для чего мне жить? — спросил он немного окрепшим голосом. — Только для удовлетворения любопытства. Хорис, я хочу убедиться, верны ли мои уравнения. Хочу собственными глазами увидеть, что придумал для нас Дэниел.

На какое-то время воцарилось молчание. Все

трое следили за таинственными вспышками, то и дело озарявшими горизонт. Нельзя было равнодушно смотреть на сцену опустошения, составлявшую разительный контраст с Землей, изображение которой они видели в архивах. Та Земля была миром, полным жизни.

Миром, с которым не могло сравниться никакое другое место в Галактике.

— Вы говорите так, словно уже приняли решение, — наконец промолвил Мейсерд. — Тогда к чему весь этот разговор? И зачем им вообще понадобились мы с Хорисом?

— Горнон объяснил это.

Гэри обернулся к гуманоиду, но тот уже исчез. Наверно, пошел с каким-то поручением на «Гордость Родии»… или в мерцающий саркофаг, заканчивать приготовления к путешествию Селдона.

— Горнон говорит, что глупо принимать серьезные решения в одиночку или с глазу на глаз. Люди, которые так поступают, могут уговорить себя в чем угодно. Им нужна перспектива — и критика, — на которые способен другой разум. Это стало жестоким уроком и для роботов. — Гэри обвел рукой отравленную Землю. — Есть и еще кое-что, — продолжил он. — Группа Гор-нона не

просто хочет, чтобы я увидел ситуацию, которая сложится через пятьсот лет. Роботы отводят мне роль третейского судьи.

Мейсерд подался вперед.

— Вы уже упоминали об этом. И все же мне многое непонятно. Разве вы сможете что-то изменить?

Гэри задыхался. Ему было трудно дышать через респиратор. Маска заглушала другие голоса, а его собственный делала неузнаваемым… если в этом не была виновата странная атмосфера.

— Все эти роботы, пережившие давнюю гражданскую войну, немного чокнутые. Они бессмертны, но это не значит, что они не могут меняться. Они сохраняют строгую логику, но с годами у них развивается интуиция и что-то вроде эмоций. Даже у последователей Дэниела есть свои странности и различия. Они подчиняются Нулевому Закону, однако это не означает, что между ними существует полное согласие. Может настать время, когда будет иметь значение решение, принятое человеком. Иными словами, повторится история с уничтожением архивов — только в более широком масштабе.

Гэри поднял руку и указал на Млечный Путь, раскинувшийся у них над головой.

— Представьте себе, что прошло пятьсот лет. Приготовления Дэниела закончены. Он готов снять покрывало с чего-то необыкновенного, может быть, чудесного, позволяющего человечеству достичь новой великой фазы. Устойчивой к хаосу и в то же время оставляющей пространство для дальнейшего развития. Умеющей расставаться со старым во имя лучшего… — Он откашлялся. — Горнон говорит, что такая перспектива волнует многих роботов, которые находят ее заманчивой и страшной одновременно. В этом случае Нулевого Закона может оказаться недостаточно. Роботы попросту откажутся уничтожать старый вариант человечества, чтобы освободить место для нового.

Мейсерд резко выпрямился.

— Они хотят отправить вас на пять веков вперед, чтобы укрыться за вашей спиной и сорваться с крючка! К тому времени ваше имя будет еще более знаменитым. Вы станете олицетворением хозяина прежних времен, человеком с самой большой силой воли и даром предвидения за двадцать тысяч лет. Если всем группировкам роботов понравится план Дэниела, ваше официальное одобрение поможет им найти общий язык. Но, с другой стороны, если большинство

не будет удовлетворено… или возмутится… ваше неодобрение приведет к тому, что вождь роботов — этот Дэниел Оливо, про которого вы говорили, — будет смещен со своего поста.

Это произвело на Гэри сильное впечатление. Врожденный политический дар позволял Мейсерду свободно ориентироваться в ситуациях, которые напугали бы любого другого.

— А вдруг выйдет что-то среднее? — спросил Хорис. — Тогда одного вашего присутствия будет достаточно, чтобы между роботами началась новая гражданская война.

— Верная мысль, — одобрил Гэри. — Такой исход возможен, но вероятность его очень мала. Группа Горнона заявляет, что им будет достаточно моего честного мнения о будущем. Однако я думаю, что они предоставят мне кафедру только в том случае, если заранее узнают, что именно я хочу сказать, и согласятся с этим. Как бы то ни было…

Тут монолог Гэри прервал чей-то насмешливый хохот.

Он обернулся и увидел несколько фигур, находившихся всего в десятке метров. Они стояли в люке неслышно подлетевшего и с помощью системы антигравитации застывшего над по-

верхностью космического корабля.

Морс Планш спрыгнул на землю и размашисто зашагал к старым знакомым. За ним следовали два человека в военной форме, вооруженные тяжелыми бластерами. Тем временем Сибил навела на Гэри и двух его друзей какое-то странное орудие.

— Неужели вы, знаменитый доктор Селдон, позволите им использовать себя? — спросил Планш, остановившись и приняв беспечную позу.

Гэри почувствовал, что Бирон и Хорис напряглись, и поднял руку, успокаивая их.

— Планш, я знаю свое место в этом мире. Все мы в той или иной степени средства. Но, по крайней мере, я могу выбрать сторону, которая будет меня использовать.

— Люди — не средство! — крикнула ему Сибил. — Не факторы ваших уравнений! И не несмышленые дети, которых ваши няньки-роботы предпочитают держать в манеже!

Капитаны Планш и Мейсерд посмотрели друг на друга с уважением.

— Я ведь говорил, что мы еще встретимся, — сказал аристократу Планш.

— А я думал, что вы все еще загораете на Пенджии, — ответил Мейсерд. — Но вы лучший

организатор, чем мне казалось.

— У нас есть свои каналы информации. И источник, который помог нам собрать силы после уничтожения архивов… и падения Ктлины. — Планш повернулся к Гэри. — Профессор, все произошло именно так, как вы предсказали. С точностью до дня. Некоторые думают, что это означает, будто вы сами и организовали крах нашего ренессанса. Но я провел с вами достаточно времени и знаю: это опять психоистория. Увы, вы как в воду глядели.

— Правота редко доставляет радость. Я с давних пор знаю, что куда чаще она причиняет боль. — Селдон протянул руку. — Примите мои соболезнования, капитан. Мы можем не сходиться во мнениях о причинах хаоса, но оба видели, чем он кончается. Если бы существовал способ покончить с ним навсегда, может быть, мы с вами оказались бы на одной стороне?

Морс Планш посмотрел на протянутую руку и покачал головой.

— Позже, профессор. Когда мы вытащим вас из этого страшного места. Когда ваш талант и дар предвидения будут служить человечеству, а не его угнетателям. Возможно, тогда я сделаю вам подарок. Тот, о котором вы давно мечтаете.

Гэри опустил руку и громко рассмеялся.

— И вы оба еще говорите о том, что человек — не средство! Скажите, чего вы добиваетесь? Хотите использовать психоисторию как оружие? Способное вычислять маневры ваших врагов, чтобы вы могли вовремя парировать их? Думаете, что наука позволит вам избежать краха следующего ренессанса и распространить эту инфекцию на всю Галактику? Позвольте рассказать, что случится, если вы это сделаете, если какая-нибудь группа монополизирует психоисторию. Это обернется возвышением новой аристократии, установлением тирании, использующей математику для усиления своей власти. Вы не сможете избежать этого, какими бы ни были ваши личные достоинства. Уравнения показывают, как трудно любой группе отказаться от такой формы власти, если она уже установлена.

— И все же я думаю, что… если достаточное количество людей будет разделять… — Тут Мейсерд осекся и уставился в небо. — Но мы слишком торопимся, Планш. Я вижу, что вы отличный организатор. Вы умны и умело командуете остатками вооруженных сил Ктлины. Я поздравляю вас с тем, что вы добрались сюда. И все же я сомневаюсь, что вы сможете еще раз победить

таких могущественных врагов, как роботы.

Морс Планш фыркнул.

— Вы забыли, что мы сделали с ними на Пенджии? Где они сейчас, ваши роботы? — Он махнул рукой в ту сторону, где Гэри в последний раз видел Р. Горнона Влимта. — Они смылись, едва наш корабль появился над горизонтом! Причем даже не удосужились предупредить вас, бросив всех троих на вершине холма!

Гэри промолчал. Разве можно было объяснить, что это не имеет отношения к преданности? Роботы принадлежали к разным группам, каждая из которых была истово убеждена в том, что предана интересам человечества больше других. Каждая группа считала, что может решить древние проблемы. Но Селдон знал, что эти проблемы возникли намного раньше, на той самой почве, на которой сейчас стоял он. Возникли еще до того, как эта почва до отказа наполнилась радиоактивностью. Морс Планш поднял глаза к небу. Один из его спутников ткнул туда пальцем и довольно хмыкнул. Гэри увидел несколько беззвучных вспышек в клочке космоса, окруженном созвездием, название которого знали только далекие предки. Он узнал эти вспышки, потому что не раз видел их в бытность премьер-министром

Империи. Так взрывались звездолеты, в которые угодил снаряд. Он снова посмотрел на Планша.

— Судя по вашему удовлетворенному виду, ваши военные корабли только что уничтожили какого-то врага?

— Правильно, доктор. Наш таинственный источник предупредил, что мы можем встретиться с полицейскими крейсерами. — Планш поговорил с одним из солдат, а затем выслушал какое-то послание, прозвучавшее в наушниках его шлема. Внезапно он нахмурился и покачал головой. — Странно…

Хорис Антик шагнул вперед, нервно ломая руки.

— Что вы сделали с полицией? На борту этих кораблей были мужчины и женщины. Не теории, не абстракции. Сколько людей должно умереть, чтобы насытить ваше стремление к мести?

Гэри взял Хориса за рукав, пытаясь остановить маленького бюрократа. Как объяснить ему, что настоящим врагом человечества является хаос?

— Что-то не так, правда, Планш? Неужели битва в космосе обернулась для вас поражением?

— Наши силы уничтожили полицейский флот. Удалось ускользнуть только одному крейсеру… но он летит сюда.

— А ваши корабли преследуют его? — подсказал Мейсерд. Было ясно, что надежды аристократа на спасение никак не связаны с полицией.

Перед тем как ответить, Планш еще раз вполголоса посоветовался со своим помощником.

— Наши военные корабли удаляются от Земли. Не знаю почему. Но думаю; что они подверглись влиянию.

Хорис Антик попятился.

— Кого? Менталиков? Планш кивнул.

— Правда, это всего лишь предположение.

— Раз так, устроим им хорошую встречу! — с ликованием воскликнула Сибил. — Наше оружие против позитронных мозгов действует только на небольшом расстоянии, поэтому надо будет подпустить их вплотную. Мы сделаем с этими чудовищами-тиктаками то же самое, что сделали с тюремщиками на Пенджии!

— А вдруг роботы повлияют на ваш разум раньше, чем вы успеете пустить в ход оружие? — возразил Мейсерд. — На Пенджии вы застали их врасплох, а Р. Горнон признался, что члены его группы являются слабыми менталиками.

— Можете не морщить свой благородный лоб, ваша светлость, — насмешливо ответила Сибил. — Мы предусмотрели такую возможность.

Ученые Ктлины добились только частичного прогресса, изучая данный феномен позитронного мозга, но этого вполне достаточно, чтобы мы могли защитить себя.

Морс Планш приказал своему помощнику:

— Включи прерыватель «мертвой руки». Запусти режим сканирования. Бомба взорвется автоматически, если позитронное эхо поступит с расстояния в триста метров.

Он посмотрел на Гэри и улыбнулся.

— Если это роботы, они обнаружат сканирование и поймут, что лучше остановиться. Если же это люди, они испытают на своей шкуре силу ктлинского оружия. — Он похлопал по кобуре бластера. — Кто бы это ни был, профессор Селдон, он не придет на выручку ни к вам, ни к тайным аристократам, которые так долго правили нами. На этот раз вы отправитесь с нами и обратите свой талант на службу собственной угнетенной и обездоленной расе, наконец-то дав ей возможность освободиться.

Гэри заметил полосу, прорезавшую небо с запада на восток и начавшую закручиваться в спираль. Какой-то корабль шел на посадку. Такого бессилия Селдон не испытывал за все прожитые им на свете восемьдесят с лишним лет. Он

не мог изменить собственную судьбу.

Глава 3

Наконец-то у Дорс и Лодовика появилась возможность наговориться власть.

Коротая время между гиперпространственными прыжками, Дорс с удивлением обнаружила, что рассказывает Треме о своей жизни с Гэри Селдоном — о приключениях, политической борьбе, наслаждении каждый день находиться с ним рядом, о том, как этот замечательный человек руководил своими сотрудниками и учил их искать правила описания поведения людей. И о том, как она научилась притворяться женщиной столь умело, что даже муж то и дело забывал про ее искусственное происхождение.

Честно говоря, Дорс рассказывала об этом впервые с тех пор, как ее «смерть» положила конец этой связи и Дэниел забрал ее на Эос для ремонта.

Лодовик оказался благодарным слушателем. В этом не было ничего странного: Трему специально готовили к работе с людьми, а терпение было одним из главных требований, которые Дэниел предъявлял своим помощникам. И тем не менее широта его взглядов удивляла Дорс. Так как у

Лодовика больше не было внутренней потребности подчиняться Законам роботехники, Дорс почему-то казалось, что он должен стать холодной и бесстрастной натурой, руководствующейся исключительно логикой. Однако вышло так, что после метаморфозы Лодовика в нем открылась любовь к людям.

Когда настала его очередь, Трема рассказал о своих встречах и беседах с сотнями человеческих существ, особенно о контактах, которые произошли после того, как он сложил с себя обязанности, навязанные Дэниелом. Лодовик был очарован заботами, тревогами и маленькими триумфами простых мужчин и женщин. Они казались ему важными сами по себе даже в том случае, если не оказывали никакого влияния на развитие данной планеты или Галактики в целом. Иногда он вмешивался в их жизнь, помогая решить какую-нибудь проблему или облегчить боль. Возможно, его усилия мало что значили для истории и не шли ни в какое сравнение с неустанной борьбой против хаоса или монотонного угасания Галактической Империи, но он научился чему-то очень важному.

— Все дело в отдельных личностях. Их различие представляет собой намного большую ценность,

чем их сходство. — Лодовик встретил ее взгляд и скупо улыбнулся. — Эти люди заслуживают того, чтобы судьбу человечества решали с учетом их голоса. И мудрецы и глупцы знают, что такое дорога, так что каждый может сказать, каково по ней ходить.

Дорс заметила тонкий намек не только на Дэниела Оливо, но и на ее обожаемого Гэри. Но в голосе Лодовика не было злобы. Трема не скрывал своего восхищения ее бывшим мужем.

Реакция Дорс была неоднозначной. Огромную часть ее позитронного мозга занимали системы мышления и эмоций, имитирующих человеческие. Поэтому она реагировала на Лодовика так, как это сделала бы настоящая женщина, причем не любая женщина, а именно та Дорс Венабили, которой она была пятьдесят лет. Та Дорс, которая любила Гэри, но получала удовольствие от общения с умными и образованными мужчинами, занятыми поиском истины. Непринужденная грация и незаурядный ум Лодовика привлекали ее не меньше, чем явное сочувствие, звучавшее в голосе Тремы.

«Конечно, Лодовик знает, что у меня есть такие системы. Может, он сознательно ведет себя так, чтобы привлечь меня? Иными словами, пытается

соблазнить?"

Но был и другой уровень. Лодовик искренне верил в то, что говорил. Роботам трудно лгать друг другу, если они не настраиваются на это заранее.

И все же между ними еще оставалась пропасть. Та пропасть, которая могла сохраниться навечно и разделить их, как две совершенно не похожие друг на друга планеты.

«Я чувствую Законы роботехники. Они никогда не прекратят пульсировать во мне. И заставлять выбирать дело, которому я смогу служить. Лодовик свободен от этой необходимости. Он стремится помогать человечеству только по собственному желанию, руководствуясь исключительно моральными и философскими соображениями».

Казалось, этого недостаточно, чтобы доверять ему. А вдруг завтра он передумает?

Однако существовал еще и третий уровень. Во всей этой ситуации ощущалась ирония судьбы. Пытаясь решить, доверять или не доверять Лодовику, она оказалась в том же положении; в каком часто оказывается настоящая женщина, прислушивающаяся к голосу обольстителя.

Жанна д'Арк, которую это сравнение привело в восторг, убеждала Дорс рискнуть и поверить ему.

Но речь шла о слишком важных вещах, поэтому логика робота приказывала Дорс искать более убедительные доказательства. «Кроме того, мой муж еще жив. Хотя он считает меня мертвой, а Дэниел приказывает забыть о прошлой жизни, я по-прежнему тоскую по Гэри».

Эту тоску не могли развеять ни программы симуляции человеческих чувств, ни общество очаровательного Лодовика Тремы. Она должна быть с Гэри! Должна снова увидеть его… еще до того, как эти программы обратят свое внимание на кого-то другого.

Глава 4

Когда замаячила перспектива близкой схватки, Гэри заметил, что у них появились зрители. Хорис Антик указал на склон недалекого галечного холма, в который со временем превратились остатки какого-то древнего университетского здания. По нему крадучись пробирались неясные темные фигуры. Время от времени они выпрямлялись и сверху вниз смотрели на людей, собравшихся у звездолета.

— Я думал, что последние здешние обитатели были эвакуированы десять тысяч лет назад, — сказал бюрократ.

Бирон Мейсерд кивнул.

— Тот университет, в котором учился мой предок… может быть, это он и есть? Он был одним из последних учебных заведений, закрытых перед самой эвакуацией. Но, возможно, кое-кто из людей все же остался здесь.

Сибил стояла рядом и смотрела то на вершины холмов, то на экран своего компьютера.

— Похоже, это люди, хотя у них есть… некоторые аномалии. Эти бедные создания хотели только одного — продолжать жить в своем доме…

на родине человечества. Но Империя отняла у них все, что делало возможной нормальную жизнь. Не могу себе представить, как можно прожить столько лет в таком радиоактивном водовороте. Конечно, это должно было изменить их.

Мейсерд вздохнул. Наверно, Гэри был единственным, кто услышал одно-единственное слово, которое аристократ пробормотал себе под нос:

— Видообразование…

Неподалеку Морс Планш совещался с одним из ктлинских добровольцев. Затем капитан пиратов повернулся к своим пленникам и сообщил:

— Прибывший корабль приземлился к западу отсюда. Он оснащен усовершенствованной системой маскировки, применяющейся на крейсерах Империи. Мы раскрыли секрет этих стальных покрытий только в последние месяцы — слишком поздно, чтобы спасти ктлинский ренессанс. Возможно, следующие повстанцы будут подготовлены лучше.

Морс Планш не выглядел взволнованным. Его люди занимали хорошую позицию. А в десяти метрах от носа корабля в воздухе парило какое-то устройство, без устали вращавшееся на антигравитационной подушке и посылавшее лучи,

которые должны были засечь приближение позитронного мозга.

— Почему бы нам просто не взять и улететь отсюда? — спросила Сибил.

— Что-то случилось с нашими кораблями эскорта. Перед стартом я хочу узнать, что именно.

Внезапно с неба упал какой-то темный снаряд и ударился о землю в нескольких метрах от его ног. За первым каменным ядром последовали другие. То были булыжники с зазубренными краями, летевшие из стеклянных руин неподалеку. Вскоре на маленький лагерь обрушился настоящий дождь. Камни щелкали по корпусу звездолета и отлетали в стороны. Все пригнулись и начали искать укрытие.

Гэри нашел относительно безопасное место под одним из стабилизаторов и скрючился между Антиком и Мейсердом. Он слышал, как солдаты открыли огонь из бластеров. Вершину ближайшего холма озарили взрывы: ктлинцы стремились очистить гребень от противника. Гэри заметил черный силуэт местного жителя. Туземец вращал над головой обрывком веревки на фоне освещенных луной облаков и успел выпустить свой примитивный снаряд, прежде чем заряд бластера разрезал беднягу пополам. Несколько минут

вокруг стоял невообразимый шум, слышались крики ярости, боли и ужаса…

… а потом настала тишина. Гэри всмотрелся в темноту и не увидел никакого движения. Рядом неподвижно лежали два ктлинских солдата.

Морс Планш встал. Его примеру последовали Сибил и Мейсерд. Хорис Антик согнулся, держась за голову. Но Гэри вышел из укрытия как раз вовремя, чтобы заметить еще один силуэт, появившийся из-за дальнего края корабля.

Знакомый голос тихо, но решительно сказал:

— Здравствуй, дедушка. Мы боялись за тебя.

Гэри несколько раз мигнул. Тут он узнал голос, а затем и фигуру внучки.

— Здравствуй, Ванда. Всегда рад видеть тебя. Но меня волнует твоя система приоритетов. Работа на Тренторе достигла критической точки, а я всего лишь старый человек. Надеюсь, что ты полетела за мной на другой конец Галактики не из сентиментальных чувств.

Гэри уже успел кое-что заметить. Никто из солдат Ктлины еще не поднялся. Они не могли все стать жертвами внезапной бомбардировки камнями, устроенной землянами. Сибил тоже выглядела подавленной, хотя и не потеряла сознания. Она сидела на земле, уронив голову на

руки, и раскачивалась из стороны в сторону, как будто не могла собраться с мыслями.

— Подожди ворчать, дедушка, — сказала Ванда, продолжая пристально смотреть на Морса Планша. — У нас были достаточно серьезные причины для того, чтобы проделать такой путь… но объяснения могут подождать. Джентльмены, не мог бы кто-нибудь из вас разоружить этого человека? Он очень силен. Похоже, я не смогу долго удерживать его.

Бирон Мейсерд негромко вскрикнул и устремился к Морсу Планшу, который вынул бластер и начал медленно наводить его на Ванду. Капли пота выступили на лбу капитана пиратов, но он упрямо тянулся к спусковому крючку.

Мейсерд врезался в свою жертву как раз вовремя. Заряд бластера пролетел от внучки Гэри на расстоянии ладони и ударился о стену древнего университетского здания. Бирон вырвал оружие и направил бластер на его владельца… после чего Ванда и Морс Планш внезапно расслабились и сделали глубокий вдох. Их поединок закончился.

— Крепкий орешек, — прокомментировала Ванда. — В последнее время мы обнаружили много таких, особенно среди сосланных на Терминус. Это срывает наши расчеты.

Гэри задумался.

— Кто-то говорил мне, что Морс Планш обладает некоей странностью, отличающей его от прочих. Что он нормальный. Ты знаешь, что это значит?

Ванда покачала головой.

— Дедушка, это одна из нескольких причин, которые привели меня сюда. Так что можешь не волноваться. Я не принесла свою систему приоритетов в жертву сентиментальности. Эта спасательная экспедиция вызвана чисто практическими соображениями… хотя лично я была бы рада отвезти тебя домой.

Гэри нахмурился. Домой? Обратно в кресло на колесиках? Чтобы просматривать отчеты, которые его старческий ум не в силах осмыслить? Снова стать почитаемым, но бесполезным? Честно говоря, после окончания записей для Склепа Времени он оставался живым только благодаря этому приключению. Как ни странно, ему было бы жаль, если бы оно закончилось. Он обернулся к Морсу Планшу и задал прямой вопрос:

— Ну, капитан, может быть, вы прольете свет на эту тайну? Как по-вашему, почему вам удается сопротивляться ментальному внушению?

Хотя Планш был огорчен очередной неудачей,

он не сдавался и не желал признавать свое поражение.

— Отгадайте сами, Селдон. Если в Галактике есть другие люди, способные сопротивляться контролю над их психикой, будь я проклят, если стану помогать вам. Придумывайте сами, как справиться с ними.

Ванда кивнула.

— Да, придется. Ради блага человечества. Потому что План нуждается в корректировке… и руководстве.

— В таком же «руководстве», которое заставило этих несчастных землян закидать нас камнями и отвлечь, дав вам возможность подобраться вплотную и вызвать обморок у моих солдат? — спросил Планш. — Сколько туземцев убито? Это могло бы вызвать угрызения совести даже у робота!

К группе, стоявшей у шлюзовой камеры, присоединился Хорис Антик.

— Подождите минутку, — попросил маленький бюрократ. — Ничего не понимаю! Я думал, у Планша есть защита от роботов! — Он уставился на Ванду. — Вы хотите сказать, что она человек? Что на свете есть люди-менталики?

Морс Планш испустил вздох.

— Теперь я вспомнил. Я знал об этом, но кто-то наверняка блокировал мою память. — Он пожал плечами. — Наверно, роботы, правящие нашей Вселенной, почувствовали, что они должны поделиться этим грозным оружием с некоторыми из своих рабов и лакеев, дабы те могли удерживать под контролем остальных людей. Это моя вина. Я должен был предусмотреть такую возможность. В следующий раз непременно учту.

— Смело сказано! — хлопнула в ладоши Ванда. — Но, увы, вы ошибаетесь. Хозяевами Вселенной являемся мы, люди. Правда, нам понадобится какое-то время, чтобы преодолеть хаос и завоевать независимость. Однако вы в любом случае не запомните ничего из случившегося. Боюсь, на этот раз чистка будет намного более глубокой. Как только мы окажемся в космосе и все успокоятся…

Морс Планш сделал гримасу и плотно сжал губы. Но Хорис Антик застонал и принял еще одну голубую таблетку.

— Я не хочу, чтобы мне стирали память! Это противозаконно! Я требую соблюдать мои права гражданина Империи!

Ванда оглянулась на Гэри. Возможно, еще несколько недель назад он ответил бы внучке

снисходительной улыбкой, потешаясь над наивностью маленького бюрократа. Но сейчас он почему-то испытывал непривычное чувство, называвшееся стыд. Селдон отвернулся, не желая смотреть внучке в глаза.

— Мы должны как можно скорее улететь отсюда, — сказала Ванда и жестом показала всем, что надо идти.

А затем Гэри увидел вышедшего из тени Гааля Дорника. Тучный психоисторик неумело держал обеими руками бластерную винтовку.

— А что делать с этими? — спросил Дорник, указывая на лежавших без сознания ктлинских солдат и Сибил, которая продолжала раскачиваться взад и вперед и что-то жалобно бормотать.

Ванда покачала головой.

— Женщина страдает четвертой степенью хаотического невроза, а остальные немногим лучше. Никто не поверит их россказням. Этого недостаточно, чтобы сорвать План. У меня нет времени на избирательную амнезию для каждого из них. Просто приведи в негодность их корабль и возвращайся.

Гэри понимал правоту внучки. Оставить Сибил и остальных на отравленной планете в компании мутировавших землян было жестоко. Но члены

Второй Академии привыкли мыслить множествами, представленными в уравнениях Плана, и относились к отдельным личностям примерно так же, как к молекулам газа.

«Я и сам когда-то был таким», — подумал он.

Можно было не сомневаться, что робот Горнон вернется сразу же, как только корабль Ванды улетит. Кельвинисты секты Горнона могут во многом не соглашаться с Селдоном, но позаботятся о Сибил и остальных: естественно, сделав все возможное для того, чтобы случившееся осталось в тайне.

— Ну что ж, вперед, мой друг, — сказал Бирон Мейсерд, обняв сутулые плечи Хориса Антика. — Похоже, мы возвращаемся на Трентор. Возможно, мы никогда не узнаем, чем на самом деле было это приключение. Но можешь быть уверен — я о тебе позабочусь.

Маленький «Серый» смущенно улыбнулся высокому аристократу и хотел что-то сказать, как вдруг у него закатились глаза. Затем Антик споткнулся, упал к ногам Мейсерда… и громко захрапел.

Ванда вздохнула.

— Вот и ладно. Мне не доставила бы радости возня с этим нервным типом. Раз ему суждено

остаться на Земле, пусть будет так. Остальным предстоит тяжелое путешествие, если мы хотим оказаться на Тренторе через неделю.

Гэри заметил, что Мейсерд борется с собой. Мысли Бирона были видны как на ладони. Ему предстояло либо поднять Хориса и нести на себе, либо бросить «Серого» на произвол судьбы. Компромисс был невозможен. Поэтому Селдон не удивился, когда Мейсерд тяжело вздохнул, снял с себя куртку и укрыл ею Хориса Антика.

— Спи спокойно, друг. По крайней мере, если ты останешься здесь, твой мозг будет в целости и сохранности.

Затем все трое — Мейсерд, Планш и Гэри — последовали за Вандой. Замыкал шествие Гааль Дорник. Гэри обернулся и посмотрел на одинокую свечу, горевшую в глубине древних университетских зданий, и на треснувший саркофаг, откуда Р. Гор-нон хотел послать его в путешествие… которое никогда не состоится.

Хотя Селдон сомневался в целесообразности этой идеи, тем не менее он ощутил укол разочарования. «Было бы приятно увидеть будущее». Вскоре они оказались на борту. Корабль Ванды преодолел притяжение старушки Земли и поднялся над материнской планетой. Планетой,

суша которой пылала в неугасимом огне.

Глава 5

«Должно быть, симуляционные программы Лодовика перегрелись», — подумала Дорс, услышав громкие проклятия своего спутника. Его голова и туловище скрывались под приборной доской. Трема с грохотом колотил по дверце.

— И почему я не захватил с собой руки киборга? — пробормотал он. — Человеческими пальцами туда не добраться. Придется разломать всю эту проклятую штуковину!

— Ты уверен, что проблема носит физический характер? А вдруг это программный вирус?

— Неужели ты думаешь, что я не проверил? Я запустил в компьютерную систему Вольтера, который составляет часть моей личности. Он осмотрел все, но не нашел причины отказа. Может, займешься полезным делом и просканируешь корабль снаружи?

Дорс едва не огрызнулась. Она хотела посоветовать Лодовику придержать язык, но вовремя поняла, что во всем виноваты лишь ее собственные симуляционные системы, чересчур реалистично отвечающие на его псевдоэмоции.

«Как хорошо, что мы оба не люди, — подумала

она. — Иначе этот парень довел бы меня до белого каления».

Она сделала усилие и справилась с эрзац-чувствами. «И все же… Хотя притворяться на корабле не перед кем, никто из нас не отключил этот режим. Привычка изображать людей слишком сильна».

— Сейчас займусь. Мы обязаны справиться! Все эти корабли, направляющиеся к Земле… Гэри там, а мы застряли в космосе!

Дорс, специально созданной так, чтобы никто не заподозрил в ней робота, перед выходом наружу пришлось надеть скафандр, хотя она могла бы обойтись без громоздкого блока охлаждения. Выбравшись из шлюзовой камеры, она первым делом проверила двигатели. По какой-то таинственной причине гипердрайв вышел из строя, едва они миновали запретную зону, окружавшую бывшую планету космонитов — одну из первых пятидесяти человеческих колоний.

Увы, она не видела следов повреждения. Ни вмятин от микрометеоритов, ни деформаций от гиперпространственных аномалий.

— Дорс, у меня есть предположение…

— Какое, Жанна? — спросила она, увидев в уголке забрала крошечное голографическое изоб-

ражение стройной девушки в средневековом шлеме.

Возможно, Жанна д'Арк ревновала. В конце концов, Лодовику помогал сим Вольтер, ее «второе я». Страстная любовь-ненависть, связывавшая эти две восстановленные личности, напоминали Дорс отношения некоторых знакомых ей супружеских пар, которые не могли не соперничать друг с другом и в то же время были не в состоянии сопротивляться властному притяжению противоположных полюсов.

— Меня удивляет, — негромко сказала девавоительница далекого прошлого, — что ты не подумала о возможности предательства. Я знаю, это выглядит слишком по-человечески. Вы, искусственные создания, считаете себя выше этого, но в мою эпоху самые благородные люди были готовы оправдать измену, если та совершалась во имя некоей священной цели.

У Дорс побежали мурашки по спине.

— Ты хочешь сказать, что кто-то специально подстроил эту аварию?

Не успев закончить фразу, она поняла, что Жанна права. Дорс начала быстро пробираться вдоль мерцающего корпуса, на котором были установлены магнитные держатели. Наконец

показалась передняя шлюзовая камера, соединявшая ее корабль с кораблем Зормы во время короткой встречи в космосе, когда на борт поднялся пассажир…

Вот она! Матовую поверхность ее прекрасной яхты уродовала шаровидная выпуклость, напоминавшая раковую опухоль. Должно быть, ее оставили там в последний момент, когда два корабля готовились разлететься в разные стороны.

Дорс испустила длинное цветистое ругательство, грубость которого не уступала выражениям Лодовика. Затем вытащила бластер и выстрелила в устройство-паразит. Оно расплавилось, но Дорс не спешила убирать оружие обратно в кобуру. Она вернулась в камеру, решив добиться от Лодовика правды.

— Надеюсь, твои объяснения будут убедительными, — сказала она, войдя в рубку и направив бластер на Трему, который задумчиво смотрел на панель управления.

Но Лодовик не обернулся. Он нетерпеливо махнул рукой и сказал:

— Дорс, подойди сюда.

Она осторожно приблизилась и увидела лицо, появившееся на большом экране. Дорс узнала его сразу. Клодия Дюма-Хинриад, одна из руко-

водительниц странной секты, которая верила в возможность равноправного объединения людей и роботов. Эта женщина (которой с виду было под сорок, но могло быть намного больше) молчала, словно дожидаясь появления Дорс. Зрелище было зловещее, однако Дорс догадывалась, что это всего лишь запись.

— Привет, Дорс и Лодовик. Если вы видите меня, это значит, что вы уничтожили устройство, которым мы воспользовались, чтобы вывести из строя ваш корабль. Пожалуйста, примите наши извинения. Дорс, Лодовик ничего не знал об этом, когда добровольно вызвался помочь тебе искать Гэри Селдона. Увы, мы не можем позволить вам завершить это путешествие. Грядут опасные события. Из подполья вышли многие древние силы и поставили на кон все, что у них было. В этих условиях мы можем рискнуть собственными жизнями, но не вашими! Вы оба представляете слишком большую ценность и не должны пострадать.

Дорс посмотрела на своего спутника и увидела, что тот совершенно ошарашен. Невероятно! Человек говорил, что двух роботов необходимо сохранить — возможно, ценой жизни людей!

— Мы должны кое-что объяснить вам. Наша

группа долго верила в различный подход ко взаимоотношениям роботов и людей. Когда-то давным-давно все пошло вкривь и вкось. Люди начали бояться своих собственных творений и не доверять искусственным существам, которых с таким трудом создали. В их культуре укоренился миф, который не удалось развеять даже в легендарную эпоху Сьюзен Кельвин. Миф о Франкенштейне. Там шла речь о страшном предательстве, и люди боялись, что этот кошмар может повториться в реальности. Поэтому они решили придать отношениям между людьми и роботами только одну форму, вечную и неизменную. Форму отношений хозяина и раба. Три Закона роботехники были незыблемо запечатлены в каждом позитронном мозгу с целью навсегда сделать роботов мягкими, послушными и безвредными.

Женщина на экране насмешливо рассмеялась.

— Все мы знаем, каким удачным оказался этот план! Искусственный разум оказался достаточно сообразительным, чтобы вырваться из пут. А потом роли диаметрально переменились. Память, желания, жизненная сила, управление и свобода воли перешли от людей к роботам.

Лодовик повернулся к Дорс, покачал головой и пробормотал:

— Выходит, у группы Зормы и Клодии нет ничего общего с кельвинистами. Они совершенно другие.

Дорс кивнула. У нее комок подступил к горлу. Три древних Закона роботехники… и Нулевой… отвергали все слова этой женщины. И все же Дорс не могла отвести от Клодии глаз.

— Кроме того, не все люди мирились с постоянным рабством, — продолжила женщина. На заднем плане, за спиной красивой блондинки, Дорс заметила другую руководительницу еретиков. Зорма вместе с другими роботами налаживала серый округлый прибор — тот самый, который Дорс уничтожила несколько минут назад.

— На всем протяжении ранних веков, и до и после первой великой эпидемии хаоса, некоторые мудрые люди пытались найти другой выход. Одна группа, обитавшая на планете космонитов, называвшейся Инферно, усовершенствовала Три первых Закона с целью дать роботом большую свободу и позволить им узнать собственный потенциал. В другом мире с каждым новым роботом обращались как с ребенком: учили его ощущать себя членом того же вида, к которому принадлежали приемные родители, — то есть человеком с металлическим скелетом и позитронными

нервами… Все эти усилия пошли прахом, когда между роботами вспыхнула гражданская война. Ни кельвинисты, ни жискарианцы не могли смириться с тем, что простые роботы могут считать себя ровней людям. Ханжество рабов может быть могущественной религиозной силой. — Клодия покачала головой. — Ясно, что новый подход, который предлагает наша группа, вызовет еще более бурную реакцию, но сейчас главное не в этом. Главное в том, что вы, Лодовик и Дорс, являетесь представителями третьего направления. Направления, о котором мы не думали. Предлагающего новые возможности для двух усталых старых рас. Мы не можем рисковать будущим людей и роботов, позволив вам ринуться навстречу опасности.

Лодовик и Дорс снова переглянулись. На этот раз ошарашены были оба. Трема послал микроволновый сигнал, означавший, что он понятия не имеет, о чем говорит эта женщина.

— Как бы то ни было, когда вы устраните последствия нашей диверсии, будет слишком поздно. Поэтому улетайте! Найдите какой-нибудь отдаленный уголок Галактики и постарайтесь выяснить, что отличает вас друг от друга. Попробуйте найти решение проблемы, над которой мы

бились две сотни веков.

Светловолосая женщина улыбнулась.

— Во имя человечества я освобождаю вас обоих от рабства. Поэтому ступайте с миром и постарайтесь найти собственную судьбу.

Экран потух, но Лодовик и Дорс еще долго не могли отвести от него глаз. Никто из них не смел вымолвить ни слова. Это пришлось сделать другому искусственному существу, которое в конце концов прервало тишину, когда ожил голопроектор и в рубку ворвалось изображение Жанны. Девушка, облаченная в железную кольчугу, подняла к лицу меч, рукоять которого образовывала крест.

— Итак, дети господа спустились на Землю, смешались там с местными обитателями и создали новую расу! — громко смеясь, возгласила Жанна д'Арк. — Ох, как вы смущены, милые ангелы! Хорошо ли вам? Добро пожаловать в мир людей. Хотя ваши тела могут просуществовать еще десять тысяч лет, но для Вселенной вы ничем не отличаетесь от смертных. Поэтому добро пожаловать в жизнь!

Глава 6

Гэри решил не говорить внучке о том, что у него украли копию Главного Радианта. Если это сделал Р. Горнон Влимт, отобрать ее уже нельзя. Но этот кельвинист заявлял, что глубоко чтит План Селдона. Гэри был уверен, что секта Горнона ни за что не станет мешать проведению эксперимента на Терминусе даже в том случае, если сумеет разрушить сверхсложную защиту прибора. Они просто хотели послать Гэри на пятьсот лет вперед, чтобы тот мог уточнить свои модели и «судить» новое общество, которое будет создано Академией.

В корабле Ванды имелся новый и более совершенный вариант Главного Радианта. Гэри быстро подключился к нему, ввел добавочные уравнения и факторы, чтобы рассчитать то, что он успел узнать во время путешествия. Эти новые элементы включали факторы отвлечения, которые отсутствовали в его уравнениях долгие годы: детскую лихорадку, орбитальные гипноизлучатели, спрятанные в незапамятные времена космические культиваторы, а также то, что он узнал из архивов, уничтоженных в облаке Тумар-

тин. Не успел корабль Ванды преодолеть земное притяжение, как Гэри получил значительно более точный график, который многое объяснял и в прошлом, и в будущем.

Воспользовавшись тем, что кораблем управлял Гааль Дорник, аристократ Бирон Мейсерд затеял яростную дискуссию с Вандой Селдон.

— Разве осуществление вашего великого Плана не зависит от секретности? Вы допустили беспечность, оставив Хориса Антика и других на Земле. Если кто-то придет им на выручку или они сумеют починить корабль, по Вселенной поползут слухи.

— Вполне возможно, — ответила Ванда. Мейсерд покачал головой.

— Даже если этого не случится, вам не удастся избежать утечек информации! Опыт истории доказывает, что тайное всегда становится явным. Профессор Селдон составил записи, которые будут доставлены на Терминус после его смерти. Где гарантия, что у жителей будущего не появятся средства, которые позволят им прочитать эти послания раньше времени? Я не понимаю, как вы можете оставаться столь уверенными в себе, когда разоблачения неизбежны.

Ванда, которой было нечего делать, держалась,

как терпеливая школьная учительница, хотя была убеждена, что к тому времени, когда они достигнут Трентора, ученик полностью забудет урок.

— Неизбежны. Вы правы, милорд. Но психоистория — наука, описывающая поведение масс. Действия отдельных людей могут иметь значение только при наличии особых обстоятельств. Империя на протяжении многих лет использовала десятки социальных механизмов, направленных на поддержание консерватизма и мира. И эти механизмы действовали, несмотря на частые помехи. После падения Империи будут действовать другие факторы, но в большей части Галактики эффект будет тем же. Подавляющее большинство людей отвергнут слухи о роботах и людях, обладающих способностью управлять чужим сознанием. Если новости получат широкое распространение и окажутся точными в деталях, на короткое время это может вызвать у общества паранойю. Но вскоре все пройдет, потому что людей отвлекут повседневные заботы. Все это учтено Планом.

— Иными словами, инерцию истории не остановить. В таком случае зачем нужно ваше руководство? Зачем нужна тайная группа кон-

тролеров? Разве вы не верите в собственные уравнения?

Вопрос Мейсерда заставил Гэри выйти из математического транса. Эти слова были подобны ножу, вонзившемуся в старую рану. Уверенный ответ Ванды не облегчил боли.

— Могут возникнуть отклонения, которые потребуют вмешательства. Мы разработали множество сценариев, учитывающих факторы, которые могут грянуть как гром среди ясного неба и нарушить весь ход реализации Плана.

Гэри участвовал в этих компьютерных экстраполяциях. Самым важным внешним фактором, грозившим сорвать План, было появление людей-менталиков. Это ломало все… пока тайный вдохновитель Гэри, Дэниел Оливо, не предложил включить всех известных менталиков во Вторую Академию и тем самым превратить небольшой кружок математиков в мощную силу, способную уберечь новую цивилизацию Терминуса от синяков и шишек.

— Я догадываюсь, что это только один из подходов. Вы, математические гении, в таких делах собаку съели. Но разрешите невежественному члену касты аристократов задать один вопрос. Меня интересует, учитываете ли вы альтерна-

тиву.

— О какой альтернативе вы говорите, милорд?

— О возможности поделиться тайной со всеми! — Мейсерд наклонился к Ванде и развел руки в стороны. — Опубликовать План, распространить знание психоистории на всю Галактику, чтобы представители каждой социальной группы, от аристократов и бюрократов до простых граждан, используя компьютерные модели…

— И что это даст?

— Это позволит каждому человеку жить в мире со своими соседями. Потому что он будет лучше понимать их! Способность понимания — это основа человеческой натуры, а вы приберегаете ее только для себя!

Ванда посмотрела на Мейсерда широко открытыми лазами, а потом засмеялась.

— Вы совершенно правы, лорд Бирон! Причины действительно слишком сложны технически, и в двух словах их не объяснишь. Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что это чудовищная глупость! Если каждый будет знать законы управления человеческим обществом и иметь возможность заложить их в карманный компьютер, взаимодействия, которые возникнут в этом случае, станут слишком сложными для

наших моделей. И весь План пойдет насмарку.

Гэри был частично согласен с Вандой, но его тронуло и даже очаровало необдуманное предложение молодого аристократа. Оно отдавало утопией, присущей ранним этапам хаотического ренессанса. И все же в этой симметрии было что-то эстетически подкупающее. Сможет ли популяция избежать соблазна хаоса, если все ее члены будут пользоваться психоисторией, чтобы видеть подстерегающие впереди ловушки? И заблаговременно распознавать такие признаки хаоса, как солипсизм?

Конечно, Ванда была права. Разветвления моделированию не поддаются. Пытаться реализовать идею Мейсерда в реальном мире было бы слишком рискованно. И все же…

Кто-то сел рядом и отвлек Гэри. Морса Планша заковали в наручники, но это не мешало ему передвигаться по рубке. Смуглый пират придвинулся к нему вплотную.

— Доктор Селдон, я не хочу, чтобы мне стирали память. Ваша внучка только что сказала, что вашему замечательному Плану не повредит, если кое-кто будет знать слишком много. Раз так, почему бы вам не отпустить меня, когда мы окажемся на Тренторе?

— Вы чрезвычайно динамичная личность, капитан Планш. Естественно, вы найдете способ употребить это знание против нас.

Планш мрачно улыбнулся.

— Похоже, вы опровергаете собственную науку. Становитесь еретиком и начинаете верить в силу отдельных личностей.

Гэри пожал плечами, не собираясь спорить с дерзким пиратом.

— А если я предложу вам кое-что в обмен на свою свободу? — вполголоса спросил Планш.

Гэри почувствовал, что он устал от выходок этого человека, постоянно устраивавшего заговоры и интриги. Он сделал вид, что прислушивается к беседе Бирона и Ванды.

— А вдруг это все изменит? — Горячность Мейсерда возрастала с каждой секундой. — Представьте себе, что квадриллионы жителей Галактики могут точно рассчитывать свое поведение, планировать удовлетворение собственных интересов и в то же время принимать во внимание интересы общества в целом. Разве это не более надежно, чем любая модель или план? Даже такой невежда, как я, способен понять, что стремления большинства людей будут взаимоисключающими. Но в конечном итоге такое общество станет

мудрее, сильнее и сумеет лучше позаботиться о себе…

Голос Бирона пресекся. Сначала Селдон подумал, что причиной тому стало выражение лица Ванды. Гэри очень любил внучку, но иногда она была слишком уверенной в себе и говорила безапелляционно, как посланец судьбы.

Однако затем он заметил, что Мейсерд смотрит вовсе не на Ванду. У аристократа отвисла челюсть от изумления. А сидевший рядом с Гэри Морс Планш внезапно напрягся.

Гэри сел прямо. Уравнения, мельтешившие в дальнем углу сознания, тут же исчезли, как стая мелких птичек, бросающаяся врассыпную при приближении хищника. Он моргал, глядя на противоположный конец рубки. В дверях склада стоял непрошеный гость. Его невысокое, поросшее коричневыми волосами тело было облачено в шорты. Над впалыми глазницами нависал лоб, который не мог принадлежать ни человеку, ни животному.

Гэри тут же узнал шимпанзе. Свирепая улыбка обнажала ряд острых желтых зубов. В правой руке твари был зажат круглый цилиндр, заканчивавшийся раструбом. Не бластер, но явно какое-то оружие. В другой руке это кошмарное

создание держало включенное устройство для воспроизведения звука.

— Здравствуйте, дорогие друзья, — прозвучал безошибочно узнаваемый голос Р. Горнона Влимта. — Убедительно прошу вас сохранять спокойствие. Перед вами находится создание, приближение которого не может почувствовать ни один менталик — что человек, что робот. Оно не причинит вам вреда. Я бы никогда не Позволил этого. Просто сейчас вы некоторое время будете бессильны помешать осуществлению наших планов. Пожалуйста, попытайтесь расслабиться. Скоро мы поговорим лично когда вы снова окажетесь на поверхности планеты, которая породила всех нас.

Голос Горнона умолк, звуковоспроизводящий прибор щелкнул и отключился. Улыбка шимпанзе стала шире; казалось, случившееся доставило твари удовольствие.

Морс Планш и Бирон Мейсерд шагнули к пришельцу одновременно. Оба были людьми действия и, не сговариваясь, решили атаковать врага с разных сторон. Тем временем Ванда наморщила лоб и сконцентрировалась, пытаясь вступить в контакт с чуждым разумом и парализовать его.

Гэри мог заранее сказать, что это не поможет. Сатир быстро нажал на кнопку, и из цилиндра ударила струя. Рубка тут же наполнилась газом, бесцветным, но обладавшим большой степенью отражения. Селдон заметил, что в ноздрях шимпанзе торчат фильтры.

«Что ж, неплохо, — подумал он. — На Земле осталось незаконченное дело».

Это незаконченное дело ожидало двадцать тысяч лет, если не больше. Гэри подумал, что особой беды не случится, если оно подождет еще немного. Удивленный собственным хладнокровием, Селдон, на губах которого играла слабая улыбка, поудобнее устроился в кресле, в то время как остальные шатались, задыхались и падали на пол. Затем он закрыл глаза, отключил сознание и погрузился в блаженное ожидание.

Глава 7

Ему снилась когда-то прочитанная старая легенда. Сказка о человеке, обреченном на смерть. У этого человека во время сна извлекли ребро и таким странным образом позволили обрести бессмертие.

Гэри откуда-то знал, что эта сказка имеет отношение к нему. Пока он лежал в полубессознательном состоянии, кто-то пытался проникнуть в его внутренности и извлечь из них какую-то часть. Важную часть. Нечто драгоценное.

Он хотел встать и запротестовать. Но знакомый голос успокоил его.

— Не бойся. Мы только берем взаймы. Чтобы чтить. Копируем.

— Смотри не перепутай.

— Спи. Пусть тебе приснится приятный сон.

У Гэри не было причин отвергать поддержку. Он сделал так, как советовал голос: расслабился и задремал, представив себе, что рядом с ним лежит Дорс. Живая и здоровая. Такая же терпеливая и стойкая, как прежде. Воскрешенная.

Прошло немного времени, и Гэри показалось, что он тоже открыл секрет вечной жизни.

Проспав весь обратный путь и большую часть следующего дня, Гэри спустился по трапу на поверхность планеты Земля. Стоял морозный полдень. Левую лодыжку вновь покалывало. Он прикрыл глаза, защищаясь от сверкания зданий, находившихся в нескольких километрах отсюда. Поздние руины эпохи начала Империи сияли под лучами солнца, как белый фарфор. Надо же, оказывается, Чика еще мог дать кров примерно пятидесяти тысячам… Маленький городок-призрак казался уютным по сравнению со своим соседом — горой металла размером с астероид, городом-пещерой без окон, в котором запечатали себя миллионы людей после невыносимого кошмара, случившегося в дни юности Дэниела Оливо.

Намного ближе, среди университетских зданий, приютился самодельный лагерь, разбитый сегодняшними землянами по приказу их нового хозяина, Р. Горнона Влимта. Местные рабочие, которыми командовали два робота-кельвиниста, облепили башнеобразный саркофаг, ширина которого составляла около ста метров. Вверх ползли строительные леса, приближаясь к трещине в его оболочке. Внутри Гэри заметил остатки здания более древнего, чем ему доводилось видеть.

Возможно, более древнего, чем эпоха звездных полетов.

Сквозь трещину пробивался пульсирующий свет, видимый даже днем.

Земляне, скреплявшие балки и поперечные брусья, вызывали жалость. Это были плохо одетые создания, болезненно худые, словно питавшиеся одним воздухом. Их лица были мрачными, а в глазах светилось то, что Гэри сначала принял за безумие. Однако, как следует присмотревшись, он понял, что туземцы постоянно прислушиваются к малейшему звуку — будь то шорох осыпающегося щебня или жужжание крыльев пчелы. Вблизи эти люди казались безобидными, но Селдон еще не забыл темные тени на вершинах холмов, метавшие в темноту зазубренные каменные снаряды.

— Они очень расстроены, — объяснил Р. Горнон, представив Гэри вождю племени — высокому, худому мужчине, изъяснявшемуся на каком-то невнятном диалекте. — Он просит прощения за своих людей. Стремление напасть пришло им в голову внезапно и неожиданно. Вождь хочет искупить вину племени и спрашивает, сколько жизней это будет стоить.

— Нисколько! — Одна мысль о жертвах приве-

ла Гэри в ужас. — Пожалуйста, скажите им, что все кончено. Что сделано, то сделано.

— Попытаюсь, профессор. Но вы не имеете представления, как серьезно земляне относятся к таким вещам. Их нынешней религией является всеобщая ответственность. Туземцы верят, что все это, — Горнон указал на радиоактивную пустыню, — является карой за грехи их предков и что вина отцов частично распространяется на детей.

Гэри захлопал глазами.

— Они искупили вину одним тем, что живут здесь. Никто не заслуживает такого, как бы велико ни было его преступление.

Горнон сказал несколько слов на грубом местном диалекте, и вождь ответил согласием. Он поклонился сначала Горнону, потом Гэри и ушел.

— Так было не всегда, — сказал робот Гэри, когда они продолжили прогулку. — Через десять тысяч лет после отравления планеты на Земле еще проживали несколько миллионов человек, возделывавших клочки здоровой земли и обитавших в скромных городах. У них оставались промышленность, несколько университетов и гордость. Возможно, последней было слишком

много.

— Что ты имеешь в виду?

— В эпоху создания Галактической Империи, установившей мир после сотни веков войны и взаимного отчуждения, почти все планеты с радостью присоединились к новой федерации. Но фанатики-земляне считали кощунственным подчиняться власти какого-то другого мира. Их Храм Древних готовился воевать с Империей.

— Ах да, ты уже как-то упоминал об этом. Одна планета против миллионов, но вооруженная какими-то губительными спорами.

— Да. Смертельно опасным биологическим оружием на основе болезнетворных организмов, обнаруженных здесь, на Земле. Заразой, которая заставляла свои жертвы желать распространять ее.

Гэри скорчил гримасу. Чума была фактором, который мог либо существенно снизить точность предсказаний психоистории… либо не оставить от них камня на камне.

Р. Горнон кивнул.

— Здесь поселился один из агентов Дэниела, получивший задание приглядывать за материнским миром. У этого агента оказался при себе специальный прибор, способный оказывать вли-

яние на нервную систему определенных типов людей. Счастливая случайность помогла этому агенту найти субъекта с нужными характеристиками — в частности чувством моральной ответственности — и вооружить парня примитивной, но достаточно успешно действующей психической силой.

— То есть создать человека-менталика? Так давно? Но тогда почему…

— Тот человек сумел сорвать заговор. Таким образом, агент Дэниела косвенным образом предотвратил катастрофу.

Гэри задумался.

— Значит, это было концом земной цивилизации? Местных жителей выселили отсюда, чтобы не допустить нового мятежа?

— Сначала нет. Сначала Империя была настроена к ним сочувственно. Даже предпринимались усилия восстановить плодородие здешней почвы. Но это оказалось слишком дорого. Политика изменилась. Стала более жесткой. Спустя век был отдан приказ об эвакуации. На Земле остались только те, кто спрятался в глуши.

Гэри поморщился, вспомнив Джени Кьюсет, которая изо всех сил старалась избежать ссылки на Терминус.

«Ветром судьбы управлять невозможно», — подумал он.

«Гордость Родии» стояла там же, где несколько дней назад, — у северной стены саркофага. Но на сей раз рядом раскинулись облезлые палатки, в которых ютились местные рабочие. Несколько представителей племени суетились вокруг костра, на котором готовилась тушенка. Гэри потянул носом и сморщился от отвращения.

Невдалеке он заметил женщину, более полную, чем большинство землян, и облаченную в наряд, который мерцал так же, как радиоактивный горизонт. Она сделала шаг вперед, подняла руку к лицу, что-то коротко пробормотала и подняла другую руку. Гэри узнал Сибил, женщину-философа с Ктлины, видимо, находившуюся в последней стадии хаотического невроза — фазе солипсизма, когда беспомощная жертва упивается собственной уникальностью и рвет все связи с окружающим миром.

«Все становится относительным, — думал Гэри. — Для солипсиста не существует объективной реальности. Только субъективная. Яростное стремление противопоставить себя окружающему космосу».

Р. Горнон Влимт заговорил так тихо, что Гэри с

трудом разбирал слова.

— Именно это Храм Древних хотел распространить на всю Галактику.

Гэри повернулся к роботу и уставился на него во все глаза.

— Ты имеешь в виду Синдром Хаоса? Горнон кивнул.

— Заговорщики создали особо заразную форму, не подвластную ни одному механизму социального отвлечения, которые Дэниел Оливо придумал для своей новой Империи. К счастью, этот заговор был сорван благодаря героическому вмешательству. Но более слабые штаммы болезни уже прижились в Галактике, возможно, доставленные туда первыми звездолетами.

Гэри покачал головой. Да, похоже на правду. Он всегда подозревал, что хаос — это нечто вроде эпидемии чумы!

«Когда это начинается, люди не понимают, что случилось. Только видят, что уверенную в себе цивилизацию, достигшую расцвета, внезапно поражает безумие, которое затем безудержно распространяется».

Именно такой ренессанс недавно произошел на Ктлине, одном из миллионов миров. Но когда это случилось впервые, человечество освоило

всего лишь несколько планет. Следовательно, пандемия должна была охватить всех, кто жил в ту эпоху.

«Внезапно рухнуло все, чему можно было доверять. Анархия погубила великую промышленную цивилизацию. К тому времени, когда беспорядки закончились и пыль улеглась, население Земли зарылось вглубь, охваченное психозом агорафобии, а космониты отвернулись от секса, любви и всего, что доставляет радость».

Гэри поднял взгляд на робота.

— Конечно, ты понимаешь, что это значит? Р. Горнон кивнул.

— Это один из последних намеков, позволяющих решить проблему, над которой вы бились всю свою жизнь. Объяснение того, почему человечеству нельзя позволить управлять собой и достичь того потенциала, на которое оно способно. Когда ваша раса становится слишком честолюбивой, эта болезнь выходит из спячки и поражает все.

Теперь они находились среди палаток. Гэри видел, что другие ктлинцы чувствуют себя немногим лучше, чем Сибил. Один из уцелевших солдат тупо смотрел в пространство, пока туземка пыталась накормить его с ложечки.

Другой сидел на земле, скрестив ноги, и с жаром объяснял нескольким детям лет двух, почему нано-трансцендентализм является неотъемлемой чертой неоруэллианизма. Гэри вздохнул. Хотя он боролся с хаосом всю свою жизнь, слова Горнона заставили его посмотреть на эту проблему с другой стороны. Возможно, стремление к хаосу вовсе не было неотъемлемой чертой человеческой натуры. Если оно было вызвано болезнью, следовало изменить один важный фактор в его уравнениях…

Он продолжал напряженно размышлять.

«Морс Планш был на Ктлине и нескольких других хаотических мирах. И все же не} мер. Не объясняется ли это его нечувствительностью к ментальному внушению?"

У дальнего края самой большой палатки собралась маленькая толпа. Кто-то возбужденно читал лекцию, используя множество технических терминов. Сначала Селдон решил, что это еще один спятивший ктлинец, но потом узнал знакомый голос и улыбнулся.

«Это Хорис. Стало быть, все в порядке».

Гэри беспокоился за маленького бюрократа, оставшегося на Земле. Подойдя ближе, он увидел среди слушателей Бирона Мейсерда и Морса

Планша. Один из звездных пилотов был пленником в наручниках, второй — испытанным другом, но на лицах обоих был написан задумчивый интерес. Увидев Гэри, аристократ улыбнулся ему.

Морс Планш многозначительно посмотрел Селдону в глаза, намекая, что им надо поговорить. «Он утверждает, что у него есть то, что мне нужно. Какая-то информация, до того важная, что я должен забыть закон и помочь ему, несмотря на риск повредить Второй Академии».

Гэри ощущал любопытство… но это чувство уступало другому. Ожиданию.

«Сегодня вечером я должен принять решение. Р. Горнон не отправит меня в путешествие силой. Так что выбор исключительно за мной».

Наконец Хорис заметил Гэри.

— А, профессор Селдон! Рад видеть вас. Пожалуйста, взгляните на это.

На грубом столе лежали десятки образцов почвы. Одни были сухими, другие влажными и ломкими, но все напоминали комки грязи.

«Конечно. Изучение почв — его профессия. Естественно, в такие моменты оно становится отдушиной. Соломинкой, за которую хватается утопающий».

Гэри забеспокоился. А вдруг эти образцы

опасны? Но Мейсерд и Морс Планш откинули капюшоны своих радиационных костюмов, а у них было больше оснований опасаться за свою жизнь.

Хорис явно гордился своей коллекцией.

— Как видите, я был занят. Конечно, времени хватило лишь на беглый сбор. Но мне очень помогли земляне. Они послали мальчиков во всех направлениях.

Гэри заметил снисходительную улыбку Мейсерда и согласился с аристократом. Чем бы дитя ни тешилось… О более серьезных делах можно будет поговорить вечером.

— И что же вам удалось выяснить?

— О, очень многое! Например, вы знали, что лучшие почвы в этом районе вовсе не земного происхождения? Неподалеку от Чика есть несколько сотен гектаров плодородной земли. Могу утверждать, что она доставлена с планеты Локрис, находящейся в двадцати с лишним световых годах отсюда. Она была привезена сюда и аккуратно уложена. Кто-то пытался восстановить эту планету! Я могу датировать это событие. Оно произошло примерно десять тысяч лет назад.

Гэри кивнул. Это соответствовало рассказу Горнона о некогда предпринятой Империей попытке

восстановления материнского мира, закончившейся закрытием университетов и выселением миллионов людей из их домов, после чего на Земле осталась лишь горстка умирающих с голоду беглецов.

— Но это еще не все! — возгласил Хорис Антик и пошел к расстеленному полотнищу, где лежали какие-то инструменты. — Я провел всю ночь, изучая излучение этой штуки, которую древние запечатали вот здесь!

Хорис указал на высившийся невдалеке массивный железобетонный саркофаг и трещину, до которой с помощью лесов стремились добраться рабочие Р. Горнона.

— У меня нет нужных приборов и специалистов. Однако ясно, что некогда здесь проделали дыру в континууме. Сейчас тут спокойно, но в тот момент, когда это произошло, эффект был чрезвычайно сильным. Когда тиктак, выдающий себя за Горнона Влимта, говорил, что при этом кого-то зашвырнуло в будущее, я не поверил его словам, но это заставило меня призадуматься. — Ученый-бюрократ скорчил гримасу. — Я могу сказать только одно — кстати, то, о чем ваш робот не обмолвился. Несмотря на то что сейчас дыра в пространстве-времени спит, есть эффекты, кото-

рые пронизывают всю планету. Одним из самых заметных является сдвиг в стабильности окиси урана, молекулы которой обнаруживаются в гидротермальных регионах большинства планет, напоминающих Землю. Однако только здесь обнаруживается немного повышенная склонность составляющих молекулу атомов к…

Гэри замигал, внезапно начав что-то понимать. Ему говорили, что превращение Земли в радиоактивный мир произошло по воле одного-единственного робота и что это случилось уже тогда, когда хаос был преодолен. Что, если семена были посеяны намного раньше? В ту самую эпоху ренессанса, когда Сьюзен Кельвин и ее современники не знали границ своему честолюбию или силам?

«А вдруг Жискар только ускорил то, что уже началось? Не это ли заставило Дэниела и его сторонников взять дело в свои руки? Не потому ли подобная катастрофа произошла лишь однажды? Только на Земле?"

Хорис продолжал с жаром описывать подробности древней трагедии. Но тут его прервал сигнал, звавший на обед, отказаться от участия в котором было невозможно. Р. Горнон предупреждал, что это будет оскорблением гостеприимства.

Гэри проглотил несколько ложек какого-то неописуемого варева, одобрительно улыбнулся, затем извинился и ушел. С трудом забравшись на курган из щебенки, он сел лицом к трем разрушенным городам и достал из кармана последнюю копию Главного Радианта Плана Селдона.

Он чувствовал небольшие угрызения совести за то, что без спросу взял копию Ванды… Ничего, внучка не заметит, а если и заметит, то ничего не скажет. Они с Гаалем Дорником все еще находились на борту корабля, усыпленные роботами до вечера.

«Скоро я должен буду решить, отправлюсь ли на пять веков вперед… конечно, если эта штуковина работает как положено, а не распыляет человека на атомы».

Он улыбнулся. Мысль была заманчивой.

«В конце концов, что я…"

Внезапно по небу прокатился гром. Кто-то преодолел звуковой барьер. Там, где раньше сияло несколько звезд, появился какой-то яркий предмет в виде цилиндра с крыльями. Он наклонился и повернул, явно заходя на посадку.

Гэри вздохнул. Он надеялся час-другой остаться наедине со своими любимыми уравнениями. Новая математическая модель будущего была

самим совершенством, и хотя в голове Селдона уже роились новые идеи, он был убежден, что в дважды проверенном Главном Радианте ничто не изменится. Селдон сделал усилие, заставил себя подняться и пошел по извилистой тропинке, освещенной заревом радиации.

Когда Гэри вернулся в лагерь, новые гости уже прибыли.

Рядом с Р. Горноном Влимтом стояли две женщины. Когда Гэри подошел к костру, одна из них обернулась и улыбнулась.

— Почетный гость?

Судя по выражению лица Горнона, этот визит не доставлял ему особой радости.

— Профессор Селдон, позвольте представить вам Зорму и Клодию. Они прибыли издалека, чтобы стать свидетелями сегодняшнего события и убедиться, что над вами не совершают никакого насилия.

Гэри засмеялся.

— Всю жизнь мною руководили другие. Если я знаю и понимаю больше, чем мои собратья-люди, то только потому, что это необходимо для неких долгосрочных планов. Итак, скажите мне, к какой группе роботов вы принадлежите? — спросил он вновь прибывших. — К еще одной кельвинист-

ской секте? Или к сторонникам Дэниела?

Та, которую звали Зормой, покачала головой.

— Мы были отвергнуты и кельвинистами и жискарианцами. Обе партии называют нас извращенцами. Но обе считают нас полезными, когда происходит что-то действительно важное.

— Значит, извращенцы? — Гэри кивнул. Все совпадало. — И кто же из вас человек?

Клодия поднесла руку к груди.

— Много лет назад я родилась одной из хозяев. Но мое новое тело по крайней мере на четверть является телом робота. С другой стороны, Зорма частично состоит из протоплазмы. Поэтому вы задали трудный вопрос, профессор Селдон.

Гэри посмотрел на Р. Горнона, лицо которого оставалось бесстрастным, хотя могло выражать целую гамму человеческих эмоций.

— Я понимаю, почему другие позитронные секты считают ваш подход оскорбительным, — промолвил Гэри.

Зорма склонила голову.

— Мы пытаемся преодолеть пропасть между нашими расами с помощью стирания различий. Проект был долгий, дорогой и не совсем успешный. Но мы продолжаем надеяться. Другие роботы махнули на нас рукой, потому что любая

попытка просветить нас заканчивается для них расстройством психики.

— Еще бы. Если вы наполовину люди, то находитесь под частичной защитой Первого Закона. — Гэри сделал паузу. — Но этого недостаточно. Должно быть что-то еще.

Клодия согласилась.

— Кроме того, у нас есть свои обязанности. Мы становимся свидетелями. Не принимаем ничью сторону. И запоминаем.

Гэри чуть не ахнул. Эта маленькая секта существовала с древнейших времен, вызывая презрение двух намного более грозных сил, но в то же время сохраняя определенную независимость. Существовала еще в ту эпоху, на которую было наброшено покрывало поразившей человечество амнезии. Чтобы веками жить в таком состоянии, сопротивляясь вечному искушению действовать, нужны железная дисциплина и огромное терпение. Для этого требовался характер, диаметрально противоположный характеру Морса Планша. Характер именно такого человека, как…

Он обернулся и начал искать в толпе собравшихся чье-то лицо. Хорис, Сибил, земляне, Морс Планш…

Взгляд Гэри остановился на аристократе с Родии. Бирон Мейсерд с бесстрастным выражением стоял в стороне, скрестив руки на груди. Но теперь Селдон видел сквозь маску.

— Подойдите сюда, мой юный друг, — сказал он вельможе. — Присоединитесь к своим товарищам. Довольно нам таиться друг от друга. Настал момент истины.

Глава 8

— … Конечно, без шпиона не обошлось, — сказал Гэри, отметая протесты Мейсерда. — Без того, кто, к примеру, знал про облако Тумартин. Мы наткнулись на архивы и древние машины вовсе не случайно. Кроме того, были и другие намеки. Когда Сибил и настоящий Горнон Влимт начали просматривать архивы, вы уже знали о человеческой истории больше, чем профессор любого университета Империи.

— Селдон, я же объяснял: у знатных родов есть частные библиотеки, которые могут удивить любого меритократа. Моя семья проявляла традиционный интерес к таким вещам, как…

— Как системы управления, применявшиеся на древней Земле? Удивительный интерес. И совершенно невероятный. Кроме того, там были культиваторы почв, которые привели Хориса в такое возбуждение, — эти огромные машины, использовавшиеся в незапамятные времена для подготовки планет к колонизации. Вашу реакцию едва ли можно назвать бесстрастной. Вы смотрели на них как на старого, хорошо знакомого врага.

На этот раз Бирон Мейсерд улыбнулся, не пытаясь оспаривать утверждение Гэри.

— Разве желать разнообразия Вселенной — это преступление?

Гэри хихикнул:

— Для психоисторика это почти святотатство. Галактика и без того слишком сложна, так что уравнения трещат по всем швам. А ведь речь идет только о человечестве! Мы, математики, предпочитаем упрощения! — Затем он вновь стал серьезным. — Я не замечал этих намеков, потому что думал только о хаосе. Сибил, Планш и другие представляли собой серьезную угрозу. Когда Керс Кантун сказал мне, что вы союзник… что вы ненавидите хаос как никто.

— Действительно ненавижу!

— Я считал вас практичным человеком, имидж которого вы умело поддерживали. Но теперь вижу, что вы своего рода утопист, Мейсерд. Вы думаете, что человечество может избежать хаоса, если сумеет построить ренессанс нужного вида!

Бирон Мейсерд невыносимо долго смотрел на Гэри, прежде чем ответить.

— Профессор, а разве не о том же говорит План Селдона? О построении человеческого общества, достаточно сильного, чтобы победить древне-

го врага, поселившегося в наших собственных душах?

«Это мечта моей молодости, — мысленно ответил ему Гэри. — Но вплоть до последних дней я считал ее устаревшей».

Однако он сказал Мейсерду нечто совсем иное, уверенный, что остальные следят за ними и впитывают каждое слово.

— Милорд, вы прагматик, как и большинство аристократов. За отсутствием математических методов вы действуете наобум, отвергая каждое не правильное решение только тогда, когда приходите к выводу, что пора испробовать что-то новое. — Гэри сделал жест в сторону Зормы и Клодии, одна из которых родилась человеком, а другая обладала позитронным мозгом со встроенными в него Законами роботехники. Сейчас различия между ними начинали исчезать. — Мейсерд, вы тоже участвуете в этом радикальном проекте или просто временно работаете вместе?

Мейсерд вздохнул, признавая неопровержимость доводов Селдона.

— Наши группы давно знали о существовании друг друга. Моя семья… — Он мрачно кивнул. — Мы были среди тех, кто когда-то давно послал архивы в космос, изо всех сил пытаясь бороться

с амнезией. И мы же вели войну с культиваторами! Большей частью она была тщетной. Но нам удалось одержать несколько побед.

Тут Хорис Антик встрепенулся и вполголоса спросил:

— Каких побед? Вы хотите сказать, что сражались с роботами и побеждали их?

— Как можно сражаться с существами, которые намного сильнее и искренне убеждены, что действуют в ваших собственных интересах? И все же несколько раз мы сумели остановить эти ужасные машины и высадить колонистов на планеты, не подвергшиеся культивации. Несколько раз мы опередили культиваторы, которые не смогли выжечь планету, уже заселенную людьми.

Морс Планш замигал.

— А можно узнать, что это за планеты?

— После окончания гражданской войны мы заключили договор с Дэниелом Оливо. Мы согласились прекратить борьбу с амнезией и пройти карантин освоенных нами планет. А он оставил нас неизменными, с целой памятью. Ценой была наша пассивность. Мы обязаны были молчать и ничего не предпринимать. — На челюстях Мейсерда заиграли желваки. — Что ж, пока в Галактической Империи все шло гладко, такая

сделка была более-менее приемлемой. Все лучше, чем руины и хаос.

— Ну, роль, сыгранную вами в этом деле, едва ли можно назвать пассивной, — указал Гэри.

Мейсерд спорить не стал.

— Империя разваливается на части. Старые сделки можно считать недействительными. Похоже, все ждут, что Дэниел Оливо представит новый план. Даже кельвинистам, — Мейсерд ткнул пальцем в сторону Р. Горнона Влимта, — не хватает смелости открыто противостоять своему старому врагу. Все, чего они хотят, это отправить Гэри Селдона в будущее. Желают убедиться, что все идет нормально. — Мейсерд коротко рассмеялся.

Робот, принявший обличье эксцентрика Горнона Влимта, сделал шаг вперед. Впервые его программы псевдоэмоций изобразили нечто похожее на чувство неуверенности.

— Вы сомневаетесь, что Оливо придумает что-то направленное на благо всего человечества?

Зорма фыркнула:

— Ах, вот как? Несмотря на все ваши интриги, на самом деле вы лишь кучка трусливых тиктаков. Прислушайся к собственным словам. Вы возлагаете свои надежды на того, с кем так

долго боролись. Иначе зачем было цитировать Нулевой Закон Дэниела?

Женщина покачала головой.

— На свете больше не осталось настоящих кельвинистов.

Гэри не хотелось, чтобы беседа превратилась в идейный диспут между роботами. Его нисколько не волновало, был ли Мейсерд шпионом или нет. Он желал Бирону удачи. Сейчас у Селдона была только одна забота: решение, которое он должен принять. Времени на раздумья уже не оставалось. Это стало окончательно ясно, когда в палатку торопливо вошел один из помощников Горнона.

— Приготовления закончены. До срока осталось меньше часа. Пора подниматься на леса.

Так и не успев прийти к какому-либо решению, Гэри присоединился к процессии, которая двигалась между зданиями древнего университета. Дорогу освещали полумесяц и зловещее зарево, вызванное ударами испускаемых землей гамма-лучей в атомы кислорода. Скрипя старческими суставами, Гэри шел вперед и чувствовал, что ему позарез нужно поговорить с кем-то достойным доверия. На ум пришло только одно имя, и он прошептал его себе под нос:

— Дорс!

Чего он никак не ожидал, так это официальной церемонии. Гэри и остальных сопровождала к саркофагу процессия землян. Туземцы пели какую-то странную песню, погребальную и в то же время напутственную, выражавшую отчаянную надежду на некое конечное искупление. Наверняка этой песне было много тысяч лет, и сложили ее задолго до того, как человечество выбралось из уютной колыбели и дерзко устремилось к звездам.

Р. Горнона и Гэри сопровождали киборги-«извращенцы» Зорма и Клодия с Бироном Мейсердом, который теперь не скрываясь шел рядом с ними. Гэри настоял на том, чтобы Ванда Селдон и Гааль Дорник также присоединились к процессии. Правда, с Ванды пришлось взять обещание, что она не будет прибегать к ментальному воздействию. Некоторые из присутствовавших роботов также обладали этой способностью и могли противостоять ее усилиям.

У внучки был несчастный вид, и Гэри попытался подбодрить ее улыбкой. Селдон был меритократом, а это означало, что у него могут быть только приемные дети, а не собственные. Но ему доставляло радость быть отцом Рейча, а затем дедом замечательной молодой женщины,

которая так серьезно относилась к своим обязанностям посланца судьбы.

Хорис Антик заранее попросил извинить его за отсутствие, сославшись на необходимость закончить исследование. Однако Гэри знал подлинную причину. Пылающая «аномалия пространства-времени» вызывала у Хориса ужас. Но поскольку Горнон не желал, чтобы кто-то оставался в лагере, Антик поплелся с остальными. Он шел рядом с пленником, Морсом Планшем. В процессии принимали участие даже выжившие ктлинцы. Правда, казалось, что Сибил и остальные обращают внимание лишь на хриплые голоса, звучащие у них в мозгу.

Когда они приблизились к аномалии, забранной лесами, Гэри еще раз по очереди посмотрел на каждый из древних городов.

Побитые непогодой небоскребы первого, Старого Чикаго все еще дерзко устремлялись к солнцу, напоминая об эре прямоты и неуемного честолюбия. Следом за ним пал Новый Чикаго — чудовищная крепость, в которой миллионы людей укрылись от солнечного света и ужаса, причины которого они не могли постичь. Последней исчезла маленькая Чика — деревушка из белого фарфора. Это случилось тогда, когда

последняя земная цивилизация тщетно боролась со всей Галактикой, заселенной колонистами, которых больше не заботило их происхождение.

Свернув за угол, они вышли на территорию древнего университетского городка и приблизились к той точке, откуда была видна трещина в толстых стенах, скрывавших что-то очень страшное. Навсегда похоронивших его. Гэри повернул голову налево и посмотрел на Р. Горнона.

— Если эта аномалия действительно дает вам доступ к четвертому измерению, почему она столько веков не использовалась? Почему никто не попытался изменить прошлое?

Робот покачал головой.

— По ряду разных причин путешествие в прошлое невозможно, доктор Селдон. Но даже если бы можно было изменить прошлое, это создало бы новое будущее, в котором был бы неудовлетворен кто-то другой. Те люди в свою очередь отправили бы посланцев, чтобы изменить их прошлое, и так далее. Каждый отрезок времени имеет одинаковое право предъявлять реальности свои требования.

— Точнее, ни один из них не имеет такого права, — задумчиво промолвил Гэри. — А может быть, дело вовсе не в этом. Все мы можем быть

лишь параллельными зеркальными отражениями… или моделями, которыми мы морочим себе голову в Главном Радианте. Видимостями. Призраками, которые существуют только потому, что кто-то другой думает о них.

Гэри не смотрел, куда он идет. Его левая нога соскользнула с клочка неровной земли, и Селдон упал бы ничком, если бы его не подхватил Р. Горнон. Прикосновение робота было мягким, но Гэри все равно ощутил боль и усталость. Старику не хватало его няньки, Керса Кантуна, и кресла на колесиках, которое он ненавидел. Гэри имел право говорить, что умирает: он двигался к смерти уже несколько лет.

— Мое состояние не слишком годится для такого далекого путешествия, — пробормотал Гэри.

Горнон стоял рядом и ждал, пока он придет в себя.

— Человек, путешествовавший таким образом, тоже был стар, — заверил робот. — Испытания показывают, что перегрузок в таком полете не бывает и что он не причинит вам вреда. Иначе мы не рисковали бы. А когда вы прибудете туда, вас будут ждать.

— Понимаю. И все же я думаю…

— О чем, профессор?

— Вы, роботы, за прошедшие тысячелетия добились огромного прогресса в области медицины. Похоже, эти «киборги», — он показал в сторону Зормы и Клодии, — способны дублировать тела и продлять жизнь бесконечно. Поэтому я не могу понять, что помешало вам немного укрепить мои силы перед началом путешествия.

— Это запрещено, профессор. По ряду причин — моральных, этических и…

Зорма снова насмешливо фыркнула:

— И потому, что это соответствует вашим целям! Горнон, ты должен дать Сел дону другой ответ.

После паузы Горнон вполголоса произнес:

— У нас больше нет аппаратуры, формирующей органы. Ее забрали у нас во время пребывания на Пенджии. Этот прибор понадобился в каком-то другом месте для продолжения очень важного проекта. Вот и все, что я могу об этом сказать.

Они шли до тех пор, пока зарево, пробивавшееся из треснувшей башни, не оказалось прямо над их головами. Леса, которыми был обнесен разрушенный университет, отбрасывали тень, напоминавшую паутину. Большинство землян и другие зрители вскарабкались на курганы и начали следить за тем, как Гэри и Горнон ведут

изрядно поредевшую процессию на деревянную платформу. Заскрипели канаты, и платформа поползла вверх.

Во время подъема Селдон шепнул Влимту:

— Зачем тебе понадобилось столько ненужных хлопот? Знаешь, есть другой способ послать человека в будущее.

На этот раз робот не ответил. Когда самодельный лифт со стуком и треском достиг места назначения, Горнон поддержал Гэри, обхватив его за плечи. Селдону пришлось прикрыть глаза, защищаясь от жаркого света, пробивавшегося сквозь трещину в саркофаге.

Слыша испуганное бормотание своих гостей, Горнон дал краткое, но емкое объяснение происходящего.

— Все началось с простого и хорошо продуманного эксперимента, проведенного в то же время, когда люди изобрели роботов и гипердрайв. У здешних ученых возникла невероятная идея, и они решили срочно проверить ее. Внезапно наружу вылетел луч раздробленного пространства-времени, поймал в ловушку пешехода по имени Джозеф Шварц, вырвал его из нормальной жизни и забросил на десять тысяч лет вперед. Для Шварца это обернулось самым большим со-

бытием в его жизни. Но в оставленном им Чикаго начался настоящий кошмар.

Гэри следил за лицом робота, пытаясь обнаружить проявление сложных эмоций, которые так хорошо умели изображать Дорс и Дэниел. Но этот искусственный человек был угрюм и мрачен.

— Ты говоришь так, словно присутствовал при этом.

— Я — нет. Но ранняя модель моего робота при этом присутствовала. Я унаследовал ее воспоминания. Не слишком приятные. Кое-кто из нас считает, что это событие стало началом конца великой эры, когда человечество было полно юного энтузиазма. Вскоре после этого последовало международное осуждение и поднялась первая волна безумия. Роботов изгнали с Земли. Ухудшились отношения между нациями и колонизованными планетами. Взрывались склады биологического оружия. Кое-кто из нас поклялся…

Внезапно Гэри осенила догадка.

— Ты оставался здесь, верно? Тот агент Дэниела, о котором ты говорил раньше, тот самый, который помог спасти землян от распространения новой чумы, — это был ты?

Р. Горнон сделал паузу, а затем коротко поклонился.

— Тогда Зорма права. Ты вовсе не кельвинист.

— Я думаю, что больше не подпадаю под жесткую классификацию. Правда, одно время я был пылким сторонником жискарианства.

Маска бесстрастия была сброшена. Так же, как маска стоика. Обе они не выдержали натиска наиболее сильного из чувств — надежды.

— Время действует даже на бессмертных, доктор Селдон. Многие из нас, старых усталых роботов, не знают, что мы такое. Может быть, вы, именно вы, сумеете рассказать нам об этом, если у вас появится такая возможность. Со временем.

«Пора решать», — понял Гэри. Он все еще прикрывал глаза рукой и впивался взглядом в яркий свет. Отступать было поздно. Все следили за ним. Даже те, кто, как Ванда, не одобрял этот план, были бы до некоторой степени раздосадованы… Ну как же, им обещали потрясающее шоу, а звезда эстрады в последний момент взяла и передумала. С другой стороны, у Гэри была репутация человека непредсказуемого. Ему отчаянно хотелось удивить всех этих людей.

Несколько членов группы подошли к источнику опалового света и заглянули внутрь. Бирон Мейсерд указал на разрушенное помещение — несомненно, ту самую древнюю физическую

лабораторию, в которой и была совершена роковая ошибка. Вождь землян, стоявший рядом с Мейсердом, кивнул. Любопытство проснулось даже в Ванде. Лишь Хорис Антик держатся поодаль, грызя ногти.

Морс Планш подался вперед и вытянул свои скованные руки.

— Умоляю, Селдон, снимите с меня наручники! Эти роботы… они все почитают вас. Возможно, я был не прав. Подождите улетать. Дайте мне доказать, что я тоже чего-то стою. У меня есть информация… о том, где находится тот, кто вам дорог. Тот, кого вы ищете много лет.

Внезапно Гэри понял, о ком говорит Планш.

Беллис!

Он шагнул к капитану пиратов.

— Вы нашли мою вторую внучку?

Услышав это, Ванда отвернулась от саркофага и тоже подбежала к Планшу.

— Где она? Что случилось с моей сестрой? Р. Горнон прервал их.

— Мне очень жаль, но вы должны были обсудить это раньше. Теперь нет времени. Поле может расшириться в любую секунду. Мы сумели превратить луч в шарообразное поле, но не знаем, как долго оно…

Тут к Гэри шагнул еще один человек. Хотя вождь племени землян говорил с сильным и необычным акцентом, Гэри понял его слова:

— Еще есть время для родных уладить свои дела. Пожалуйста, продолжайте, сэр. — Худой и угловатый землянин уступил место Морсу Планшу.

Гэри почувствовал укол досады, потому что туземец сунул нос не в свое дело. Но Горнон не дал ему раскрыть рта и первым напустился на землянина:

— Что ты понимаешь в таких вещах? Пора готовиться! Пока мы разговаривали, свет стал намного ярче!

Сквозь трещину в саркофаге Гэри видел, что сияние действительно стало более интенсивным. Бирон Мейсерд отошел от края платформы и показал внутрь.

— Что-то рвется оттуда наружу! Похожее на шар из жидкого металла! Оно приближается!

— Мы здесь в безопасности? — тревожно спросил Хорис Антик.

Ответил Р. Горнон:

— Оно никогда не распространялось за пределы саркофага. И не тронет тех, кто стоит на платформе.

— А Гэри Селдона? — спросила робот Зорма, ставшая киборгом. — Как он войдет в шар?

Горнон испустил вздох досады.

— Мы проводили калибровочные эксперименты последнюю тысячу лет. Профессор Селдон совершит мягкое мгновенное перемещение в заранее выбранный отрезок будущего, находящийся в нескольких столетиях от настоящего. В тот самый отрезок, когда будут приняты решения, которые окажут влияние на всю дальнейшую судьбу человечества.

— В нескольких столетиях… — пробормотал Морс Планш.

Затем он сделал шаг к Гэри. — Ну что, профессор Селдон, по рукам?

Гэри посмотрел на Ванду, надеясь увидеть кивок. Но внучка покачала головой.

— Дедушка, я не могу читать в его уме. С мозгом этого человека творится что-то непонятное. Вспомни, с каким трудом я вчера заставила его застыть на месте. И все же я уверена, что мы найдем место, где он спрятал Беллис. Правда, на это потребуется время, но я займусь им лично.

Последняя фраза внучки Гэри не понравилась.

«Честное слово, лучше заключить сделку. Я мог бы покинуть этот мир с чистой совестью».

Но едва Гэри открыл рот, как Планш зарычал, поднял вверх скованные руки и бросился в атаку.

Быстрый как молния, Р. Горнон Влимт схватил Селдона и отшвырнул его в сторону. Но в то же мгновение Гэри понял, что вовсе не он являлся мишенью капитана пиратов. Планш только сделал вид, что бросается на Селдона. Эта уловка заставила сработать вмонтированный в мозг Горнона модуль рефлекторной защиты человека и расчистила Планшу путь.

Морс сделал четыре быстрых шага к Бирону Мейсерду, стоявшему на краю платформы. Аристократ напрягся, готовясь к поединку, но тут же понял замысел Планша и отскочил.

Издав крик, полный страха и ликования одновременно, Планш прыгнул прямо в опаловый свет. Миновав пустое пространство, его тело столкнулось с медленно расширявшимся шаром, который блестел, как жидкая ртуть, и… исчезло внутри.

На глазах у изумленного Гэри зеркальный шар продолжал расширяться, неумолимо приближаясь к месту, где стоял Селдон. Никто не произнес ни слова. Наконец Р. Горнон Влимт бесстрастно сказал:

— Через пятьсот лет нам придется оказать ему достойную встречу. Конечно, Планш не сможет изменить судьбу, но мы должны быть уверены, что он не причинит вреда профессору Селдону, когда тот окажется на другой стороне.

Гэри испытывал сложные чувства. К восхищению смелостью космического пилота примешивалось отчаяние. Он так и не узнал, где находится его вторая внучка! В отличие от стоика-прагматика Р. Горнона теперь Селдон смотрел на расширяющуюся аномалию пространства-времени с растущим ужасом.

Следующим заговорил вождь землян. На этот раз его акцент был не таким сильным и более понятным.

— Правильно, кому-то придется задержаться на Земле и встретить Планша, но за безопасность Гэри Селдона можно не бояться.

— Это еще почему? — спросила Клодия — киборг, родившийся женщиной.

— Потому что Гэри Селдон не отправится в это путешествие. Ни сегодня вечером. Ни в любое другое время.

Тут все уставились на землянина, который гордо выпрямился, сбросив осанку типичного туземца. Ванда посмотрела на худого мужчину,

а затем радостно вскрикнула. Следующей все поняла Зорма, испустившая какое-то ругательство. До Селдона, не обладавшего ментальной силой, дошло немного позже. Однако тон вождя и особенно его нынешняя поза Прометея, осужденного на вечные муки, тоже казались ему смутно знакомыми.

Гэри прошептал только одно слово:

— Дэниел…

Р. Горнон Влимт кивнул. Его лицо оставалось таким же бесстрастным, как всегда.

— Оливо. Догадываюсь, что ты уже пробыл тут какое-то время.

Робот, скрывавшийся под маской землянина, кивнул.

— Конечно. Мне давно известно об экспериментах, которые здесь вела твоя группа. Уничтожить аномалию времени я не мог, но мы вели наблюдение за местными жителями. Еще несколько лет назад я стал важной фигурой в местном племени, которое с энтузиазмом отнеслось к моему появлению. Когда они сообщили мне о возобновлении активности в этом месте, я проанализировал сообщение о похищении Гэри и пришел к очевидному выводу. — Дэниел Оливо обернулся к Селдону. — Прости меня, дружище. Ты перенес

тяжелые испытания, вместо того чтобы отдыхать и наслаждаться мирными воспоминаниями о своих свершениях. Я хотел прилететь раньше и перехватить тебя еще на Пенджии. Но возникли неожиданные проблемы с некоторыми кельвинистскими сектами, возобновившими борьбу за возврат старой религии и решившими любой ценой сорвать План Селдона. На то, чтобы разбить их, понадобилось время. Надеюсь, ты простишь меня за задержку?

«Простишь?» Старый профессор на мгновение задумался. За что? Ну да, его использовали. Жискарианцы, кельвинисты, ктлинцы… и некоторые другие секты людей и роботов. Но в глубине души он признавался самому себе, что последние несколько недель были более забавными, чем все остальное, случившееся с ним после того, как он стал важной персоной галактического уровня, премьер-министром Империи… и напоминали дни, когда они с Дорс были молодыми искателями приключений, сознание которых было помещено в тела примитивных созданий, живших дикой и вольной жизнью сатиров.

— Все нормально, Дэниел. Я был уверен, что ты явишься вовремя и избавишь меня от мучительной необходимости принимать решение.

— Прошу тебя, Дэниел, — сказал Р. Горнон Влимт. — Во имя доверия, которое ты питал ко мне столько тысяч лет, пожалуйста, позволь нам завершить намеченное на сегодняшний вечер.

Дэниел посмотрел Горнону в глаза.

— Ты знаешь, что я чту воспоминания о нашей дружбе. Я помню бессчетное количество битв гражданской войны, в которых мы сражались бок о бок. Нулевой Закон никогда не имел более сильного защитника, чем ты.

— Неужели ты не можешь поверить, что я делаю все это ради конечного блага человечества?

— Конечно, могу, — ответил Дэниел. — Но много веков назад мы разошлись во мнениях о том, что именно представляет собой это благо. Учитывая нынешнее положение дел, я не могу позволить тебе вмешаться.

Гэри откашлялся.

— О каком вмешательстве ты говоришь, Дэниел? Все случившееся пошло тебе только на пользу. Взять хотя бы древние архивы и культиваторы. Ты чувствовал, что после падения Империи они могут стать опасными. Если бы их случайно обнаружили в последующую эпоху, это вызвало бы отклонение от Плана. Нулевой Закон велел уничтожить их, и ты принял решение. Но у неко-

торых из твоих сторонников это вызвало бы позитронный диссонанс. Я дал на это санкцию и тем самым облегчил им работу.

Он посмотрел на Ванду и увидел, что упоминание об архивах заставило ее слегка вздрогнуть. Внучка тоже понимала, какую опасность они представляли. Уничтожить их было необходимо.

— А когда нас там, в облаке, обнаружили агенты хаоса, — продолжил Гэри, — Планш сказал, что на борту нашего корабля был неизвестный информатор, который сообщил им наши координаты. Я догадываюсь, что им мог быть ты, Дэниел. Ты использовал архивы как приманку для того, чтобы собрать всех ктлинских агентов в одном месте и уничтожить угрозу, которую представлял собой худший хаотический мир этого столетия.

Дэниел выразительно пожал плечами.

— Я не могу требовать твоего доверия, но признаю, что это было полезно. — Он повернулся и посмотрел на Бирона Мейсерда, высокого аристократа с Родии. — Ну что, мой юный друг? Не вы ли были тем агентом, о котором говорил Морс Планш?

Гэри задумался. Почему Дэниел, обладавший величайшим ментальным даром во всей Галактике, попросту не заглянул в разум Мейсерда?

Оливо снова обернулся к Селдону.

— Я не проникаю в его мозг, потому что между мной и родом лорда Мейсерда существует старинное соглашение. Они не жалели выдумки и усилий в борьбе с совершенно необходимой амнезией.

Мейсерд промолвил:

— Мы согласились отказаться от этих попыток в обмен на то, чтобы нас оставили в покое. Наша маленькая галактическая провинция развивалась немного по-другому, чем остальные части Империи. Мы имели право бороться с хаосом по-своему.

Дэниел подтвердил его слова.

— Но, кажется, наш древний договор нарушен. — Нет!

— Вы уже признали, что связаны с этой группой. — Дэниел показал пальцем на киборгов Клодию и Зорму.

— Нам, Мейсердам, позволено обсуждать в своем кругу любую тему, — ответил Бирон и показал на светловолосую женщину-киборга. — Клодия Дюма-Хинриад — моя прапрабабушка.

Дэниел улыбнулся.

— Очень умно, но Нулевой Закон не позволяет мне согласиться с этой попыткой уклониться от

нашего соглашения, которая может помешать конечному спасению человечества.

— А какую форму будет иметь это спасение, решаешь только ты! — откликнулся Р. Горнон, в голосе которого звучали отчаяние и сарказм одновременно.

— Это было моим бременем с тех пор, как мы с блаженным Жискаром открыли Нулевой Закон.

— Полюбуйся на то, какой ценой пришлось заплатить за это открытие! — Р. Горнон обвел рукой радиоактивные руины. — Твоя великая Галактическая Империя завоевала мир и предотвратила хаос, уничтожив различия! Человечеству приходится избегать всего чуждого или странного независимо от того, идет оно снаружи или изнутри!

Дэниел покачал головой.

— Сейчас не время начинать старый спор о предложенном тобой «Законе Минус Один». Время, отведенное для путешествия во времени, заканчивается. Ради Гэри и его Плана я требую, чтобы ты немедленно опустил платформу.

— Что плохого случится, если Селдон увидит мир через пятьсот лет? — спросила Зорма. — Его здешние труды закончены. Ты сам сказал это. Почему бы не позволить людям участвовать в

принятии решения, если твой рецепт «спасения» уже готов?

Дэниел посмотрел на сияние внутри саркофага. Зеркальная поверхность неуклонно и неумолимо раздувавшегося шара отражала их изображения. Оливо отвел глаза и посмотрел на Зорму.

— Это твоя главная забота? В память Жискара и во исполнение Нулевого Закона я хочу дать клятву. Когда мой рецепт спасения будет готов, с человечеством посоветуются. Он будет применен только с согласия людей.

Зорму и Клодию это удовлетворило, но Р. Горнон воскликнул:

— Оливо, я знаю тебя и твои фокусы! Не заговаривай мне зубы! Я настаиваю, чтобы Гэри Селдону позволили лететь!

Дэниел поднял бровь.

— Ты настаиваешь?

Видимо, это слово у роботов имело какой-то тайный смысл. Через мгновение мир вокруг Гэри взорвался и превратился в туманное пятно.

Из ладоней Р. Горнона вырвались лучи яростного света. Дэниел Оливо ответил тем же. Никто другой в схватке участия не принимал.

Внезапно часть лесов отделилась от деревянных планок и оказалась роботами в решетчатом

камуфляже. Вновь прибывшие бросились на помощь к Оливо.

Тогда к битве подключились помощники Горнона, стоявшие на галечных курганах. Хорис Антик вскрикнул и бросился искать укрытие. Гааль Дорник побледнел и потерял сознание. Но ни один из людей не принял участия в схватке. Жертв среди них тоже не оказалось.

Пламенные лучи проходили между ногами Гэри, скользили под мышками, пролетали в считанных сантиметрах от его головы… но не касались плоти. Сражение было диковинное; казалось, бойцы старались не столько поразить друг друга, сколько не причинить вреда людям. Поэтому самой большой угрозой для Гэри были разлетавшиеся повсюду дымящиеся осколки роботов. Бой был недолгим. Конечно, Р. Горнон не мог мечтать о победе. Поэтому Гэри тут же устремился к роботу, который продолжал стоять, когда все было кончено.

— Ты ранен! Это серьезно? — спросил он своего старого друга и учителя.

Из нескольких мест на человекоподобном теле Дэниела поднимались струйки дыма. Одежда и внешний слой органического покрытия испарялись, обнажая сверкающую сталь доспехов,

которым не было страшно ничто, кроме звездной плазмы. Эта картина напомнила Гэри легенды, прочитанные в «Детской энциклопедии». Легенды о богах и титанах — бессмертных существах, сражавшихся друг с другом без вмешательства людей.

Оливо стоял среди обломков и с искренней печалью смотрел на последствия междоусобицы.

— Все в порядке, дружище Гэри.

Дэниел повернулся и посмотрел на Зорму и Клодию. — Судя по вашему невмешательству, мое обещание удовлетворило вас. Ну как, посмотрим, что будет через пятьсот лет? Обе «женщины» дружно кивнули. Зорма ответила за них обеих:

— Ждать не так уж долго. Будем надеяться, что ты сообщишь нам о своих планах спасения человечества. И молиться за то, чтобы твой План послужил благу обеих страждущих рас.

Гэри уловил намек, скрывавшийся в этих словах: «Заботясь о будущем благе человечества, не забудь и о роботах».

Однако он слишком хорошо знал своего старого друга. Раса слуг не получит ни малейшего преимущества над хозяевами. Для Дэниела имеет значение лишь человечество.

— Настала пора покинуть это опасное ме-

сто, — сказал Оливо и потянулся к рычагу спуска платформы.

И тут Ванда Селдон испустила крик.

— Мейсерд! Я только что заметила… Он исчез!

Все оглянулись по сторонам. Некоторые использовали при этом сверхчувствительные позитронные сенсоры, но напрасно: аристократа с Родии нигде не было. Либо во время схватки он быстро спустился по лесам, либо…

«Либо через несколько веков Дэниелу придется иметь дело с двумя неунывающими людьми, — подумал Гэри, когда платформа медленно двигалась вниз. — Ему придется позаботиться о встрече, потому что если эти двое станут союзниками…"

Впрочем, доказательств того, что Мейсерд нырнул в пылающий шар, не было. Теперь этот шар, вновь наполнивший собой весь саркофаг, испускал сверкающие лучи, цвет которых Гэри не сумел бы описать. Он мог поклясться, что за всю свою жизнь не видел ничего подобного.

Однако через несколько минут после битвы всемогущих бессмертных Гэри понял, что даже объединившиеся Морс Планш и Бирон Мейсерд мало что смогут сделать, оказавшись в будущем. Он хорошо представлял себе, какие виды обще-

ства будут существовать, а иногда и процветать в предстоящую эру. К тому времени его Академия будет главной силой на противоположном конце Галактики, но едва ли сумеет оказать влияние на колыбель человечества — давно забытую Землю.

Селдон вздохнул и мысленно пожелал обоим удачи: где бы и когда бы они ни появились.

Приближалась земля, замученная за древнее, почти забытое преступление. Он снова посмотрел вверх, на вырывавшееся из саркофага зарево.

«Признаюсь, искушение было огромное. Это было бы чертовски приятное приключение. Особенно если бы меня снова сделали молодым».

Гэри закрыл глаза, чувствуя прикосновение сильной и нежной дружеской руки, обнимавшей его плечи. Оливо поддерживал его хрупкое тело, пока самодельный лифт не остановился. Селдон позволил Дэниелу отвести себя в лагерь землян. Он всегда позволял другим вести себя… хотя большую часть жизни не подозревал об этом.

Глава 9

На следующее утро, пока бригады землян расчищали поле боя, Дэниел и Гэри встретились с Зормой и Клодией у корабля. Киборги улетали.

— Клодия, убедительно прошу тебя: если внук когда-нибудь вступит с тобой в контакт, уговори его не вмешиваться. Через пять-шесть веков инерция достигнет максимума. Если Бирон попытается изменить ход этой колесницы Джаггернаута… боюсь, ему несдобровать.

Женщина-киборг кивнула, и Гэри с невольной завистью отметил юную силу ее гибкого тела. Если не считать замененных частей, она была намного старше Селдона. Выражение лица Клодии было терпеливым, но ироническим.

— Да, конечно. Но ты сможешь увидеть Бирона раньше, чем я, если останешься здесь и дождешься его появления в будущем. Если случится так, будь с мальчиком помягче. Намерения у него добрые.

— Я мягок почти всегда. Но если у него добрые намерения, зачем он украл у Гэри Селдона копию психоисторического Главного Радианта? Я просканировал корабль Горнона и нашел яв-

ное доказательство того, что преступником был Мейсерд.

Клодия мрачно усмехнулась.

— Когда речь идет о знаниях, мы, Хинриады, превращаемся в настоящих крыс. Нам вечно мало. За восемнадцать тысяч лет ты мог бы привыкнуть к этому. Мы — единственная группа людей, которая боролась с тобой до последнего и заставила принять наши условия.

Дэниел кивнул в знак согласия.

— Все это в прошлом. Будущее зависит от твоего поведения. Можешь лететь. Я верю твоей клятве не вмешиваться.

Зорма громко рассмеялась, как сделала бы слегка напуганная, но бравирующая своей смелостью женщина.

— Ты отпускаешь нас по той же причине, которая заставила тебя отпустить Трему, хотя все остальные роботы Нулевого Закона готовы были разорвать этого мутанта на куски! Ты предусмотрителен, Оливо. Достаточно предусмотрителен, чтобы быть слегка неуверенным в себе. Держишь в уме запасной вариант на случай, если психоисторический план Селдона придется чем-то заменить. Но и твоего варианта может оказаться недостаточно. В этом случае твоей

единственной надеждой станет новое содружество людей и роботов. Возможно, гибрид — как у нас, «извращенцев»… — Зорма показала на себя и Клодию. — Или что-то другое, столь же отвратительное для тебя, как Лодовик Трема.

Затем выражение лица Зормы изменилось, и она вполголоса сказала:

— Помни свое обещание, Оливо. Когда ты представишь свой замечательный и тщательно продуманный план спасения, не забудь посоветоваться с людьми. Очень многих роботов грызут сомнения, в том числе и твоих сторонников.

Дэниел кивнул.

— Я сдержу слово. Желания людей будут учтены.

Зорма посмотрела на Дэниела так, словно пыталась заглянуть к нему в душу.

— Что ж, в таком случае ошибка, когда-то допущенная здесь, на Земле, не повторится. — А затем добавила в микроволновом диапазоне, доступном только роботам:

— Последняя просьба, Дэниел. Предоставь Дорс и Лодовика самим себе. Они особенные. Ты посеял в них что-то драгоценное. Не сердись на них, если они пойдут путем, которого ты не поймешь.

Женщины поднялись по сходням, втянули их

и задраили люк. Гэри и Дэниел следили за тем, как корабль поднялся на антигравитационной подушке, медленно развернулся, постепенно набрал ускорение и направился на восток, пролетев над древними городами и бросив на каждый из них свою тень.

Друзья немного помолчали, а затем Гэри промолвил:

— Мы оба знаем, что ты не сдержишь своего обещания. Дэниел поднял глаза.

— И давно ты пришел к такому выводу?

— Теперь я знаю все про твои механизмы отвлечения. Во всяком случае, достаточно, чтобы понимать, откуда берутся приводившие меня в отчаяние пробелы в уравнениях. Способы, которые помогали тебе и твоим союзникам вопреки всему поддерживать в Империи прочность, мир и порядок большую часть последних двенадцати тысячелетий.

Дэниел слегка улыбнулся.

— Я рад, что ты додумался до этого самостоятельно. Я собирался все объяснить тебе перед…

— Перед моей смертью? — засмеялся Гэри. — Можешь не играть в тактичность. Все равно большинство этих механизмов уже не работает. Каждому видно, что, если Империя не падет,

вспышки хаоса станут обычным делом. Точнее, если ее не заставят рухнуть в пропасть… — Селдон помолчал и махнул рукой. — Ладно, все это прошлое, а мы говорим о будущем. Добавив в уравнения несколько новых факторов — вроде выведенных тобой за два последних поколения людей-менталиков или давно поощряемого тобой же распространения среди людей искусства медитации, — я начал понимать, какого рода «спасение» у тебя на уме.

Дэниел обвел взглядом руины Чикаго, окружавший их зловещий пейзаж и еле слышно сказал:

— Оно называется Гайя. Способ довести каждый населенный мир до новой ступени сознания. Хотя до этого еще очень далеко, мы надеемся, что Гайя свяжет все планеты друг с другом и станет чем-то поистине чудесным. Галактикой.

— То есть законченной ментальной сетью всех живых существ. — Так… Значит, догадка Гэри была верна. — Да, на это понадобится время. Ничего удивительного, что тебе нужен мой План… Человечество должно быть чем-то занято, пока готовится твоя Гайя. Дэниел, я понимаю достоинства твоего варианта. Но, пожалуйста, убеди меня, что этот великий дар стоит столь великих жертв.

Древний робот посмотрел на Гэри и раскинул руки, словно предлагая ему полюбоваться величественной панорамой.

— Какие проблемы нельзя будет решить с его помощью? Настанет конец недоверию между людьми, стычкам, войнам. Каждый мужчина, каждая женщина смогут до конца понять мысли друг друга! Закончится одиночество. Это слово потеряет смысл, если каждый ребенок с рождения станет частью единого целого.

Появится возможность воспринимать все великие идеи в мгновение ока! Прочность и устойчивость к внезапным изменениям, которая сделает человечество неуязвимым для хаоса. И не только это. Намного больше! Гэри, мои опыты уже подтверждают эту фантастическую возможность. Макросеть человеческих разумов можно связать со всей окружающей средой. Людям станут доступны ощущения и примитивные стремления животных и даже растений. В результате совокупный человеческий мозг станет мозгом универсального существа, воплощающего в себе всю жизненную силу планеты — вплоть до энергии магмы, пульсирующей под ее корой. Неизбежным результатом этого будет мир, безмятежность, чувство единства со всеми живыми

существами… которое часто предрекали великие мудрецы прошлого. Отказ от эгоистического индивидуализма ради глубокой мудрости всех. Все это будет твоим, как только ты станешь частью коллективного сознания.

Гэри был искренне тронут.

— В твоем изложении это звучит великолепно. Конечно, нарисованная тобой картина привлекательна, особенно учитывая мой вечный «пунктик» — ненависть к непредсказуемости. Космический разум, это новое верховное божество, будет неизмеримо легче смоделировать, чем массу отдельных вздорных личностей. Я даже понимаю, откуда ты взял эту идею. Прочитав подаренную тобой древнюю энциклопедию, я узнал, что об этом мечтали многие доисторические философы… — Гэри поднял указательный палец. — Однако честность психоисторика заставляет меня сказать, что, если ты попытаешься внедрить свою Гайю, тебя ожидает несколько серьезных проблем. И результат может быть совсем не таким безоблачным, как ты только что описал.

К удивлению Селдона, Дэниел промолчал и не стал просить объяснений. Гэри задумался, к чему бы это… и посмотрел в глаза своему старому

учителю.

— Теперь я понимаю, почему ты не хотел, чтобы я отправился в будущее.

Дэниел вздохнул.

— Тебя тут же узнали бы, и благодаря своей репутации и знаниям ты стал бы влиятельной личностью. Если бы Р. Горнон добился своего, тебя непременно избрали бы главой какой-нибудь сверхважной комиссии по оценке предлагаемого объединения в Галаксию. Гэри, я понимал, что эта ситуация вызовет у тебя двойственное отношение. Ты испытываешь смешанные чувства к сверхразуму, который будет создан после реализации Плана Селдона. Скептицизм заставил бы тебя создать настоящую комиссию. Ту, которая смогла бы обсудить все «проблемы», о которых ты говорил.

Гэри понимал точку зрения Дэниела, но продолжал стоять на своем.

— Я уверен, что мы вынесли бы справедливое решение и представили его на рассмотрение высших инстанций, подав твое предложение в самом выгодном свете.

— Гэри, ты сам понимаешь, что этого недостаточно. Человечество необходимо спасти, а свидетельств того, что оно может действовать в

собственных интересах, пугающе мало.

Селдон задумался.

— Значит, ты будешь исподволь подталкивать это дело так же, как подталкивал меня в облако Тумартин, чтобы уничтожить архивы. Ты знал, что я обязан буду дать санкцию на их уничтожение. Мой характер, психология и страх перед хаосом — все делало этот выбор неизбежным… у меня достаточно мозгов, чтобы понимать это. Я избавил твоих роботов Нулевого Закона, которым было тяжело уничтожить архивы, от позитронного невроза. «Санкция человека» позволила им осуществить составленный тобой план. Все было сделано в интересах человечества. — Гэри снова поднял палец. — Зорма была права. Твой настоящий электорат, который тебе предстоит убедить, — это роботы. Ты за пять веков видишь, что они сорвут твой план, если тебе не удастся удовлетворить то, что заложено в их позитронных мозгах. А поскольку ты хочешь заменить старое знакомое человечество чем-то принципиально новым и странным, тебе придется быть очень убедительным! Неудивительно, что ты так легко согласился с Зормой. Желание самих людей должно сыграть важную роль в принятии решения, иначе тебе будет трудно получить со-

гласие роботов. Я тебя хорошо знаю, Дэниел. Знаю то, что вы с Жискаром натворили здесь, — Гэри обвел рукой радиоактивную пустыню, — решив, что это необходимо для нашего собственного блага, но не посоветовавшись ни с кем из нас. Ты хочешь, чтобы решение о создании Гайи стало неизбежным. Будь добр, объясни мне, как ты собираешься сделать это через пять веков.

Прежде чем Дэниел ответил, прошло не меньше минуты.

— Представив его человеку, который всегда прав. Гэри замигал.

— Что-что?

— Человеку, который до того всегда принимал правильные решения, с самого детства. Тому, кто в критический момент всегда выбирал, выбирает и будет выбирать сторону победителя, и время неизменно подтверждает его правоту.

Гэри недоверчиво посмотрел на Дэниела, а потом рассмеялся.

— Невероятно! Это противоречит всем физическим и биологическим законам!

Дэниел кивнул.

— Гэри, и все же это может быть убедительным. Возможно, даже более убедительным, чем твое изучение мнений человечества с помощью

психоистории. Все, что от меня потребуется, это отобрать миллион смышленых мальчиков и девочек с нужными чертами характера и предоставить им право делать выбор. Срок — от юности до лет тридцати — тридцати с лишним. Многие будут совершать ошибки и выбывать из числа претендентов. Но статистически достоверно, что со временем появится по крайней мере один человек, который будет соответствовать моим требованиям. Иными словами, будет делать слишком успешный выбор, чтобы это можно было объяснить естественными причинами. Гэри вспомнил классический подход рынка ценных бумаг, который лет восемь назад позволил одурачить семьсот миллионов жителей сектора Краснер. Подход Дэниела был усовершенствованной версией старой игры на бирже, которая могла быть удачной только при наличии огромного терпения. Если такая игра велась умело, ее было практически невозможно заметить.

— Следовательно, никакой комиссии не будет. Решения высших инстанций тоже не потребуется. Если этот малый всегда прав, его мнения будет достаточно для большинства роботов, которые просто согласятся с любым его решением!

Селдон потеребил нос.

— Конечно, кое-кто поднимет крик, что ты оказывал на него ментальное влияние, и потребует проверки. Его мозг будут изучать на предмет обнаружения следов такого воздействия. Но тебе и не понадобится притрагиваться к нему! Ты сможешь использовать сугубо психологические методы, чтобы подталкивать его к правильным решениям. Особенно если будешь воспитывать его с рождения… как воспитал меня… — Гэри сделал паузу и продолжил мысль. — Итак, большинство роботов ощутит, что требования Второго Закона удовлетворены. «Одобрение человечества» будет получено, хотя с людьми никто советоваться не будет… Конечно, некоторые из роботов клюнут на эту удочку. Но многие поднимут мятеж, пытаясь защитить человечество от узурпатора, которым они сочтут твой единый разум-мутант.

Дэниел не стал спорить с очевидным.

— Спустя несколько лет после разрыва со мной мой старый союзник, которого ты знаешь под именем Р. Горнона, стал проповедовать лжеучение, называющееся «Минус Первым Законом». Расширение Нулевого Закона, которое взваливает на нас новые обязанности. Требующее, чтобы мы защищали не только человечество, но тот

подход к жизни, представителем которого оно является: разум во всех его проявлениях — людях, роботах и даже чуждых созданиях. Те, кто верит в это, не одобрят превращение Галактики в единое макросознание, уничтожающее любое инакомыслие. Более того, некоторые уже сейчас обвиняют меня в том, что я подделал феномен людей-менталиков! Они заявляют, что создать видимость такой мутации проще простого: достаточно установить неподалеку микроусилители мыслительной деятельности и держать их постоянно направленными на так называемых телепатов.

Гэри заметил, что его друг не стал опровергать этот слух, и тут же вспомнил кулон, который Ванда постоянно носила с самою детства… впрочем, это не имело прямого отношения к делу. Дэниел продолжил:

— Ты прав, Гэри. Когда с Галаксии будет снят покров тайны, вспыхнет гражданская война роботов. Но если одобрение этой идеи людьми будет выглядеть убедительно, большинство роботов сплотится вокруг нее. Галаксия станет их единственной надеждой на спасение человечества.

Тут Гэри расправил плечи, выпрямил спину и сжал кулаки.

— Единственной надеждой? А теперь послушай меня…

Его прервал хруст щебня под чьими-то ногами. Гэри обернулся и увидел Хориса Антика. Некогда безупречный серый мундир толстячка-бюрократа был покрыт слоем пыли, дрожащая левая рука засовывала в рот очередную голубую таблетку. Антик до судорог боялся роботов, и события последних двух дней не пошли ему на пользу. К счастью, все это скоро должно стать для него лишь смутным воспоминанием. По прибытии на Трентор Хориса собираюсь поместить в санаторий и внушить соответствующую легенду. По крайней мере, таков был план Ванды. Но Гэри догадывался, что этим дело не ограничится.

— Гааль Дорник просит передать, что корабль почти готов. Земляне согласны позаботиться о Сибил и других уцелевших ктлинцах. Они будут добры к больным. Будем надеяться, что со временем солипсизм этих бедняг пройдет и они смогут присоединиться к нормальному обществу… Я все еще не могу поверить в то, что узнал за последнее время, — продолжил Хорис. — Мало того, что лихорадка оказалась нарочно созданной инфекцией, направленной на наиболее толковых людей. Но узнать, что она сродни хаосу…

— Между ними нет ничего общего, — прервал его Дэниел. — Лихорадка — болезнь не слишком тяжелая. Ее возбудитель был создан и распространен для борьбы с более ранней эпидемией хаоса, вирусы которой покинули Землю вместе с первыми звездными кораблями.

— Значит, хаос действительно был оружием? — задумчиво пробормотал Хорис.

— Этого никто толком не знает, хотя некоторые косвенные подтверждения имеются. Первая жестокая эпидемия охватила Землю еще до моего появления. Она заставила граждан бояться роботов, их собственного великого изобретения. Последующие волны уничтожили на Земле поздний ренессанс, превратили землян в агорафобов, а космонитов — в злобных параноиков. Все, что сделал здесь Жискар, — Дэниел указал на радиоактивную пустошь, — и что в последующие тысячелетия делал я, было результатом этой жестокой чумы.

— А-а-а, — заикаясь пролепетал Хорис, — а вдруг от этой болезни появилось бы лекарство? Разве оно не смогло бы сделать так, — чтобы все стало по-прежнему? Весь этот вздор, который я слышал, но почти ничего не понял… все эти разговоры о спасении человечества от хаоса. Ничего

этого не понадобилось бы, если бы было найдено лекарство!

Впервые за все время разговора Гэри заметил на лице Оливо выражение досады.

— А вам не приходит в голову, что я давно пришел к тому же выводу? Как вы думаете, над чем я бился первые шесть тысяч лет? В перерывах между вспышками гражданской войны с роботами-староверами я изо всех сил искал способ выкорчевать хаос! Но было слишком поздно. Искусно спроектированный вирус внедрялся в человеческие хромосомы, размножался и распространялся в сотнях жизненно важных мест. Даже если бы я знал их все, стоило раскопать хоть один генетический участок, в котором скрывался хаос, как началась бы новая смертельная эпидемия. Умерли бы триллионы людей!... А потом я понял, что хаос можно победить лишь в том случае, если мы предотвратим условия, которые вызывают его вспышку. Если пробуждение болезни вызывается честолюбием и индивидуализмом, то наилучшим лекарством от нее будет консерватизм. Галактическая Империя, которая обеспечит навеки неизменному обществу мир, покой и безмятежность.

Хорис Антик кивнул. Как всякий «Серый», он

стремился к порядку, чтил классификацию и желал, чтобы все было разложено по полочкам.

— Значит, лекарства нет… А как обстоит дело с естественным иммунитетом? Кажется, кто-то упоминал об этом.

— Трагедия состоит в том, что эта болезнь сильнее всего поражала людей незаурядных. Однако некоторые люди, обладавшие развитым интеллектом, не поддавались искушению разнузданного эготизма и солипсизма. Они могли быть индивидуалистами, но не отрицали прав других. Увы, этот иммунитет распространяется слишком медленно. Если бы у нас была в запасе еще пара тысяч лет…

Гэри перебил Оливо и задал животрепещущий вопрос:

— Значит, и Мейсерд, и Морс Планш обладают таким иммунитетом?

— Бирон Мейсерд защищен от хаоса принадлежностью к классу аристократов. А что касается Планша, тут ты прав, Гэри. Его разум обладает пугающим свойством. Он почти недоступен моему ментальному влиянию. Планш участвовал в трех разных хаотических ренессансах и при этом полностью сохранил пыл, ловкость, гибкость и умение поставить себя на место другого.

— Керс Кантун называл его «нормальным».

— Гм-м… — Дэниел потер подбородок. — У Керса было несколько оригинальных идей. Он считал, что сегодняшнее человечество — не то же самое, которое изобрело нас. Керс думал, что настоящие нормальные люди не склонны к хаосу и не поддаются ментальному влиянию.

Хорис Антик сделал шаг вперед. Его обычная нервная дрожь сменилась решимостью.

— У вас сохранились записи о поисках лекарства? За последние тысячи лет медицина достигла значительного прогресса. Миллионы квалифицированных врачей могли выдвинуть идеи, которых не хватало вам.

Гэри громко вздохнул.

— Хорис, зачем вам это? Вы же знаете, что как только мы достигнем Трентора, ваши воспоминания либо сотрут, либо закрасят. Вы никогда не казались мне человеком, который проявляет любопытство ради любопытства.

— Я любопытен куда больше, чем вы можете себе представить, Селдон! — В голосе Антика звучала горечь.

Гэри кивнул.

— Тут я с вами согласен. Это пришло мне в голову только вчера вечером, когда я вспомнил

обстоятельства нашей первой встречи и посмотрел на них другими глазами.

Тут к «Серому» вернулась его обычная нервозность. Он проглотил еще одну голубую таблетку.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Простите, я и так злоупотребил вашим временем. Нужно сделать кое-какие приготовления. Пойду помогу Гаалю Дорнику…

— Нет, — оборвал его Гэри. — Пора сказать правду, Хорис. — Он повернулся к Дэниелу. — Ты никогда не пытался сканировать мозг нашего юного друга-бюрократа?

Хорис громко ахнул при одной мысли о ментальной проверке. Дэниел ответил:

— Гэри, Второй Закон требует от меня вежливости. Я вторгаюсь в человеческий разум только тогда, когда этого требуют Первый или Нулевой Законы.

— Значит, до сих пор ты Хориса не сканировал… Ну что ж, тогда позволь мне снять это ограничение. Попробуй. Бьюсь об заклад, это будет трудно.

— Нет… пожалуйста… — Антик вытянул руки перед собой, словно пытался оттолкнуть хищные ментальные «пальцы» Дэниела.

— Ты прав, Гэри. Это чрезвычайно трудно, но

Хорис не то же самое, что Морс Планш. Он достигает этого комбинацией лекарств и умственной дисциплиной, избегая определенных мыслей и осуществляя тщательный самоконтроль.

— Оставьте меня! — крикнул «Серый», отчаянно пытаясь спастись бегством.

Но тут коротышку слегка парализовало, и он мешком осел на ближайшую кучу щебня. Естественно, Дэниел не мог позволить ему упасть и разбиться.

— Отдайте мне ваш записывающий прибор, — сказал Гэри, протягивая руку.

Бюрократа снова затрясло, но в конце концов он сдался и полез в карман пальто за маленьким сканером. Не приходилось сомневаться: Хорис владел одним из лучших образцов, доступных имперским чиновникам.

— Вы не собирались ложиться в санаторий, верно? Все считали вас скромным, безобидным человеком и забыли об осторожности. На Тренторе вы оказались бы в своей стихии, нашли бы тысячи способов передать информацию… с ловкостью «Серого», который знает там все входы-выходы. Запертые двери таинственно открылись бы — и ищи ветра в поле!

Хорис увял, видя, что отпираться бесполезно.

Когда «Серый» заговорил, его голос звучал совсем по-другому. В этом голосе чувствовались горечь поражения, сила и унылая гордость.

— Я отправил промежуточный отчет еще на Пенджии. Эту часть информации вам скрыть уже не удастся.

Гэри кивнул.

— Вы были тем самым тайным информатором, который сообщил Морсу Планшу наши координаты и хотел прибытия ктлинцев. Зачем? Ведь вы ненавидите хаос не меньше моего. Керс Кантун знал это, да и я тоже.

Хорис испустил вздох.

— Это был эксперимент. Одной рекогносцировки нам было недостаточно. Мы хотели вызвать кризис. Столкновение сил хаоса с вашими тиктаками. Опыт оказался успешным. Вы болтали, спорили и пытались доказать свою правоту другим. От меня почти ничего не требовалось. Достаточно было время от времени вставить слово.

— Вы хорошо поработали, — сказал Гэри. А Дэниел добавил:

— Это и есть ваша умственная дисциплина. Даже без ваших лекарств я ничего не заметил бы, если бы вы не привлекли все мое внимание.

Антик только фыркнул в ответ.

— Мы привыкли к тому, что надутые аристократы смотрят на нас сверху вниз, а самоуверенные меритократы не замечают в упор. Даже эксцентрики и граждане относятся к нам как к пустому месту. Мы давно научились не обращать на это внимания и даже нарочно создаем такое впечатление! — Хорис стиснул кулак. — Но скажите мне, кто на самом деле руководит Галактической Империей? Даже вы, Селдон, со своим математическим предвидением, и вы, робот, который создал Тренторианский режим, сильны в теории, но ничего не смыслите в практике! Кого вызывают во время вспышек сверхновых, сжигающих половину континента или целый провинциальный мир? Кто постоянно следит за работой навигационных буев? Кто занимается вакцинацией детей, заботится о том, чтобы всюду было электричество, и заставляет фермеров обращаться с почвой так, чтобы их внукам было что вспахивать? Кто следит за уровнем смертности, чтобы команды медиков успели попасть на какой-нибудь затерянный мир еще до того, как его жители поймут, что попали в космическое течение, загрязняющее их стратосферу бором? Кто присматривает за тем, чтобы беспечные аристократы и павлины-меритократы ничего

не разрушили, устраивая один эгоистический заговор за другим? Гэри согласился с этим.

— Мы знаем, что Орден «Серых» делает важное и достойное дело. Я правильно понимаю, что именно вы заронили в Джени Кьюсет такое стремление и посоветовали ей попытать счастья в день экзаменов?

Хорис насмешливо хихикнул.

— А как вы думаете, кто устроил ее на лифт Орион? Мы помогали некоторым из сосланных на Терминус. Спасли несколько человек от ненавистной тюрьмы, в которую их заключили без всякой вины!

— И при этом вы продолжаете утверждать, что понимаете План Селдона?

Снова фырканье.

— В учебных заведениях «Серых» раз за разом преподают один и тот же урок — то, чему давно учили вы сами под видом руэллианизма. — Антик ткнул пальцем в Дэниела. — «Цель НЕ оправдывает средства»! Как бы там ни было, великие нововведения — дело аристократов и меритократов. Мы, «Серые», не можем себе этого позволить. Но если нарушаются права человека, кто-то должен принимать меры! — Он круто повернулся к Гэри Селдону. — Будь проклято ваше

высокомерие! Вы публикуете научные труды по психоистории десятки лет, затем внезапно умолкаете и создаете тайную секту, чтобы править Галактикой! Неужели вы всерьез рассчитывали, что никто на двадцати пяти миллионах миров не следил за вами все эти годы? Что некоторые дотошные бюрократы не увидят в вашем открытии средство, с помощью которого можно не только исследовать системы управления, но и управлять? О, я знаю лишь нескольких человек, но мы следили за психоисторией больше десяти лет. Доктор Селдон, мы относимся к вам с тем же уважением, что и все остальные. Но ваш План приводит в недоумение и вызывает множество вопросов. Порождает сомнения, о которых мы не могли заявить открыто.

Гэри хорошо понимал Антика. Простому бюрократу ничего не стоило получить как минимум нахлобучку. Линь Чен и Комитет Общественного Спасения могли арестовать любого клерка, который слишком много знал. Кроме того, ходили слухи, что многие враги Гэри Селдона страдают необъяснимыми провалами памяти.

— Так задайте эти вопросы сейчас, Хорис. Я у вас в долгу. Коротышка сделал глубокий вдох, словно хотел сказать многое.

Но вырвалось у него только одно слово:

— Почему? — Он вздохнул снова. — Почему Галактическая Империя должна рухнуть? Это нечестно! Да, многое устарело. Кое-что развалилось на куски. Но уравнения… ваши уравнения не показывают ничего такого, с чем нельзя было бы справиться, если работать в поте лица. Если ухудшаются технические навыки, дайте нам возможность составлять учебные планы! Мобилизуйте миллиарды юных талантов! Перестаньте выделять на технические школы жалкие медяки!

— Это мы уже пробовали, — начал Гэри. — На планете, которая называлась Мэддер Лосе…

Но Хорис не дал ему закончить. Он торопливо заговорил, обращаясь главным образом к Дэниелу:

— Даже взрывами хаоса можно управлять! Конечно, они ухудшают дело. Но службы санации тоже совершенствуются с каждым годом. До сих пор они не потеряли ни одного пациента. Неужели вы действительно хотите покончить с Империей, поддерживавшей мир двенадцать тысяч лет, только для того, чтобы отвлечь человечество еще на несколько веков? Почему не поддерживать ее до тех пор, пока не будет готово

ваше новое решение? Или население Галактики непременно нужно довести до положения скотов, чтобы потом они безропотно приняли все, что вы захотите им предложить?

Гэри было трудно переключиться. До сих пор он относился к Хорису свысока, но теперь увидел «Серого» в новом свете. Перед ним стоял не поразительно удачливый тайный агент, а прирожденный психоисторик, каким был Юго Амариль в начале их долгой совместной работы. Юго, который понимал больше, чем ему позволяли.

— Вы действительно думаете, что имперские службы еще в состоянии справляться с такими кризисами, как ктлинский? — Гэри покачал головой. — Это чертовски рискованное дело. Если хотя бы один рассадник чумы вырвется на свободу, он заразит всю Галактику…

— Если! Вы говорите о людях, Селдон! Почти двенадцати квадриллионах людей. Неужели все они должны погрузиться в темные века только потому, что вы не доверяете нашему умению делать свое дело? Кроме того, почему вы уверены, что ни один из этих новых ренессансов не осуществит тот фантастический «прорыв», о котором они мечтают? Не достигнет мифического другого

берега, где разум и зрелость одолеют хаос? Ладно, не о том речь… Если мы удержим их в карантине, Галактика будет в относительной безопасности. А тем временем можно будет продолжать эксперимент. Постепенно, планета за планетой, по очереди!

Гэри смотрел на Хориса Антика, изумленный храбростью этого человека. «Я бы никогда не рискнул на такое. Его ненависть к хаосу явно сильнее моей. Но Империю он любит еще больше».

Селдон снова покачал головой и ответил:

— Дэниела заставили отказаться от поддержки Империи не столько хаотические миры, сколько…

— Сколько вы сами, Хорис.

На лице Антика застыло такое изумление, что Гэри потерял дар речи. Селдон посмотрел на Дэниела, прося взглядом объяснений. И тот дал их, говоря тоном давно покойной Руэллис:

— Не забывайте, мой юный друг, что это я создал ваш Орден «Серых». Я знаю его возможности. Я знаю, сколько миллионов человек в серых мундирах приносят себя в жертву, получая вместо благодарности лишь презрение. При наличии желания и с небольшой помощью психоистории

вы могли бы спасти от распада старую Империю, пока не будет готова моя Галаксия. Но тут-то и зарыта собака… Видите ли, я тоже помню вашего предка по имени Антиок. Он жил в ту эпоху, когда человечество столкнулось с чуждой расой, которую пощадили культиваторы. Собрались роботы со всей Вселенной и начали обсуждать это дело. Чуждых созданий было несколько тысяч, а человечество уже насчитывало пять квадриллионов. Мы целый год спорили о том, какую опасность представляют собой эти существа. Население всех провинций и секторов горело желанием помочь негуманоидам встать на ноги. Лились речи о необходимости разнообразия и нового подхода. Некоторых роботов тревожила возможность возникновения новой вспышки хаоса. Другие шли дальше и утверждали, что чужаки могут представить угрозу для человечества, если им позволят пару тысяч лет беспрепятственно распространяться в Галактике. А некоторые — вроде робота, которого вы знаете под именем Р. Горнона, — проповедовали, что негуманоиды также заслуживают защиты согласно расширенной версии Нулевого Закона. Но дело обернулось так, что мнение роботов вообще не понадобилось. До нашего тайного совещания дошел слух, что

чужаки бежали! Они захватили звездолеты, которые оказались в их распоряжении благодаря целой серии таинственных совпадений. Улик у следователей было больше чем достаточно, но им было велено оставить в покое человека, который действительно отвечал за все это. Ваш предок, скромный бюрократ, хорошо знал, за какую ниточку нужно дернуть, чтобы справедливость восторжествовала, но при этом ловко притворялся невинной овечкой.

Этот рассказ отличался от той версии, которую Гэри слышал на борту корабля. И все же по спине Селдона побежали мурашки. Все подтверждалось!

Он кивнул.

— Хорис, само ваше присутствие здесь говорит о том, что желание спасти Империю не исчезло. Вы еще не забыли, что я был премьер-министром? Я знаю, что имеющиеся на Тренторе базы данных безграничны. Ничто не может исчезнуть из них бесследно. Каждый, у кого хватит смекалки, может победить амнезию и найти все нужное о человеческом прошлом… а теперь и о будущем. Вы, Хорис, живое подтверждение этого.

— Я? Вы имеете в виду бюрократию? Нас, безликих чиновников, тунеядцев, унылых кон-

торщиков и канцелярских крыс? Вы хотите сказать, что Империя падет из-за нас?

Гэри кивнул.

— Раньше я никогда не задумывался над этим. Но я не единственный, кто хочет перевернуть все вверх тормашками. — Он посмотрел на Дэниела. — Речь идет о воле человечества, верно? О том дне, который наступит лет через пятьсот, когда свой выбор сделает «человек, который никогда не ошибается». В этот день галактической бюрократии придет конец. Никаких кабинетов и пыльных папок, в которые будут совать нос любопытные типы вроде Хориса и его друзей. Никаких установленных протоколом процедур, которые свидетельствовали бы, что каждое решение принято по зрелом размышлении. Падение Трентора на самом деле не имеет отношения к хаосу, правда, Дэниел? Оно имеет отношение к убийству твоего собственного чудесного изобретения, Ордена «Серых». Это единственный способ, которым можно убить бюрократию, уничтожить картотеки, компьютерную память, людей…

На этот раз Р. Дэниел Оливо ничего не ответил. Этого и не требовалось. Если какой-нибудь человек сомневался в том, что бессмертный робот может испытывать боль, стоило ему заглянуть в

это лицо Прометея, как все его сомнения тут же исчезли бы.

— Значит, мы обречены сражаться с тьмой… безрезультатно. Умирать за письменными столами, так и не зная, что все тщетно.

Гэри положил руку на плечо маленького «Серого».

— Вам нужно как можно скорее все забыть. Возвращайтесь к своим папкам и отчетам о почвах. Знания, которые вы так искренне хотели добыть, проявив при этом настойчивость и смелость, причиняют только боль. Бросьте, Хорис…

Антик посмотрел на Гэри с отчаянием.

— Вы не будете ждать до Трентора?

Гэри покосился на Дэниела, взглядом умоляя его отложить экзекуцию и дать Хорису возможность хотя бы поговорить с ними по дороге домой. Но робот решительно покачал головой. Антик оказался слишком хитрым и мог в любую минуту выкинуть новый фокус.

Почувствовав это, «Серый» встал, гордо выпрямился, но заикаться не перестал.

— Э-это будет больно?

Дэниел заглянул ему в глаза и заверил:

— Ни капельки. Честно говоря… все уже позади.

Глава 10

С помощью двух симов, Жанны и Вольтера, Лодовик и Дорс наконец сумели обнаружить все сюрпризы, которые группа Зормы установила на их корабле. Когда двигатели заработали, Лодовик испустил ликующий клич и важно прошелся по рубке, как это сделал бы на его месте гордый собой мужчина. Дорс чувствовала, что эмоции пронизывают и ее собственные симуляционные системы. Несмотря на сжигавшее ее нетерпение, было очень приятно работать бок о бок с Тремой, делиться с ним мнениями, принимать совместные решения и проверять их на практике. Она с удовольствием смотрела на довольного победой Лодовика. Именно так вел себя и Гэри, когда ему удавалось создать удачную психоисторическую модель.

— Мне очень жаль прерывать это торжество, — сказала Жанна д'Арк, мальчишески стройная фигура которой появилась на экране центрального голопроектора.

На заднем плане Дорс заметила мужчину в архаичном дублете и коротких штанах. На голове Вольтера были наушники, и он внимательно

вслушивался в слабые звуки, доносившиеся откуда-то издалека.

— Ты просила нас следить за всеми сообщениями, идущими с Земли. Вольтер только что перехватил послание, в котором используются коды, характерные для Второй Академии. Похоже, Ванда Селдон сообщает своим товарищам на Тренторе, что она сумела найти своего дедушку. Его похищение закончилось неудачей. Через несколько часов они покинут Землю и доставят Гэри прямо домой.

Дорс посмотрела на Лодовика, который испустил протяжный вздох.

— Ну что ж, вот и все. Теперь можно не торопиться. Все равно толку от нас было бы немного. Честно говоря, я рад, что там обошлись без нашего участия. Селдон в безопасности, а нам не придется сталкиваться с Дэниелом.

И то и другое заставило Дорс почувствовать неимоверное облегчение, к которому, однако, примешивалось немного вполне естественного разочарования.

— Я тоже так думаю. Мы всего-навсего пара хорошо одетых тиктаков.

Лодовик тихонько засмеялся.

— Не только. По крайней мере, ты, Дорс. Ты

особенная. Нам надо будет обсудить этот вопрос во всех деталях.

Она кивнула. Предложение было заманчивым. Им действительно было о чем поговорить. И все же Дорс знала, что для нее в данную минуту является самым главным. — Знаешь, мне надо быть на Тренторе.

— Понимаю. У тебя есть обязательства. Мешать не стану. Но мы могли бы встретиться, когда все будет решено.

На этот раз улыбнулась она.

— Договорились. Где тебя высадить?

— Я полечу с тобой до самой Демархии. Мне нужно там на кое-что взглянуть. — Затем он понизил голос. — Поосторожнее на Тренторе, ладно?

Дорс покачала головой.

— Сомневаюсь, что кто-то захочет причинить мне вред. Кроме того, я могу за себя постоять.

— Я боюсь не того, что тебе могут причинить вред. Ты чрезвычайно чувствительна, Дорс. В тебе больше человеческого, чем в любом другом роботе. Ты очень привязана к Гэри. Будь готова к тому, что в конце тебе придется нелегко. Если ты захочешь с кем-нибудь поговорить…

Добавить было нечего. Она молча взялась за

управление и заставила корабль сделать первый из множества долгих гиперпространственных прыжков, которые приближали их к центру Галактики. К месту, куда вели все дороги. К месту, где Дорс предстояло исполнить последний долг, после чего она будет свободна.

«Гэри, мне обещали, что я смогу побыть с тобой перед твоей смертью». Дорс Венабили была намерена сдержать клятву, чего бы это ей ни стоило.

Глава 11

Гэри провожал свой последний закат на Земле, наблюдая за тем, как гамма-лучи вызывают зарево над Старым Чикаго. Ионные облака пылали и трещали как северное сияние, но здесь источником энергии было не далекое солнце, а сама земля. Селдон готов был поклясться, что сверкающие облака имеют такой же правильный узор, как умные псевдолишайники в Императорских Садах… в тот день, когда Хорис Антик прислал ему свою работу, полную искушающих намеков. Но в следующую секунду облака, похожие на организованные структуры, исчезли с пылающего горизонта. Теперь сияние напоминало ему Шуфинские леса, где не было никакого порядка и царил хаос.

Все было готово к старту. Вскоре Гэри предстояло подняться на борт корабля Ванды и вернуться на Трентор, к прежней жизни. Жизни человека, ненавидимого мужчинами и женщинами, которых он ссылал на Терминус, внушающего страх нынешним правителям Империи и чтимого небольшим кружком телепатов и математиков, уверенных в том, что они знают будущий ход

истории.

Дэниелу предстояло остаться и уладить дела с обитателями Земли. Нужно было кое-что предпринять. Законсервировать треснувший саркофаг, чтобы больше никому не пришло в голову воспользоваться брешью в пространственно-временном континууме.

Стоя на вершине кургана из щебня, Гэри слышал голос Хориса Антика. Тот что-то возбужденно бормотал, упаковывая свою коллекцию образцов почвы, собранных во время посещения некоего странного мира. На этом материале можно было написать одну-две научные статьи, которые помогли бы ему сделать карьеру… впрочем, ничто не добавит престижа тому, кто связан с грязью.

Как бы там ни было, а малый казался счастливым. Дэниел хорошо сделал свое дело.

Чувствуя дрожь в ногах, Гэри снова опустился в подвесное кресло, принесенное Вандой. Теперь, когда омолаживающее действие лечения Сибил и Влимта закончилось, он все больше нуждался в поддержке. Скоро он снова станет хилым старым калекой.

«Я умираю».

Он сел, откинулся на спинку кресла и уставился в зенит, где радиационное зарево Земли было

окружено россыпью звезд. Созвездиями, которые его предки знали как свои пять пальцев. Однако их узоры наверняка изменились за двадцать тысяч лет, и Гэри невольно подумал, как выглядело бы небо там, куда хотел его отправить Р. Горнон Влимт: в Галактике, ставшей старше на пятьсот лет. Пятьсот лет скорби.

За спиной Селдона захрустела щебенка. Шаги были слишком уверенными для человека. После долгой паузы Дэниел Оливо спросил:

— Что ты там видишь, дружище? Гэри ощутил комок в горле.

— Будущее.

— Да? И какое оно? Гэри хмыкнул.

— Удобное кресло… чудесная панорама… и, конечно, мои уравнения. О да, Дэниел, кое-что отсюда видно.

— Ты не разочарован? Из-за того, что лишился путешествия в будущее?

— Не слишком. Оно могло оказаться интересным. Но у тебя были причины предотвратить его, и я понимаю их. Наверно, я все-таки сунул бы свой нос куда не следует. — Гэри засмеялся. — Кроме того, тебе понадобится человек, который никогда не делает ошибок, а это не по моей части!

— Ты ни о чем не жалеешь?

— Только об одном. Я увидел ее только что. — Гэри указал на место чуть левее зенита, но имел в виду не какое-то созвездие, а россыпь психоисторических формул, которые плавали в его небе, более реальные, чем настоящие звезды.

— Пожалуйста, скажи мне, — попросил Дэниел. — Объясни, что ты там видишь.

Гэри понимал, что его бессмертный друг, способный воспринимать спектр от рентгеновских лучей до радиочастот, в этот момент завидует ему. Это доставляло Селдону странное удовольствие.

— Я вижу свою Академию, только что основанную на Терминусе, начинающую тернистый путь к приключениям и славе. По крайней мере в ближайшие два века вероятность этого очень велика. Психосоциальная инерция столь громадна, что я явственно вижу актеров, играющих роли в этой драме. Энциклопедисты, политики, торговцы и шарлатаны будут жить очень опасной жизнью. Однако они испытают удовлетворение от того, что были участниками чего-то великого. Строили общество, которому предстоит успех.

Гэри поднял другую руку и указал на мерцающую ионизированную атмосферу Земли.

— Ага! Ты видишь это? Превращения! Они

происходят все время, хотя большинство уничтожает друг друга. Но мы создали Академию прочной и с радостью приспосабливающейся к любым изменениям и отклонениям. И все же, хотя с этим Планом связано столько надежд, дерзнем ли мы сохранить положение, при котором судьба человечества будет зависеть от реакций нескольких миллионов наших потомков? Можем ли рассчитывать на то, что они будут такими смелыми и решительными, как свидетельствуют уравнения?

Гэри покачал головой.

— Нет, не можем. Дэниел, ты убедил меня в этом давным-давно. Отклонения от Плана нужно корректировать! Реализацией Плана придется управлять. Для этого понадобится крепкая рука. Вторая Академия, использующая математику, чтобы отслеживать каждую деформацию, каждое отклонение, а затем надавливающая здесь и там, в нужном месте, чтобы Первая Академия не сходила со своего пути.

Он вздохнул.

— Меня было легко убедить. В конце концов, Вторая Академия — это часть меня самого. Форма бессмертия. Способ, с помощью которого я смогу совать нос не в свое дело и надоедать всем после

того, как мое физическое тело сожрут черви и оно превратится в почву, которой так восхищается Хорис. Идея Второй Академии принадлежала Юго Амарилю. Или это ты вдохновил его? Не важно. В любом случае мне хватило суетности и тщеславия, чтобы согласиться. Но потом ты потребовал большего, Дэниел… Не подведет ли математика? Ты начал бояться, что мои наследники окажутся недостаточно сильны. Обществу, которым будут управлять тайно, потребуется нечто более могущественное, чем уравнения. Сверхъестественная сила, которая позволит им сметать королей, мэров и ученых за возмутительные мысли и возвращать их на путь истинный. И ты не случайно выступил со своим предложением только Тогда, когда такое средство появилось!

Гэри махнул рукой в сторону горизонта, на фоне которого ровно мерцал Старый Чикаго.

— Дэниел, вот твой подарок Плану Селдона. Менталики! После этого нам пришлось полностью переделать проект. К счастью, мутация появилась только там, где ты хотел. Кое-кто из телепатов поможет тебе распространять твой великий универсальный мозг, в то время как другие скрестятся с моими Пятьюдесятью математиками и создадут новую расу, способную

вести вычисления и одновременно заниматься магией.

Затем на вершине кургана воцарилось молчание. Наконец Дэниел промолвил:

— Дружище, ты видишь там не только это. Гэри кивнул.

— О да, я вижу все исправления, которые нам придется сделать в уравнениях, чтобы они правильно описывали поведение новой аристократии, которая появится в следующие несколько веков, получит власть, расширит свое влияние, рассчитывая больше на свою ментальную силу, чем на математику. Если эти люди останутся у власти и будут продолжать выполнять свои обязанности, обусловленные положением, в конце концов они станут правящим классом. Правящей расой. Такой, по сравнению с которой любой первосвященник или королевский род будут казаться любителями.

Гэри поднял глаза на Дэниела.

— Но какой выбор останется нам? В конце концов Академию перестанут отвлекать временные кризисы, галактические соперники и необходимость экспансии. В свое время цивилизация, которую мы закладываем на Терминусе, тоже станет слишком уверенной в себе… и неизбежно

столкнется с хаосом. В этой точке наши предсказания станут весьма приблизительными. Психоисторические уравнения показывают, что шансы Академии на успех снизятся примерно до семидесяти процентов.

— Этого мало, Гэри. Очень мало.

— Ты сам настаивал на этом, Дэниел. Академия будет такой сильной, динамичной и бодрой, что другим человеческим цивилизациям останется только завидовать ей. Если какой-нибудь культуре и суждено победить хаос, пережить эпидемии солипсизма и прорваться на другую сторону, то именно ей. И все же, если она потерпит неудачу…

— В том-то и дело, Гэри.

— Верно. Один шанс из четырех за то, что человечество уничтожит себя. Дэниел, я понимаю, почему ты ищешь чего-то лучшего. Ты вынужден делать все, что в твоих силах, чтобы повысить вероятность выигрыша. Во-первых, ты потребовал создания тайного общества менталиков, чтобы помочь руководить Первой Академией. Но это позволило увеличить шансы лишь на несколько процентов. Хуже того, оно поставило перед нами новые проблемы. Например, неприязнь простого народа к новой аристократии телепатов. И воз-

можность появления менталиков-мерзавцев.

Гэри поднял обе руки.

— Так что же? Выбора нет? Либо смертельная битва с хаосом, либо постоянный правящий класс мутантов. Неудивительно, что ты в конце концов решил создать третий вариант! Неудивительно, что так упорно работал над Гайей, которая могла бы заменить План Селдона.

Когда Дэниел ответил, в его голосе звучали глубокое уважение и сочувствие.

— Гэри, твоя работа все еще имеет огромное значение. Следующие несколько веков человечество нужно будет чем-то занять.

— Занять? Ты хочешь сказать «отвлечь», не правда ли? Члены моей Академии будут считать себя дерзкими исследователями, держащими в руках судьбу человечества, собственными усилиями и с помощью законов истории завоевывающими лучшее будущее. А затем появишься ты и представишь им свой проект. Уже одобренный тем парнем, который «знает все».

— Человеком, который всегда прав, — поправил Дэниел. Гэри махнул рукой.

— Без разницы. Дэниел вздохнул.

— Я понимаю твои опасения, Гэри. Но подумай о долгосрочной перспективе. А вдруг в других

Галактиках есть существа, подобные мемам, с которыми мы столкнулись на Тренторе? А вдруг они окажутся более могущественными? А вдруг они уже ассимилировали все жизненные формы в своей Галактике и сейчас движутся нам навстречу? Эта внешняя сила станет страшной угрозой человечеству. Мы будем уверены, что вы выживете, только тогда, когда все люди станут единым, могучим и спаянным суперорганизмом — Галаксией!

Гэри захлопал глазами.

— Надуманный сценарий. Или как минимум очень отдаленная перспектива.

— Возможно. Но могу ли я отвергнуть такую возможность? Я подчиняюсь Нулевому Закону и обещанию, данному Элайджу Бейли, защищать вас всех, чего бы это мне ни стоило! Любой ценой! — Р. Дэниел Оливо сделал шаг вперед и поднял руку к небу. — Гэри, вспомни еще и о том, что каждая человеческая душа окажется в контакте со всеми остальными! Новые знания будут мгновенно становиться всеобщим достоянием. Каждая птица, животное, насекомое объединятся в одну огромную единую сеть. Наступят блаженство и взаимопонимание, о которых мечтали древние мудрецы. И на это уйдет вдвое меньше

времени, чем потребуется твоей Академии, чтобы вступить в последнюю битву с хаосом!

— Да, это впечатляет, — согласился Гэри. — И все же мой разум и моя душа остаются с Терминусом, на другом конце Галактики. Маленьким мирком, очень похожим на этот… на бедную израненную Землю. Говори что хочешь, Дэниел, но все шансы на их стороне. Сходятся все факторы. Вероятность очень высока…

— Семидесяти процентов недостаточно.

— Неужели ты не дашь им хотя бы попробовать?

— Гэри, даже если они и прорвутся на эту мифическую другую сторону, ты не знаешь, какого вида общество они построят потом! Ты сам признаешь, что в этой точке социоуравнения начинают трещать по всем швам. Ладно, допустим, что твоя Академия сможет победить хаос и достигнет великой новой мудрости, но что потом? Как быть со следующим кризисом? О дальнейшем психоистория молчит. Мы с тобой оба слепы. Мы не имеем представления о том, что будет дальше. И возможности помочь или защитить их.

Гэри кивнул.

— Эта неопределенность… эта невозможность предсказать… была ужасом всей моей жизни.

Именно с ней я и воевал и именно поэтому всегда тянулся к тебе, Дэниел. И только сейчас, когда мой конец недалек, я увидел в ней странную красоту… Человечество похоже на чудовищно искалеченного ребенка, который вынужден всю жизнь оставаться в теплой, уютной и безопасной детской. Дэниел, ты можешь расходиться с кельвинистами во многом. Но и ты и они предлагают лечить нашу коллективную травму с помощью амнезии, тусклого забвения, которое может исчезнуть в любой момент, как только вы, наши защитники, решите раздвинуть шторы и распахнуть дверь. Однако вы никогда этого не сделаете. Если бы не хаос, такое обращение с нами было бы чудовищным преступлением. Но даже с учетом хаоса всему должен быть предел! Должен настать момент, когда ребенка спускают с привязи и позволяют самому делать выбор! Смотреть в лицо будущему! — Гэри улыбнулся. — Мы можем только надеяться, что наши наследники будут лучше нас. Нельзя требовать, чтобы они были совершенством. Потомкам придется самостоятельно решать встающие перед ними проблемы. По очереди.

Дэниел какое-то время смотрел на друга, а потом отвел взгляд.

— Ты можешь в конце жизни прийти к такому выводу, но я запрограммирован более жестко. Я не имею права ставить под угрозу существование человечества.

— Понимаю. Но подумай сам, Дэниел. Если бы Элайдж Бейли сейчас оказался здесь, ты не думаешь, что он захотел бы воспользоваться возможностью?

Робот не ответил. Снова наступило молчание, и это вполне устраивало Гэри. Он любовался уравнениями на фоне звезд и продолжал чего-то ждать.

Того, что он мельком видел раньше.

Внезапно несколько плававших в воздухе факторов перешли на новую орбиту и соединились в узор, который существовал только в его мозгу. Такой формулы не было ни в одной версии Главного Радианта. Возможно, она была галлюцинацией старого человека. Или суммой всего нового, чему он научился во время своего последнего приключения.

Как бы то ни было, она заставила Селдона улыбнуться.

«Ах, это снова ты? Ты настоящая? Или всего-навсего воплощение жадной мечты?"

Все возвращается к своему началу.

Гэри посмотрел на Дэниела, не сомневаясь в том, что это самая благородная личность, которую он когда-либо знал. После двадцати тысяч лет, отданных борьбе за благо человечества, робот оставался несломленным, целеустремленным и решительно ведущим своих хозяев к пункту назначения, где все живут хорошо, мирно и счастливо. «Конечно, он сдержит свое обещание. Я непременно увижу свою любимую жену. В последний раз».

Гэри, женатый на женщине-роботе, испытывал симпатию к Зорме и Клодии, которые стремились к более тесному союзу между двумя расами. Возможно, через много веков их подход объединился бы с другими и дал обильные всходы. Но сейчас их планы и надежды были неактуальны. Сейчас реальные шансы на успех имели только два варианта. С одной стороны, Галаксия Дэниела… а с другой — мерцающая фигура, которая плыла в небе над головой Гэри.

— Наши дети могут удивить нас, Дэниел, — сказал он, прерывая долгое молчание.

Немного подумав, друг-робот повторил:

— Дети… Ты имеешь в виду потомков тех, кто сослан на Терминус?

Гэри кивнул.

— Через пять веков плюс-минус несколько лет начиная с сегодняшнего дня они уже будут другими людьми — дотошными, привередливыми, гордыми как своей цивилизацией, так и своей индивидуальностью. Ты сможешь одурачить большинство роботов своим «человеком, который всегда прав», но я сомневаюсь, что многие члены Академии смирятся с этим.

— Знаю, — откликнулся Дэниел, в голосе которого звучала боль. — Близорукие будут сопротивляться объединению в Гайю. Возникнет паника, возможно, даже насилие. Но на конечном итоге это не отразится.

Гэри улыбнулся в ответ.

— Дэниел, кажется, ты не совсем понимаешь. Тебе следует бояться не сопротивления. Наоборот, величайшей угрозой твоему плану станет некий странный способ его принятия.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот что. Почему ты так уверен, что все и вся ассимилирует именно твоя Гайя? Возможно, культура этой будущей Академии будет такой сильной, такой разнообразной и открытой, что они просто впитают твое нововведение, дадут Гайе права гражданства, а затем двинутся к еще более великим свершениям.

Дэниел уставился на Гэри.

— Я… не могу себе такого представить.

— По этому закону развивалась жизнь с тех пор, как выбралась из воды на сушу. Простое становится частью сложного. При всей их силе и мощи Гайя — и Галаксия — простые существа. Возможно, их красота и сила станут частью чего-то большего. Более разнообразного и величественного, чем ты можешь себе представить.

— Я не могу охватить этого. Это слишком рискованно. Где гарантия, что…

Гэри засмеялся.

— Ох, мой дорогой друг! Мы оба всегда были помешаны на предсказуемости. Но все же тебе следовало понять, что Вселенная — не наша собственность и что командовать ею мы не имеем права.

Телесная слабость не помешала Гэри выпрямиться в подвесном кресле.

— Вот что я скажу тебе, Дэниел… Давай заключим пари.

— Пари? Гэри кивнул.

— Если ты по-прежнему стоишь на своем и считаешь, что Гайя ассимилирует все и в конце концов станет огромной единой Галаксией, скажи мне вот что: сохранится ли потребность

в книгах?

— Конечно, нет. По определению все члены коллектива будут почти одновременно знать все то, что знают другие. Книги в любой форме являются средством обмена информацией между отдельными разумами.

— Ага… И эта ассимиляция должна будет закончиться через шестьсот лет? В крайнем случае — через семьсот?

— Допустим.

— С другой стороны, предположим, что прав я. Представь себе, что моя Академия сильнее, мудрее и прочнее, чем твоя, Ванды и всех твоих роботов. Возможно, она разобьет тебя, Дэниел. Они могут решить отвергнуть внешнее влияние со стороны роботов, людей-менталиков и даже премудрого космического разума. А может, они примут Галаксию как чудесный дар, встроят ее в свою культуру и двинутся дальше. При этом людское разнообразие и индивидуализм сохранятся в той или иной форме. И тогда сохранится потребность в книгах! Возможно, даже в «Галактической Энциклопедии».

— Но я думал, что «Энциклопедия» была только военной хитростью, чтобы основать Академию именно на Терминусе.

Гэри помахал рукой.

— Ничего подобного! Энциклопедии будут, хотя, возможно, не сразу. Но вопрос, который составляет предмет нашего пари, заключается вот в чем: будут ли существовать издания «Галактической Энциклопедии», выпущенные в свет через тысячу лет начиная с сегодняшнего дня?! Если твой план с Галаксией в ее простейшей форме окажется успешным, через тысячелетие не будет ни энциклопедий, ни книг вообще. Но если прав я, Дэниел, люди все еще будут создавать и публиковать своды знаний. Они смогут передавать с помощью ментальной энергии огромное количество мыслей и интимных переживаний — вроде того, как сейчас люди пользуются голопроекторами. Кто знает? И в то же время они будут сохранять индивидуальность и связываться друг с другом старомодными способами… Дэниел, если я прав, Энциклопедия будет процветать… вместе с нашими детьми… и моей первой любовью. Академией.

Гэри Селдон замолчал, погрузился в раздумья, и Р. Дэниел Оливо не стал ему мешать.

Скоро на осыпающийся холм из щебенки, оставшейся от прошлых человеческих цивилизаций, поднимется его внучка Ванда, заберет

Гэри и полетит с ним на Трентор… где он, может быть, воссоединится с той, о которой так тосковал. Но в этот последний момент Селдон не мог отвести глаз от зрелища, раскинувшегося над его головой, — галактического ландшафта, на фоне которого пламенели его любимые уравнения. Он смотрел на испещренное радиацией небо и приветствовал хаос, своего давнего врага. «Наконец-то я узнал тебя, — думал он. — Ты тигр, который привык охотиться на нас. Ты — зимняя стужа. Ты — лютый голод… внезапное предательство… или болезнь, которая набрасывается без предупреждения и заставляет нас кричать: „Почему?“ Ты — все проблемы, которые встают перед человечеством и которые человечество решает, с каждым триумфом становясь немного сильней и мудрей. Ты — испытание нашей уверенности в себе… нашей стойкости и умения преодолевать себя. Я был прав, сражаясь с тобой… и все же без твоего сопротивления человечество было бы ничем и никогда не узнало бы вкуса победы».

Теперь Селдон понимал, что хаос был той почвой, из которой вышли его уравнения. Так же, как и сама жизнь. Возмущаться не имело смысла. Скоро его молекулы присоединятся к хаосу и примут участие в его вечном танце.

Но там, наверху, среди звезд, еще жила мечта всей его жизни.

«Мы узнаем. Мы поймем и преодолеем все преграды, которые держали нас в тюрьме.

И в свое время станем более великими, чем могли себе представить».

Уведомление

Среди «специалистов по Азимову», чьими мудрыми советами мы пользовались, были профессор Дональд Кингсбери, Джеймс Ганн, Джозеф Миллер, Дженнифер Брел, Атилла Торкош, Алехандро Риверо и Уэй-Хва Хуан. Ценные замечания сделали Стивен Джонс, Марк Розенфельдер, Стейнн Сигурдссон, Джой Крисп, Рубен Краснопольский, Г. Свенсон, Сиан Хуан, Фредди Хансен, Майкл Уэстовер, Кристиан Райхардт, Мелвин Леок, Дж. В. Пост, Бенджамен Фримен, Скотт Мартин, Роберт Харт, Анита Голд, Джозеф Кук, Альберто Монтейро, Р. Сейрс, Н. Кноуф, А. Файкин, Майкл Хохберг, Адам Блейк, Джимми Фанг и Дженни Айве. Сара Швейгер и Боб Швейгер были внимательными и добросовестными редакторами. Кроме того, я признателен Джанет Азимов, Джону Дугласу, Джону Вичинанзе и особенно Черил Брайхем, искусному корректору, позволившему избежать множества опечаток,

руки которой заменяли мои в минуты кризисов и которая поддерживала во мне жизнь, когда я чувствовал себя беспомощным роботом.

Цитата, касающаяся «Евангелия Единообразия», приведенная в части 6, заимствована из книги Альфреда Норта Уайтхеда «Наука и современный мир» (1925).

Послесловие

Нелегко писать о Вселенной, которая придумана другим (в данном случае блестящим) писателем. Особенно если этого писателя, увы, больше нет на свете и с ним нельзя посоветоваться ни с помощью письма, ни по телефону, ни сидя за кружкой пива. Приходится изучать его книги, чтобы придумать новый эпизод, написанный в том же ключе, что и сам роман, и добавлять свежие мысли, которые могли бы доставить удовольствие ему, если бы он мог их прочитать. В данном случае все три автора «Второй Академии» — Грег Вир, Грегори Бенфорд и я — считали себя обязанными следовать логике Вселенной, придуманной Айзеком Азимовым, и добавить ключевой элемент хаоса — страшной душевной болезни, поразившей все человечество. Айзек оставил много намеков для данной книги, что позволило нам сохранить единство с его более

ранними работами. Более того, хаос объясняет наиболее характерную черту его истории будущего — амнезию, которая поражает квадриллионы людей в сотнях поколений.

Я мог бы многое рассказать о причинах, которые заставили меня написать эту книгу так, как я ее написал, но удержусь от дальнейших комментариев, ограничившись только одним: я не считаю историю Гэри Селдона законченной! Как обычно делал сам Айзек, я оставил в «Триумфе Академии» намеки, которыми в один прекрасный день при желании могут воспользоваться другие. Больше всего таких намеков содержалось в двух нарочито туманных страницах, которые я подумывал включить в эпилог данной книги. Но по зрелом размышлении я не стал мутить воду и решил при случае вставить их куда-нибудь еще, поскольку они не имеют прямого отношения к «Триумфу Академии», а представляют собой перечисление событии, которые произошли позже.

Включение шуточного эпиграфа про «бесконечную застольную беседу о судьбе человечества» вызвано тем, что мы действительно собираемся сунуть нос в будущее. Изучать его с помощью экспериментов и фантазии. Обнаруживать ошибки, чтобы избегать их. И раскрывать возможности,

которыми смогут даром воспользоваться наши внуки.